

научно-просветительский журнал

СКЕПСИС

свобода начинается с сомнения

СОВРЕМЕННЫЙ МИР
И ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ
ЕГО РАЗВИТИЯ

ТЕМА НОМЕРА:

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ, «АНТИГЛОБАЛИСТЫ», НЕОЛИБЕРАЛИЗМ

НЕОЛИБЕРАЛИЗМ:
новая фаза капитализма
«АНТИГЛОБАЛИСТЫ»:
ликбез

чем плоха
**СЫРЬЕВАЯ
ЭКОНОМИКА?**

ЛЕВЫЙ ПОВОРОТ НАПРАВО
критики глобального капитализма
могут оказаться по одну сторону
с его апологетами

«Глобализация» — слово удобное, обтекаемое. Скажите его — и сразу возникнут приятные ассоциации: становятся прозрачными государственные границы — и вы можете закончить школу в Москве, институт — в Англии, а работать — в штате Иллинойс; развивается интернет — и вы общаетесь с коллегой из Новой Зеландии в реальном времени, не выходя из своей рязанской квартиры, или можете играть на бирже, лёжа на дачном шезлонге. В общем, глобализация — это почти как коммунизм, только уже здесь и сейчас.

Это слово повторяют почти все, но ясно понимают немногие. Почти десять лет назад одна группа исследователей констатировала: «Глобализации грозит опасность превратиться в расхожее клише нашего времени, стать расплывчатой идеей, которая охватывает всё — от мировых финансовых рынков до интернета, — но которая мало что даёт для понимания современных условий человеческого существования». Но именно эта расплывчатость идеологически востребована — понятие глобализации призвано скрыть вопиющие противоречия современного мирового порядка. Зато если взять эти противоречия за основу анализа — прекрасная картинка из телящика неминуемо меркнет. А сейчас, когда глобальный мир охвачен кризисом, даже телящик иногда заставляет призадуматься. Дежурные «аналитики» настойчиво — но немного нервно — объясняют, что всё идет по плану и кризис только «оздоравливает» (любимое слово!) экономику, а тем временем крупнейший финансист и спекулянт Сорос пророчит возможный крах капитализма и американской гегемонии.

Последние годы, названные эпохой глобализации, не войдут в историю как годы процветания — отнюдь. Они будут изучаться (если будет кому изучать) как время кровавых локальных войн, растущей нищеты «третьего мира», кризиса западного «среднего класса»; как время, когда прогресс технологий и финансовые спекуляции принесли чудовищные прибыли десяткам тысяч и отправляли на социальное дно — или на тот свет — сотни миллионов.

Не станет исключением и начавшийся кризис: уже активно продавливаются планы, в соответствии с которыми потери финансовых спекулянтов будут возмещать за счет обычных граждан и должников из бедных стран. Виноват в этом не заговор американских масонов или олигархов, не исламские фундаменталисты и даже не гнусные Буш или Путин. За хорошим, но неясным словом «глобализация» стоит гораздо менее приличное — неолиберализм. Он заявляет: товаром на рынке должны стать образование и культура, индустрия и финансы, информация и идеи, — и всё должно приносить прибыль; политическая свобода — следствие рынка, нет рынка — нет и свободы; рынок решает всё, в конкуренции побеждает сильнейший — и горе проигравшим.

Правда, на деле оказывается, что «некоторые равнее других» и преимущества в конкуренции распределены заранее. «Элиты» должны объединяться и богатеть, любое вмешательство «ограничивает их свободу», а это значит: социалисты, интернационалы, профсоюзы, левые правительства, сторонники социального обеспечения — должны уйти в прошлое. Как уйти? Спросите у Тэтчер, Буша, Блэра — или у Пиночета.

Интернационал капиталистов снова — как и в 1914 году — оказался сильнее. И если вы не уверены, что рынок дает нам свободу, вас будут убеждать ВТО и МВФ со своими санкциями, а в крайних случаях — американские ВВС и морская пехота.

Свобода?

Сегодня стало очевидным, насколько «рационально» рынок и его пророки способны решать что бы то ни было. Что же взамен? Неужто вновь — Маркс?

Конечно, не капээсэсовский Маркс, не истмат «Краткого курса» и не диамат имени т. Сулова. К сожалению, в России до сих пор приходится объяснять, что марксистская теория и сталинско-брежневский официоз — это противоположные вещи. Что именно марксисты стали первыми исследователями сталинской диктатуры и борцами с ней, что теория марксизма развивалась за границами СССР (и даже внутри — под тяжелейшим спудом цензуры и двоемыслия), и без неё невозможно представить общественные науки, наконец, что во время каждого экономического кризиса «Капитал» приносит прибыль своим издателям.

Маркса много — почти весь XX век — ругали за преувеличение роли пролетариата и утверждение о тенденции к обнищанию рабочего класса. Трудно отрицать, что в XX веке рабочий класс изменился. Однако именно сейчас мы видим наяву предсказанное Марксом: индустриальный рабочий класс, переместившись из Западной Европы и США, на самом деле растёт в численности и на самом деле — беднеет. Все больше стран «третьего мира», которые ещё недавно принято было называть развивающимися (сейчас это слово не повторяют — как-то неудобно), поворачиваются спиной к либеральной экономике и лихорадочно ищут альтернативу, пока мировой жандарм занят с другими. И уже в «первом мире», странах «золотого миллиарда», многие задумываются и решаются выступить против диктатуры рынка и корпораций, которая на проверку оказывается ничем не лучше политической диктатуры, а зачастую прекрасно с ней сочетается.

Необходимо оговорить: этот номер почти весь посвящен прежде всего ситуации за границами России. К сожалению, и «реформированная» система образования, и местечково-попсовые СМИ дают всё меньше возможностей для кругозора, без которого не понять ни того, что происходит внутри страны, ни того, что творится в мире. Внимательный читатель легко сделает выводы из теоретических текстов и подборок фактов и найдёт закономерности, схожим образом проявляющиеся, скажем, в Латинской Америке — и в России. Глобализация всё-таки делает своё дело.

У некоторых может возникнуть подозрение, что «Скепсис» просто предлагает ещё один набор клише взамен других. Что вообще вся социальная критика глобализации — это уже практически набор банальностей и штампов. — Во-первых, клише левого толка для нас ничуть не лучше правых. Поэтому под удар скепсиса попадают не только апологеты свободного рынка, но и, к примеру, кумиры многих левых — знаменитые Хардт и Негри. Мы противопоставляем им иные, старательно игнорируемые концепции — и бескомпромиссное следование фактам. А во-вторых, может ли вообще правда — быть банальной? Если неолиберализм на самом деле несёт то, о чём говорят его критики, остаётся только признать факты и искать выход. Ещё в 1940 г. Бертольд Брехт в «Разговорах беженцев» привёл диалог:

Циффель.

Итак, вы считаете, что Гитлер мог бы составить из 12 апостолов вполне приличный отряд эсэсовцев?

Калле.

Получить прибыль можно, только пуская в ход все средства.

Циффель.

То есть во всем виноват капитализм — это же банальность.

Калле.

К сожалению, это вовсе не банальность.

К сожалению, это вовсе не банальность.

СКЕПСИС 2008

НОВЫЙ ОРГАН

6 **СОВРЕМЕННЫЙ МИР И ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ЕГО РАЗВИТИЯ**

ЮРИЙ СЕМЁНОВ

Почему на данный момент сложилась ситуация глобальной классовой борьбы и по каким сценариям она может развиваться? Какое место занимает в них Россия?

ДЕТЕКТОР ЛЖИ

14 **«АНТИГЛОБАЛИСТЫ»: ЛИКБЕЗ**

АЛЕКСАНДР ТАРАСОВ

Кого только не называют этим словом, которое совершенно не раскрывает сути движения, им обозначенного! Чем недовольны эти люди, за что они борются? Как проходит эта борьба и как она отражается СМИ? Что происходит с «антиглобалистами» сейчас?

23 **АФИНЫ: ЕВРОПЕЙСКИЙ «АНТИГЛОБАЛИЗМ» В ТУПИКЕ**

АЛЕКСАНДР ТАРАСОВ

Оказывается, образцовый беспорядок, до смешного нелепый, — характерная черта не только отечественного левого движения, но и западного «антиглобализма».

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА «СКЕПСИС»

Сергей Соловьёв — главный редактор
Александр Аверюшкин
Нина Дмитриева
Михаил Дрёмов
Дмитрий Субботин
КОРРЕКТУРА: Михаил Дрёмов, Евгения Спасская
ДИЗАЙН И ВЕРСТКА: Евгения Спасская

ПОДДЕРЖКА САЙТА: Алексей Москвин,
Иван Харламов

АДРЕС РЕДАКЦИИ: journal@skepsis.ru

4

ДЕТЕКТОР ЛЖИ

32 **ЧЕМ ПЛОХА СЫРЬЕВАЯ ЭКОНОМИКА?**

ВЛАДИСЛАВ КЛОЧКОВ

Когда «правые» и прочие поклонники нынешней власти отвечают на вопрос «как нам слезть с нефтяной иглы?», у них неизменно выходит ответ: «а зачем с нее слезать, ведь и так все хорошо!» Заявляя, что хорошо всем, они знают: сырьевая ориентация российской экономики выгодна только незначительному меньшинству. А то, что она же служит одним из источников социальных проблем — об этом они приучены молчать.

44 **ПОЧЕМУ АВТОМОБИЛЬ ЕДЕТ ТОЛЬКО ЗАДНИМ ХОДОМ? Глобализация в сладких мечтах неолиберала и на самом деле**

СЕРГЕЙ ЕРМОЛАЕВ

Многие искренне верят, что можно найти положительные стороны в глобализации и оправдать её разрушительные последствия за их счёт, — в том числе и «серьёзные специалисты».

56 **ТЕОРИЯ МОДЕРНИЗАЦИИ, ВИД ОРУЖИЯ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ**

АЛЕКСАНДР ТАРАСОВ

59 **ЧЕТВЁРТАЯ ВОЛНА. О новом цикле социально-политического развития Латинской Америки. Взгляд слева**

КИВА МАЙДАНИК

78 **АЛЬТЕРГЛОБАЛИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ (1994 – 2007) Истоки, история, итоги развития**

АНДРЕЙ ПЯТАКОВ

Улица в Бангкоке. Фотография: Bea Symington (<http://flickr.com/photos/beasy/>)

ПЕРЕВОДЫ

- 84** СТРУКТУРА ЗАВИСИМОСТИ
ТЕОТОНИУ ДУС САНТУС
Почему «развивающиеся» страны при нынешнем ходе дел останутся вечно развивающимися?

- 91** НЕОЛИБЕРАЛИЗМ: НОВАЯ ФАЗА
КАПИТАЛИЗМА
ФРЕЙ БЕТТО
Прежде система оценивала труд как фактор, придающий человеку достоинство, обеспечивающий благополучие. Теперь правильным считается зарабатывать деньги на спекуляциях, жить на ренту, наслаждаться жизнью, не трудясь. Для СМИ самые счастливые — это самые праздные.

ПЕРЕВОДЫ

- 95** «ГЛОБАЛЬНАЯ ЕВРОПА — КРЕПКОЕ
ПАРТНЁРСТВО ДЛЯ ОТКРЫТИЯ
РЫНКОВ ЕВРОПЕЙСКИМ
ЭКСПОРТЁРАМ»
АНЕТТА ГРОТ

ПЕРЕВОДЫ

- 98** МИГРАЦИЯ, ТОРГОВАЯ ПОЛИТИКА
И ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В ЕВРОПЕ
АНЕТТА ГРОТ

- 102** ЗАМЕТКИ О ГЛОБАЛИЗАЦИИ,
ЭКОНОМИКЕ И КУЛЬТУРНОЙ
ИДЕНТИЧНОСТИ
ХУЛИО КАРРАНСА ВАЛЬДЕС

- 105** КНИГОИЗДАТЕЛЬСКАЯ ИНДУСТРИЯ
И КУЛЬТУРА ЧТЕНИЯ
МАЙЯ БРЕЗНИК

ПЕРЕВОДЫ

- 113** НЕРАВЕНСТВО В ДОХОДАХ НА
МИРОВОМ РЫНКЕ И БУДУЩЕЕ
СОЦИАЛИЗМА
ДЖОВАННИ АРРИГИ

БЕС КОММЕНТАРИЕВ

- 130** ТЕРРОРИЗМ, ВОЙНА И МИР
ЮРГЕН ШТОЛЬЦЕНБЕРГ

- 136** ЛЕВЫЙ ПОВОРОТ НАПРАВО
*Критики глобализации могут
оказаться по одну сторону с его
апологетами*
СЕРГЕЙ ЕРМОЛАЕВ

- 142** СВОБОДА ВЫБОРА: ИДЕОЛОГИЯ,
ПОЛНАЯ ПРЕИМУЩЕСТВ
ОЛЬГА ФЕДОТОВА

- 146** Г-Н ФЕРГЮСОН, ПЛАМЕННЫЙ
ФАЛЬСИФИКАТОР
АЛЕКСАНДР ТАРАСОВ

РЕГРЕССАНС

- 154** КОРИЧНЕВЫЙ СЛЮНЯВЧИК ДЛЯ
МАЛЬЧИКА-МАЖОРА
ИЛЬЯ СМИРНОВ

- 162** АВТОРЫ И ПЕРЕВОДЧИКИ

© Все материалы номера, кроме особо оговорённых случаев, подготовлены специально для журнала «Скепис». Использование статей без ведома авторов и редакции невозможно. При цитировании и перепечатке ссылка на журнал обязательна.

ISSN 1683-5573
Научно-просветительский журнал «Скепис»
Тираж 1000 экземпляров

Для обложки использованы фотографии из архива ВВС

Журнал зарегистрирован в Министерстве Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовой коммуникации
Свидетельство о регистрации №77-12373 от 12 апреля 2002 г.
Издание осуществляется редакцией журнала

СОВРЕМЕННЫЙ МИР И ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ЕГО РАЗВИТИЯ

Фотографии: Dave Blume (<http://www.daveblumenkrantz.com/>)

Иллюстрации: Benjamin Heine (<http://benheine.com/>)
Carlos Latuff (<http://latuff.com/>)

Современный мир (под которым я здесь подразумеваю, конечно, только общество, но не природу) — продукт длительного предшествующего развития. Поэтому его нельзя понять, не обратившись к истории человечества. Хотя обращение к истории сможет помочь только в том случае, если руководствоваться правильным общим подходом к ней. Я — приверженец унитарно-стадиального взгляда на всемирную историю, согласно которому она представляет собой единый процесс поступательного развития, в ходе которого сменяют друг друга стадии, имеющие мировое значение. Из всех существовавших и существующих ныне унитарно-стадиальных концепций наиболее соответствует исторической реальности теория общественно-экономических формаций, входящая в качестве необходимого момента в марксистское материалистическое понимание истории (исторический материализм). В ней основные типы общества, представляющие собой одновременно и стадии его всемирного развития, выделены по признаку социально-экономической структуры, что и дало основание называть их общественно-экономическими формациями. Сам К. Маркс считал, что в истории человечества уже сменились пять общественно-экономических формаций: первобытно-коммунистическая, «азиатская», античная (рабовладельческая), феодальная и капиталистическая. Его последователи «азиатскую» формацию нередко опускали. Но независимо от того, фигурировали ли в картине сменя стадий всемирноисторического развития

четыре или пять общественно-экономических формаций, чаще всего считалось, что эта схема является моделью развития каждого конкретного отдельного общества. т. е. социоисторического организма (социора), взятого в отдельности. В такой интерпретации, которую можно назвать линейно-стадиальной, теория общественно-экономических формаций вступала в противоречие с исторической реальностью.

Но возможен и взгляд на схему развития и смены общественно-экономических формаций как на воспроизведение внутренней необходимости развития не каждого социоисторического организма, взятого в отдельности, но только *всех* существовавших в прошлом и существующих сейчас социоисторических организмов, вместе взятых, т. е. лишь человеческого общества в целом. В таком случае человечество выступает как единое целое, а общественно-экономические формации прежде всего как стадии развития этого единого целого, а не социоисторических организмов, взятых в отдельности. Такое понимание развития и смены общественно-экономических формаций можно назвать глобально-стадиальным, глобально-формационным.

Глобально-стадиальное понимание истории с необходимостью предполагает исследование взаимодействия между отдельными конкретными обществами, т. е. социоисторическими организмами, и их различного рода системами. Существовавшие в одно и то же время рядом друг с другом социоисторические ор-

ганизмы всегда так или иначе влияли друг на друга. И нередко воздействие одного социоисторического организма на другой приводило к существенным изменениям в структуре последнего. Такого рода влияние можно назвать социорной индукцией. Было время в истории человечества, когда все социоисторические организмы принадлежали к одному типу. Затем всё более резко стала проявляться неравномерность исторического развития. Одни общества уходили вперед, другие продолжали оставаться на прежних стадиях развития. В результате начали существовать разные исторические миры. Это особенно стало заметно при переходе от общества доклассового к обществу цивилизованному. Первые цивилизации возникли как острова в море первобытно-общинного строя. Всё это делает необходимым чётко отличать передовые социоисторические организмы и отставшие в своем развитии. Я буду называть высшие для данного времени социоисторические организмы *супериорными* (от лат. «super» — «сверх, над»), а низшие — *инфериорными* (от лат. «infra» — «под»). С переходом к цивилизации супериорные организмы обычно существовали не в одиночку. По крайней мере, значительная часть их, а в последующем и все они, вместе взятые, образовывали целостную систему социоисторических организмов, которая была центром всемирно-исторического развития. Эта система была мировой, но не в том смысле, что охватывала весь мир, а в том, что её существование сказывалось на всем ходе мировой истории. Все остальные организмы образовывали историческую периферию. Эта периферия подразделялась на зависимую от центра и не зависимую от него. Из всех видов социорной индукции самый важный для понимания хода истории — воздействие организмов супериорных на организмы инфериорные. Это — *социорная супериндукция*. Она могла приводить к различным результатам. Один из них состоял в том, что под влиянием социоисторических организмов высшего типа социоисторические организмы низшего типа преобразовывались в организмы такого же типа, что воздействующие на них, то есть подтягивались к их уровню. Этот процесс можно назвать *супериоризацией*. Но влияние супериорных социоисторических организмов могло привести и к тому, что инфериорные социоисторические организмы делали шаг, с одной стороны, вперед, а с другой, вбок. Такой результат воздействия супериорных социоисторических на инфериорные можно назвать *латерализацией* (от лат. «lateralis» — «боковой»). Как следствие возникали своеобразные социально-экономические типы обществ, которые не были стадиями всемирно-исторического развития. Их можно назвать *общественно-экономическими параформациями*. Новое время, начавшееся на грани XV и XVI веков, характеризуется становлением и развитием капиталистического способа производства. Капитализм спонтанно, самопро-

извольно, без внешнего воздействия возник только в одном месте земного шара — в Западной Европе. Возникшие буржуазные социоисторические организмы образовали новую мировую систему. Развитие капитализма шло по двум направлениям. Одно направление — развитие *вглубь*: вызревание капиталистических отношений, промышленная революция, буржуазные революции, обеспечившие переход власти в руки буржуазии и т. д. Другое — развитие капитализма *вширь*.

Западноевропейская мировая система капитализма — первая из четырех мировых систем (ей предшествовали три: ближневосточная политарная, средиземноморская античная и западноевропейская феодально-бюргерская), которая своим влиянием охватила весь мир. С её появлением начался процесс интернационализации. Все существующие социоисторические организмы стали образовывать определённое единство — *всемирное историческое пространство*. Историческая периферия оказалась не только и не просто втянутой в сферу влияния нового исторического центра — мировой капиталистической системы. Она попала в зависимость от центра, стала объектом эксплуатации со стороны мировой системы капитализма. Одни периферийные страны полностью потеряли независимость и стали колониями Запада, другие, сохранив формально суверенитет, оказались в различных формах экономической — а тем самым и политической зависимости от него.

НЕВОЛЬНО НАПРАШИВАЛСЯ ВЫВОД, ЧТО РАНО ИЛИ ПОЗДНО ВСЕ СТРАНЫ СТАНУТ КАПИТАЛИСТИЧЕСКИМИ И ТЕМ САМЫМ ИСЧЕЗНЕТ РАЗЛИЧИЕ МЕЖДУ ИСТОРИЧЕСКИМ ЦЕНТРОМ И ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРИФЕРИЕЙ. НО ЖИЗНЬ ОКАЗАЛАСЬ СЛОЖНЕЕ, ОНА ПОЛОМАЛА ВСЕ ЛОГИЧЕСКИ СОВЕРШЕННО БЕЗУПРЕЧНЫЕ СХЕМЫ

В результате воздействия мирового капиталистического центра в страны периферии стали проникать капиталистические социально-экономические отношения, весь мир начал становиться капиталистическим. Невольно напрашивался вывод, что рано или поздно все страны станут капиталистическими, и тем самым исчезнет различие между историческим центром и исторической периферией. Все социоисторические организмы будут принадлежать к одному типу, будут капиталистическими. Этот вывод лег в основу возникших в XX в. многочисленных концепций модернизации (У. Ростоу, Ш. Эйзенштадт, С. Блэк и др.). В предельно чётком виде он был сформулирован в работах Ф. Фукуямы. Но жизнь оказалась сложнее, она поломала все логически совершенно безупречные схемы.

Исторический центр и историческая периферия сохранились и продолжают существовать до сих пор; хотя они, конечно, претерпели существенные изменения. Историческая периферия действительно постепенно начала становиться капиталистической, но всё дело в том, что во всех зависимых от западноевропейского мирового центра периферийных странах капитализм принял *форму иную, чем*

в странах центра. Этого долгое время не замечали. Долгое время считалось, что все особенности капитализма в периферийных странах связаны либо с тем, что они лишены политической независимости, являются колониями, либо с тем, что этот капитализм является ранним, ещё недостаточно развитым, незрелым.

Прозрение наступило лишь в середине XX в. Причём первоначально у экономистов и политических деятелей Латинской Америки. К этому времени страны Латинской Америки уже полтора века были политически независимыми, и капитализм в них никак не мог быть охарактеризован как первоначальный или ранний. Аргентинский экономист Р. Пребиш первым пришёл к выводу, что международная капиталистическая система достаточно чётко подразделяется на две части: центр, который образуют страны Запада, и периферию; и что капитализм, существующий в странах периферии, который он назвал периферийным капитализмом, качественно отличается от капитализма стран центра. В дальнейшем положение о существовании двух видов капитализма было развито в работах Т. Дус-Сантуса, Ф. Кардозу, Э. Фалетто, С. Фуртаду, А. Агиляра, Х. Алави, Г. Мюрдаля, П. Барана, С. Амина и других приверженцев концепции зависимости (зависимого развития). Ими было убедительно

ПЕРИФЕРИЙНЫЙ КАПИТАЛИЗМ ПРЕДСТАВЛЯЕТ СОБОЙ НЕ НАЧАЛЬНУЮ СТАДИЮ КАПИТАЛИЗМА, ХАРАКТЕРНОГО ДЛЯ СТРАН ЦЕНТРА, А ТУПИКОВЫЙ ВАРИАНТ КАПИТАЛИЗМА, В ПРИНЦИПЕ НЕ СПОСОБНЫЙ К ПРОГРЕССУ И ОБРЕКАЮЩИЙ ПОДАВЛЯЮЩЕЕ БОЛЬШИНСТВО НАСЕЛЕНИЯ ПЕРИФЕРИЙНЫХ СТРАН НА ГЛУБОКУЮ И БЕЗЫСХОДНУЮ НИЩЕТУ

показано, что периферийный капитализм представляет собой не начальную стадию капитализма, характерного для стран центра, а тупиковый вариант капитализма, в принципе не способный к прогрессу и обрекающий подавляющее большинство населения периферийных стран на глубокую и безысходную нищету.

К настоящему времени можно считать твёрдо установленным, что существуют два качественно отличных капиталистических способа производства: капитализм центра, который я предпочитаю называть *ортокапитализмом* (от греч. «ортос» — «прямой, подлинный»), и капитализм периферии — *паракапитализм* (от греч. «пара» — «возле, около»). Соответственно, наряду с ортокапиталистической общественно-экономической формацией в мире существует паракапиталистическая общественно-экономическая параформация. Таким образом, воздействие суперинформационных капиталистических социоисторических организмов на подавляющее большинство инфериорных докапиталистических социоисторических организмов имело своим результатом не суперинформацию последних, а их латерализацию.

В XIX—XX претерпел изменения и мировой центр. Он расширился как путем почкования (США, Канада, Австралии, Новой Зеландии), так и супериоризации (страны Северной Европы и Япония). В результате мировая ортокапиталистическая система стала называться не западноевропейской, а просто стала западной.

К началу XX в. В основном оформилось подразделение всемирного исторического пространства, совпадавшего с международной капиталистической системой, на два исторических мира: западную мировую ортокапиталистическую систему и страны периферии, в которых либо возникал, либо уже возник паракапитализм. Наряду с многими другими странами мира к началу XX в. В зависимую периферию вошла царская Россия. В ней возник паракапитализм.

Так как к началу XX в. капитализм в Западной Европе окончательно утвердился, то эра буржуазных революций для большинства её стран ушла в прошлое. Зато эпоха революций наступила для остального мира, в частности, для России. Эти революции обычно понимают как буржуазные. Но это неверно. Они качественно отличались от революций на Западе. Эти революции не были направлены против феодализма, ибо ни в одной периферийной стране, включая Россию, такого общественного строя никогда не существовало. Они не были направлены и против докапиталистических отношений, самих по себе взятых. Данные отношения в периферийных странах не противостояли капиталистическим, а находились в симбиозе с ними. И главным препятствием для развития этих стран были не докапиталистические отношения, а периферийный капитализм, включавший в себя в качестве необходимого момента докапиталистические отношения. Поэтому объективная задача этих революций заключалась в ликвидации периферийного капитализма, а тем самым и в уничтожении зависимости от центра. Будучи антипаракапиталистическими, эти революции с неизбежностью были и антиортокапиталистическими, были направлены против капитализма вообще.

Первая волна их пришлась на первые два десятилетия XX в.: революции 1905–1907 гг. В России, 1905–1911 гг. В Иране, 1908–1909 гг. В Турции, 1911–1912 гг. В Китае, 1911–1917 гг. В Мексике, 1917 г. снова в России. Октябрьская рабоче-крестьянская 1917 г. в России — единственная из всех, которая победила. Но эта победа состояла вовсе не в достижении цели, которую ставили перед собой руководители и участники революции — создания бесклассового социалистического, а затем и коммунистического общества. При тогдашнем уровне развития производительных сил Россия перейти к социализму не могла. Этот уровень с неизбежностью предполагал существование частной собственности. И в России после Октябрьской революции, уничтожившей и докапиталистические и капиталистические формы эксплуатации, с неизбежностью начался процесс становления частной собственности, эксплуатации человека века человеком и общественных классов. Но путь к капиталистическому классообразова-

нию был закрыт. Поэтому данный процесс приобрёл в стране иной характер.

Когда говорят о частной собственности, то обычно имеют в виду собственность отдельного человека, который может ею безраздельно пользоваться и распоряжаться. Это правовой, юридический подход. Но собственность в классовом обществе всегда есть явление не только юридическое, но и экономическое. Частная собственность как экономическое отношение есть такая собственность одной части общества, которая позволяет ей эксплуатировать другую (причём большую) его часть. Люди, которые составляют класс эксплуататоров, могут владеть средствами производства по-разному. Если они владеют ею каждый в отдельности, то это персональная частная собственность, если группами, то это групповая частная собственность.

И, наконец, собственником может быть только класс эксплуататоров в целом — но ни один из его членов, взятый в отдельности. Это — *общеклассовая частная собственность*, которая всегда принимает форму государственной собственности. Это обуславливает совпадение господствующего эксплуататорского класса с ядром государственного аппарата. Перед нами вновь тот самый способ производства, который Маркс когда-то назвал азиатским. Я предпочитаю именовать его *политарным* (от греч. «полития» — «государство») способом производства. Существует не один, а несколько политарных способов производства. Один из них — древнеполитарный — был основой общества на древнем, а затем и на средневековом Востоке, в доколумбовой Америке. Другие политарные способы производства периодически возникали в разных странах в различные исторические эпохи. В послеоктябрьской России, в Советском Союзе утвердился способ производства, который можно назвать *неополитарным*.

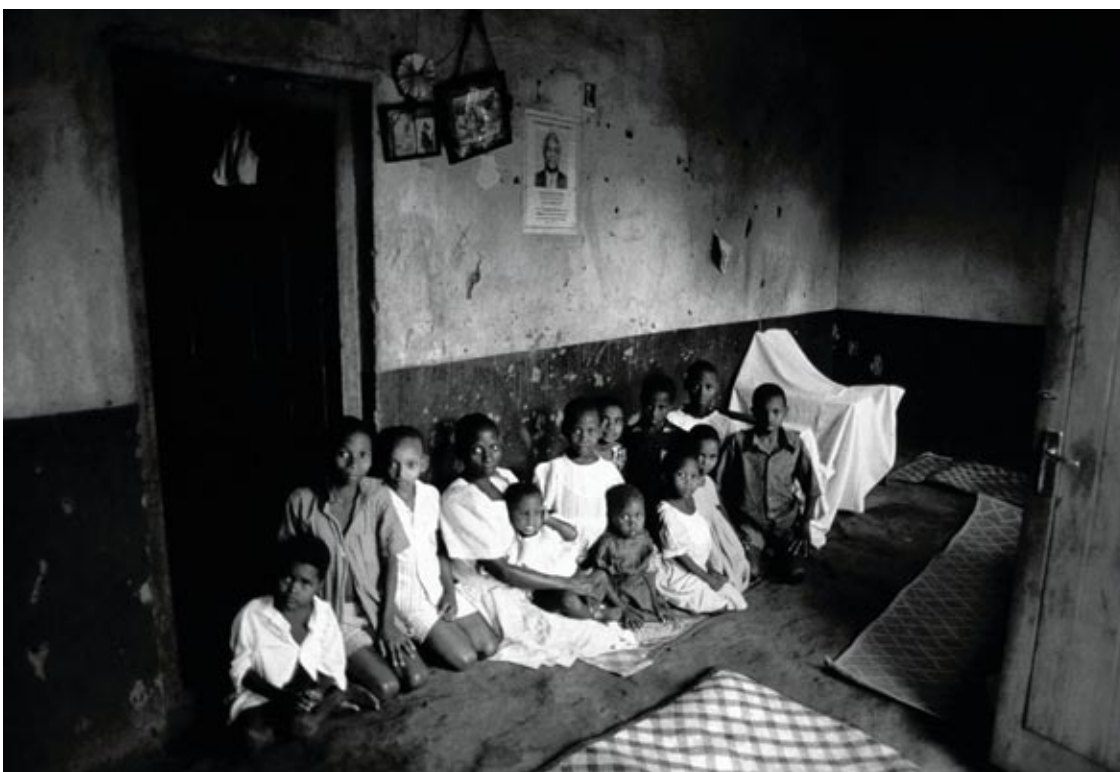
Если рассматривать Октябрьскую революцию 1917 г. как социалистическую, то с неизбежностью приходится признать, что она потерпела поражение. Вместо социализма в СССР возникло новое антагонистическое классовое общество — неополитарное. Но суть дела в том, что эта революция по своей объективной зада-

СУТЬ ДЕЛА В ТОМ, ЧТО РЕВОЛЮЦИЯ 1917 Г. ПО СВОЕЙ ОБЪЕКТИВНОЙ ЗАДАЧЕ БЫЛА ВО ВСЕ НЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ, А АНТИПАРАКАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ. И В ЭТОМ КАЧЕСТВЕ ОНА, БЕЗУСЛОВНО, ПОБЕДИЛА. БЫЛА УНИЧТОЖЕНА ЗАВИСИМОСТЬ РОССИИ ОТ ЗАПАДА, В СТРАНЕ БЫЛ ЛИКВИДИРОВАН ПЕРИФЕРИЙНЫЙ КАПИТАЛИЗМ, А ТЕМ САМЫМ И КАПИТАЛИЗМ ВООБЩЕ

че была вовсе не социалистической, а *антипаракапиталистической*. И в этом качестве она, безусловно, победила. Была уничтожена зависимость России от Запада, в стране был ликвидирован периферийный капитализм, а тем самым и капитализм вообще.

На первых порах новые производственные — неополитарные — отношения обеспечила быстрое развитие производительных сил в сбросившей путы зависимости от Запада России. Последняя из отсталого аграрного государства превратилась в одну из самых мощных индустриальных стран мира, что в последующем обеспечило СССР положение одной из двух сверхдержав. В результате второй волны антикапиталистических революций, происшедших в странах капиталистической периферии в 40-х годах XX в., неополитаризм распространился далеко за пределы СССР. Периферия международной капиталистической системы резко сузилась. Оформилась огромная целая система неополитарных социоисторических организмов, которая обрела статус мировой.

В результате на земном шаре впервые в истории человечества стали существовать две

мировые системы: неополитарная и ортокапиталистическая. Вторая была центром для периферийных паракапиталистических стран, которые вместе с нею образовывали международную капиталистическую систему. Такая структура получила выражение в ставшем привычным в 40–50-е годы XX в. подразделении человеческого общества в целом на три исторических мира: первый (ортокапиталистический), второй («социалистический», неополитарный) и третий (периферийный, паракапиталистический).

Возможность неополитарных производственных отношений стимулировать развитие производительных сил была довольно ограниченной. Они не могли обеспечить интенсификацию производства, внедрение результатов нового, третьего по счету (после аграрной и промышленной революций) переворота в производительных силах человечества — научно-технической революции (НТР). Стали падать темпы роста производства. Неополитарные отношения превратились в тормоз на пути развития производительных сил. Возникла необходимость в революционном преобразовании общества. Но вместо революции произошло контрреволюция.

Распался СССР. В самом большом его обрубке, получившем название Российской Федерации, и других государствах, возникших на развалинах этой страны, начал формироваться капитализм. По такому же пути пошло развитие большинства и других неополитарных стран. Исчезла мировая неополитарная система. Большинство бывших её членов стало интегрироваться в международную капиталистическую систему, причём во всех случаях в её периферийную часть. Почти все они, включая Россию, снова оказались в экономической и политической зависимости от ортокапиталистического центра. Во всех этих странах стал формироваться не просто капитализм, а *периферийный* капитализм. Для России это было ничем иным, как *реставрацией* положения, существовавшего до Октябрьской революции 1917 г. Реставрация произошла и в масштабах мира, взятого в целом. На земле снова стала существовать только одна мировая система — ортокапиталистическая. Она является историческим центром; все страны, не входящие в неё, образуют историческую периферию.

Однако полного возврата к прошлому не произошло. Все страны, за пределами западного центра являются периферийными, однако не все они находятся в зависимости от Запада. Кроме зависимой периферии существует *периферия независимая*. Из стран бывшей неополитарной мировой системы в неё входят Китай, Вьетнам, Куба, Северная Корея, до недавнего времени — Югославия, из числа других: Бирма, Иран, Ливия, до апреля 2002 г. — Ирак. Из стран, возникших на развалинах СССР, к независимой периферии принадлежит Белоруссия. Таким образом, мир разделен сейчас на четыре части: 1) западный ортокапиталистический центр; 2) старая зависимая периферия; 3) новая зависимая периферия; 4) независимая периферия. Но главное, что отличает современный мир, — это происходящий в нем процесс

глобализации. Если интернационализации — это процесс создания мировой системы социоисторических организмов, то глобализация — процесс возникновения одного единого социоисторического организма в масштабах всего человечества. Этот возникающий мировой социоисторический организм имеет своеобразную структуру — он сам состоит из социоисторических организмов. Аналогия — сверхорганизмы в биологическом мире, такие, например, как муравьи, термиты, рои пчёл. Все они состоят из обычных биологических организмов — муравьёв, термитов, пчёл. Поэтому, точнее всего, было бы говорить о процессе становления в современном мире *глобального социоисторического сверхорганизма*.

И этот глобальный сверхорганизм в условиях, когда на земле существует ортокапиталистический центр, эксплуатирующий большую часть периферии, и эксплуатируемая этим центром периферия, с неизбежностью возникает как классовый социоисторический организм. Он расколот на два глобальных класса. Один глобальный класс — страны Запада. Они, вместе взятые, выступают в качестве класса эксплуататоров. Другой глобальный класс образуют страны новой и старой зависимой периферии. А раз глобальный социоисторический организм расколот на классы, из которых один эксплуатирует другой, то в нём с *неизбежностью* должна иметь место глобальная классовая борьба.

Становление глобального классового общества с неизбежностью предполагает становление и глобального государственного аппарата, являющегося орудием в руках господствующего класса. Становление глобального государства не может представлять собой ничего другого, кроме как установления полного господства западного центра над всем миром, а тем самым и лишения всех периферийных социоисторических организмов реальной не только экономической, но и политической независимости.

Выполнению этой задачи способствует новое состояние западного центра. В прошлом он был расколот на враждующие части. Так было перед первой мировой войной, когда противостояли друг другу страны Антанты и страны Согласия. Так обстояло дело и перед второй мировой войной. Сейчас центр в основном един. Он объединён под руководством США. На смену старому империализму пришёл предсказанный Дж. Гобсоном ещё в 1902 г. союз всех империалистов, совместно эксплуатирующий весь остальной мир. К. Каутский в свое время назвал это явление ультраимпериализмом.

Сейчас уже возникли знаменитая «семёрка» как мировое правительство, Международный валютный фонд и Всемирный банк как инструменты экономического закабаления периферии. Ни одно классовое общество не может обойтись без особых отрядов вооружённых людей, при помощи которых господствующий класс держит угнетённых в повиновении. Таким аппаратом всемирного насилия стало сейчас НАТО.

Ещё совсем недавно ортокапиталистический центр был ограничен в возможностях агрес-

сивных действий существованием мировой неополитарной системы и СССР. На ультраимпериализм был надет прочный намордник. В результате он вынужден был смириться с крахом мировой колониальной системы. Стремясь избавиться от этого намордника, центр и прежде всего США инициировали гонку вооружений. Долгое время всё было напрасно. Но сейчас Советского Союза нет. Намордник сорван. И ортокапиталистический центр перешёл в наступление.

Идёт процесс установления того, что нацисты называли «новым порядком» (Neue Ordnung), а их нынешние преемники «новым мировым порядком» (New World Order). Главную опасность для ультраимпериалистического центра представляют страны, которые политически и экономически от него независимы. Конечно, из них наиболее опасен для ортокапиталистического центра Китай, но он пока ему не по зубам. Первый удар был нанесён по Ираку в 1991 г.. Ирак потерпел поражение, но цель реализовать не удалось: страна сохранила независимость. Второй удар был нанесён в 1999 г. по Югославии. В результате, хотя и не сразу, но к власти стране пришла прозападная «пятая колонна». Югославия вошла в состав зависимой периферии.

В 2003 г. снова наступила очередь Ирака. При содействии «пятой колонны» Ирак был оккупирован американо-английскими войсками. Оккупанты стремятся установить в нём режим, который ещё несколько лет назад был назван известным российским философом А. А. Зиновьевым «колониальной демократией». Американцы торжествуют победу. Однако, на мой взгляд, радуются они слишком рано. Ситуация в Ираке всё больше напоминает ту, что нарисована в одном русском народном рассказе. «Медведя поймал», — кричит один охотник другому. — «Так веди его сюда», — отвечает тот ему. — «Да он не идёт», — «Тогда иди сам», — «Так он не пускает». Полагаю, что в скором времени победителям придётся задуматься над тем, как выбраться из трясины, в которую они вляпались.

Нельзя не отметить, что заявление руководителей США о том, что они берут на себя право заменять в любой стране неугодный им режим на такой, который их устраивает, напугало даже некоторых их партнёров по западному клубу. Премьер-министр Канады Жак Кретьен, например, незадолго до нападения американо-английской коалиции на Ирак даже задал вопрос: «Если начать “менять режимы”, то где вы собираетесь остановиться? Кто следующий? Покажите мне список». Наглость, с которой действуют США, привела уже к тому, что в западном центре появилась первая трещинка. Франция и Германия, как известно, выступили против нападения на Ирак.

Ультраимпериалистический центр наступает. Периферия пока только сопротивляется, да и то далеко не вся. Среди зависимой периферии выделилась такая её часть, которая готова за подачки с барского стола оказать всемерное содействие ультраимпериалистическому центру, прежде всего США, в по-

давлении со-противления остальных периферийных государств. В состав этой «холуйской» (или «лакейской») периферии выразили готовность войти страны Центральной Европы (Польша, Чехия и др.) и некоторые государства СНГ (Грузия, Украина, Азербайджан). Шаги по пути вхождения в «холуйскую» периферию делает сейчас и руководство России.

Классовая борьба всегда требует определённого идеологического обоснования. Не представляет собой исключения и глобальная классовая борьба. В качестве идейного знамени антиортокапиталистической борьбы выступали в своё время марксизм с его социалистическими лозунгами (Россия, Китай, Вьетнам и др.), различные виды немарксистского социализма (Индия, Бирма, Танзания и др.), исламский фундаментализм (Иран). В настоящее время антиортокапиталистические идеологические течения всё в большей степени приобретают антиевропейскую, антиамериканскую, вообще антизападную окраску. Борьба против ультраимпериализма всё в большей степени начинает вестись под флагом защиты местных традиционных культурных ценностей, против пагубного влияния Запада. В результате она предстаёт в глазах многих её участников и наблюдателей как битва незападных цивилизаций против западной. Такая трактовка стала особенно модной после появления статьи и книги С. Хантингтона «Столкновение цивилизаций» (1993; 1996). Она присутствует и в работах наших приверженцев евразийства. Таким образом, эти люди идеологическое оформление борьбы между ортокапиталистическим и паракпиталистическим мирами принимают за причину их столкновения.

Когда в 1999 г. я писал о неизбежности развёртывания глобальной классовой борьбы, она была ещё малозаметной. К настоящему времени положение изменилось. Возникло мощное социальное движение, получившее название антиглобалистского. Другое более чем заметное проявление этой классовой борьбы — глобальный исламский терроризм.

Но, конечно, главная форма глобальной классовой борьбы — противоборство государств центра и периферии. Когда сейчас говорят об однополярности современного

мира, то имеют в виду отсутствие в нем не двух враждебных частей, а лишь двух равных по величине центров сил, как это было до крушения СССР. Теперь только центр во главе с США есть сила. Периферия такой силы не представляет. Периферия в настоящее время раздроблена. И центр всячески стремится закрепить эту раздробленность. Призыв США к созданию анти-террористической коалиции есть не что иное, как попытка заставить одну часть периферии помочь центру в его борьбе с другой его частью, а тем самым не только увековечить,

но углубить зависимость всей периферии от центра. Руководители периферийных государств, которые откликнулись на этот призыв, встали на путь *предательства* интересов периферии в целом, а тем самым национальных интересов собственных стран. Освобождение от эксплуатации со стороны центра, ликвидация паракапитализма — жизненно необходимая задача периферии. Без этого периферийные страны никогда не получат возможности успешного экономического развития, а их народы никогда не избавятся от беспросветной нищеты. Но чтобы добиться такой цели, страны периферии должны объединиться. Только тогда они будут представлять собой силу, способную не только противостоять центру, но и одержать над ним победу. От того, смогут ли государства периферии создать действенный союз, зависит дальнейшее развёртывание глобальной классовой борьбы.

Послесловие. Сентябрь 2008 г.

Сейчас на наших глазах протекает третья волна социорно-освободительных революций. Они происходят в Латинской Америке. Страны, в которых разворачиваются эти революции, встают с колен и бросают вызов прежде всего лидеру центра — США. Это Венесуэла, Боливия, Эквадор, Никарагуа. Борьба против Запада требует для своего успеха объединения стран периферии. И эта объективная необходимость всё больше начинает пробивать себе дорогу, нередко независимо от субъективных намерений правящих верхов периферийных стран. В Евразии возникла Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), включающая в себя Россию, Китай, Казахстан, Узбекистан, Таджикистан. В качестве наблюдателей в её работе принимают участие Монголия, Иран, Индия, Пакистан. Все они желают войти в её состав, Иран даже подал официальную заявку. Хотя руководители стран ШОС всячески подчёркивают, что эта организация создана вовсе не с целью противостояния каким-либо другим странам, её антиамериканская и, шире, антизападная ориентация очевидна. Недаром США было отказано в праве участвовать в её деятельности в качестве даже наблюдателя. Многие политологи видят в ШОС своеобразное Анти-НАТО. В рамках ШОС были проведены совместные российско-китайские военные учения. В СНГ

была создана Организация договора о коллективной безопасности (ОДКБ).

В Латинской Америке была создана организация под названием Боливарианской альтернативы для латиноамериканских стран в составе Кубы, Венесуэлы и Боливии, отличающаяся резко антиамериканской направ-

ЕСЛИ ОБЪЕДИНЕНИЕ ПЕРИФЕРИИ НЕ СОСТОИТСЯ, ЭТО ОТНЮДЬ НЕ СПАСЁТ ОРТОКАПИТАЛИСТИЧЕСКИЙ МИР. ПОЛУЧИТ РАЗВИТИЕ ГЛОБАЛЬНЫЙ ТЕРРОРИЗМ, И РАНО ИЛИ ПОЗДНО ПРОИЗОЙДЁТ ГИГАНТСКИЙ СТИХИЙНЫЙ СОЦИАЛЬНЫЙ ВЗРЫВ КАК В ЦЕНТРЕ, ТАК И НА ПЕРИФЕРИИ. ЕСЛИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВО В ТАКОМ СЛУЧАЕ И ВЫЖИВЕТ, ТО ПОГИБНЕТ КУЛЬТУРА И НАСТУПИТ ВСЕОБЩЕЕ ОДИЧАНИЕ

ленностью. Недавно к ней присоединился Гондурас. О членстве в ней подумывает Панама. Со стремлением совместными усилиями противостоять США связано создание в 2008 г. Южноамериканского союза наций (УНАСУР) в составе Аргентины, Боливии, Бразилии, Чили, Колумбии, Эквадора, Гаяны, Парагвая, Уругвая, Перу, Суринама и Венесуэлы. В Эквадоре и Парагвае ликвидируются военные базы США. Возник треугольник Каракас—Минск—Тегеран. Возникла аббревиатура БРИК (Бразилия, Россия, Индия, Китай) для обозначения постепенно приобретающего всё более отчетливые очертания своеобразного неформального союза четырех крупнейших стран периферийного мира. Таким образом, сделаны первые шаги к объединению периферийного мира.

Огромную важность для судеб периферийного мира играет позиция России. Оформившись после распада СССР в качестве самостоятельного государства, Российская Федерация сразу же встала на путь всемерного угождения Западу и особенно США. Руководство России, пренебрегая интересами собственной страны, усердно выполняло все указания «вашингтонского обкома». Это продолжалось и после того, как Б. Н. Ельцин был замещён на посту президента В. В. Путиным. Американцы приказали утопить «Мир» — утопили, повелели закрыть станцию слежения на Кубе — закрыли, потребовали покинуть базу в Камрани — покинули и т. п. Число уступок было бесконечным. Россию тянули в лакейскую периферию, но при этом отказывали в подачках, которые получали другие добровольные холоуи Запада. В ответ на стремление российского руководства угодить США и Западу, те старательно занимались набрасыванием на её шею веревки. Это выражалось и в постоянном приближении НАТО к границам России, и создании на территории новых членов этого союза военных баз, радаров и ракетных комплексов.

Рано или поздно полное пренебрежение российского руководства национальными интересами стало угрожать самому существованию страны. Всё более и более настоятельной необходимостью становилась перемена политики. И изменения начались. Но они шли с постоянной оглядкой на Запад, с постоянными отступлениями, бесконечными шатаниями и колебаниями. Россия

выступила, например, противницей жёстких санкций против Ирана, однако не против санкций вообще.

Но вот президент Грузии М. Саакашвили бросил вооружённую США и рядом других государств, обученную американскими инструкторами армию против Южной Осетии. М. Саакашвили рассчитывал, что Россия, несмотря на все высказывавшиеся предостережения, не осмелится на конфликт, боясь неизбежного и резкого осуждения этих действий со стороны США и вообще всего Запада в целом. Но российское руководство, прекрасно зная, что за этим последует, решилось на конфликт с Западом. Рубикон был перейдён.

События августа 2008 г. явились переломным моментом в истории современного мира. Как признал президент Франции Николя Саркози, с этого момента пришёл конец однополярному миру. Совершенно отчётливо выявилось, что кроме того мирового сообщества, к которому принадлежат и о котором без конца говорят западные политики и публицисты, а также их приспешники, за его пределами отчасти возникает, отчасти уже существует и другое, второе сообщество, которое имеет больше основания называть себя *мировым*, ибо оно представляет собой пять шестых населения Земли.

Что же касается ортокапиталистического центра, то, лишившись притока прибавочного продукта извне, он будет обречён на коренные перемены своего общественного строя. Сейчас на Западе появилась масса литературы, в которой обсуждаются сценарии будущего человечества. И в большинстве этих работ неизменно присутствует констатация давно уже начавшегося и неуклонно продолжающегося упадка Запада. Почти во всех этих произведениях проводится аналогия с последними веками существования Римской империи, когда она шла к своей неизбежной гибели в результате полного внутреннего разложения и напора внешних врагов — варваров. Об этом пишут авторы, придерживающиеся самых различных убеждений: от крайних ле-

вых радикалов до либералов и даже крайне правых. В этом отношении более чем красноречиво звучит название книги американского архиреакционера Патрика Дж. Бьюкенена «Смерть Запада» (2002).

Суть дела заключается в том, что капитализм к настоящему времени исчерпал все свои былые прогрессивные возможности. Он стал тормозом на пути развития человечества. Оказалось, что использование столь характерного для капитализма технического способа развития производительных сил в нынешних условиях приближается к пределу. В погоне за прибылью капитализм так развил технику, что она теперь ставит по угрозу природе планеты и тем самым существование человечества. Капитализм на новом уровне и в новой форме возрождает господствующий в животном мире индивидуализм, разрушает мораль, лишает людей чувств долга, чести и совести и тем превращает их в особого рода животных — зверей, обладающих мышлением и техникой. Его сохранение обрекает человечество на деградацию и, в конечном счёте, на гибель. Чтобы выжить, человечество должно покончить с капитализмом. Когда страны Запада лишатся возможности эксплуатировать остальной мир, то единственным для них выходом будет ликвидация капитализма. Когда он будет уничтожен во всём мире в обеих его формах — как паракапиталистической, так и ортокапиталистической, — начнётся эпоха перехода к обществу принципиально иного типа — обществу без частной собственности и эксплуатации человека человеком. Исчезнет деление человеческого общества в целом на исторический центр и историческую периферию. Человечество сольётся в одно единое общество.

Но, к сожалению, не исключён полностью и другой вариант развития. Правители ортокапиталистического Запада, чувствуя приближение неминуемого поражения, могут решаться на применение ядерного оружия. Тогда и человечеству, и его истории придёт конец. На третьей орбите от Солнца будет кружиться мёртвая, безлюдная планета.

«АНТИГЛОБАЛИСТЫ»: ЛИКБЕЗ

«Антиглобалисты» — это ругательство такое

Фотографии: Michael Epichamus (<http://www.epicharmus.com/masterpiece/>), Ewa Foka (http://flickr.com/photos/foka_2001/), Attila Jobi (<http://flickr.com/photos/lessthanzero/>), Florian Oehrlein (<http://flickr.com/photos/urline/>), Reinar Rivera (<http://flickr.com/photos/reinar/>), Udo Schuldt (<http://wandsbek.org/>), Илья Шуров (<http://iv-wiki.noo.ru/>)

Иллюстрации: Benjamin Heine (<http://benheine.com/>)

Статья написана в период с 21 ноября 2001 по 29 февраля 2008 года

На самом деле «антиглобалисты» — это ругательство, ярлык, кличка, придуманная врагами этих людей. Сами себя они «антиглобалистами» не называли и не называют. Эти люди называют себя «новым антикорпоративным движением». Или «новым антикапиталистическим движением». Или — чаще всего — «движением за глобальную демократизацию» (ДГД). То есть они не «антиглобалисты», а самые что ни на есть последовательные глобалисты.

Что такое «глобализация»? Это — возникновение единой мировой экономики, единого мирового рынка — такого, какими были раньше национальные рынки, то есть единого рынка капитала, единого рынка товаров и услуг, единого рынка рабочей силы. И национальные границы никак не должны мешать этому единству. Это — естественный и неизбежный процесс, его предсказал ещё Маркс 150 лет назад. Не случайно Международный валютный фонд (МВФ), когда он озаботился теоретическим обоснованием «глобализации», сослался на «Манифест Коммунистической партии» Маркса и Энгельса.

ДГД выступает не против «глобализации», а против тех форм, в которых транснациональные корпорации (ТНК) навязывают её человечеству. ТНК добились открытия границ для свободного перемещения капиталов (в частности, в оффшорные зоны, где можно прятать украденные миллиарды), но резко затруднили въезд в развитые западные страны извне. То есть: свобода для

капитала — и отсутствие свободы для рядовых граждан. Скажем, из России за 15 лет на Запад вывезено 600 миллиардов долларов (половина — нелегально). Это — деньги, вынутые из нашего кармана банкирами и «предпринимателями». В то же время въезд в западные страны для рядовых граждан России (не банкиров и не «предпринимателей») всё затрудняется и затрудняется. Во въезде в США, например, отказывают под любым предлогом (а иногда и без всякого предлога).

ТНК, хотя и называются «транснациональными», тесно привязаны к банковскому капиталу США. Все ТНК имеют где-то штаб-квартиру и кому-то платят налоги. Когда ДГД попыталась разобраться в этом вопросе, выяснилось, что подавляющее большинство ТНК обогащают финансовую верхушку США и что эти действия обусловлены «Вашингтонским консенсусом» — пакетом полулегальных соглашений, заключенных в 80-е гг. между Министерством финансов США, МВФ и Всемирным банком. МВФ и Всемирный банк — это глубоко антидемократические организации, там всем распоряжается тот, у кого больше денег, а больше всего денег в МВФ и Всемирном банке у американских банкиров. МВФ и Всемирный банк предоставляли займы разным странам только при условии выполнения ими требований «Вашингтонского консенсуса». Условия такие: свобода передвижения капиталов; приватизация даже в тех областях, где невозможна конкуренция

Знаменитая Wall Street

(например, на железных дорогах — никто же не будет ради конкуренции строить параллельно три разные железные дороги из Москвы в Питер!), что дает возможность частным владельцам необоснованно завышать цены; высокие процентные ставки, что препятствует развитию промышленности, но облегчает финансовые спекуляции; сокращение до минимума всех социальных программ (бесплатного или дешевого здравоохранения, образования, дешевого жилья, общественного транспорта и т. п.); отказ от защиты природы и охраны окружающей среды; поддержка стабильности национальной валюты путем ограничения реальной денежной массы, что приводит к невыплатам зарплат, пособий и дефициту наличных денег, — это бьет по бедным, но не затрагивает богатых, особенно на Уолл-Стрите, поскольку у них капитал виртуальный и наднациональный; сокращение зарплат и ограничение прав трудящихся (права на забастовку, прав профсоюзов и т. п.); налоговые реформы, которые увеличивают давление на бедных и облегчают налоговое бремя богатых (в России это вылилось в единый 13-процентный налог —

бедные стали платить на 1 процент больше, а богатые — на 7, 12, 17, 27 и т. д. процентов меньше).

Политика МВФ разрушила экономику десятков стран мира. В Югославии она привела к экономическому кризису, гражданской войне и развалу государства. В Руанде — к краху сельского хозяйства и последовавшей за этим резне между хуту и тутси, когда за несколько месяцев погибло 1,5 млн человек. В Индонезии — к экономическому краху, падению Сухарто и межрелигиозной резне, в которой погибли десятки тысяч человек. В Бразилии, Мексике, Эквадоре, Аргентине — к финансовым крахам и банкротству государства. И т. д. О бывших республиках СССР я уже и не говорю. Нет ни одного примера, когда бы «реформы по МВФ» привели к процветанию!

«Глобализация по МВФ» привела к чудовищному росту нищеты в мире и к форменному истреблению населения планеты голодом. Во второй половине 80-х в мире умирало от голода 30—32 млн человек в год, в начале 90-х — уже 40 млн, к 2000 году такие данные стали уже засекречиваться, но на I Международном форуме в Порту-Алегри

Квартал в соседней Мексике

(Бразилия) представители международных детских организаций сообщили, что одних только детей в возрасте до 16 лет в 2000 г. умерло 80 млн! Люди из МВФ нагло говорили, что увеличение смертности от голода связано с ростом населения Земли, с тем, что земля стало 6 млрд. Но для того, чтобы произошел такой скачок смертности, население Земли должно было вырасти не до 6, а до 27,5 млрд (The World Social Forum. Eco-Socialist Diary. №3)!

Богатые просто истребляют голодом бедных. Социально планета вернулась к началу XX в. В 1920 г. 1% населения Земли владел 40% её богатств, в 1980-м — всего

равнивание доходов и качества жизни. Сегодня вновь 1% населения планеты владеет 40% её богатств. При этом, хотя один только финансовый кризис в Юго-Восточной Азии привел в американские банки 4 трлн долларов, рядовые американцы стали жить хуже. За последние 20 лет доходы работающих по найму американцев упали на 19%, а доходы управленцев крупных компаний (в основном ТНК) выросли на 66%. А ведь США была самой процветающей страной в 80-е — 90-е гг.! Всего же в мире разрыв доходов между бедными и богатыми за последние 30 лет удвоился, а разрыв доходов между Севером (богатыми западными странами) и Югом (всеми осталь-

ными, включая Россию) — увеличился в 3 раза (вся эта статистика собрана в книге Джеймса Петраса и Генри Вельтмайера «Globalization Unmasked», Halifax — L. — N.Y., 2001).

За это же время в США, Канаде, Западной Европе выросло поколение, полностью разочаровавшееся в парламентской демократии. Эта молодежь, вовлеченная в какие-то частные гражданские инициативы (студенческое движение, профсоюзное, защита прав потребителей, прав иммигрантов, религиозных, культурных, сексуальных меньшинств, экологи и т.п.), обнаружила, что не может влиять на политиков: те много обещают перед выборами, но всегда обманывают. И к концу 90-х молодым стало ясно, что за всем этим устройством стоит большой бизнес — и большой бизнес оплачивает всех «конкурентов» на выборах: и консерваторов, и либералов, и социал-демократов. Потому — голосуй не голосуй, всё равно получишь...

Именно эта молодежь вышла на улицы — и составила основу ДГД.

Но самыми первыми были партизаны-сапатисты. 1 января 1994 г., когда вступил в силу Договор о Североамериканской зоне свободной торговли (НАФТА) — и мексиканские рабочие разом потеряли 26% заработка, — на юге Мексики, в штате Чьяпас, вспыхнуло вооруженное восстание, поднятое Сапатистской армией национального освобождения (САНО). Первая всемирная встреча против «глобализации» состоялась именно в штате Чьяпас, в джунглях, на контролируемой сапатистами территории, летом 1996 г.

Сегодня в борьбе против «глобализации по ВМФ» участвуют уже сотни тысяч и даже миллионы людей — и число участников ДГД растет как снежный ком. ДГД стало молодежной модой. Первые крупные уличные беспорядки произошли в Сиэтле, где на улице вышло 100 тыс. человек (80 тыс. приезжих + 20 тыс. местных). Для того, чтобы принять, разместить, накормить участников, потребовались немалые деньги. Акция в Сиэтле финансировалась так: по Интернету организаторы призвали всех сочувствующих прислать на проведение акции по 1 доллару. Что такое 1 доллар для западного человека? Копейки. Откликнулся миллион человек — и многие прислали не 1, а 5, 10, некоторые — 50 долларов. Когда собирали деньги на Геную, откликнулось уже свыше 1,5 млн человек!

В Генуе на улицы вышли уже 300 тыс. человек (120 тыс. итальянцев, 180 тыс. иностранцев), полиция вновь, как накануне в Гетеборге, стреляла по демонстрантам. Один человек — итальянец Карло Джулиани — был убит, 200 человек получили ранения разной тяжести, сотни были арестованы. Вновь, как в Праге и Гетеборге, в ряды демонстрантов были засланы сотни провокаторов, замаскированных под анархистов из «Черного блока». Они откровенно координировали свои действия с полицией, связывались с ней по рации, беспрепятственно устраивали погромы — для

того, чтобы оправдать репрессии против демонстрантов.

В Сиэтле демонстрантам удалось сорвать подписание «многостороннего соглашения об инвестициях» (МАИ, или, по-французски АМІ, что звучит уже совсем издевательски), которое предусматривало, что ТНК будут стоять над национальным законодательством. То есть если ТНК не хотят платить зафиксированный местными законами минимум заработной платы — то и не будут. А если придется заплатить — ТНК может содрать с государства штраф за «причиненный ущерб», упущенную выгоду и т.п. Что это значит, легко увидеть из дела «Этил» против Канадской Федерации». Американская корпорация «Этил», пользуясь договором НАФТА, вчинила иск правительству Канады на 250 млн долларов за то, что правительство запретило использование производящейся «Этилом» добавки к бензину «МНТ». Эта «МНТ» отравляет окружающую среду и портит автомобильное оборудование по очистке выхлопных газов. «Этил», таким образом, заставляет автовладельцев постоянно покупать новое оборудование... В Генуе правительства «семерки» спрятались от народа на лайнере в гавани. Сорвать подписание соглашения не удалось. Стало очевидно, что банкиры и лидеры семи развитых стран, самозванно присвоившие себе право распоряжаться судьбами всей планеты, решили просто игнорировать протесты.

Против чего и кого выступает ДГД? Против МВФ, Всемирного банка, Всемирной торговой организации (ВТО), ТНК, «Вашингтонского консенсуса», всевластия финансового капитала, превращения человека в товар. Против уничтожения — в интересах ТНК — лесов, против сокращения дотаций на борьбу с бедностью, против платного образования, которое станет таким образом недоступным большинству молодежи, против навязываемой ВТО политики уничтожения сельскохозяйственных площадей (с целью поддержание искусственно высоких цен на сельхозпродукцию). Против ограничения прав профсоюзов и против политики понижения заработной платы (в одном из циркуляров ВТО так прямо и сказано, что целью навязываемого ВТО всем странам «Всеобщего соглашения о торговле услугами» является снижение зарплаты!). Против введения платного — и очень дорогого — медицинского обслуживания. Против создания спецслужбами баз данных на всех граждан. Против ограничения на въезд. Против дискриминации женщин и молодежи. Против соглашения «ADPIC», по которому патенты на технологию производства медикаментов должны быть заменены патентами на конечную продукцию — а это вызовет удорожание многих медикаментов в 15—25 раз. Против коммерциализации научных разработок, которая сделает доступ к достижениям науки не по карману университетам и отдаст научные разработки в руки военщины и ТНК. Против «монетаризации» промышленности (это когда владельцы предприятий устанавливают для себя минимальную ставку рентабельности

акций — и если прибыли по акциям падают ниже этой ставки, владельцы просто-напросто банкротят предприятие, наплевав на работников).

Кто участвует в ДГД? Самой известной организацией, помимо САНУ, является АТТАК. Это звучное название расшифровывается так: «Действие за налог Тобина в помощь гражданам». Речь идет о предложении известного американского экономиста, Нобелевского лауреата по экономике Джеймса Тобина обложить налогом в 0,1% все спекулятивные финансовые операции и пустить полученные деньги на борьбу с нищетой и голодом во всем мире. АТТАК возникло во Франции в 1998 г. как движение против финансовых спекуляций — и стремительно выросло до 50 тыс. членов. АТТАК представляет собой сеть местных комитетов, выступающих против финансовых спекуляций, офшорных зон, политики ВТО. АТТАК активно помогает единомышленникам в других странах. Созданы АТТАК Бельгии, Италии, Швеции, Бразилии, Аргентины и т. д.

Другой известной организацией ДГД является «Direct Action Network» («Сеть прямого действия»), преимущественно университетское движение, организовавшее акцию в Сиэтле. DAN борется против коммерциализации школы (в том числе высшей), навязывания ТНК своей воли национальным экономиком, против ограбления стран «третьего мира», против уничтожения тропических лесов, против платной медицины.

«Reclaim the Street» («Вернем себе улицу») возникло первоначально в Англии, выступает в защиту природы, против полицейского насилия, за расширение прав местного самоуправления, требует списания внешних долгов стран «третьего мира» (в том числе и списания внешнего долга России), раз уж эти внешние долги возникли из-за политики, навязанной этим странам МВФ. Списание внешних долгов является и основной целью движения «Drop the Debt», также возникшего в Англии и быстро растущего.

«Tute bianche» («Белые халаты») возникли в Италии. Они специализируются на защите прав больных и малоимущих, иммигрантов, женщин, детей. «Tute bianche» устраивают «социальные центры помощи» бездомным и безработным, объединяют их в группы взаимодействия, учат бороться за свои права, захватывать сквоты, устраивать местное самоуправление, добиваться равноправия. «Movimiento de resistencia global» («Движение глобального сопротивления», возникло в Испании) и «Globalize Resistance» («Глобализуем сопротивление», возникло в Англии) — молодежные движения, объединяющие группы сквоттеров, борцов за права молодежи (в частности, за право на культуру, независимую от официальной вестернизированной «поп-культуры»), за ограничение власти монополий (за обложение ТНК прогрессивным «социальным налогом»), за списание внешних долгов стран «третьего мира».

Наконец, в ДГД активно участвуют такие объединения, как Focus for the Global South, в которое входят разные общественные ор-

ЗВУЧНОЕ НАЗВАНИЕ АТТАК РАСШИФРОВЫВАЕТСЯ ТАК: «ДЕЙСТВИЕ ЗА НАЛОГ ТОБИНА В ПОМОЩЬ ГРАЖДАНАМ». РЕЧЬ ИДЕТ О ПРЕДЛОЖЕНИИ ИЗВЕСТНОГО АМЕРИКАНСКОГО ЭКОНОМИСТА, НОБЕЛЕВСКОГО ЛАУРЕАТА ПО ЭКОНОМИКЕ ДЖЕЙМСА ТОБИНА ОБЛОЖИТЬ НАЛОГОМ В 0,1% ВСЕ СПЕКУЛЯТИВНЫЕ ФИНАНСОВЫЕ ОПЕРАЦИИ И ПУСТИТЬ ПОЛУЧЕННЫЕ ДЕНЬГИ НА БОРЬБУ С НИЩЕТОЙ И ГОЛОДОМ ВО ВСЕМ МИРЕ

ганизации стран Азии (суммарно до 12 млн человек). Focus требует уничтожить ВТО, МВФ, Всемирный банк и вообще заменить международные институты (включая ООН), пляшущие под дудку Запада и ТНК, новыми — на основе равноправия всех стран и народов.

Движение «Via campesina» («Крестьянский путь») объединяет крестьянские организации 60 стран (суммарно 50 млн человек), включая очень радикальные (такие, как «Движение бедняков Таиланда» и «Движение безземельных Бразилии»). «Via campesina» выступает за экологически чистое и безопасное сельскохозяйственное производство, за справедливое распределение земель, против захватов сельскохозяйственных угодий западными монополиями и пролетаризации сельских жителей, а также за создание «союза народов» — международных низовых организаций, которые должны противостоять «союзу богатей и правительств» (включая ООН и НАТО).

В ДГД активно участвуют некоторые профсоюзы, например, Единый профцентр трудящихся (CUT) Бразилии, КОСАТУ (Конгресс южноафриканских профсоюзов), Конфедерация профсоюзов Южной Кореи — суммарно это около 15 млн человек. В последнее время с ДГД начинает сотрудничать даже крупнейшее мировое профобъединение — Международная конфедерация свободных профсоюзов (МКСП), насчитывающая 157 млн членов.

В ДГД активно участвуют также многочисленные организации экологистов, анархистов, троцкистов, автономистов, неортодоксальных коммунистов и борцов за национальную независимость. Поэтому единого центра или руководства у ДГД нет, участники отдельно договариваются о координации действий на каждой массовой акции — и между разными группами могут быть значительные расхождения во взглядах и разные представления о тактике.

«Антиглобализм» после 11 сентября

После событий 11 сентября 2001 года и последовавшей за ними всеамериканской шовинистической истерии многие журналисты за океаном (а затем и у нас) начали с нескрываемым злорадством писать о закате и упадке «антиглобалистского» движения. На самом деле никакого «кризиса антиглобализма» из-за событий 11 сентября не было и быть не могло: само движение для этого слишком глобализовано, децентрализовано, разнородно и, помимо всего прочего, не зациклено на американских проблемах. Напротив, именно США изначально являлись далеко не главной цитаделью движения, по недоразумению именуемого у нас «антиглобалистским».

Единственным местом, где «антиглобалисты» после 11 сентября оказались в некоторой растерянности, были сами США, — и то лишь потому, что введение гласных и негласных цензурных ограничений отрезало ДГД от «больших СМИ», а активисты ДГД ста-

ли подвергаться усиленному давлению со стороны спецслужб.

Но когда на очередном «антиглобалистском» международном совещании спустя полгода после 11 сентября представители американских групп ДГД стали публично жаловаться на возникшие трудности и острожно предлагать «заморозить» активность, это вызвало резкий отпор не только со стороны делегатов из стран «третьего мира» (к чему американские делегаты были готовы), но и со стороны европейцев.

В Западной Европе на какое-то время «антиглобалисты» оказались менее заметны потому, что вынуждены были с 2002 года сосредоточиться в основном на защите прав наемных работников в своих собственных странах. В ДГД самое активное участие принимали (и принимают) профсоюзы, прямой задачей которых является защита социально ориентированного трудового законодательства. Другим важным отрядом ДГД были и есть левые организации, для которых защита прав рабочих — «священная обязанность». Как только в процессе воплощения в жизнь неолиберальной экономической стратегии в странах ЕЭС развернулось наступление на существующее трудовое законодательство, профсоюзы и левые развернули борьбу за сохранение действующих трудовых кодексов. ДГД оказалось естественным образом вовлечено в эти действия. Именно «антиглобалисты» (совместно с теми профсоюзами, которые не участвовали в ДГД) организовали массовые — в сотни тысяч участников — демонстрации протеста против новых трудовых законодательств в Испании, Франции, Италии, ФРГ, всеобщие отраслевые и национальные забастовки, сотрясавшие страны ЕЭС в 2002 году.

За этими действиями специализированная «антиглобалистская» деятельность, направленная прямо против «Вашингтонского консенсуса», МВФ и Мирового банка, как-то затерялась и действительно исчезла из информационного поля.

И лишь более чем миллионная демонстрация «антиглобалистов» во Флоренции в ноябре 2002 года заставила европейские «большие СМИ» осознать, что движение только окрепло оттого, что весь 2002 год занималось «частными вопросами», то есть трудовым законодательством. Особенно сильное впечатление на западные СМИ произвело то, что во Флоренции «антиглобалисты», несмотря на неоднократные провокации, не дали себя втянуть, как в Генуе, в уличные столкновения. Напротив, миллионные колонны умудрились пройти по городу, даже не потоптав клумб и газонов (демонстранты аккуратно их обтекали).

Правительство Берлускони было так этим расстроено, что сразу после Флоренции арестовало несколько десятков активистов ДГД, обвинив их в «заговоре против экономической стабильности итальянского государства»!

Ответом могла стать и стала радикализация итальянских групп ДГД.

Тем более события 11 сентября 2001 года не вызвали и не могли вызвать кризиса в ор-

ганизациях ДГД в странах «третьего мира», где традиционно очень сильные и широко распространены антиамериканские настроения. Напротив, поверив первоначально в официальную американскую версию событий 11 сентября, «антиглобалисты» «третьего мира» зачастую прямо приветствовали их, расценив как акт исторически оправданного возмездия метрополии со стороны «третьего мира» за десятилетия унижения и эксплуатации.

Это проявилось уже на II Всемирном социальном форуме (ВСФ) в Порту-Алегри (Бразилия), проходившем в январе-феврале 2002 года. Форум собрал свыше 100 тысяч участников, в том числе свыше 15 тысяч официальных делегатов от более чем 4 тысяч организаций и движений из 123 стран мира, включая 500 парламентариев. Одних журналистов на Форуме было свыше 3 тысяч (среди них — ни одного из России!).

Именно под давлением организаций из стран «третьего мира» II Всемирный социальный форум принял Декларацию откровенно антиамериканской направленности. ВСФ осудил войну в Афганистане, расценив её как терроризм и начало «непрерывной всемирной войны для установления господства США и их союзников», в ходе которой «ислам демонизируется», а «расизм и ксенофобия намеренно пропагандируются». Декларация потребовала отмены экономической блокады Кубы и Ирака, а также поддержала борьбу народа Палестины за создание собственного государства (интересно, что в Форуме официально участвовали две самые левые организации ООП — Народный фронт освобождения Палестины (НФОП) и Демократический фронт освобождения Палестины (ДФОП), находившиеся в резкой оппозиции слева по отношению к Ясиру Арафату; интересно и то, что на ВСФ они нашли полное понимание у израильских «антиглобалистов» и даже сформировали совместные палестино-израильские группы).

«Антиглобалисты» США преодолели «синдром 11 сентября» после того, как в Америке была издана наконец книга французского исследователя Тьерри Мейссана «11 сентября 2001 года — чудовищная махинация». Власти США почти год изо всех сил препятствовали выходу в свет этой книги в Америке. В книге Т. Мейссана (она, кстати, издана и по-русски) доказано, что по меньшей мере одна из целей террористов 11 сентября — Пентагон — была атакована самими властями США, а вовсе не «исламистскими камикадзе». Никакой самолет на Пентагон не падал, о чем свидетельствуют и характер разрушений, и полное отсутствие остатков самолета, и неповрежденность территории вокруг Пентагона (если бы всё было так, как в официальной версии, самолет вспахал бы глубокую канаву в земле и посбивал бы машины, заборы и столбы — ничего этого не было), и тот факт, что атаке подверглись точь-в-точь те помещения, где происходил ремонт и отсутствовали высокопоставленные офицеры и откуда были вывезены важные секретные

документы. При этом самолет, который якобы упал на Пентагон, действительно был захвачен и бесследно исчез (Мейссан полагает, что его утопили в океане). Тьерри Мейссан доказал также, что не соответствует действительности официальная версия относительно личностей захватчиков авиалайнеров, врезавшихся в ВТЦ: они оказались живы и здоровы, благополучно проживают в разных арабских странах и даже дают интервью местным СМИ.

Придя к выводу, что события 11 сентября были провокацией властей США, «всемирным поджогом Рейхстага», направленным на резкое ограничение гражданских прав и свобод в самой Америке и на легитимизацию агрессивной внешней политики, американские «антиглобалисты» резко радикализовались — отчасти потому, что в условиях ввода в действие «USA PATRIOT Act» и «Homeland Security Act» (приостановивших на 4 года действие конституционных прав и узаконивших тотальный контроль над частной жизнью граждан США) многие наиболее робкие участники «антиглобалистского» движения струхнули и отошли от ДГД. Остальные стали формировать структуры нового антивоенного движения.

Эта радикализация ДГД проявилась уже на II ВСФ в Порту-Алегри, где солидное, реформистское крыло участников (важные европейские профессора, министры, профсоюзная бюрократия, парламентарии, жившие в роскошных отелях) вступило в острый конфликт с радикалами. Дело дошло до драки. Одной из причин радикализации движения стало столкновение рядовых «антиглобалистов» по всему миру с новой тактикой властей — с открытыми репрессиями, в том числе с использованием полицией новых газов, не имеющих ничего общего со старыми слезоточивыми, а максимально приближенных к боевым отравляющим веществам (распыление таких газов не на открытом воздухе, а в помещении грозит пострадавшим смертью).

Война в Ираке необычайно резко радикализовала ДГД. Именно уже сложившиеся к тому времени массовые организации «антиглобалистов» (с примкнувшими к ним пацифистами — в том числе различными религиозными организациями — левыми, экологистами и т.п.) стали в развитых западных странах основой многотысячных акций протеста против войны. Особенно заметно это было в США. «Классическая» «антиглобалистская» организация «Global Exchange» почти целиком переключилась на антивоенную деятельность, начав специальную кампанию «Нет войне!» (желающие могут зайти на официальный сайт организации: www.globalexchange.org — и посмотреть на результаты). Другая «классическая» «антиглобалистская» организация — «Международный ответ» («International Answer», последнее сло-

во — аббревиатура, расшифровывается так: «Act Now to Stop War & End Racism!») смогла сагитировать на антивоенные выступления многие местные отделения крупнейшего американского профобъединения АФТ—КПП (в первую очередь профсоюзы учителей) и явилась одним из организаторов 500-тысячной антивоенной манифестации в Вашингтоне, 200-тысячного антивоенного марша в Сан-Франциско и 50-тысячного — в Лос-Анджелесе. «Международному ответу» удалось также договориться с организациями черных американцев об их участии в антивоенной кампании (подробности см. на сайте www.internationalanswer.org). «Классическая» «антиглобалистская» интернет-сеть «Индимедиа» поддерживала и координировала действия антивоенных активистов и, в частности, распространяла и рекламировала Декларацию интеллектуалов мира «Встанем за мир и справедливость!» (WSPJ, «We Stand for Peace & Justice!»). В числе первых «подписантов» декларации были такие выдающиеся интеллектуалы, как Ноам Хомский, Тарик Али, Говард Зинн, Том Хейден, Эдуардо Галеано и Арудьясти Рей. В первые же 9 дней кампании по распространению WSPJ декларацию перевели на 12 языков, её подписало свыше 55 тысяч интеллектуалов из 213 стран. В Латинской Америке роль координатора по распространению WSPJ взяла на себя старейшая «антиглобалистская» организация — мексиканская Сапатистская армия национального освобождения (САНО).

В ходе развития войны в Ираке в «антиглобалистском» движении развернулась активная внутренняя полемика между «умеренными» и «радикалами». «Умеренное» крыло, очень сильное прежде в ДГД, потерпело в этой полемике сокрушительное поражение. Основная стратегическая установка «умеренных» — нужно убедить (заставить) транснациональные корпорации (ТНК) и прежде всего американские монополии поделитьсь доходами с бедными — в свете занятой властями США жесткой позиции на игнорирование мнения стран «третьего мира», ООН и даже союзников по НАТО стала выглядеть совершенно утопической. Напротив, мнение «радикалов», говоривших, что США стремятся создать всепланетную империю и воплотить в жизнь «новую доктрину Бжезинского» (мир, где США являются верховным правителем, а остальные страны превращены либо в военно-политических и экономических вассалов США, либо в колонии США), стало выглядеть как никогда весомо. В результате ДГД претерпело стремительную радикализацию и становилось всё более откровенно антиамериканским и антикапиталистским.

Надо иметь в виду, что Иракская война и связанная с ней антивоенная кампания породили в ДГД две прямо противоположные тенденции: с одной стороны, взрывной рост численности (по всему миру численность «антиглобалистских» движений за время войны в Ираке выросла, по разным

данным, в 2—4 раза), с другой — ослабление движения за счёт раскола между «умеренными» и «радикалами». И дело не только в том, что «умеренные» вовсе уходили из движения, разочаровавшись в своих иллюзиях. Дело также в том, что из движения стали уходить и некоторые наиболее радикальные группы, поскольку они пришли к выводу, что тактика ДГД — тактика массовых протестов — неэффективна: власти (в первую очередь власти США) просто плюют на мнение граждан. Говоря иначе, политика Буша и Блэра привела к тому, что всё большее число активистов гражданских движений на Западе стало склоняться к мысли о бесперспективности игры на легальном поле.

Застой хуже кризиса

Опасности, однако, подстерегали ДГД со всем с другой стороны. Проблемы «антиглобалистского» движения были порождением не внешнего враждебного воздействия, а внутренних причин.

Во-первых, движение оказалось в организационном зastoе. Оно выработало две основные формы — социальные форумы и контрсаммиты. Социальные форумы были огромными собраниями по обмену опытом и согласованию дальнейших совместных действий (в соединении с карнавалом). Контрсаммиты — акциями массового давления на «глобалистов» (опять же с сочетанием с совещаниями по координации дальнейших действий). Никаких других новых форм «антиглобалисты» не выработали (митинги, демонстрации, пикеты, пропагандистские кампании или соучастие в организации забастовок — действия на локальном, крайнем случае региональном уровне — были в активе объединившихся в ДГД организаций задолго до того, как они назвались «антиглобалистами»).

При этом социальные форумы стали носить всё более откровенно ритуальный характер, самодостаточный и самовоспроизводящийся, когда эксперименты не поощряются. А контрсаммиты оказывались всё менее и менее успешными (самый первый — Сиэтл — так и остался самым успешным), поскольку противник, в отличие от «антиглобалистов», искал новые методы противодействия, экспериментировал — с тем чтобы снизить эффективность давления ДГД на «глобалистов»: то проводил саммит на корабле, то в маленьких курортных городках, куда было невозможно попасть десяткам тысяч протестующих, то вводил драконовские меры безопасности, отсекая «антиглобалистов» на дальних подступах — иногда просто по другую сторону государственной границы.

Де-факто имела место радикализация «глобалистов», адекватно ответить на которую «антиглобалисты» не могли, так как это была не идеологическая, а организационно-техническая радикализация, радикализация методов подавления и противодействия противнику в рамках действующих законодательств (пусть даже чрезвычайных), чему «антиглобалисты», не будучи государствен-

ной властью, не могли эффективно сопротивляться. И — что показательно — даже не пытались что-либо сделать в этом направлении и, похоже, в подавляющем большинстве своём даже не способны были осознать проблему.

Другим подтачивающим природу движения фактором стало всё более откровенно обнаруживающееся внутри ДГД разделение на «богатых» и «бедных». «Богатые» — это «антиглобалисты» «первого мира», а «бедные» — «третьего». Первоначально казалось, что они успешно дополняют друг друга. у «богатых» были определенные финансовые возможности, мобильность, известность, доступ к СМИ и опыт взаимодействия с

правительственными структурами в рамках писанных правил «представительной демократии». у «бедных» — массовость и готовность к радикальным действиям и прямому давлению на правительственные структуры. Но вскоре стало очевидно, что происходит постоянный перекокс в сторону «первого мира», и этот перекокс не идет на пользу движению, так как он обеспечивает и поддерживает существование и даже процветание довольно аморфного и политически бессильного «антиглобалистского» движения в странах «первого мира», в то время как реальная сила движения сосредоточена в «третьем».

Кроме того, в странах «первого мира» структуры ДГД отличались от таковых в странах «третьего мира» — в худшую сторону. В «первом мире» ДГД сложилось как блок разных групп и организаций, выглядящих словно соприкасающиеся между собой круги. Но основную массу «антиглобалистов» составили люди, не входившие ни в одну из организаций, а заполнившие свободное пространство между этими кругами. Таким образом, «антиглобалистское» движение в «первом мире» оказалось сильно деструктурировано, аморфно и деиерархизировано. Это осложнило задачу мобилизации и координации действий и сделало практически табуированными вопросы о централизации и дисциплине.

В странах «третьего мира», напротив, ДГД представлено исключительно организациями — с присущими организациям традиционными иерархическими структурами и дисциплиной. Силы ДГД в «третьем мире» оказались потому способны к активным наступательным действиям на уровне отдельных государств и даже регионов, в то

ДВИЖЕНИЕ СТАЛО РАССЛАИВАТЬСЯ НА «РАБОТАЮЩИХ» И «БОЛТАЮЩИХ», ПРИЧЁМ РАБОТАЮЩИЕ БЫЛИ «БЕДНЫМИ», А БОЛТАЮЩИЕ — «БОГАТЫМИ»

время как силы ДГД в «первом мире» этим похвастаться не могут. Но именно они де-факто представляют на международной арене всё движение, выдвигают или (чаще) формулируют цели и задачи, то есть выступают в роли руководства.

То есть движение стало расслаиваться на «работающих» и «болтающих», причём работающие были «бедными», а болтающие — «богатыми». Это вело и ведёт к усилению напряжения внутри ДГД. Этот неправомочный и по сути своей империалистический перекокс внутри «анти-

глобалистского» движения усугубляется ещё и тем обстоятельством, что в среде активистов в «третьем мире» всегда широко представлена «агентура» «первого мира» — обычно представители европеизированного и американизированного «среднего класса», вполне интегрированные в соответствующие структуры «первого мира» и воспринявшие их идеи. Именно эти люди зачастую представляют на международной арене от лица «антиглобалистов» «третьего мира». В то же время «агентура» «третьего мира» в рядах активистов ДГД «первого мира» в основном представлена искренними, идеалистически настроенными «рабочими лошадками», вовсе не нацеленными на карьерный рост (пусть даже внутри оппозиционных структур).

Целый ряд проблем породил феномен «антиглобалистских» режимов, возникших в Латинской Америке с приходом к власти Лулы, Чавеса и Моралеса. Поскольку эти «антиглобалистские» режимы строились как обычные государственные по действующим правилам игры, это обрекало местные группы ДГД на переориентацию с общественно-классового на национально-государственный подход. Причём в Бразилии лишь часть организаций ДГД, приведших Лулу к власти, согласилась на такую переориентацию (и, следовательно, на поддержку внешней политики Лулы, более чем умеренной, а отчасти и на поддержку внутренней политики, компромиссной по отношению к неолиберализму). Это привело к расколу внутри бразильского ДГД — на «умеренных», согласных с реформистской линией Лулы, и на «радикалов», рассматривающих Лулу как ренегата и оппортуниста. Кончилось тем, что Лула стал широко применять полицейское насилие для борьбы с «радикалами».

В Венесуэле и Боливии в силу острой внутрисполитической ситуации (напомню, что

в Венесуэле дело дошло до военного античавистского переворота — впрочем, провалившегося, а в Боливии длительное время существует реальная угроза гражданской войны, поскольку реакция разыгрывает сепаратистскую карту) ДГД почти целиком оказалось вынуждено сосредоточиться на внутрисполитических вопросах, причём случилось, что отдельные отряды «антиглобалистов» вынуждены были в этой борьбе занимать не свои собственные позиции (как, например, в Венесуэле, где им приходилось блокироваться с чавистской бюрократией против античавистски настроенных и тайно спонсируемых местной реакцией и ЦРУ профсоюзов, хотя вся предыдущая практика «антиглобализма» однозначно предписывала выступать в поддержку классовых организаций наемных работников против государственной бюрократии).

Уход из движения определенных отрядов «умеренных» из стран «первого мира» (сначала — из-за страха быть зачисленным в «террористы» после 11 сентября 2001 года, а позже — из-за ложной успокоенности, вызванной очевидными провалами политики Вашингтона) отрицательно сказался на финансовых возможностях движения. А уход определенной части «радикалов» повлек за собой резкое сокращение новых идей в ДГД, в том числе и в организационной сфере (поскольку именно «радикалы», как выяснилось, были «генераторами идей»). Это с двух сторон нанесло удар по способности движения развиваться и обновляться. А это, в свою очередь, обрекает ДГД на самоповторы.

Дефицит финансов повлек за собой напряженные противоречия и даже прямую борьбу за денежные средства движения, а в последнее время — и серию финансовых скандалов (пусть мелких и частных) и даже случаи коррупции (чего невозможно было представить в прошлом).

Отсутствие новых идей и боязнь новых организационных решений повлекли за собой засилье (в первую очередь, конечно, в «первом мире») в ДГД сторонников «антиавторитаризма» и противников «иерархических структур» — в основном из кругов «постмодернистских левых». Поскольку противостоящие «антиглобалистам» силы не только располагают грандиозными финансовыми возможностями и активно прибегают к «юридически оправданному» насилию, во-первых, широко используют спецслужбы в борьбе с ДГД (в том числе и массово внедряя в ряды «антиглобалистов» свою агентуру), во-вторых, а в-третьих, всю пользуются практическими преимуществами иерархических и авторитарных организаций (такими, как разделение труда и фронта работ, подчинение низших структур высшим, выполнение приказов под угрозой репрессий, механическая замещимость элементов), «антиглобалисты» — особенно в «первом мире» — всё откровеннее превращаются в безобидную и неопасную для Системы «карнавальную» псевдоопозицию. А это разлагающе действует и на ДГД в странах «третьего мира».

Александр Тарасов

АФИНЫ: ЕВРОПЕЙСКИЙ «АНТИГЛОБАЛИЗМ» В ТУПИКЕ

Фотографии: David Magyar (<http://fotolap.hu/>)

Иллюстрации: Benjamin Heine (<http://benheine.com/>),
а также предоставленные автором статьи

ЕСТЬ ТАКОЕ НАРОДНОЕ «АНТИГЛОБАЛИСТСКОЕ» НАБЛЮДЕНИЕ: КАЖДЫЙ СЛЕДУЮЩИЙ ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЦИАЛЬНЫЙ ФОРУМ (ЕСФ) ОРГАНИЗОВАН ХУЖЕ ПРЕДЫДУЩЕГО. ПАРИЖ В ПОДМЁТКИ НЕ ГОДИЛСЯ ФЛОРЕНЦИИ, ЛОНДОН БЫЛ БЛЕДЕН ПО СРАВНЕНИЮ С ПАРИЖЕМ, НО АФИНЫ, КОНЕЧНО, ПРЕВЗОШЛИ ВСЕХ, ПОРАЗИВ ДАЖЕ ВИДАВШИХ ВИДЫ «АНТИГЛОБАЛИСТОВ». ОДНАКО ЕСЛИ БЫ ДЕЛО БЫЛО ВСЕГО ЛИШЬ В ОРГАНИЗАЦИИ, ОБ ЭТОМ НЕ СТОИЛО БЫ И ПИСАТЬ. БЕЗОБРАЗНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ — ЭТО СВИДЕТЕЛЬСТВО БОЛЕЕ ОБЩЕГО ПРОЦЕССА: ДЕГРАДАЦИИ «АНТИГЛОБАЛИСТСКОГО» ДВИЖЕНИЯ (ВО ВСЯКОМ СЛУЧАЕ, В ЕВРОПЕ).

Образцовый бардак

В самом деле: Флоренция успешно приняла 300 тысяч приезжих (а на демонстрацию вышло около 1 миллиона человек, причём не только не было никаких беспорядков, но и — об этом организаторы говорили как о предмете своей особой гордости — миллионная толпа прошла, даже не помяв и не потоптав городских газонов и клумб!). Неслучайно после Флоренции прошлое полуфашистское правительство Берлускони (это не преувеличение: в коалиции Берлускони состояли две неонацистские партии; именно это правительство так любил наш президент Путин) срочно возбудило уголовные дела против девяти местных лидеров «антиглобалистов» по обвинению в... заговоре с целью свержения правительства! В Париже всё выглядело буднично и поделовому, но уровень организации мероприятий всё-таки был вполне приличным: большую часть работы взяли на себя мэры-коммунисты из «красных пригородов». В Лондоне, где фактическое руководство форумом негласно захватили троцкисты, многие проблемы были решены за счёт того, что участников как мог привечал и опекал «красный мэр» — левый лейборист и яростный враг Тони Блэра знаменитый Кен Ливингстон. Дело доходило до того, что лондонские «бобби» с восторгом приветствовали демонстрантов-«антиглобалистов» и кричали им: «Молодцы, ребята! Задайте этим сукам Бушу и Блэру!» В Греции, где у власти и в стране, и в столице правые, всё было не так. Догадаться, что

Статья написана в период со 2 мая по 26 июня 2006 года

в Афинах проходит ЕСФ, было невозможно — по всему городу висели неснятые транспаранты, оставшиеся от 1 Мая, но первые плакаты, извещавшие о Социальном Форуме, появились на столбах лишь накануне традиционной «антиглобалистской» демонстрации. Сам Форум был загнан на окраину — на Палеоаэродром (название мне нравится: так и представляю себе взлетающих с него птеродактилей!), пустующий после Олимпийских игр (к Олимпиаде в Афинах построили новый аэропорт — большой, современный, на другом конце мегаполиса). Здесь, в огромных авиационных ангарах, наскоро разделённых на секции легкими перегородками, и проходили семинары, дискуссии, «рабочие столы» и прочие мероприятия. Здесь же разместили и подавляющее большинство участников — на цементном полу (кое-где, впрочем, настелили временные пластиковые). Оно, конечно, и в Лондоне с Парижем «антиглобалисты» ночевали в спортзалах — но Палеоаэродром расположен буквально на берегу моря (от пляжа его отделяет лишь шоссе и трамвайная линия), с Сароникского залива дул сильнейший, пронизывавший до костей ветер, а температура и без того даже днём была градусов 14—16 по Цельсию.

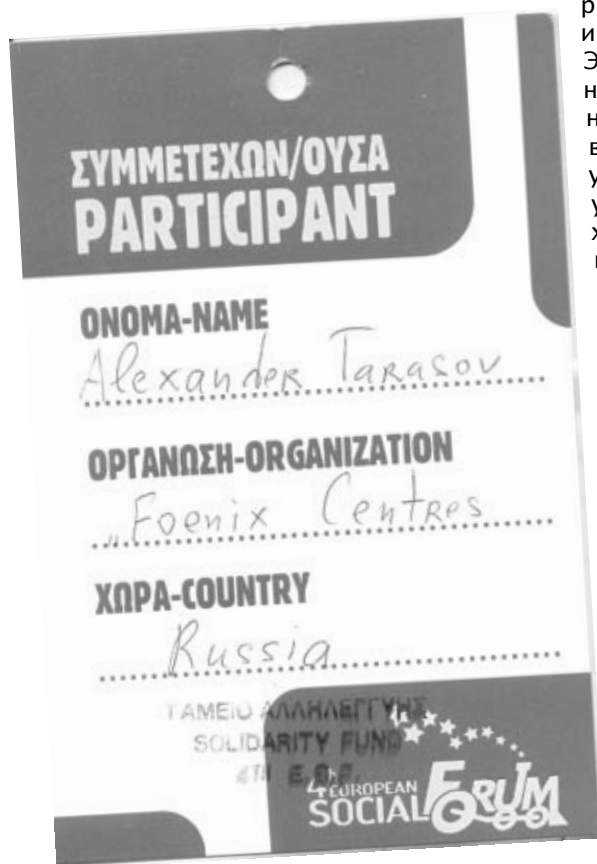
Организаторы форума обещали выделить спальники и «пенки», но обещания не выполнили. Впрочем, и наши не очень им верили: часть делегации была предупреждена, что надо брать спальные мешки. Но, как оказалось, предупредили не всех. Больше того, и мест на все делегации не хватило. Российские участники решили эту проблему «побуржуйски» (помог опыт последних десятилетий) — рейдерски (то есть самозахватом): посрывали чьи-то уже наклеенные плакаты, натащили на пол пенопласта, забаррикадировали дверь. Так и жили.

Это был не конец приключений. Очень скоро выяснилось, что удостоверений участников не хватает — а без них не пускают на территорию Палеоаэродрома. Без удостоверений за вход надо было платить 20 евро (!). Для восточноевропейцев, впрочем, был предусмотрен бесплатный проход, но бесплатно никого не пускали. К концу форума, однако, из оргкомитета принесли кучу пустых бланков удостоверений — когда уже было позд-

но. Талонов на питание тоже катастрофически не хватало — и к концу опять-таки появился их излишек. Не хватило всем и проездных талонов — давали один на пятерых. «Меняться друг с другом», — ответили в оргкомитете на недоумённый вопрос.

Наутро после приезда российская делегация (во всяком случае те, кто ночевал в ангаре) испытала ещё один культурный шок. Это были душевые кабинки (гигиена!), устроенные прямо под открытым небом, за прозрачными занавесочками. На улице 8 градусов, ночь — без спальных мешков, на полу, у «морозоустойчивых» российских граждан зуб на зуб не попадает, с моря дует ледяной ветер, задирающий занавесочки выше крыши, — а в душевых моются (холодной водой!) как ни в чём не бывало западные товарищи обоих полов. Избалованные советской властью отечественные «антиглобалисты» ведь не подозревали, что Греция (Евросоюз, ёлки-палки!) — страна *негазифицированная*, где вода стоит очень дорого, а электроэнергия ещё дороже (импортируется) и где горячая ванна — неприличная роскошь. Сами греки нагревают воду в баках — и ровно столько, сколько неизбежно необходимо, умываются и моют руки холодной водой и жидким мылом (потому и выглядят всё время недомытыми), голову моют холодной водой, считают 14 градусов в доме весной *нормальной* температурой (центральное паровое отопление в Греции неизвестно) — и исходя из этих «цивилизованных» представлений и оборудовали душевые на Палеоаэродроме.

Дальше было ещё веселее. С аудиториями для «рабочих столов» и семинаров на ЕСФ царил полный хаос: нумерация аудиторий не соответствовала действительности, указатели вели не туда или вовсе никуда не вели, поскольку отсутствовали (по ходу работы форума их изготавливали сами делегаты, переписывали, переклеивали, дорисовывали стрелки, в общем, боролись сами с собой). Мероприятия проходили не там, где было записано в программе, и не в то время. Найти никто ничего не мог. По огромным ангарам блуждали толпы растерянных людей, безуспешно пытаясь выяснить друг у друга, где такая-то аудитория (это касалось и основных докладчиков). Путаница начиналась уже с того, что было три основных здания (ангара), поименованных, к удивлению участников форума, как-то странно: E, F и S (букв до E и между F и S не было). Никто так и не догадался, что это был эстетический изыск строителей: ESF — то есть European Social Forum! Нахождение нужной аудитории не гарантировало успеха: начинались проблемы с переводом. Переводом на ЕСФ занималась специальная группа «Babels» (это не в честь Бабея, а в честь Вавилонского столпотворения). Группа оправдывала своё название. С удивительным упорством русских переводчиков отправляли туда, где русских не было, а немецких — туда, где не было ни одного немца. И т. п. Постоянно вспыхивали нелепые конфликты и схватки за переводческие кабинки. Семинар против сексизма в католических странах (Ирландии, Испании, Португалии и т. п.), на котором были

переводчики *только* с албанского, турецкого и греческого, войдёт, я думаю, в анналы истории «антиглобализма».

Впрочем, и наличие переводчиков не было спасением: постоянно отсутствовала аппаратура (наушники). А если не отсутствовала, то не работала. А если работала, то с перебоями.

Весь этот кавардак спустя пару дней привёл к удивительному явлению: участники утратили присущую капиталистическому стилю жизни озабоченность и деловитость и перестали куда-либо спешить — они поняли, что *опоздать невозможно!* По длинным и запутанным коридорам фланировали люди с планами и программками в руках, спокойно и обстоятельно разыскивавшие нужную аудиторию в святой уверенности, что «без них не начнут». Это была зримая победа над неолиберализмом.

Встреченная в предпоследний день знакомая журналистка, впрочем, жаловалась: редакция дала ей задание взять интервью у знаменитостей — у Алекса Каллиникоса или у Сюзан Джордж, а найти их оказалось невозможно, хотя вроде бы известно, что они есть и где-то выступают. И никакой вины журналистки в этом нет. Как выглядит Каллиникос, я не знаю, а вот со Сюзан Джордж я общался в Москве и ни с кем не перепутаю. Не видел я её в Афинах! Вообще, из всех знаменитостей там был мной опознан, кажется, только Жозе Бове — пронёсся мимо меня дядька с такими характерными усами. То есть это, конечно, мог быть и Лех Валенса, но Валенса, насколько я знаю, по другую сторону баррикад — вместе с клерикалами, фашистами и неолибералами.

Апофеозом бардака была, конечно, официальная программа ЕСФ, розданная участникам. Впрочем, не так далеко от Палеоаэродрома, на бывшем ипподроме «Каллифея», в дни форума проходил «протестиваль» за легализацию марихуаны. Должно быть, составление и печатание программ ЕСФ поручили именно людям с «протестивалей».

Форум проходил с четверга 4 мая по воскресенье 7-го. В программе, однако, сразу за четвергом 4-го шла пятница 6-е, затем — суббота 5-е и воскресенье 8-е (и на него назначена демонстрация). 7 мая не было вовсе. Но у некоторых была другая программа. Из неё следовало, что и пятница, и суббота — это один день, 5 мая, воскресенье — действительно 8-е, а 6 и 7 мая отсутствуют! Это всё — вовсе не результат какого-нибудь особенного разгильдяйства греков. Подготовка ЕСФ — дело интернациональное. Это свидетельство того, что европейский «антиглобализм» утрачи-

вает внутренний смысл, коллективную мораль, а заодно и представление о целях.

Во времена начала «антиглобалистского» движения его участники, независимо от разницы во взглядах и «партийной принадлежности», чувствовали себя *братьями и сёстрами*. Все они ощущали на горле костлявую руку (я не шучу) неолиберальной глобализации, которая благоволит *только* банкирам и генералам, а любую автономную, ищущую, по-настоящему талантливую и совестливую

«АНТИГЛОБАЛИСТЫ» РАССЛАБИЛИСЬ, ПОТЕРЯЛИ СТРАХ. УБЕДИЛИСЬ, ЧТО ЧУДОВИЩНЫЙ НЕОЛИБЕРАЛЬНЫЙ КАТОК ИХ НЕ РАЗДАВИЛ. ЧТО МИР «МЕНЯЕТСЯ К ЛУЧШЕМУ». И — УТРАТИЛИ НЕОБХОДИМЫЙ (ПРЕДЕЛЬНЫЙ) УРОВЕНЬ ЕДИНСТВА, СОЛИДАРНОСТИ, БРАТСТВА. ОТСЮДА — ОТ ЭТОЙ ДЕМОБИЛИЗАЦИИ — И БЕЗОТВЕТСТВЕННОСТЬ И БАРДАК. ЕСФ ПРЕВРАТИЛИСЬ В РУТИНУ, В РИТУАЛ. А ТАМ, ГДЕ ЕСТЬ РИТУАЛ, — ТАМ НЕТ ЖИЗНИ

личность стремится превратить в робота, в машину для производства *прибыли* в интересах банкиров и генералов. Как же можно *подставить* страдающих братьев — да ещё в момент, когда *враг у ворот?*

Но с тех пор много что произошло — и не в пользу неолибералов и глобализаторов: США и НАТО завязли в Афганистане и Ираке; во Франции и Нидерландах провалилась на референдумах неолиберальная Евроконституция; в Бразилии, Венесуэле и Боливии пришли к власти сторонники «антиглобализма»; пали правительства неофранкиста Аснара и Берлускони, который публично восхвалял Муссолини; Испания развалила «единый глобалистский фронт» в Ираке, решив вывести свои войска — и показав другим (Сальвадору, Украине, Италии) пример; вспыхнули маоистские герильи в Непале, Перу и на Филиппинах; правительство Буша, главного глобализатора, опозорилось в «Абу-Грейбе», Гуантанамо и Новом Орлеане...

«Антиглобалисты» расслабились, потеряли страх. Убедились, что чудовищный неолиберальный каток их не раздавил. Что мир «меняется к лучшему». И — утратили необходимый (предельный) уровень единства, солидарности, *братства*. Отсюда — от этой *демобилизации* — и безответственность и бардак. ЕСФ превратились в *рутину*, в *ритуал*. А там, где есть ритуал, — там нет жизни.

Показательный раскол

Афины стали примером *отсутствия* пресловутого антиимпериалистического единства. Начну с того, что форум бойкотировала бывшая «просоветская» Коммунистическая партия Греции (ККЕ) — крупнейшая левая организация страны. Это само по себе нанесло большой удар по форуму, в том числе и финансовый. ККЕ — очень богатая партия (с собственными предприятиями: судоремонтным заводом, автомастерскими и т. д.) и третья по влиянию политическая сила страны. До «перестройки» ККЕ собирала на выборах 12 с лишним процентов голосов, но в «перестройку» в знак протеста против поддержки

ЭТО ВСЁ — ВО ВСЕ НЕ РЕЗУЛЬТАТ КАКОГО-НИБУДЬ ОСОБЕННОГО РАЗГИЛЬДЯЙСТВА ГРЕКОВ. ПОДГОТОВКА ЕСФ — ДЕЛО ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОЕ. ЭТО СВИДЕТЕЛЬСТВО ТОГО, ЧТО ЕВРОПЕЙСКИЙ «АНТИГЛОБАЛИЗМ» УТРАЧИВАЕТ ВНУТРЕННИЙ СМЫСЛ, КОЛЛЕКТИВНУЮ МОРАЛЬ, А ЗАОДНО И ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ЦЕЛЯХ

политики Горбачёва многие покинули партию, и её влияние резко упало (до 3 процентов на выборах). Однако все последние годы численность партии упорно растёт — и растут и электоральные успехи (6 процентов голосов, а на ближайших выборах наверняка будет свыше 7-ми). Социальный Форум в Греции без ККЕ, строго говоря, — недоразумение.

Но помимо ККЕ к ЕСФ впервые отказалось присоединиться и большое количество других левых — таких, кто раньше участвовал. В Афинах одновременно проводились три форума: «большой» и два альтернативных. Анархисты бойкотировали ЕСФ и проводили альтернативный ему «Анархистский антиавторитарный форум». Радикальные коммунисты, часть троцкистов, маоисты, сталинисты и ходжаисты также бойкотировали ЕСФ и проводили «Международный антикапиталистический антиимпериалистический форум». Это была открытая демонстрация раскола.

Анархисты проводили свой форум в знаменитом Политехническом университете и в нескольких больших зданиях неподалеку. На случай, если бы возникли проблемы с властями, было зарезервировано ещё одно место, подальше от центра, рядом со Старым детским парком. Но на университетскую автономию никто посягнуть не решился.

Форум был небольшим: он проходил не в главном корпусе Политехникума, который так и стоит в полуразрушенном состоянии с тех пор, как его в ноябре 1973 года расстреляли танки «чёрных полковников» (Европа, мать их! — за 30 лет здание на центральной улице отстроить не могут), а в боковых корпусах. Тут же в пристройке во время «рабочих столов» репетировали рок-группы. Порядка у анархистов было

неординарные: муниципалитет натянул вокруг университета по обеим сторонам Сингру целую кучу секс-шопов, стриптиз-клубов и пип-шоу. Получился зланный район, а посредине — оппозиционный университет. В извращенной фантазии правым не откажешь. Порядка здесь было ещё больше, чем у анархистов. И, не в пример ЕСФ, сплошь и рядом обсуждались темы чисто практические, а за принятием решений следовали действия. Например, достаточно легко договорились о сотрудничестве в ходе намеченной на май же всегреческой забастовки в вузах против Болонского процесса по принципу: идеологические разногласия откладываем в сторону, у кого в каком университете организация сильнее — те и будут «хедлайнерами». Задача забастовки: отстоять государственное образование (в Греции, в соответствии с Болонскими соглашениями, запланирована приватизация учебных заведений, а поскольку это незаконно, предложена *абсолютно та же схема*, что и у нас в России: государственные учебные заведения получают статус «автономных», а уж «автономные» в законе ничего не сказано!). В результате всеобщая забастовка прошла успешно (кстати, вы видели об этом хоть один сюжет хоть по одному телеканалу? читали хоть одну статью хоть в одной газете? новость на ленте хоть одного информагентства? Нет? и я нет. Вопрос: на кой чёрт тогда нужны такие телеканалы, газеты и информагентства?).

В Университете Пантеон, так же, как и на ЕСФ, и у анархистов, была «культурная программа» — играли рок- и рэп-группы. Концерты закончились, кстати, исполнением курдской рок-группой «Интернационала» на турецком языке (то ли символически — чтобы подчеркнуть солидарность, то ли на курдский язык «Интернационал» ещё не переведен). При звуках пролетарского гимна присутствовавшие побросали свои дела, встали, подняли руки в рот-фронтском приветствии и запели. Ощущение было такое, что ты попал в Германию 20-х годов, Испанию 30-х или на конгресс Коминтерна. Показательно, кстати, что и в Университете Пантеон, и на Палеоаэродроме было очень много курдов и турок — и никаких конфликтов между ними не возникло, наоборот, было полное единство.

Сам факт, что большие отряды прежде единого «антиглобалистского» лагеря — анархисты, с одной стороны, и радикальные коммунисты с маоистами и т. п. — с другой, демонстративно бойкотировали ЕСФ и оказались в состоянии провести отдельные форумы, показал, что ЕСФ как форма *совместных действий* себя изжил.

Раскол проявился и в том, что все три форума провели 6 мая не одну общую, а три разные демонстрации. Радикальные коммунисты устроили марш от здания Академии до Синтагмы — площади перед Парламентом. Произвели впечатление прямо-таки военной организованностью и сложными длинными «кричалками». Демонстрация была *исключительно* молодёжной — и глотки у молодых радикалов были поистине лужёными. Выглядели участники грозно и словно на

гораздо больше, чем на ЕСФ. Анархи радовали куда более изобретательными плакатами и лозунгами, а заодно и талантливыми граффити на окрестных стенах — настоящими произведениями искусства (всё больше почему-то на христианские темы: Христос-повстанец или, наоборот, — Христос-мент). Радикальные коммунисты с примкнувшими проводили свой альтернативный форум в Университете Пантеон, на юге города, на проспекте Сингру. Университет Пантеон известен как демократический и оппозиционный, находящийся в конфликте с правым муниципалитетом Афин. Конфликт принял формы

одно лицо (вообще, греческого молодого левака легко узнать: по обязательной бороде и пышному «хайру», забранному в «хвост»), вооружены были флагами с такими мощными древками, которые у нас сразу же были бы квалифицированы как «холодное оружие». В ЕСФ радикалы явно не нуждались, были вполне самодостаточны.

Сами организаторы ЕСФ прекрасно видели раскол (хотя и не говорили о нем) — и потому даже маршрут демонстрации 6 мая они согласовали с афинскими властями с таким расчётом, чтобы ни в коем случае не проходить мимо Политехнического (а вдруг страшные анархисты присоединятся и устроят какую-нибудь провокацию).

Анархисты, собственно, так и собирались сделать, но, узнав об изменении маршрута, решили провести отдельный марш раньше всех — в 12 часов дня, стартовав с Монастираки в сторону площади Омония. Эффектнее придумать было невозможно: Монастираки — центральная *туристская* площадь Афин; сразу за ней — между улочками Эрму и Андриану — начинается район, забитый лавочками, торгующими разными сувенирами и безделушками, сразу за Андриану — Агора, а за Агорой — Акрополь. Анархисты, как и полагаются анархистам, собирались полтора часа, а затем, к удивлению полиции, провели короткий и шумный марш, внезапно рассеявшись в окрестных переулках, не доходя до Омонии.

Как раз площадь Омония и площадь Виктория были точками сбора демонстрантов ЕСФ. Большинство участников, впрочем, посадили на Палеоаэродроме на автобусы и вывезли к Старому детскому парку, откуда — вдоль по Леофорас Александрас (проспекту Александра, названному, кажется, в честь Александра Македонского) — от центра на восток и должна была двигаться демонстрация (Омония и Виктория оставались у демонстрантов за спиной, «опасный» Политехнический — по правую руку в трех кварталах). Маршрут был выбран максимально уродский: долго-долго топтать по Леофорас Александрас и затем, обогнув Ликабеттийскую гору с высящейся на ней церковью Георгия Победоносца (самая высокая точка Афин), через богатый район Колонаки (где сосредоточены посольства, государственные учреждения и роскошные виллы) — на Синтагму. Это всё равно что чешать левой рукой правое ухо: от Омонии до Синтагмы по Стадии — полчаса ходьбы.

Уже начало демонстрации было глупо-скандальным, свидетельствовавшим опять-таки об утрате единства: подрались между собой троцкисты и представители «Синспизмос» (Блок левых и прогрессивных сил) — не поделили, кто возглавит шествие. Но самое весёлое началось, когда демонстранты вступили в Колонаки. Анархисты, внедрившиеся в колонны большими группами, принялись систематически нападать на полицейских, на окрестные банки, министерства, посольства и тому подобные заведения. Полиция ответила короткими рейдами против демонстрантов с использованием дубинок и слезоточивого газа.

Тут необходимы некоторые пояснения. ЕСФ не предусматривают уличного противостояния. Это не «контрсаммиты» G7 (G8), на которых «антиглобалисты» вполне естественно оказывают уличное давление на съехавшихся руководителей богатейших стран мира. На ЕСФ никаких уличных столкновений никогда не было, и к ним никто из участников Социального Форума не был готов. На демонстрацию ЕСФ пришло, помимо 30 тысяч делегатов Форума, ещё 20—30 тысяч афинян — и многие целыми семьями, с маленькими детьми, как на народные гулянья. Именно им и достался слезоточивый газ. Анархисты вели себя не просто как про-

вокаторы, а *подло*: использовали демонстрантов ЕСФ как живой щит, метали из-за их спин камни и бутылки с «коктейлем Молотова» (несколько раз, кстати, засветили камнями в спины демонстрантам, в основном из итальянской делегации). В отличие от демонстрантов ЕСФ, анархисты были заранее готовы к столкновениям: они все как один запаслись противогазами. То, что именно «антиглобалисты» оказались основной жертвой их действий, анархистов явно не волновало: похоже, они не рассматривали участников демонстрации как союзников (пусть даже ча-

стичных) по антиимпериалистической борьбе. Они не обращали внимания на то, что подставили под полицейские дубинки и слезоточивый газ женщин и детей, не подумали, что для некоторых (аллергиков, например) соприкосновение со слезоточивым газом может кончиться очень плохо. Конечно, греческий слезоточивый газ куда более щадящий, чем наш: выветривается быстро и не вызывает таких осложнений, как «черёмуха», — недельных и совершенно неожиданных (от вполне понятных бронхита или конъюнктивита до не ясно почему возникающих цистита и уретрита), но многое ведь зависит от того, какую дозу схватишь.

Неудивительно, что участники основной демонстрации восприняли анархистов как провокаторов, о чем им и кричали (кричали и более оскорбительные вещи, например «фашисты!»). Перед американским посольством какие-то пожилые пацифисты, по виду — ветераны антивоенного движения времён Вьетнама, пытались даже встать живым щитом между полицией и анархистами.

На предыдущих «антиглобалистских» «контрсаммитах» (скажем, в Гётеборге, Генуе или Праге) в ряды анархистского «чёрного блока» внедрялись полицейские провокаторы, которые и устраивали беспорядки. В Генуе, например, они поразили свидетелей тем, что прямо на улицах договаривались о координации действий с местными «омоновцами», а в Праге наутро после беспорядков, не переодевшись, с «ирокезами» и в анархистском «прикиде», заходили в здание Главного комиссариата полиции (и постовые отдавали им честь!). Но в Афинах не было никаких полицейских провокаторов. Там достоверно действовали те же самые анархисты, что устраивали демонстрацию на Монастираки. Они не могли не понимать, что дискредитируют ЕСФ, дают возможность буржуазным СМИ вновь выставить «антиглобалистов» сборищем хулиганов, крушащих витрины (что и было сделано вечером того же дня по всем телеканалам). Значит, они сознательно стремились именно к этому. Значит, они сознательно играли против ЕСФ.

Если целое направление движения протеста — в данном случае анархисты — согласилось выступить в роли полицейского провокатора против «антиглобалистов», «антиглобалистское» движение обречено: оно слишком открыто и слишком неструктурировано для того, чтобы противостоять провокациям вообще, а уж тем более — провокаторам изнутри, из своих рядов.

Открытый кризис

Если бы кризис ЕСФ проявился только в наплевательском отношении организаторов к своим обязанностям и в отколах анархистов и других радикалов (пусть даже и с провокациями), это было бы ещё полбеды. Негодных организаторов можно показательно раскритиковать и заменить другими. «Раскольников» можно публично заклеить и впредь стараться избегать общения с ними (хотя это и противоречит смыслу «антиглобалистского» движения как объединения разносторонних

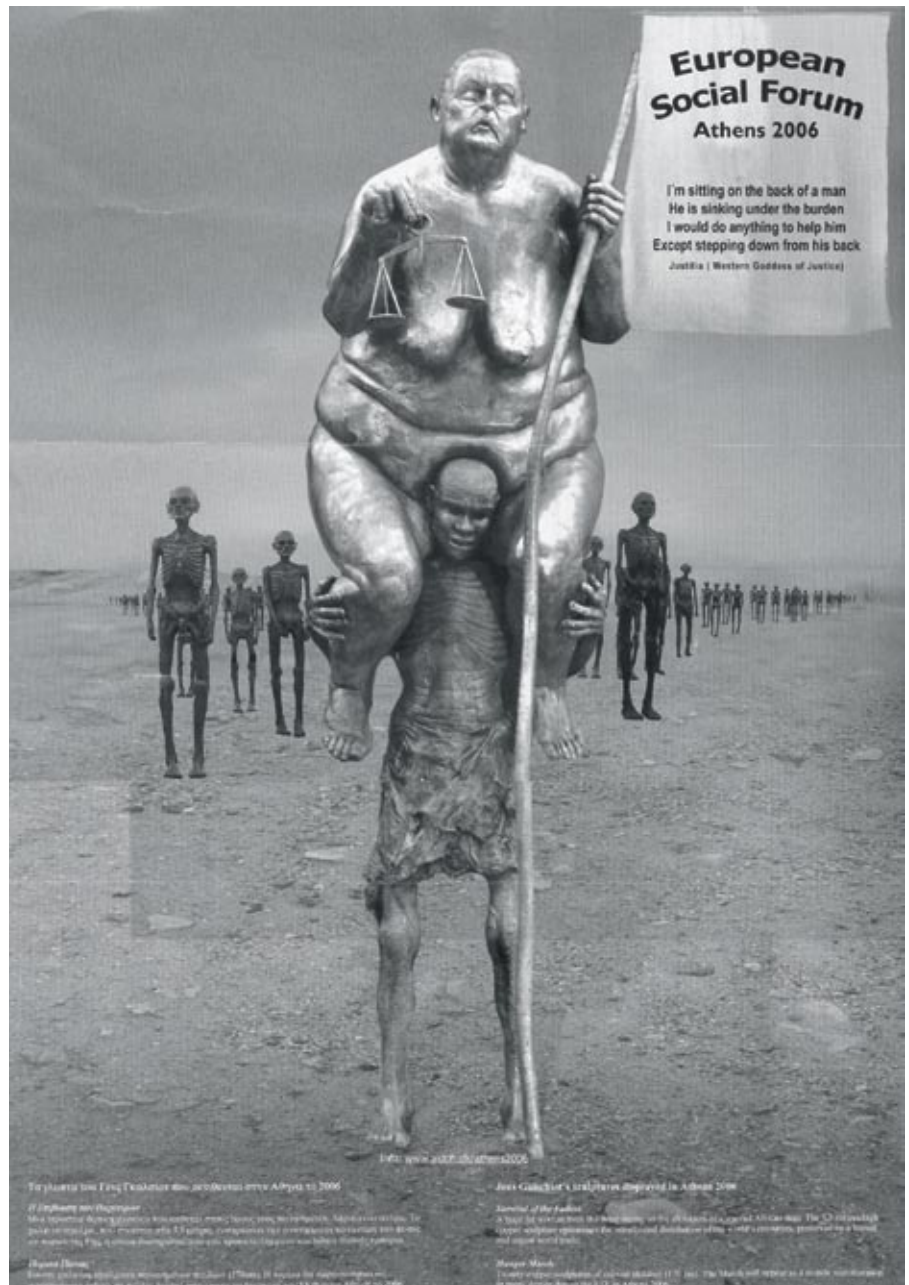
сил, противостоящих неолиберализму). Но Афины показали, что болезнь европейского «антиглобализма» куда серьёзней.

Во-первых, и без откола анархистов и разных радикальных коммунистов в глаза бросилось резкое сужение спектра участников. Афинский ЕСФ проходил под преимущественно красными флагами — причём это были не флаги АТТАК (знак процента на красном поле), а вполне традиционные красные знамёна. Было разноцветье на этом Форуме резко потуснело. Конечно, были и феминистки, и пацифисты, и движение против пыток, и «Эмнисти интернешнл», были курдские, баскские, палестинские и испанские республиканские флаги. Но всё-таки было очень заметно, что многие «умеренные» и те, кто решает «частные» проблемы (экологи, феминистки и т. п.), на форум не приехали. Да и просто 30 тысяч в Афинах нельзя сравнить с 300-ми тысячами во Флоренции.

Похоже, поражения и неудачи неолибералов в последние годы действительно подтолкнули многих «умеренных» к благодушию и пассивности (или, во всяком случае, к мысли, что не всё так плохо, чтобы постоянно столь же тесно, как и раньше, сотрудничать с «радикалами»). А «радикалы» не предприняли никаких усилий, чтобы переубедить «умеренных». «Радикалы», похоже, и сами слишком оптимистично смотрят на развитие событий. Не случайно традиционный лозунг «антиглобалистов»: «Иной мир возможен!» — в Афинах был заменён новым: «Мы творим историю!». Конечно, прежний лозунг был неудачным, на некоторых языках наводящим на мысли о загробной жизни, но новый явно не соответствует действительности. Не участники семинаров ЕСФ творят историю. Её по-прежнему творят те, у кого в руках деньги и оружие, капиталы и власть — и те, кто им противостоит, тоже с оружием в руках, либо опираясь на не подконтрольные мировому империализму территории, ресурсы, производства. Европейские «антиглобалисты» никак не могут приписать себе поражения неолиберальной глобализации: не «антиглобалисты» сделали так, что войска НАТО увязли в Афганистане, где они контролируют только Кабул и пару крупных городов и вынуждены вдвое увеличивать свой оккупационный корпус. Не «антиглобалисты» организовали и ведут партизанскую войну в Ираке, медленно, но верно превращающемся для США и их союзников во второй Вьетнам. Не европейские «антиглобалисты» привели к власти Лулу в Бразилии, Чавеса в Венесуэле и Моралеса в Боливии. Не европейские «антиглобалисты» разоблачили пытки и военные преступления солдат США и Великобритании в Ираке или показали полную неспособность неолибералов решать социальные проблемы в самих США, что выяснилось на примере Нового Орлеана. Уж конечно, не европейские «антиглобалисты» развернули крестьянские герильи в Непале, Перу и на Филиппинах. Падение неофранкистского правительства Аснара в Испании и вывод испанских войск из Ирака не их заслуга: это — следствие теракта 11 марта, проведённого исламистскими боевиками, и разоблачения предвыборной лжи неофранкистов, цинично пытавшихся переложить ответственность за

теракт на левых (на ЭТА), — разоблачения, которое осуществило — малоизвестный факт — *кубинское радио* в передачах на Испанию. Даже падение Берлускони* «антиглобалисты» не могут записать себе в актив: Романо Проди — неолиберал и глобализатор, еврочиновник, лишь по недоразумению числящийся «левым»... Задача, стоявшая перед «антиглобалистами» в период зарождения движения, — сплотить всех, кому угрожала неолиберальная глобализация, — давно выполнена. Но это — задача оборонительного характера. Перейти в наступление «антиглобалисты» оказались не способны. Во всяком случае, в Европе. Во-вторых, Афины продемонстрировали исчезновение заинтересованности участников в действительно искреннем единстве, солидарности и открытости друг другу (что традиционно прокламировалось «антиглобалистами»). На предыдущих форумах шел активный и взаимопользительный обмен информацией, опытом, контактами, было *живое, заинтересованное общение* — поистине *гуманное и бескорыстное* (там, где возникает корысть, там человек перестает быть человеком и превращается в *машину по получению доходов*). Нормой были бурные, эмоциональные, искренние, демонстрирующие подлинную заинтересованность дискуссии. Происходило *взаимное обогащение* — за счёт обмена до того не известными и неожиданными идеями, опытом, информацией, методиками, за счёт *познания нового*.

В Афинах всё это осталось только у анархистов и радикальных коммунистов, то есть *за пределами ЕСФ*. Подход же «антиглобалистов» к самому Форуму был сугубо прагматическим и сугубо *капиталистическим*. Семинары и «рабочие столы» более всего напоминали традиционные давно уже мёртвые мероприятия буржуазной академической науки. Никто не был заинтересован в другом и никто другого не слушал. Главной задачей каждого делегата было выступить и сказать своё — то есть отметить, провести мероприятие «для галочки». Буржуазная академическая наука так и существует: там *каждый* другой член «научного сообщества» — это *конкурент*, поэтому слушать его даже вредно, необходимо строить *собственную* карьеру как способ создания индивидуального имущественного благосостояния; участие в конференциях, форумах и т. п. необходимо, чтобы «быть на слуху» и иметь возможность зафиксировать факт участия в *curriculum vitae* (это важно); публикации ценны не своим содержанием, а самим фактом публикации — для помещения их в *publication list*, который можно всем представить; членство в профессиональных объединениях необходимо для подтверждения принадлежности к «корпорации»

и утверждению своего статуса. К науке это отношения не имеет, это ритуальное поведение корпорантов.

Участники Афинского Форума вели себя именно так — как буржуазные корпоранты: демонстрировали откровенное отсутствие интереса к чужим взглядам и познанию нового. Каждый вежливо отбарабанивал свой текст — а дальше хоть трава не расти. Люди отсиживали своё время, выполняли свой урок — не более того.

Это касалось и тех семинаров и «рабочих столов», на которых принимались решения о ближайших действиях. На обсуждении грядущих «контрсаммитов» в Ростке и Петербурге, например, только Борис Кагарлицкий выступил с внятной речью, в которой предупредил всех, что в сегодняшней России любые протестные выступления власть способна парализовать грубо-полицейскими методами: задерживая без причин активистов накануне проведения саммита, закрывая город для въезда, жестоко расправляясь с манифестантами. Поэтому многое зависит от активности западных «антиглобалистов»: избивать до

* В 2006 году — на момент написания статьи

смерти знаменитых на весь мир иностранных профессоров путинский ОМОН пока ещё не готов из опасения скандала (а по-другому действовать он не умеет). Но остальные участники предпочли выступление Кагарлицкого не заметить и говорили о своём: как они хорошо устраивали «контрсаммит» в Генуе или о том, что с империализмом надо бороться, потому что с империализмом надо бороться. Вообще, произнесение традиционных «революционных» мантр и заклинаний вместо осмысленных речей было бичом Афинского Форума.

Если многие из выступавших просто тупо «отрабатывали урок», то организации, как правило, *занимались саморекламой*, используя площадку Форума не для взаимодействия, а для вербовки новых членов и распространения информации о себе (тоже — с целью потенциальной вербовки). Говоря иначе, они подходили к Форуму *потребительски, паразитировали на нём*.

В лучшем случае Афинский ЕСФ использовался для закрепления (упрочения) уже существующих контактов со «своими» (своей тенденцией у троцкистов, своим кругом организаций у экологов и т. п.), отчего Форум фактически выступил в качестве инструмента *не объединения, а разъединения*, разрушая

ФОРУМ ФАКТИЧЕСКИ ВЫСТУПИЛ В КАЧЕСТВЕ ИНСТРУМЕНТА НЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ, А РАЗЪЕДИНЕНИЯ, РАЗРУШАЯ «АНТИГЛОБАЛИСТСКИЙ» ЗАМЫСЕЛ И ПРЕВРАЩАЯСЬ В БЕЗОБИДНЫЙ ВСЕЕВРОПЕЙСКИЙ ДВОРЕЦ ПИОНЕРОВ И ШКОЛЬНИКОВ С КРУЖКАМИ ПО ИНТЕРЕСАМ

«антиглобалистский» замысел и превращаясь в безобидный всеевропейский Дворец пионеров и школьников с кружками по интересам. Даже новые контакты на Форуме в основном устанавливались, насколько можно было заметить, не по принципу интереса к одним и тем же социальным проблемам, а как у субкультурных подростков — по внешним признакам: «прикиду», «фенечкам» (значкам), флагам и лозунгам, поведению.

Фактически начала работать система распознавания «свой—чужой» — и с «чужими» вежливо не общались. Хотя по определению *все* участники должны были считаться *своими*, а *чужими* были враги — неолибералы-глобализаторы, милитаристы, фашисты, фундаменталисты, консерваторы, клерикалы, шовинисты и расисты, банкиры и прочие капиталисты, деятели шоу-бизнеса и т. д.

Видимо, по этой же причине демонстрация 6 мая не вылилась, вопреки ожиданиям, в митинг. Более того, сама демонстрация проходила в условиях *разъединения*: разные организации держались *отдельно друг от друга*, особыми группами. Иногда — для наглядности — между разными организациями специально оставляли значительный промежуток: чтобы были видны «партийные» плакаты и чтобы, упаси бог, никто не подумал, что такая-то микроскопическая партия может идти в обнимку с другой. У каждой были свои лозунги и свои «кричалки». У каждой организации явственным образом была одна цель: засветиться, отметить, обратить на себя внимание. Демонстрация вылилась в протокольное мероприятие. Тех, кто пом-

нит праздник Флоренции, Афины, наверное, поставили в тупик.

Без сомнения, безобразная организация Форума была лишь обратной стороной потребительского отношения к нему большинства участников: это взаимосвязанные вещи, ярко иллюстрирующие *формализацию* ЕСФ, потерю им живой души, превращению ЕСФ в безобидный и бесплодный обряд — наподобие академических конгрессов.

В-третьих, Афинский Социальный Форум не смог выполнить задачу, которая формально перед ним стояла: интегрировать в «антиглобалистское» сообщество страны Восточной Европы. И сама-то эта задача, скажем прямо, была надуманной и явилась отражением того, что европейские «антиглобалисты» почувствовали: движение не развивается (а раз движение не движется, почему же оно — движение?). Пошли по простому пути, тупо копируя неолибералов-глобализаторов: раз НАТО и ЕС расширяются на восток, то и ЕСФ должны «расшириться на восток». При этом не было принято во внимание, что делегации из большинства стран Восточной Европы и прежде присутствовали на ЕСФ (хотя обычно скромные) и что никакого «антиглобализма» в Восточной Европе не будет до тех пор, пока там не сформируются мощные левые общественные движения. А этого не добиться просто с помощью переноса ЕСФ восточнее, для этого нужна активная информационная, пропагандистская, тренерская, теоретическая и финансовая экспансия, нужен совсем иной уровень солидарности, чем прежде.

Обеспечить приезд делегаций с Востока — несложно, задача была в том, чтобы принять и осознать как свои специфические проблемы Восточной Европы. Этого сделать никто не захотел. Западная Европа смотрела на Восточную через очки *культурного расизма* — пусть левого, но культурного расизма.

Более того, к задаче организаторы подошли и формально, и халтурно: обеспечивать полномасштабное представительство Восточной Европы на Форуме они явно не собирались. Бедные восточноевропейские страны требовали значительной финансовой помощи. Организаторы обещали, но обманули. С Россией, во всяком случае, получилось именно так: обещанных первоначально сумм российская делегация не получила. Поэтому и поехала в куда меньшем составе, чем могла бы, — и в значительной части за свой счёт, а оставшиеся отправились на автобусе безумным кружным путем: через Польшу, Германию, Австрию, Италию, затем — на пароме до Патр, а уж оттуда (то есть с запада, с не с востока) — в Афины.

«Кинули» не только нашу делегацию, но и других восточноевропейцев. На Палеоаэродроме я встретил старого знакомого Матиаша из Будапешта, который, заикаясь от волнения, рассказал: организаторы обещали оплатить приезд в Афины большой венгерской делегации во главе с известным историком, лидером левого крыла Венгерской социалистической партии Тамашем Краусом — и обманули. «Это же дискриминация Восточной Европы!» — возмущался Матиаш. «Дискриминация», — согласился я. А что другое тут можно было сказать?

В скоростном трамвае, курсирующем вдоль побережья мимо Палеоаэродрома (построили к Олимпиаде, почему он «скоростной», сказать не могу, московские нескоростные ходят примерно с той же скоростью), меня атаковала женщина из Кошице, услышавшая русскую речь. Первоначально она высказала всё, что думала о Горбачеве («Проститутка, он продал нас Западу, капиталистам!» — наскокивала она на меня. Пришлось сказать, что Горбачев и нас тоже продал Западу. Это её несколько успокоило и примирило с русскими.) Затем она с обидой рассказала, что её отца, партизанского командира, участника Словацкого национального восстания, при Клаусе выселили из квартиры в Праге как «коммунистического пособника» и выгнали в Словакию — как словацкого гражданина. 75-летний партизан от потрясения умер. «Это же фашизм! — возмущалась женщина. — Неолибералы — это фашисты! У вас тоже репрессируют борцов с фашизмом?» Пришлось ей сказать, что у нас до этого пока не дошло (видимо, это — следующая стадия). А затем женщина пожаловалась, что и их — словацкую делегацию — «кинули» организаторы ЕСФ!

Видимо, это было общим явлением. Кстати, по рассказам Матиаша и других участников, восточноевропейцы и руководители ЕСФ друг другу активно не понравились: делегаты с Востока были слишком бедные и вызвали своим присутствием дефицит всего чего можно, но при этом очень любили «качать права» и скандалить, отказываясь вести себя так, как положено «бедным родственникам». А организаторы, солидные, вальяжные, ночевавшие не в ангаре на полу, а в дорогах гостиницах, и подъезжавшие на Палеоаэродром в машинах с шоферами, вызывали у восточноевропейцев вполне определённое *классовое чувство*. Как сказал один из членов нашей делегации, указывая на скульптурный символ Форума (композицию скандинава Йенса Галштиота «Голодный марш», на которой истощенный африканец тащит на своих плечах оплывшую от жира старуху-Европу), «это вот наш Форум: внизу — мы, а сверху — организаторы».

Конечно, с подбором делегатов и у восточноевропейцев было не всё в порядке. На меня, например, произвел сильное впечатление человек из нищей, полуголодной, задавленной клерикалами Румынии — стильно одетый и раскрашенный, как проститут 70-х годов из Булонского леса, — который доказывал мне, что продовольственная проблема — дело временное («когда-нибудь будут разработаны такие технологии, что пищи будет в избытке, девать будет некуда»), а самая важная общественная проблема современности — равноправие трансвеститов. И сверкал при этом зубами, инкрустированными мелкими бриллиантами.

И в российской делегации было много странного. Например, представитель ЛДПР, непонятно как попавший в число участников. «Яблочник» в костюме-«тройке», доставший окружающих своим возмущением по поводу присутствия на Форуме палестинцев: «Все палестинцы — террористы! Это же поддержка мирового терроризма!» На объяснения, что целый народ не может быть террористом и что на Форуме присутствовала Компартия

Палестины, сама — объект исламистского террора, «яблочник» не реагировал. «Все палестинцы — террористы!» — продолжал твердить он. Удивительно, что его никто не побил. По-моему, зря. Расистов надо бить.

Какие-то женщины из провинции (кажется, из профсоюза учителей с Алтая) вообще восприняли поездку на Форум как шоп-тур и вместо участия в семинарах затарились шубами. Позже левые активисты долго ругались по этому поводу: кто виноват — Институт проблем глобализации (ИПРОГ) или Институт «Коллективное действие» (ИКД)? Кто этих женщин пригласил?

Но и сами левые активисты далеко не все были адекватны. Некоторые наши комсомольцы по дурацки приняли участие в анархистской провокации и втянулись в столкновения с полицией и битье витрин. Ни один не подумал о том, что впереди — саммит G8 в Питере и лучшее предложение для превентивных полицейских репрессий, чем их поведение в Афинах, придумать нельзя. Собственно, прикормленный журналист Михаил Романов из «желтого» «МК» уже так и написал — в статье «Как могут разгромить Питер». И даже выставил российскую левую молодежь «погромщиками» и «поджигателями», а известного политолога Бориса Кагарлицкого — лидером этих «погромщиков» и «поджигателей». «В Греции будет репетиция Питера» (читай: погром) — якобы сказали Романову наши «антиглобалисты». Впрочем, видный деятель СКМ Дмитрий Чёрный умудрился написать об анархистской провокации 6 мая так: «Слезоточивый газ нам сладок и приятен!»

Главная проблема российских левых — не отсутствие денег. Главная проблема — отсутствие мозгов.

Вместо заключения

Конечно, на индивидуальном уровне (или на уровне организаций) все, кто стремился к этому, вынесли из Афин что-то полезное: укрепили (или восстановили) старые связи, завязали новые, договорились в «частном порядке» о сотрудничестве. Ознакомились с чужим опытом, о котором, возможно, не могли узнать другим способом (скажем, из-за языкового барьера). Например, представители Союза координационных советов (СКС) России, борющиеся против неолиберальной жилищной реформы, завязали многочисленные связи с аналогичными организациями на Западе и вообще наконец заявили о себе на международном уровне (что гарантирует определенную поддержку их действий за рубежом — вопрос лишь в том, произведет ли такая поддержка хоть какое-то впечатление на наши власти). Для наших борцов с реформой ЖКХ особенно полезно, наверное, было узнать о борьбе турок и курдов в Стамбуле, которых власти собирались выселить в чистое поле из занимаемых ими барачков и которые целый месяц сражались на построенных ими баррикадах с полицией, отстаивая своё право на жильё. Боюсь, однако, что наши так и не осмелятся воспользоваться этим вдохновляющим примером. Наконец, полезно даже простое избавление от иллюзий.

ПРИМЕЧАНИЕ РЕДАКЦИИ:

Все выводы Александра Тарасова о ситуации с европейским антиглобализмом полностью подтвердились на социальном форуме в шведском Мальмё в сентябре 2008 г.: «Такого хаоса, как в Мальмё, не было ещё ни на одном подобном мероприятии», — писал Борис Кагарлицкий («Хаос по-скандинавски» // http://scepsis.ru/library/id_2183.html)

ЧЕМ ПЛОХА СЫРЬЕВАЯ ЭКОНОМИКА?

Фотографии: Christopher Ident
Российский государственный исторический архив

Написать эту статью меня побудила одна-единственная колонка известного публициста Леонида Радзиховского в газете «Взгляд»¹. Казалось бы, зачем реагировать на каждую статью? — на каждый чих не наздравствуешься. Но... «к любым чертям с матерями катись любая бумажка, но ЭТА...» Эта статья такова, что её обязательно нужно прочесть самому — не пожалеете. Это манифест нашей «элиты», нашего «миддл-класса», наших «правых». Обычно они маскируют свои взгляды за декларациями о необходимости диверсификации экономики и «перехода на инновационные рельсы», о том, как же нам «слезть с нефтяной иглы»². Но иногда откровенно говорят то, что думают и что намерены делать на самом деле. Суть статьи очень проста: нечего стенать о неправильности сырьевого пути развития нашей экономики, нормально живём! Цитата: «вовсе не факт, что такая жизнь — прелюдия к “национальной катастрофе”». По крайней мере, никто не доказал ни теоретически, ни тем более практически, что у нас возможна другая, “правильная” жизнь».

Никто ему, видите ли, не доказал. Другой бы упрекнул Л. Радзиховского в том, что он собственное невежество пытается выдать за «бессилие науки перед тайною Бермуд». Но я, наоборот, скажу ему спасибо! Мне давно хотелось высказать некоторые мысли по поводу российской экономики и политики, но я стеснялся — думал, зачем прописные истины повторять? А тут такой случай подвернулся — солидный человек с кандидатской степенью всерьёз спрашивает: что плохого в сырьевой экономике? Ну что же, спрашиваете — отвечаем.

Когда кончится нефть?

Начнём с главного обывательского аргумента против сырьевой экономики: а если нефть кончится, что тогда? Л. Радзиховский его победоносно развенчивает: «...об исчерпании запасов “через 15–20 лет” говорят уже лет 30. Безразмерные 15 лет получаются. А тем временем открывают у нас всё новые месторождения, а благодаря новой технике можно добывать уже бог знает где. Конечно, нефть — невозобновляемый ресурс. В теории. А на практике — всё расширяются и расширяются разведанные запасы».

Об открытии «всё новых месторождений» мы ещё вспомним в конце статьи. А пока заметим, что сколько-нибудь научных аргументов в пользу неисчерпаемости запасов нефти Радзиховский не приводит. Между тем, они существуют, и экономистам известны. Это называется «теория рога изобилия», и наиболее полно она изложена в нашумевшей книге американского профессора Джулиана Саймона «Неисчерпаемый ресурс»³. Суть: по мере исчерпания запасов, цена сырья возрастает, а это вызывает изменения и в спросе на сырье, и в его предложении. Потребители экономнее расходуют подорожавшее сырье, и, по возможности, ищут ему замену. Производители же, вдохновлённые ростом цены, ищут новые месторождения, а также полнее извлекают сырье из известных месторождений. Потому что те залежи, что было невыгодно разрабатывать при 20 долларах за баррель, становятся очень даже привлекательными при 100. Вот этих рыночных эффектов и не учитывали алармисты — авторы прямолинейных прогнозов, которые предсказывали исчерпание запасов нефти через 15 лет, че-

1. Радзиховский Л. Меланхолическое? Циническое? Оптимистическое? // «Взгляд», 06.05.2008. <http://www.vz.ru/columns/2008/5/6/165647.html>

2. Илларионов А. Н. Как слезть с нефтяной иглы // газета «Аргументы и факты», 14.12.2005. http://gazeta.aif.ru/online/aif/1311/09_01

3. Саймон Д. Неисчерпаемый ресурс. — Челябинск: Социум, 2005. — 797 с.

рез 20 и т. п. По мере роста цены, наступит такой момент, когда станут рентабельными иные источники данного сырья, потенциально более ёмкие (например, станет выгодным получать моторное топливо из биомассы). Таким образом, согласно этой теории, ценовой механизм свободного рынка уберезит нас от полного исчерпания запасов любых природных ресурсов. Только, как ни парадоксально, алармисты, которых разоблачает Дж. Саймон, необходимы для того, чтобы его теория сработала! Потому что моментально сократить потребление сырья, моментально найти ему замену или разведать новые запасы невозможно. Готовиться нужно заранее, задолго до того, как редкость сырья повысит его цену до заоблачных высот. Для того, чтобы мрачные прогнозы не оправдались, кто-то должен заранее бить в набат.

И, тем не менее, запасы ископаемого сырья на Земле КОНЕЧНЫ, и не «в теории», а в жизни (кстати, недавно в «Известиях» была опубликована популярная статья профессора МФТИ Г. Г. Малинецкого⁴, касающаяся этой проблемы и некоторых других, обсуждаемых ниже). Что мы, россияне, будем делать, когда нефть... не то, чтобы кончится совсем, а станет по причине редкости столь дорогой, что всё-таки придётся найти ей замену? Наиболее откровенно на эту тему высказался один из самых авторитетных в «правых» кругах экономистов, Андрей Илларионов в статье «Как слезть с нефтяной иглы?»⁵. Замечу сразу, что статья не соответствует названию — весь её пафос как раз в том, что слезать-то и не надо, НАМ и так хорошо (кому именно «нам» — уточним ниже). Так вот, когда корреспондент спросил, что же Россия будет делать, когда нефть всё-таки кончится, Илларионов простодушно ответил: к тому времени человечество наверняка что-нибудь придумает. Добавлю: конечно, придумает! И сразу же бесплатно поделится с нами результатами своих исследований, на которые потрачены десятки лет и триллионы долларов. Вера наших «правых» в скатерть-самобранку вызывает восхищение. Потому и беру слово «правые» в кавычки, поскольку, вроде бы, правая идея не в последнюю очередь предполагает, что ничего бесплатного в нашей жизни нет. Илларионов, напомню, у них экономистом считается...

«Нефтяной коммунизм», или Кому на Руси жить хорошо?

Ну и ладно, говорит Л. Радзиховский, но ведь сейчас нам хорошо живётся? **«Никогда»** Россия так богато не жила, как сейчас. Да, целая вселенная лежит между миллиардером М. Д. Прохоровым и пенсионером М. Д. Прохоровым, но в среднем — и не в одной Москве — люди никогда так не питались, не одевались и т. д., как сейчас. ... Нефтяной коммунизм — пусть не для всех, но обильное потребление — уже для очень многих. А завтра — для ещё более широкого круга. Если почитать «правых» публицистов, социально-экономические проблемы России придумали коммунисты, чтобы им было о чём стенать. Но давайте всё же опираться

не на эмоции и не на личный опыт (понятно, что он у каждого свой), а на официальные цифры. В принципе, необходимые данные приводятся на сайте Госкомстата⁶. Для наглядного представления неравенства доходов население, упорядоченное по возрастанию душевого дохода, делят на группы равной численности, чаще всего — на 10 групп, каждая из которых включает в себя 10% населения. Они называются децильными группами, или просто децилями. В таблице 1, составленной в Институте социально-экономических проблем народонаселения (ИСЭПН) РАН⁷, приведены данные о среднедушевых доходах децильных групп населения России в 2003 г. и в первом квартале 2007 г. Именно доходами разных групп населения определяется благосостояние, а не «средней температурой по больнице».

Дециль	2003	2007
1	1119	2119
2	1824	3118
3	2388	4272
4	2957	5492
5	3586	6877
6	4324	8551
7	5240	10713
8	6507	13791
9	8553	19001
10	15202	37665

Таблица 1. Среднемесячные номинальные денежные доходы децильных групп населения России в 2003 и 2007 гг., рублей в месяц.

Пусть не обманывает нас существенный рост доходов всех децилей: это доходы *номинальные*, то есть измеренные в текущих ценах. Сравнить же имеет смысл только *реальные* показатели, вычисленные в неизменных ценах какого-то года, принятого за точку отсчета. Опять-таки, на сайте Госкомстата можно найти *дефлятор*, показывающий, что средний уровень цен возрос к началу 2007 г. примерно в 1,8 раза по сравнению с 2003 г. Следовательно, для изучения динамики реальных денежных доходов необходимо цифры 2007 г. разделить на 1,8. При этом оставим за скобками тот факт, что темп инфляции для бедных, как правило, выше такового для более состоятельных граждан (в силу различия потребительских наборов) — и без того результаты получаются невеселыми. Они приведены в таблице 2.

Дециль	2003	2007	Прирост
1	1119	1177	5,2%
2	1824	1732	-5,0%
3	2388	2373	-0,6%
4	2957	3051	3,2%
5	3586	3821	6,5%
6	4324	4751	9,9%
7	5240	5952	13,6%
8	6507	7662	17,7%
9	8553	10556	23,4%
10	15202	20919	37,6%

Таблица 2. Среднемесячные реальные денежные доходы децильных групп населения России в ценах 2003 г., рублей в месяц.

4. Лесков С. Станет ли Сибирь 52-м штатом США? (интервью с Г. Г. Малинецким) // Известия, 06.06.2008. <http://www.izvestia.ru/obshestvo/article3117125/>

5. Илларионов А. Н. Как слезть с нефтяной иглы // газета «Аргументы и факты», 14.12.2005. http://gazeta.aif.ru/online/aif/1311/09_01

6. <http://www.gks.ru>
7. Шевяков А. Ю., Жаромский В. С., Сопцов В. В. Социально-экономическое неравенство и бедность: состояние и пути снижения масштабов // Экономическая наука современной России, № 3, 2007. С. 62-74.

Выходит, что за 3 года наибольшего расцвета российской экономики реальные доходы половины населения практически не выросли или даже сократились. Зато доходы представителей 10-го дециля возросли в реальном выражении на 38%. *Децильный коэффициент* (соотношение среднедушевых доходов 10-го и 1-го децилей) возрос с 13,6 до 17,8. Это называется «нефтяной коммунизм — пусть не для всех»?! Такое расслоение и такая динамика его изменения — это даже не тревожный сигнал, **по меркам развитых стран это — позор**. Вполне в духе наших «правых» — делать вид, что всё хорошо, а потом, если у котла сорвет крышку, всегда можно сослаться на происки германского генштаба, пломбированный вагон, etc. Но того, что ту или иную страну до социального взрыва ДОВЕЛИ, ни один «правый» ни за что не признает. Им это запрещает идеология. Почему же подавляющее большинство россиян (как бы ни занимались самовнушением господ, не желающие замечать существования «двух России» и углубления пропасти между ними) остаётся лишним на этом празднике жизни? Да потому что большинство из нас — и правда лишние люди! И обижаться нам не на кого. Вся сфера добычи, транспортировки, возможно, переработки полезных ископаемых («возможно» — потому что на российской нефти работают огромные НПЗ в странах Балтии, Беларуси и т. д.) при всём желании не нуждается в таком количестве рабочей силы. Некоторые наиболее откровенные и циничные зарубежные экономисты и политики даже прикинули, что нас, россиян, для решения задач, отведённых нам «в рамках международного разделения труда», нужно, по разным оценкам, 25-50 миллионов человек. С обслуживанием, охраной, чадами и домочадцами. Так что для сырьевой экономики даже падающее население России — избыточно. Конечно, «лишним людям» тоже может перепадать какой-то кусок нефтяного пирога, если будет на то добрая воля сильных мира сего. А не будет доброй воли — не перепадёт, и бессмысленно на это жаловаться.

Отсюда — ситуация в российских науке и образовании. Ведь они нужны, востребованы только тогда, когда бизнес делает деньги на последних научных достижениях, когда от работников требуются серьёзные интеллектуальные усилия. А у нас бизнес совсем другой. К стати, вопреки распространённому стереотипу, «качать нефть» — тоже дело непростое. У нас на Физтехе в последние годы создано несколько кафедр, решающих физико-технические проблемы разведки, добычи, переработки полезных ископаемых. И, поверьте, проблемы там ничуть не проще, чем в гиперзвуковой аэродинамике или ядерной физике. Но всё равно многопрофильная наука, которая и эволюцию галактик исследовала, и геном человека, и древнюю письменность — такая наука сырьевой экономике без надобности. Потому-то и бытует в нашем языке уничижительный по сути термин «поддержка науки». Как будто учёные — это инвалиды, иждивенцы, которым, так и быть, бросим что-то с барского стола.

НЕТ! Это здоровые, умные, способные (уж никак не менее, чем многие другие) люди. Их не надо «поддерживать», они могут сами зарабатывать. Но только в той экономике, где именно их исследования позволяют бизнесменам выигрывать в конкурентной борьбе. А нашим бизнесменам и так хорошо. В связи с этим абсолютно бессмысленны всякие предложения по реформированию науки и образования (в чём отметился и сам Л. Радзиховский⁸). Да, наши наука и образование обросли множеством паразитов, которым грош цена в базарный день (и людям, работающим в этих отраслях, это известно лучше, чем «правым» публицистам). Но произошло это именно потому, что во многих отраслях российской науки уже много лет не было настоящего *дела*. Поэтому наивно звучат предложения «правых» по реформированию российских науки и образования: «давайте сделаем как на Западе!» (введем единую степень PhD вместо кандидата и доктора наук, перейдём на грантовую систему финансирования и т. п.) Увы, всё это не поможет. Если наука не будет востребована экономикой, а её будут лишь «поддерживать», — по объективным экономическим причинам настоящие учёные и педагоги вытеснят шарлатаны и свадебные генералы. Они и гранты будут получать, и степень PhD обзаведутся не менее лихо, чем сейчас — кандидатской или докторской. Только когда квалификация ученого будет проверяться в реальном деле, наука оздоровится и ведущие позиции в ней займут профессионалы. Прописные истины? Выходит, не для всех, если так много рассуждают о путях реформирования «неэффективной» российской науки (чаще всего те, кто в науке сам ничего не сделал). Наука не может быть ни эффективной, ни неэффективной, если для неё нет задач. Если её лишь «поддерживают». И не только наука, образование, наукоёмкие отрасли экономики, но и большинство перерабатывающих отраслей промышленности становятся ненужными, инвестиционно непривлекательными, неконкурентоспособными на фоне быстрых и легких сырьевых денег. Это называют по-разному — «голландской болезнью», «сырьевым проклятием». В итоге — деиндустриализация страны, развал всех отраслей промышленности, кроме сырьевых. Так наркоман постепенно бросает все второстепенные занятия (такие, как работа, забота о близких, культурное и физическое развитие и т. п.) ради главного дела своей жизни...

Нынешняя отраслевая структура российской экономики приводит ещё и к тяжёлым региональным проблемам. Сам автор обмолвился: «Почему в Пензе — [нефти] нет, а в Тюмени — залейся? Пензяки хуже, что ли? Да нет, не хуже. Просто — ну вот так получилось». «Ну вот так получилось», что в Пензе, согласно экономической логике, делать-то скоро станет совсем нечего. И в Орле, и в Майкопе. И на большей части территории России. В первую очередь это чувствует молодежь, стремясь... ну, на Север, на буровую — это редко, а вот в столицы, где денюжки распределяют, — с большим удовольствием.

8. Радзиховский Л. Расширенное воспроизводство // «Взгляд», 28.08.2007. <http://www.vz.ru/columns/2007/8/28/104316.html>

Поскольку большинство наших «правых» — это москвичи, небедные и с машинами, они очень активно обсуждают проблемы транспортного коллапса, всерьёз спорят, как бороться с пробками. Хотя при таком объёме маятниковой миграции на весьма ограниченную территорию, где располагаются московские офисы, задача просто не имеет решения. По законам арифметики. Ещё в этих кругах в моде светские беседы на тему: «ах, какие сумасшедшие цены на недвижимость в Москве, мы не можем себе позволить даже ипотеку!» Хотя ценовой механизм в данном случае (вновь вспомним теорию «рога изобилия») просто напоминает людям: Москва не резиновая, и вся Россия в ней не поместится.

А почему, собственно, она должна там помещаться? Заметим, что вся Швеция, например, не стремится в Стокгольм. Швед спокойно находит себе достойное место и для работы, и для отдыха, далеко не обязательно в столице. В Линчёпинге делает самолеты «СААБ», в Гётеборге — автомобили «Вольво». А хочет в университете профессором работать — едет в Уппсалу. Поэтому стокгольмскому метро не снились те картины, которые в московском (где-нибудь с 7 до 9 утра) в порядке вещей. И далеко не все американцы стремятся в Главный Город Мира (по классификации российских патриотов США). Спокойно находят работу — на любой вкус, интеллект и кошелек — практически в любом штате. Почему же? А потому, что высокотехнологичная перерабатывающая промышленность, наука, образование вполне спокойно размещаются в разных регионах страны. И не пустует, например, штат Огайо из-за того, что вся молодежь уехала в Нью-Йорк. Таким образом, как ни больно это признавать, запустение провинции, жилищное сумасшествие и транспортный коллапс в Москве — тоже следствия сырьевого перекаса в нашей экономике. Так что наши «правые» сами страдают от того, что хвалят!

Офисная свобода против тоталитарных заводов

Помимо материальной стороны дела, есть и морально-психологические аспекты. И тут автор совсем уж валит «с больной головы на здоровую»: «Но только ли эта экономика “самоедская”, “ужасная”, “позорная”? А когда под дулами и кнутами строили “с тяжким звероподобным рвением” высокопроизводительные домны и ракетные заводы — это не было ужасно? Это не было самоедством, “самоканнибализмом”, почти в буквальном смысле слова? Хотя это почему-то считалось “почётным”, считалось, что тут никто ни на чём не “паразитирует”...»

Представление о советской промышленности как состоящей из многочисленных ракетных заводов, видимо, почерпнуто из голливудских боевиков перестроечных времен, и сейчас вышло из моды даже на родине этих боевиков. И уж вовсе неясно, чем не угодили Л. Радзиховскому «высокопроизводительные домны», которым

некоторые наши олигархи обязаны местами в списке «Форбс». Но об этом позже, а сейчас речь о следующем. Выходит, в СССР бедные подневольные люди трудились «под дулами и кнутами», не понимая зачем. Зато сейчас жизнь и работа россиян наполнена смыслом, творчеством и свободой.

Я не знаю, откуда Л. Радзиховский вынес такое представление о труде в советское время. Но я знаю своих родителей, которые вполне осмысленно и с огромным интересом работали в те «проклятые» времена — на уральском заводе, в конструкторском бюро и в средней школе на Кавказе. Ещё знаю, как жил город Жуковский, где мне повезло учиться на Физтехе в 1990-е. Сюда приезжали со всей страны инженеры, учёные, лётчики-испытатели. Они ЖИЛИ! Бывает, даже гибли на работе, но на эту работу ноги несли их сами. И жуковчане 1940-х – 1980-х как раз очень хорошо понимали, что они делают и ради чего. А что сейчас? Дети и внуки тех самых конструкторов, профессоров и испытателей, мои сверстники (а также их родители, кто помоложе — те самые инженеры и ученые, только уже БЫВШИЕ), встают затемно по звонку будильника — и... платформа «Отдых», автобус 424, метро «Выхино», пробки. Офис. Вечером — в такой же толпе и давке, вымотанные (одна дорога — 4-6 часов в день), морально опустошённые — домой. Хотя какой это дом? «Дом, как известно всем давно, — это не стены, не окно»... Город превращается просто в спальный мешок.

Самый нетактичный вопрос, который я могу задать друзьям и сверстникам — нет, не о зарплате. А о том, чем они заняты на работе. Тому, кто, согласно известной притче, задавал этот вопрос на строительстве Шартрского собора, повезло с ответами куда больше. Жаль, не получится сравнить процент людей, понимающих, что и зачем они делают на работе, сегодня и в «проклятом» СССР. Впрочем, сегодняшнюю ситуацию изучить как раз можно, и такие исследования проводятся (недавно об этом писал Б. Кагарлицкий⁹). Как говорится, душераздирающее зрелище. Пустота. Постоянные невроты, причём не столько из-за перегрузок или риска, сколько из-за подспудного ощущения бессмысленности своей «работы», всех этих офисных дрызг, подсиживаний, имитации бурной деятельности. А чего стоят все эти кодексы корпоративной этики, дресс-коды и «корпоративные мероприятия», перед идиотизмом, суконностью и, кстати, тоталитарностью которых¹⁰ меркнут пресловутые партсобрания...

Советское время уже ушло, и соответствующих соцопросов не проведёшь. Но можно хотя бы вспомнить, какие книги писали люди о том *деле*, которому отдавали себя. Те же жуковские лётчики да инженеры¹¹. И так — во многих других профессиях. Вот пример навскидку: Виктор Конецкий. Хоть и предупреждает он в предисловии, что флот современный — это производство, рутина, и никакой романтики там нет (торговый флот, кстати — тоже не что иное, как бизнес), но дальше пишет — не оторваться. Причём в его

9. Кагарлицкий Б. Невроз в офисе // «Взгляд», 07.04. 2008. <http://www.vz.ru/columns/2008/4/7/157651.html>

10. Подробнее: Соколов М. Тренеры и кучеры // Эксперт, 02.06.2008. <http://www.expert.ru/columns/2008/06/02/naulitsepravdy/>

11. См., например: Гарнаев А., Ахроме-ев В. Аэроузел / М.: Издательский дом «Авиация и космонавтика», 1995. — 304 с.; Попов Л. С. Страстная неделя. — М.: Издательский дом «Авиация и космонавтика», 1995. — 256 с.

рассказах не раз встречаются упоминания о бесхозяйственности, неэффективности советской экономики, но именно потому, что автор (как и большинство моряков — от капитана до матроса) всё-таки осознавали, что они делают и для чего. Господин Радзиховский, а Вам слабо написать такие же книги о повседневном быте офисных менеджеров среднего звена?

А между тем, социальный заказ есть, и если не книги, то сериалы об этой «полной смысле, свободы и творчества» жизни снимают. Самый яркий пример — «Тридцатилетние». Когда я увидел ЭТО краем глаза, меня тошнило посильнее, чем от «Дома-2». И прежде всего потому, что это — правда. Так живёт немалая часть моего поколения. Кризис среднего возраста в 25–30 лет. Те, кто поумнее, понимают, как тратят лучшие годы жизни, но предпочитают не задумываться об этом, а то с ума сойдёшь. А ведь немало и таких, кто верит, что *это* — и есть настоящая жизнь. Когда они говорят, что работают, любят, переживают и т. п., у меня такое чувство... как будто игрок в пейнтбол сравнивает себя с героем Великой Отечественной войны.

Подчеркну, до сих пор речь шла об офисных работниках, то есть, формально, о работах умственного труда. Что касается рабочих — на стройках, в торговле и т. п. — даже боюсь представить себе, насколько прибавилось в их жизни осмысленности, свободы и креатива. Только добавлю, что по причине деиндустриализации страны

ЕСЛИ В ДРУГИХ ОТРАСЛЯХ ОСНОВНОЙ ИСТОЧНИК ДОХОДА — ТРУД И ИНТЕЛЛЕКТ, ТО В СЫРЬЕВЫХ — ДАРМОВАЯ РЕНТА (ДАРМОВАЯ, КОНЕЧНО, НЕ ДЛЯ ТЕХ, КТО НА БУРОВОЙ, А ДЛЯ ПОЛУЧАТЕЛЕЙ ОСНОВНЫХ ДОХОДОВ). А ПОДОБРАТЬ ДЕНЬГИ, ВАЛЯЮЩИЕСЯ ПОД НОГАМИ, ВСЕГДА НАЙДУТСЯ ЖЕЛАЮЩИЕ. ПОЭТОМУ В СЫРЬЕВОЙ ЭКОНОМИКЕ ГЛАВНОЕ ЗАНЯТИЕ — ОТОБРАТЬ ЧУЖОЕ И УДЕРЖАТЬ, ЧТОБЫ НЕ ОТОБРАЛ КТО-ТО ДРУГОЙ. А ГЛАВНЫЕ ЛЮДИ — НЕ РАБОЧИЕ, НЕ ОРГАНИЗАТОРЫ ПРОИЗВОДСТВА (ТЕ, КТО И ДОСТОИН НАЗЫВАТЬСЯ БИЗНЕСМЕНАМИ), А СИЛОВИКИ

(вызванной, как показано выше, сырьевым перекосом в экономике) многие представители «технической интеллигенции» перешли в разряд неквалифицированных работяг. Вчера ты проектировал робототехнические комплексы, получавшие призы в Брюсселе — а сегодня ты «бомбишь» у вокзала на своём старом авто. Это не метафора, это реальная история.

Экономика силовиков: «почётна и завидна наша роль...»

Ещё одна важная цитата: «За нашу нефть платят не только те, кто её покупает. Платят и мы сами — вполне определённым устройством своей экономики, правовых и социальных институтов». Л. Радзиховский признаёт, что сырьевая экономика накладывает отпечаток на институты общества, экономики, государства. Ну что же, разберёмся, какой именно отпечаток. Это будет полезно для понимания социальных и

политических особенностей нашей жизни. Начнём с основ экономической теории прав собственности.

Есть такая характеристика — *специфичность ресурсов*¹². Она показывает, насколько ценнее данное благо именно для данного владельца, чем для прочих. Специфичность вызвана уникальностью сочетания разных видов ресурсов. Например, туннельный электронный микроскоп обладает высокой специфичностью: для большинства обывателей это лишь железяка, ценность которой определяется возможностью сдать её в пункт приёма цветных металлов. Но для человека, умеющего с ним обращаться, это инструмент, способный дать гигантскую выгоду (и денежную, и нематериальную).

Какое отношение это имеет к правам собственности? Самое прямое. Специфичные ресурсы, в отличие от неспецифичных, сложно или не очень интересно отбирать у их нынешних владельцев. Забери у «Майкрософта» материальные активы — компьютеры, здания, где сидят программисты, и что? Самое ценное раскулаченные программисты унесут в своих головах. Забрали бы в свое время у американского авиаконструктора и промышленника Игоря Сикорского фирму «Sikorsky Aircraft» — и что? Рейдеры смогли бы проектировать и выпускать летающие лодки и вертолеты?

Заметим, что эти примеры относятся к высокотехнологичным и наукоёмким отраслям. Но даже обычное, не наукоёмкое производство — не самый лакомый кусок для силового захвата. Ну, отбери у немецкого предпринимателя (назовем его Ганс) его свечной заводик или лавку. А ты готов вставать ни свет ни заря, привозить сырье, искать поставщиков и подрядчиков, решать вопросы оперативного управления этим бизнесом 48 часов в сутки? Тогда ты уже сам — лавочник Ганс, и ничего тебе захватывать не надо.

А сырьевые отрасли находятся на противоположном конце шкалы специфичности ресурсов. И если забрать нефтяное месторождение, вышки и трубы у одного олигарха и передать другому, — как ни обидно это слышать защитникам М. Б. Ходорковского, компания не рухнет, хуже работать не будет (ну разве что временно, поскольку любой переходный период неизбежно дезорганизует работу любой компании). Это не фирма Сикорского — бизнес не тот. И прибыль новому владельцу нефтесдобывающая компания будет приносить не меньшую, чем преждему. Причем всё так же без особых усилий с его стороны. Капитализация на бирже, правда, упадёт (на что упирал плакальщики по ЮКОСу), но именно потому, что миноритарные акционеры почувствуют — их «права собственности» на самом деле ничего не стоят. Истинный собственник — другой.

Если в других отраслях основной источник дохода — труд и интеллект, то в сырьевых — дармовая рента (дармовая, конечно, не для тех, кто на буровой, а для получателей основных доходов). А подобрать деньги, валяющиеся под ногами, всегда найдутся

желающие. Поэтому в сырьевой экономике главное занятие — отобрать чужое и удержать, чтобы не отобрал кто-то другой. А главные люди — не рабочие, не организаторы производства (те, кто и достоин называться бизнесменами), а силовики. Поэтому слёзы плакальщиков по Ходорковскому — крокодиловы. Эти господа, с одной стороны — не против деградации российской экономики до примитивно-сырьевого уровня (потому что это отвечает основному принципу экономического либерализма — «пусть всё идёт, как идёт»), а с другой — лицемерно сожалеют о «сворачивании демократии». Нет уж, господа либералы, будем честными: сырьевая экономика — это экономика силовиков, что отлично понимал и сам М. Б. Ходорковский. Просто государственные спецслужбы оказались эффективнее (опять-таки, по законам экономики — экономия на масштабах и пр.) частных спецслужб, которыми обзаводились в свое время все крупные российские бизнесмены. Таким образом, усиление роли спецслужб внутри страны и милитаризация страны в целом (поскольку, как метко сказал маршал Жуков, «охотники до нашей земли ещё долго не переводятся») обусловлены объективными экономическими причинами. А любителям самоуспокоенности впору начинать волноваться: ещё неясно, что произойдёт раньше — нефть и газ кончатся, или их у российской «элиты» попросту отберут... Потому-то и развивается в зарубежной экономической науке это направление — эко-

номика прав собственности,¹² — потому, что здравомыслящие люди понимают: институт собственности, в том числе и на Западе — никакой не «священный». Собственность остаётся у нынешнего хозяина ровно до тех пор, пока претенденту не станет дешевле захватить её (с учётом возможных потерь вследствие наказания со стороны государства или сопротивления нынешнего владельца), нежели купить. Только специфичные ресурсы, как показано выше, захватывать невыгодно. А вот нефть стоит 100 долларов за баррель (теперь уже и больше) хоть в руках Ходорковского, хоть в руках «питерских чекистов». Институты собственности на Западе хороши не в последнюю очередь потому, что серьёзного экономического стимула для её передела там и нет, в силу отраслевой структуры (вспомним авиастроителя Сикорского и лавочника Ганса).

Кстати, о сакральности частной собственности. Для наших «правых» священна лишь их собственность. Если же речь идёт о собственности или сбережениях большинства населения, самыми священными принципами вполне можно поступиться — яркий пример привёл Б. Кагарлицкий¹³. Вообще, принципы наших «правых» — тема для отдельного рассказа. Научный руководитель ВШЭ Е. Г. Ясин, помнится, очень любит высказываться в том духе, что нужно улучшать институциональный климат «этой страны», а то, понимаете ли, народец тут вороватый, пороть их надо. И тут вдруг несколько лет

12. Институциональная экономика: новая институциональная экономическая теория. — Под ред. проф. А. А. Аузана. — М.: ИНФРА-М, 2005. — 416 с.

13. Кагарлицкий Б. Отповедь разозленного «молчуна» // «Взгляд», 31.03.2008. <http://www.vz.ru/columns/2008/3/31/155953.html>

назад американские власти выяснили, как живо поучаствовал в российской приватизации друг Ясина Андрей Шлейфер, профессор американского университета, приглашённый в Россию в качестве советника. И до того это возмутило американское (заметим, не басманное!) правосудие, что приговорило оно г-на Шлейфера к тюремному сроку и выплате штрафа. Вот тут самое интересное — реакция Е. Г. Ясина¹⁴: «Переход России к рыночной экономике был невозможен без таких эксцессов, идея обогащения носилась в воздухе, — пояснил «Газете. Ru» экономист, ранее занимавший пост министра экономики России. — Необходимо также признать, что все люди, которые в то время пользовались моментом, были одновременно и двигателями российской экономики. Могу также добавить, что считаю Андрея Шлейфера одним из видных экономистов и крупным авторитетом в проблемах российской приватизации». Верно подметил И. Смирнов: двойных стандартов на самом деле не бывает. Стандарт всегда один, только иногда его не озвучивают открыто...

Но не будем отвлекаться. Итак, мы выяснили, почему главные люди в сырьевой экономике — силовики и чиновники. Стоит ли удивляться тому, что именно они становятся главными получателями доходов? Тому, что их становится всё больше, а прочие профессии становятся лишними? Ну, за несколькими исключениями. Помимо добытчиков сырья, силовиков и чиновников, ещё нужны:

- финансисты — чтобы распределять и надёжнее прятать денежные потоки, получаемые от «трубы» (а не превращать сбережения в инвестиции на развитие производства, как мы, экономисты, рассказываем студентам);
- всевозможная услуга и шоумены — господам нужно отдыхать;
- «креативные» рекламщики, пиарщики, политтехнологи — чтобы промывать мозги окружающим (хотя у самих мозги промыты не хуже);
- «интеллектуалы», чтобы оправдать сложившийся порядок вещей, подвести под него «научную» базу.

Возможно, я кого-то забыл. Но в любом случае, учёных и учителей, инженеров и мастеров в этом списке нет. «...Не нужны никому “триумфы воли”, гораздо выгоднее угадать направление не зависящей от нас волны и нырять в неё, чем яростно махать руками против течения. Мы — уже зрелой нацией — узнали, что надо просто ставить парус под ветер. И — *всё!*...»

Интересный, заметим, признак зрелости нации. Но продолжим читать: «Для людей, много поколений привыкших яростно, через силу, по приказу (и довольно bestолково, честно говоря!) вкалывать, это стало обескураживающим морально-экономическим открытием. Больно всё легко — не настоящему как-то! И вдруг — в довершение сенсации — выяснилось, что это-то как раз и есть “по-настоящему”, экономически прочно, а могучие волевые стройки ком-

мунизма — как раз бумажные, падают при первом ветерке».

Не буду отвлекаться на очередной пассаж о «bestолковости» труда в советскую эпоху. Остановлюсь на другом: именно «могучие волевые стройки коммунизма» в основном и создали ту инфраструктуру добычи, транспортировки, первичной переработки полезных ископаемых (вспомним проклинаемые Радзиховским «высокопроизводительные домны»), которая и позволяет нынешнему поколению «ставить парус под ветер». Парус-то сшит как раз *теми*, над кем автор позволяет себе насмехаться. Это как если бы вор обокрал человека, а потом издевался, тратя его деньги, — чего ж ты, дурак, вкалывал всю жизнь и экономил? Я вот не работаю — и ни в чём себе не отказываю! Правая идея, насколько я в ней разбираюсь, декларирует уважение к тому, что заработано другими людьми... Впрочем, я не случайно с самого начала беру самоназвание «правые» в кавычки.

В НАШЕЙ СТРАНЕ СТАЛО НЕМОДНЫМ И ДАЖЕ ПОСТЫДНЫМ РАБОТАТЬ И ПРОИЗВОДИТЬ. НАША «ПРОДВИНУТАЯ» МОЛОДЁЖЬ ПРОСТО НЕ ВЕРИТ, ЧТО В РАЗВИТЫХ СТРАНАХ — В ГЕРМАНИИ И ШВЕЦИИ, В ЯПОНИИ И ФРАНЦИИ, И ДАЖЕ (ПРЕДСТАВЬТЕ СЕБЕ) В США — ЛЮДИ РАБОТАЮТ НА ЗАВОДАХ И В ПРОЕКТНЫХ БЮРО, СОЗДАЮТ САМОЛЕТЫ И АВТОМОБИЛИ, МОТОРЫ И НАСОСЫ, ПРИБОРЫ И ПОЕЗДА (ВСЁ ЭТО МАССОВО ИМПОРТИРУЕТСЯ РОССИЕЙ). И НЕ СТЕСНЯЮТСЯ ЭТОГО, А ГОРДЯТСЯ!

Вообще, в нашей стране стало немодным и даже постыдным *работать и производить* (о чём красноречиво рассказывает другой колумнист «Взгляда»¹⁵). Говорю ответственно, как преподаватель экономики на Физтехе. Если в кругу моих коллег и сверстников, молодых экономистов — выпускников ВШЭ или РЭШ, произнести слова «производство», «продукция», «предприятие», реакция будет такой, как если бы я издал неприличный звук. Считается, что это слова, недостойные современного экономиста. Он должен говорить другие слова: «ФРС», «деривативы», «волатильность». Сплошной Уолл-стрит на российских просторах... Наша «продвинутая» молодёжь просто не верит, что в развитых странах — в Германии и Швеции, в Японии и Франции, и даже (представьте себе) в США — люди работают на заводах и в проектных бюро, создают самолеты и автомобили, моторы и насосы, приборы и поезда (всё это массово импортируется Россией). И не стесняются этого, а гордятся!

Мне могут возразить: так ли фатально влияет сырьевая экономика на качество институтов? Обязательно ли она вызывает криминализацию и милитаризацию, усиление роли силовиков, сильное имущественное расслоение? А как же Норвегия, Эмираты? Давайте разбираться. Во-первых, при

14. Базина Г., Малкова И. Гарвард заплатит за российскую приватизацию // Газета.ру, 04.08.2005. http://www.gazeta.ru/2005/08/04/oa_166262.shtml

15. Соколов-Митрич Д. Пролетариат и клубника // «Взгляд», 01.05.2008. <http://www.vz.ru/columns/2008/5/1/164491.html>

сравнимых объёмах богатств, население этих стран гораздо меньше российского. Повторяю, нас всё ещё слишком много для сырьевой экономики. Во-вторых, в указанных странах, «сёстрах» России по нефтяному счастью, за сотни лет сложились определённые институты, поддерживающие пристойное положение. Например, в арабских странах — специфические институты родства, при которых практически все друг другу — родственники, а родственника оставлять в нищете недопустимо. В Норвегии — более «европейские» механизмы трансфертного перераспределения, а также гражданского общества, местного самоуправления и т. п. Кстати, если эти институты сформировались ещё в те времена, когда пропитание каждому приходилось добывать тяжким трудом, нет никакой гарантии, что от сырьевой хлявы они не испортятся через несколько десятилетий...

географии в объёме средней школы (разумеется, не реформированной) должно хватить для того, чтобы завалить автора контрпримерами. Собственно, вся история экономического развития большинства стран мира — это история успешного преодоления отсталости как технологий, так и общественных институтов. Возьмём хотя бы Японию. Страна, которая сейчас является символом прогресса, около ста лет назад была весьма отсталой аграрной (даже не аграрно-индустриальной) страной. А уж коррупция повергала в изумление европейских гостей. Сейчас и в этой сфере Япония — один из образцов для подражания. Если же считать, что Японии повезло именно по причине отсутствия у неё всякого ископаемого сырья, напомню, что в этом списке ещё, например, Австралия (где разного добра в недрах немало, и к тому же население... скажем так, с непростой историей) и т. д. и т. п. Да и вообще, негоже людям, которые гордятся своим здравомысли-

Так как же нам слезть с нефтяной иглы?

И надо ли?

Л. Радзиховский настаивает на фатальности сырьевого пути развития России: «Верно ли, что то, что никогда у нас не получалось (кстати, ни у кого не получалось в мире!), — конвертация нефтедолларов в технологические доллары — всё-таки возможна? На чём основана эта вера?»

Просто заклятие какое-то на России лежит — заколдованная она, не иначе... Ну, насчёт предопределённости — мне кажется, даже знания истории и экономической

ем и учёными степенями, верить во всякие предопределения.

Если же разбираться, в чём причина, экономистам она понятна. Это называется институциональными ловушками¹². То есть неэффективные, но устойчивые институты. Если их преодолеть, большинству станет лучше, но цепко держит меньшинство, получающее от этой неэффективности сиюминутную выгоду и боящееся её потерять. Как сказал Жванецкий, «не воруйте с убытков, воруйте с прибылей!» Пожелание красивое, но с экономической точки зрения бессмысленное: те, кто ворует с убытков, просто не допустят появления прибылей. **Если**

сильные мира сего получают выгоду именно от нынешнего неэффективного состояния — с чего же ему становиться эффективным?

Институциональная экономическая теория показала, что сами по себе такие ловушки рассыпаются редко — разве что по причине радикального изменения внешних условий. Чаще всего для преодоления институциональных ловушек государству приходится «власть употребить». А это уже противоречит основной идее экономического либерализма — *laissez faire*, «пусть всё идёт, как идёт». Но снимать с иглы — хоть экономику, хоть наркомана — занятие, которое редко обходится совсем без принуждения. Задача для первоклассника, для решения которой из всех законов экономики достаточно знать лишь закон личного интереса («рыба ищет, где глубже...»): есть две отрасли. Сырьевая, в которую можно ничего не вкладывать (инвестиции сделаны предыдущими поколениями), которая даёт мгновенный и почти гарантированный доход (нефть в последние годы дорожает очень быстро). И, например, авиастроение. Нужно вложить несколько миллиардов долларов в создание нового конкурентоспособного продукта. Самолёт — это не нефть, которую с руками оторвут, его ещё надо уметь сделать таким, чтобы он продавался. От начала разработки до начала продаж — 5-10 лет. Успех не гарантирован, да ещё и спрос на фондообразующую продукцию (самолеты, станки, комбайны и т. п.) в силу объективных экономических причин подвержен резким колебаниям. Так вот, риторический вопрос: что выберет частный инвестор на свободном рынке?

Предвижу контрвопрос: выходит, хай-тек невыгоден? Тогда зачем, в самом деле, его развивать? Ну почему же невыгоден? При грамотной постановке дела высокотехнологичный бизнес гораздо доходнее сырьевого (для кого доходнее — уточним ниже). Например, в 2002 г. в авиационной промышленности США средняя выработка на одного занятого составляла 335 тысяч долларов в год¹⁶, а в американской экономике в целом (заметим, одной из самых производительных в мире) — 60700 (по данным Международной организации труда). То есть средняя производительность труда в американском авиастроении приблизительно в пять раз выше, чем в целом в экономике США. Но такие доходы возможны, повторяю, лишь спустя несколько лет, и только если дело пойдёт успешно. А в сырьевом бизнесе доходы получаются сразу и без больших начальных вложений (в основном они требуются для захвата объекта). Во всех развитых странах мира стратегические задачи развития наукоёмких отраслей решались при мощнейшей поддержке государства (классический пример — становление Airbus Industry в Европе). Заметим, что реальный зарубежный опыт радикально отличается от рекомендаций, даваемых развивающимся странам, в том числе и России. Так что слезть с нефтяной иглы и можно, и нужно. Скажу больше: **в стратегической**

перспективе у российской экономики может быть только высокотехнологичное будущее. Или никакого. Это, опять-таки, не эмоции, а здравый экономический расчёт. В связи с этим следует упомянуть так называемую теорию климатического (шире — географического) детерминизма. Суть её очень проста: российская экономика фатально неконкурентоспособна, потому что у нас холодно, почвы болотистые, территория слишком обширная и т. п. Как поётся в известной песне Ю. Визбора, «в России, дескать, холодно купаться, поэтому здесь неприглядный вид». Конечно же, наиболее известный сторонник этой теории в наше время — А. Паршев, автор нашумевшей книги «Почему Россия — не Америка»¹⁷. Для экономиста Паршев — что для историка Фоменко, для генетика Лысенко и т. д. Краткие ответы на его аргументы таковы. Во-первых, холод — далеко не худшее из природных бедствий. С энергетической точки зрения, нагревание помещений на 1 градус в несколько раз менее затратно, чем охлаждение кондиционером. И если, допустим, в России — холод, то в иных странах — свои проблемы: регулярные ураганы, цунами, наводнения, загрязнение окружающей среды, нехватка пресной воды, жара, землетрясения (в той же Японии — постоянные). Разве всё перечисленное не приносит ущерб и не требует громадных затрат (одно лишь обеспечение сейсмостойкости чего стоит!)? Кроме того, когда приводят «убедительные» данные о якобы громадных затратах, потребных в России на отопление квадратного метра, на выращивание центнера зерна и т. п., почему-то забывают о громадных — вызванных бесхозяйственностью — потерях, одно лишь устранение которых может сократить эти затраты в несколько раз. Умалчивают о том, как всю зиму течёт горячая вода из дырявых труб, а в помещениях львиная доля тепла выбрасывается через окна на улицу (из щелей или даже намеренно — поскольку иначе жарко). О том, какая доля урожая гниёт на корню или по дороге к прилавку (в том числе благодаря длинной цепочке посредников). И во-вторых, достаточно сравнить уровень жизни в различных регионах и соотнести с климатом, как тут же обнаружится масса противоречий. С одной стороны, и в России, и в мире лучше всего должны быть развиты наиболее благоприятные с климатической точки зрения регионы, чего не наблюдается. С другой стороны, как быть с соседними регионами: Финляндия — Карелия, Япония — Сахалин, ФРГ — ГДР, Калининградская область — Польша? Причём почти во всех этих случаях территории частично или полностью меняли владельцев, и почему-то уровень жизни менялся. Чем был Кёнигсберг в Европе и чем является Калининград... Вообще, данная теория — оправдание лени и бесхозяйственности (а иногда и более опасных вещей, о чём речь пойдет ниже), оскорбительная для людей, которые работают и успешно обустроивают мир вокруг себя, причём с минимальным ущербом для природы. Когда проедешь,

16. 2002 Economic Census. Manufacturing. Industry series / U.S. Census Bureau, 2004.

17. Паршев А. Почему Россия не Америка. — М.: АСТ, 2007. — 352 с.

например, по дорогам Скандинавии, *вырубленным в скалах*, Паршева всерьёз читать уже не сможешь.

И всё же «сказка — ложь, да в ней — намёк». Климат и географические особенности, безусловно, накладывают отпечаток на экономическое развитие. Но насколько глубокий? Это зависит именно от отраслевой структуры экономики. Если выпускать высокотехнологичную продукцию, влияние климата и географии ослабевает. Условный пример: пусть перевозка продукции по нашей необъятной стране обходится в 1 доллар за килограмм. Если выпускается продукция низших переделов или примитивный ширпотреб, стоимостью порядка 10 долларов за килограмм, перевозка добавит к стоимости товара 10%, что не так уж и мало. Но если цена продукции имеет порядок сотен или тысяч долларов за килограмм, добавка в 1 доллар ничтожна. Аналогично, пусть строительство квадратного метра производственного цеха в нашей стране (с учётом зыбучих грунтов, необходимости утепления и т. п.) обходится не в 100 долларов, как в «тёплых странах», а в 200. Это, конечно, существенно, если на

этой площади размещается примитивное оборудование стоимостью 100 долларов. Но в высокотехнологичных отраслях на квадратном метре размещается оборудование, стоящее тысячи и десятки тысяч долларов, и разница в 100 долларов, опять-таки, становится несущественной.

Кстати... помимо Паршева, примерно о том же написали свою книгу «Сибирское проклятие»¹⁸ американские экономисты Фиона Хилл и Клиффорд Гэдди. Столь же «научные» аргументы о неконкурентоспособности российской экономики, которую «коммунистические плановики выставили на мороз» (это не моя шутка, а написанный всерьёз подзаголовок книги). Обилие фактических ошибок и просто забавных ляпов («великая река Тюмень» и т. п.). Ничуть не меньше, чем в книге Паршева, и хлёстких, вовсе не академических эпитетов («советская глупость» и др.). Подробный разбор этого «труда» предприняли новосибирские ученые из Института экономики и организации промышленного производства (ИЭОПП) Сибирского отделения РАН¹⁹, и я вряд ли смогу сделать это более квалифицированно и остроумно. Но вот что интересно: ито-

18. Hill F., Gaddy C. *Siberian Curse. How Communist Planners Left Russia Out in the Cold.* — Washington, D.C. Brookings Institution Press, 2003.

19. Казанцев С. В. Вместо послесловия // ЭКО, № 6, 2004. (http://econom.nsc.ru/eco/Arhiv/ReadStatiy/2004_06/Kaz_PS.htm); Мельникова Л. В. Освоение Сибири: ревнивый взгляд из-за рубежа // ЭКО, № 6, 2004. (http://econom.nsc.ru/eco/Arhiv/ReadStatiy/2004_06/Melnikova.htm)

вые выводы и рекомендации отечественного и американских авторов радикально отличаются. Если Паршев предлагал оградить нашу (якобы фатально слабую) экономику от конкуренции «железным занавесом», то американские доброхоты предлагают отдать «мешающие» России территории развитым странам мира, пропагандируя идею «сжатия России». Паршев оправдывал разгильдяйство, а Хилл и Гэдди взялись решать иную идеологическую задачу: оправдать очевидный провал «рыночных» реформ 1990-х, проводившихся под диктовку зарубежных советников (причём провал именно с точки зрения декларируемых целей — экономического роста, формирования «среднего класса» и т. п.). Дескать, всё мы делали правильно, просто это неправильная страна с неправильной географией. Вот и верь после этого, что общественные науки были «служанками политики» лишь в СССР... В связи с этим примечательно, что в Институте экономики переходного периода (ИЭПП), больше известном как институт Гайдара, Паршеву дали резкую и хорошо аргументированную отповедь²⁰, но... Хилл и Гэдди там в большом почёте! Странно, не правда ли? Забавно: сокращённые названия двух упомянутых институтов отличаются лишь одной буквой (ИЭОПП и ИЭПП), но как сильно различаются профессиональные позиции! И зарплаты тоже (угадайте, в чью пользу).

Кстати, я только что перечитал ту самую рецензию на книгу Паршева уважаемой И. В. Стародубровской, ведущего научного сотрудника ИЭПП, и обнаружил такой пассаж: «Вот арабские шейхи тоже очень озабочены. Только совсем не тем, чем господин Паршев. “У меня нет иллюзий, и у меня есть уверенность, что через пять лет произойдёт резкое падение цен на нефть. А через тридцать лет проблема нефти вообще перестанет существовать, не будет покупателей” (Эксперт, 2001, № 38, с. 21). И это не просто слова, а прогноз фактического создателя ОПЕК, шейха Ахмада Заки Ямани. Ну как, вам всё ещё хочется... лишать страну вполне реальных доходов, чтобы оставить нашим детям ресурсы, которые, вполне возможно, никому не будут нужны?»

Это, поясню, потому, что Паршев посмел предложить ограничить добычу и экспорт нефти, и тем самым — «лишить вполне реальных доходов»... ну пусть не всю страну (в свете приведённых выше данных о доходах децильных групп), но несколько десятков, без сомнения, лучших её представителей. Повторю: Паршев, конечно, учёный никакой. Но замечу, что с 2001 года прошло уже не 5 лет, а больше. Динамику нефтяных цен за этот период каждый интересующийся может уточнить сам, и вряд ли можно придумать что-то менее похожее на предсказанное «резкое падение цен на нефть». Если в теории Дж. Саймона (кстати, предсказывающей уверенный рост цены сырья) предлагается определённое логическое обоснование, то арабский шейх, а вслед за ним и сотрудник ИЭПП, похоже, рассчиты-

вали на какие-то мистические, необъяснимые силы, которые за 5 лет приведут к удешевлению углеводородного топлива, хотя замены ему в промышленных масштабах до сих пор не найдено. Шейху простительно верить в сверхъестественное, а вот кандидату экономических наук... В цитируемой рецензии, как и во многих трудах ИЭПП, вообще много интересного, но не будем отвлекаться.

Вернёмся к вопросу о целесообразности перехода от сырьевой модели экономики к высокотехнологичной. Как показывает проведённый выше анализ, в долгосрочной перспективе Россия, можно сказать, обречена на высокотехнологичное развитие — примитивные производства развивать в нашей стране, и правда, не очень выгодно. Но есть и ещё один аргумент «за», который для наших «правых», скорее, является аргументом «против». Высокотехнологичный бизнес предполагает совсем иное распределение доходов в обществе, нежели сырьевой. Возьмём, к примеру, авиадвигатель. Он весит несколько тонн, и стоит несколько миллионов долларов. Зададимся вопросом: почему? Несколько тонн (с учетом стружки, обрезков и т. п. — пусть даже десятков тонн) титана, легированной стали и дюралюминия стоят десятки тысяч долларов, ну пусть сотни. Но что же повышает их стоимость на порядок или даже два? Высококвалифицированный труд — рабочих, инженеров, ученых. И заработанные их трудом деньги им *придётся платить* (пусть даже не 335 тысяч долларов в год каждому — вычтем налоги, амортизацию недешёвого оборудования, прибыль предпринимателя, но порядок величины не изменится). Не заплатишь — уйдут к конкурентам (квалифицированная рабочая сила — специфический ресурс). Сырьевому же магнату достаточно заплатить самим добытчикам несколько процентов стоимости продукции (иногда побольше — буровикам, иногда поменьше — шахтерам), и несколько десятков процентов — силовикам и чиновникам. Чтобы источник ренты не отобрали.

Кстати, вопрос для экономистов-первокурсников: почему буровикам платят относительно прилично, а шахтерам — нет (чему свидетельство — вспыхивающие то в одном, то в другом регионе малоуспешные забастовки доведённых до отчаяния горняков²¹? Условия труда как минимум не легче, а риск гораздо выше. Доходы владельцам шахт те же бокситы дают очень неплохие (список «Форбс» тому порукой). Так в чём же дело? Могу предложить следующий ответ — простой, хотя и не универсальный. Буровиков, как правило, приходится завозить на месторождения, не заплатишь — не поедут. А шахтеры (хоть в Североуральске, хоть в Донбассе) *живут* там, где работают. Живут в моногородах, где иной работы нет. И не особо-то уедешь, целые династии работают, иногда веками. А людям, которые всё равно никуда не денутся — зачем платить много? Об этой милой особенности капитализма знали ещё до Маркса...

20. Стародубровская И. В. Ну почему Россия не Гонулулу? // <http://www.iet.ru/ru/nupochemu-rossiyanegonolulu.html>

21. Тарасов А. Поучительная история «Красной шапочки» // http://scepsis.ru/library/id_1971.html

Зато уж в области нефтянки мы впереди планеты всей...

Во всех вышеприведенных рассуждениях как само собой разумеющееся предполагается, что уж в самом нефтегазовом бизнесе у нас всё хорошо. Однако... вот что пишет авторитетный отраслевой экономист, доктор экономических наук Семён Аронович Кимельман в своей статье²². Если в СССР коэффициент извлечения нефти (КИН) составлял не менее 50%, то сейчас у «эффективных собственников» он составляет 25-30%. Помните, Илью Смирнова возмущало²³, что в учебниках «Экономикс» воспевают особый вид талантов — талант предпринимателя и бизнесмена. Мне кажется, зря возмущался уважаемый И. Смирнов: таких «успехов» — вдвое проиграть советской экономике в эффективности извлечения запасов из недр — могли достичь только особо одаренные люди... Следовательно, даже нефтегазовая наука нашей экономике даром не нужна. В самом деле, чтобы обеспечивать КИН на уровне 25%, не то что институт имени Губкина — любой нефтяной техникум даёт явно избыточное образование.

На первый взгляд, парадокс: ведь чем выше цена нефти, тем полнее следует извлекать ресурсы, поскольку становится выгодной разработка всё более труднодоступных запасов (см. теорию «рога изобилия»). А тут всё наоборот! Почему? Выше описана причина, по которой нынешние «эффективные собственники» лишь «надкусывают» месторождения, показывая КИН, который не назовешь иначе как **хищническим разграблением** природных богатств. Всё дело в том, что в нынешней институциональной среде (как обосновано выше, почти неизбежной для сырьевой экономики) никакие они не хозяева. Чувствуя, что в любой момент могут лишиться источника ренты, они стремятся выжать из него максимум как можно скорее. Для тех, кто не в курсе: оканчивается, нефтяное месторождение — это не бочка с краном: открыл вентиль — и подставляй ведро, конъюнктура изменилась — закрой кран до тех пор, пока не понадобится снова его открыть. Месторождение — это сложный организм, а его разработка — это длительный процесс, требующий терпения и планомерных действий. Это, образно говоря, работа не лесоруба и даже не полевода — скорее, садовника. Опущу технические подробности, оставлю суть. Месторождение можно загубить, «заткнуть», стремясь максимизировать сиюминутный дебит скважин. А потом — хоть трава не расти, и минимум 70-75% нефти останется под землей.

Так что **даже сырьевой назвать нашу экономику значит сделать ей неза заслуженный комплимент**. Это не сырьевая экономика, это просто экономика *варварская*. При этом автор бодро заявляет, что наши нефтяники и газовики открывают всё новые и новые месторождения. А нельзя ли поподробнее, «имена, пароли, явки»? Вот у меня другие сведения. Тот же С. А. Ки-

мельман (информированный человек, зав. отделом ВНИИ геологии) пишет в своей работе²⁴, что по сравнению с советским периодом объём геологоразведочных работ сократился в десятки (!) раз (та же проблема обсуждается и в статье Лескова²⁵). И о громких победах новых русских геологов, сравнимых с открытием Самотлора, я что-то не слышал. Те же месторождения, которые сейчас начинают осваивать, были открыты ещё в советские годы. Не разве-

ЭТО НЕ СЫРЬЕВАЯ ЭКОНОМИКА, ЭТО ПРОСТО ЭКОНОМИКА ВАРВАРСКАЯ. АВТОР БОДРО ЗАЯВЛЯЕТ, ЧТО НАШИ НЕФТЯНИКИ И ГАЗОВИКИ ОТКРЫВАЮТ ВСЁ НОВЫЕ И НОВЫЕ МЕСТОРОЖДЕНИЯ. У МЕНЯ ДРУГИЕ СВЕДЕНИЯ.

ТЕ МЕСТОРОЖДЕНИЯ, КОТОРЫЕ СЕЙЧАС НАЧИНАЮТ ОСВАИВАТЬ, БЫЛИ ОТКРЫТЫ ЕЩЁ В СОВЕТСКИЕ ГОДЫ. НЕ РАЗВЕДАННЫЕ ЗАПАСЫ РАСТУТ, А ИЗВЛЕКАЕМЫЕ (ТО ЕСТЬ ТЕ, КОТОРЫЕ ВЫГОДНО РАЗРАБАТЫВАТЬ ПРИ НЫНЕШНИХ ЦЕНАХ). ХОТЯ ИЗ-ЗА ХИЩНИЧЕСКОЙ РАЗРАБОТКИ МНОГИЕ ИЗ НИХ ПЕРЕХОДЯТ В РАЗРЯД НЕИЗВЛЕКАЕМЫХ.

данные запасы растут, а извлекаемые (то есть те, которые выгодно разрабатывать при нынешних ценах). Хотя из-за хищнической разработки многие из них переходят в разряд неизвлекаемых.

Откровенность или провокация?

Пора формулировать выводы. Радзиховский говорит: сейчас всё хорошо, а вот при «совке» было плохо. Меня спросят: ну а ты что же утверждаешь?

Что сейчас всё плохо? Конечно, нет — жизнь есть жизнь, человек имеет право быть счастливым даже в самые сложные исторические эпохи. И я предпочитаю быть счастливым — всё-таки это моя единственная жизнь. Но знать пороки существующего положения дел, стараться их исправить — необходимо. И, кстати, счастье возможно не только у тех, кто плывет по течению.

Не хочу я сказать и того, что в СССР всё было здорово. Но я понимаю, зачем наши «правые» «с тяжким звероподобным рвением» придумывают кошмары о советском прошлом. Они надеются, что «по контрасту» нынешние социально-экономические уродства будут выглядеть привлекательнее. Зря надеются. Как сказано в «Сказке про Федота-стрельца», «слава богу, отличаем незабудку от дерьма». То, что это — именно уродства, догадаются даже люди, никогда не жившие в СССР. Потому что эти уродства — не относительны, они абсолютны.

В конце своей выдающейся (говорю это без иронии) статьи Л. Радзиховский кокетливо вопрошает: «Так чего больше в моей статье? Меланхолии, цинизма или оптимизма?» Я бы поставил вопрос иначе. Чего же в этой статье больше — откровенности (большинство нашей «элиты» думает именно так, как описал Радзиховский, но всё-таки вслух в этом не признаётся)? Или провокации — чтобы читателей «зацепило» и они всё-таки задумались? Я вот, например, задумался — и написал этот ответ.

22. Кимельман С. А. Становление нефтегазовой экономики и её развитие в современной России // Экономическая наука современной России, № 4, 2006. — С. 99-111.

23. Смирнов И. Из жизни призраков // Независимая газета, 31.08.1996.

24. Там же.

25. Лесков С. Станет ли Сибирь 52-м штатом США? (интервью с Г. Г. Малинецким) // Известия, 06.06.2008. <http://www.izvestia.ru/obshestvo/article3117125/>

ПОЧЕМУ АВТОМОБИЛЬ ЕДЕТ ТОЛЬКО ЗАДНИМ ХОДОМ?

Глобализация в сладких мечтах неолиберала и на самом деле

Рецензия на книгу: Дж. Бхагвати.
В защиту глобализации. —
М.: Ладомир, 2005. — 448 с.

Фотографии: Shamik (<http://shamikphotography.com/>)
Dania Gennai (<http://flickr.com/photos/dania/>)
Roland Peschetz (<http://peschetz.at/>)
Joseph Wenkoff (<http://www.josephwenkoff.com>)

«Нужна ли ещё одна книга о глобализации?» — с такой фразы автор начинает повествование (с. 1). Мой же вариант вопроса сформировался уже после ознакомления с творчеством Бхагвати: «Нужна ли ещё одна *такая* книга о глобализации?»

Если не вникать в содержание работы, а по средневековому принципу довериться мнениям авторитетов, то в ответе сомневаться не приходится. Мнений западных комментаторов о полезности этой книги приведено — дух захватывает (с. 401-406)! А отечественный поклонник новомодных теорий, оправдывающих глобальный порядок, В. Л. Иноземцев в виде «нашей помощи за границе» сочинил восторженное предисловие. Он со своими иностранными единомышленниками не сомневается — конечно, нужна — и «с сожалением» замечает, что доселе в России не могли сполна оценить «богатство идей» Бхагвати (с. IX).

Понять данный восторг можно, если не вспомнить о том нелегком положении, в которое завела глобализация её пропагандистов. По мере того как апологетика корпоративной глобализации всё меньше соответствует реальности, приходится радоваться любой попытке оживить скорее уже мёртвого больного. Радоваться — и объявлять подлинно новаторским любой труд, несмотря на то что всё в нем от первой до последней строчки уже было сказано раньше и давно опровергнуто.

Ведь и в самом деле в труде Бхагвати нет ничего нового. О его вкладе в науку Инозем-

цев твердит постоянно, но впадает в ступор, как только доходит до конкретных примеров. Среди «концептуальных положений», которые «отличаются новизной», Иноземцев приводит «чёткое разделение экономической и политической глобализации». Эксперт-глобалист отечественного разлива, как говорится, «не в материале». Гораздо сложнее найти автора, который не разграничивал бы разные аспекты глобализации. А в великом множестве работ многосторонность глобализации не просто упоминается, а является центральным объектом рассмотрения¹. Или другое, по мнению Иноземцева, «новшество» Бхагвати: «для бедных стран любой естественный рост их экономики является несомненным благом и должен поощряться» (с. XXXV-XXXVI). Замечательное прозрение: никто и подумать не мог, что всё именно так!

Остальные «открытия» Бхагвати того же свойства: они являются таковыми исключительно для Иноземцева (спишем это на уровень компетентности последнего). В реальности вместо кладези новых идей мы имеем старый кубик-рубик, в котором, сколько его ни крути, количество квадратиков разных цветов останется прежним. Всё, к чему апеллирует Бхагвати, не раз встречалось у Э. Гидденса, Ф. А. Хайека, М. Фридмана, Т. Фридмана, Дж. Сороса, П. Бергера и других апологетов капитализма и корпоративной глобализации.

И всё же «кубик-рубик» — вещь по-своему нужная. Книга Бхагвати, если уж искать в ней

1. Например: Хелд Д., Гольд-блатт Д., Макгрю Э., Перратон Д. Глобальные трансформации: Политика, экономика, культура. — М.: Праксис, 2004. — 576 с.; Waters M. Globalization. — L.: Routledge, 1996. — 185 p.

хоть какой-то интерес, вполне полезна как сборник популярных заблуждений о глобализации и стандартных приемов и уловок придания этим заблуждениям относительно убедительного вида для невзыскательного читателя. Разбить «защиту Бхагвати» означает размазать по стенке всю модель капиталистической глобализации. Именно с этой точки зрения — не как научное произведение, но исключительно как методическое пособие по «оправданию зла» — труд Бхагвати только и достоин внимания.

Нападение с целью «защиты»: критика глобализации для её оправдания

Не будем, впрочем, спешить с руганью в адрес автора. Абсолютно лживой его работу назвать нельзя, она местами не лишена объективности. Как, например, не восхититься чистосердечному признанию, что недовольство глобализацией имеет под собой реальные основания и вызвано самим её содержанием? Правда, новатором Бхагвати (что бы ни говорил Иноземцев) благодаря этому откровению не становится. Озабоченность ходом глобализации давно стала общим местом работ самых различных её апологетов, в первую очередь Дж. Сороса². По мере того как миропорядок обнажает своё содержание, позиции его защитников становятся всё более проигрышными. Вот и приходится (Бхагвати в том числе) нехотя говорить правду, чтобы совсем уж не отстать от реальности.

Разумеется, Бхагвати, как и другие адепты глобализации, всячески смягчает удар и направляет критические стрелы не на неё, а лишь на некоторые её стороны. Но, как часто бывает в подобных случаях, «отдельно взятых недостатков» набирается, помимо авторской воли, столько, что хватило бы на полновесный смертный приговор корпоративной глобализации в целом. Автор не оспаривает популярного суждения о транснациональных корпорациях как «главных агентах глобализации», получающих от неё наибольшие преимущества (с. 32). А эти «наибольшие преимущества», как следует из Бхагвати, оборачиваются тяжёлыми последствиями для многих людей.

Возьмём нерегулируемое перемещение капиталов, за которое всегда ратовали «транснационалы». Но, по Бхагвати, именно снятие ограничений на движение капитала («опрометчивое и поспешное») «форсировало начавшийся в 1997 году азиатский финансово-экономический кризис» (с. 49).

По аналогичным причинам в 1994 году произошёл и кризис в Мексике, из чего следует, что «слабые страны с ещё лишь формирующейся экономикой, но тем не менее стремящиеся (или вынужденные) включиться в процесс финансовой глобализации, страдают больше всего» (с. 17).

А ещё интереснее Бхагвати проговаривается о причинах резких оттоков капитала. Почему «сохранение государственных расходов в целом и затрат на социальные нужды (не говоря уже об их увеличении) ставит под удар национальную экономику»? Оказыва-

ется, «рейтинговые агентства и Уолл-Стрит посчитают это “безответственностью”, а ведь от их суждений об экономической прочности и “правильности” страны зависит её благополучие» (с. 133). Бхагвати в данном случае фактически говорит о том же, о чем и «антиглобалисты»: о шантаже бедных стран корпорациями с целью принуждения к выгодной последним политике. И пример автор приводит подходящий. Стоило в 1973 году вновь избранному президенту Чили С. Альенде взять «радикально левый курс», как последовал массовый отток капиталов, спровоцировавший кризис и приход к власти Пиночета при участии ЦРУ (с. 131, 228-229).

Получается, что «главные агенты глобализации» (ТНК) действуют в связке с *демократическими* правительствами стран «первого мира» — в первую очередь, США. Ведь, опять же проговаривается Бхагвати, «эти примеры вполне типичны». Исходя из его изложения «бельгийская корпорация «Юньон миньер» была замешана в государственном перевороте в Катанге, при участии ЦРУ свергнут «в интересах крупных нефтяных компаний» «законный премьер-министр Ирана», опять же ЦРУ «отстаивало позиции ТНК, в частности «Юнайтед фрут компани», в Центральной и Южной Америке» (с. 229).

В чём именно заключаются интересы ТНК в «третьем мире» тоже довольно подробно, хотя и отрывочно, у Бхагвати описано. Например, бедные страны терпят значительный ущерб ввиду стремления США обеспечить права интеллектуальной собственности для установления произвольных ставок за право пользования их патентами (с. 249). Или органы, управляющие глобальным капитализмом, откровенно избирательно наказывают за несоблюдение трудового законодательства: прощают свои корпорации, для которых соблюдение нормативно-правовых актов означало бы «непозволительные затраты», зато не дают спуска конкурентам (с. 237). Между прочим, Бхагвати сам цитирует премьер-министра Индии, утверждавшего, что Америка похожа на «пьяницу, запрещающего другим пригубить бокал вина» (с. 322). И чего же это вы, господин Бхагвати, подались в «адвокаты дьявола»³, из вас же при должном старании выдающийся «антиглобалист» выйдет?

Последние станут первыми. Если им покорятся

Но сходства с «антиглобализмом» Бхагвати опасается как огня и всячески от него открещивается. С этого момента непосредственно и начинается «оправдание зла». Просто удивительно, насколько всё только что сказанное контрастирует с основными идеями работы. Даже закрадывается мысль: не писал ли, часом, Бхагвати её в соавторстве с кем-то из своих идейных противников? «Нет оснований утверждать, будто глобализация привела к росту нищеты в развивающихся странах и мирового неравенства» (с. 91). «Снижения общемирового уровня экологических стандартов на самом деле не проис-

2. См.: Сорос Дж. Открытое общество. Реформируя глобальный капитализм. — М.: Некоммерческий фонд поддержки культуры, образования и новых информационных технологий, 2001. — 420 с.; Он же. Кризис мирового капитализма. Открытое общество в опасности. — М.: ИНФРА-М, 1999. — 262 с.

3. Так назван Бхагвати в одной поверхностной и потому мало полезной рецензии // <http://aglob.ru/books/?id=145>

ходит» (с. 203). «Доводы в пользу того, что глобализация способствует демократии, выглядят более вескими, нежели утверждения об их несовместимости» (с. 138). «В большинстве случаев экономическая глобализация ведет к обогащению культур» (с. 145). «Политическое давление привело к навязыванию бедным странам более высоких трудовых стандартов» (с. 165).

И так на протяжении всей книжки, по всем пунктам, что называется «ни пяди земли врагу». Отсюда следует, что нынешние издержки глобализации являются необходимой платой за будущее счастье, то есть недостатки, по большому счёту, таковыми даже не являются. Признание за глобализацией отрицательных сторон, как выясняется, было сделано сквозь зубы, дабы соблюсти нормы приличия; на самом же деле их надо воспринимать примерно как плохую погоду — есть и есть, что тут поделать. А раз так, то и альтернативы глобализации быть не может. При всех её недостатках любой другой вариант был бы многократно хуже.

И всё становится с ног на голову. Казалось бы, кто виноват в уходе буржуазией капиталов из Чили и в организации ЦРУ переворота, кроме самих буржуазии и ЦРУ? Ан нет, причиной всему послужил «слишком левый курс» Альенде, не осознавшего, что «проект построения социализма в отдельно взятой стране опасен и даже губителен» (с. 131). Правительство Альенде, пожалуйста на круг, а ТНК трогать не надо, они лишь преследовали свои «естественные» интересы.

Тем же путем Бхагвати приходит к выводу, что если корпорации не инвестируют в те ли иные страны, то требовать от них чего-либо «нереалистично» и надо решать проблему развития иным путем (с. 221). Конечно, из-за этого огромное количество людей лишаются средств к элементарному существованию, но ведь ТНК, «чтобы не прогореть... должны получать прибыль, а не заниматься благотворительностью» (с. 220). И нежелание корпораций идти на те самые «непозволительные затраты», когда речь заходит о трудовых нормах в странах «третьего мира», — не вина корпораций, а беда самого «третьего мира» (с. 237).

Получается практически как в «Трёх мушкетерах»: «Когда над квартирой на улице Могильщиков начали скапливаться тучи, другими словами — когда сорок пистолей короля Людовика XIII растаяли почти без остатка, Планше стал рассыпаться в жалобах, которые Атос находил тошнотворными, Портос — неприличными, а Арамис — просто смешными. Атос посоветовал д'Артаньяну рассчитать этого проходимца; Портос предлагал предварительно выдрать его; Арамис же изрек, что господин просто не должен слышать ничего, кроме лестного, о себе».

Сразу возникает подозрение: неужели военные акции НАТО тоже справедливы? Говорю про подозрение, поскольку не каждый апологет нынешнего миропорядка решается громко оправдывать подобную агрессию. Но нет, открываем соответствующую страницу и читаем сетования на то, что одним из источников антиамериканизма и «антигло-

бализма» является «демонстрация Соединёнными Штатами своей мощи (даже когда она уместна и имеет благие цели)» (с. 39). Извините за ещё один пример из Дюма, но удержаться не могу:

Д'Артаньян, поразмыслив, решил на всякий случай избить Планше и выполнил это с той добросовестностью, какую вкладывал во всё, что делал. Отодрав его как следует, он запретил Планше покидать дом и службу без его разрешения.

— Имей в виду, — добавил

Д'Артаньян, — что будущее не обманет меня. Придут лучшие времена, и твоя судьба будет устроена, если ты останешься со мной. А я слишком добрый господин, чтобы позволить тебе загубить свою судьбу, и не соглашусь отпустить тебя, как ты просишь.

Так же рассуждали Буш с Блэром, так же мыслит и Бхагвати, по Иноземцеву, «глубокий и основательный ученый» (с. XXXVIII). Добавить нечего.

«Отнюдь не рыночный фундаменталист»?

И всё же — как совместить несовместимое: разоблачение глобализации и утверждения о её благотворности? Как ни крути, научная работа (а Бхагвати замышлял именно такую) должна быть логичной. Связкой между этими частями Бхагвати служит неоднократно повторяемый тезис «всё дело в политике» (с. 70). То есть в результате глобализации может быть хорошо или плохо, и весь фокус в том, что «управление глобализацией должно осуществляться таким образом, чтобы всячески закреплять и усиливать её основные положительные эффекты» (с. 49). И опять камень в огород Иноземцева: что тут «отличается новизной»? Подобными измышлениями полны работы очень многих адептов глобализации. По мере того как выяснялось, что она если и ведет к росту, то, в основном, к росту недовольства по поводу неё самой, вопрос «человеческого лица глобализации» стал тревожить самых законченных её пропагандистов.

Если уж кого и выделять среди них за оригинальность, так это всё того же Сороса. Отказавшись под давлением реальности в своих книгах от априорных установок неolibералов, он договорился до совершенно возмутительных с точки зрения классической апологетики вещей. Указал, среди прочего, на отсутствие прямой зависимости между капитализмом и демократией («Экономическое развитие требует накопления капитала, а это, в свою очередь, требует низких зарплат и высоких уровней сбережений. Этого положения легче достичь автократическому правительству»⁴), на неизбежность дальнейшего экономического спада в странах «третьего мира» при нынешних правилах игры и даже сделал заключение, что «рыночный фундаментализм представляет большую угрозу открытому обществу, чем коммунизм»⁵. Одним

4. Сорос Дж. Кризис мирового капитализма. С. 120.

словом, признал безоговорочную капитуляцию неolibеральной доктрины.

Вот и Иноземцев нас уверяет, что Бхагвати, «как мы ещё увидим, отнюдь не рыночный фундаменталист» (с. XIV). В доказательство Иноземцев приводит рассуждение Бхагвати о «разоряющем росте» — ситуации, когда увеличение экспорта какого-либо товара оборачивается убытками вследствие снижения мировых цен на него. Выходом автор считает сосредоточение внимания на развитии других отраслей (с. XV, 73-74). Интересно только, что в этом рассуждении «нерыночного»? Здесь лишь описано, какой должна быть реакция на определённую рыночную конъюнктуру. Справка по бизнесу — и не более того. «Рыночный фундаментализм» предполагает, что рынок — это естественное состояние экономики; что он в силу этой естественности наиболее эффективен для решения стоящих перед обществом проблем; что надо следовать рыночным правилам, а не пытаться ограничить их действие. И под каким из пунктов не подписался бы Бхагвати?

Даже тезис «всё дело в политике» ещё не свидетельствует о неприятии рыночной самодостаточности. Все зависит от того, какая политика имеется в виду. А политика такова, что должна сводиться к замене «заведомо неэффективной» бюрократии рыночными отношениями «везде, где это возможно» (с. 78).

Такая политика, если верить Бхагвати, за счёт максимального использования преимуществ свободной торговли должна обеспечить необходимый для борьбы с нищетой тип экономического роста (с. 75-76). Об этом автор твердит на протяжении всей книги, вот только некоторые цитаты. «Торговые барьеры не только снижают эффективность отечественных капиталовложений и приводят к потерям от протекционизма, они также снижают эффективность иностранных инвестиций»; «Либерализация торговли способствует повышению темпов экономического роста, а рост ведет к уменьшению нищеты» (с. 85, 87). Экономический рост — исчерпывающее условие ликвидации бедности, поскольку «во всех странах распределение дохода примерно одинаково — независимо от экономических и политических условий» (с. 72). Рост благосостояния не отделим от экономического роста под действием ещё одного «рыночного» мотива: «за счёт роста спроса на рабочую силу может происходить — и происходит — повышение оплаты труда» (с. 164).

Точно так же, согласно «отнюдь не рыночному фундаменталисту», автоматически рынок ведет к демократизации (сравните с Соросом) благодаря появлению в условиях экономического процветания среднего класса, являющегося социальной базой демократии (с. 126). А уж «демократизация», по Бхагвати, решает все остальные проблемы, например ставит непреодолимый шлагбаум на пути использования дешёвой рабочей силы или загрязняющих атмосферу технологий. Опять же по рыночным соображениям: выгодно-невыгодно. «ТНК не могут допустить, чтобы на них смотрели как на причину опасного загрязнения воды или плохого отношения к трудящимся. В условиях зарождающихся,

а порой и достаточно зрелых демократий во многих странах «третьего мира» происходит рост неправительственных организаций, повсеместно проникают CNN и BBC... Для многих ТНК вероятный ущерб для репутации сегодня слишком значителен, чтобы перевесить дополнительные прибыли, которые можно получить, следуя стратегии «использования любых преимуществ»... Если, скажем, при производстве каких-то товаров используется детский труд, я не захочу их покупать, несмотря на их дешевизну, поскольку считаю это аморальным» (с. 176-179).

(Представляю картину: приходит Бхагвати в магазин и начинает тщательно выяснять

ПРЕДСТАВЛЯЮ КАРТИНУ: ПРИХОДИТ БХАГВАТИ В МАГАЗИН И НАЧИНАЕТ ТЩАТЕЛЬНО ВЫЯСНЯТЬ ПОДНОГОТНУЮ ТОВАРОВ — НЕ ДЕТСКИЙ ЛИ ТРУД В НИХ ОВЕЩЕСТВЛЕН? И КАК ТОЛЬКО УЗНАЕТ СТРАШНУЮ ПРАВДУ, УСТРАИВАЕТ СКАНДАЛ С БИТЬЕМ СТЕКОЛ В МАГАЗИНЕ. И ОСТАЛЬНЫЕ ПОТЕНЦИАЛЬНЫЕ КЛИЕНТЫ БЕРУТ ПРИМЕР С УМНОГО ЧЕЛОВЕКА.

подноготную товаров — не детский ли труд в них овеществлен? И как только узнает страшную правду, устраивает скандал с битьем стекол в магазине. И остальные потенциальные клиенты берут пример с умного человека. После чего продавцы в ужасе убирают с ещё не разгромленных прилавков неблагонадежную продукцию. Вы верите в такую историю? Я — нет.) Так и непонятно, где здесь Иноземцев нашел хоть намек на «отнюдь не рыночного фундаменталиста». Ах нет, пардон, намек всё же есть, даже несколько намеков. В разных местах читаем, что глобализация так хороша, как описывает Бхагвати, именно потому, что противники глобализации «явно преувеличивают степень коммерциализации, создаваемой рыночными отношениями». «В нашем мире коммунитарные и либеральные принципы так или иначе сосуществуют. Главный вопрос не в том, должны ли мы предпочесть одно другому, а действительно ли капитализм и глобализация настолько неотвратимы, что приведут к радикальному и бесповоротно-

5. Сорос Дж. Открытое общество. Реформируя глобальный капитализм. С. 172.

му отказу от традиционных коммунитарных ценностей и методов. Убедительных свидетельств для столь тревожного вывода пока нет» (с. 38).

Вот и проговорился: распространение глобализации ведет всё же к весьма тревожным последствиям. Только при чем здесь тогда позитивное влияние глобализации, если настоящую пользу приносят явления, ей противостоящие? По безграмотности Бхагвати путает черты, имманентные глобализации, и вызванные ею процессы противоположного содержания. Это всё равно что ставить в заслугу фашизму появление антифашизма, в чьей положительной исторической роли не может быть сомнений. А можно эту мысль развернуть на 180 градусов: антифашизм является угрозой обществу, так как провоцирует защитную реакцию фашизма. Тогда фашизм — «хорошо», антифашизм — «плохо». Абсурд, конечно, но не больший, чем книга Бхагвати с предисловием Иноземцева. Пока не поздно, не читайте ни то ни другое.

Иными словами, то, что Иноземцев восторженно принял за «отнюдь не рыночный...», на самом деле представляет собой концептуальную шизофрению. Причём чужеродным элементом здесь выступает именно «коммунитаризм», по чьему адресу Бхагвати отпускает лишь дежурные комплименты, тогда как рынок защищает до полного изнеможения. И выглядеть откровенным дураком при этом не боится, судя по некоторым особо смачным аргументам. Если верить Иноземцеву, то это как раз хорошо; это свидетельствует о том, что Бхагвати относится к числу «таких редких людей», «у кого хватает знаний, опыта и умения обнаруживать позитивные моменты там, где агрессивное большинство усматривает сплошной негатив» (с. VII). Кроме шуток: Иноземцев это произнёс в качестве комплимента! В самом деле, только «агрессивное большинство» населения Ирака увидело «сплошной негатив» в натовских бомбежках. Зато Бхагвати обнаружил в них «позитивные моменты», направленность на «благие цели». Наверное, потому, что в отличие от иракцев сам не был этой целью. А было бы неплохо...

Так вот, касательно отдельных аргументов... Беру наугад: почему рынок в большей степени обеспечивает социальное равенство, чем «социализм» (вообще-то, за этим словом у Бхагвати скрывается «социализм в одной отдельно взятой стране» — сталинский урод, не имеющий к настоящему социализму никакого отношения. Бхагвати о том не знает или вид делает)? Оказывается, «социализму присущи очереди... тогда как рыночные отношения обеспечивают доступ к прилавкам большему числу людей» (с. 22). Увы, опять проблемы с логикой. Если в магазине очередь, то товар в принципе в состоянии купить многие, надо только добежать вперед других до пункта раздачи. А если для большинства бежать не имеет смысла (всё равно покупка не по карману), то очереди неоткуда взяться. К прилавкам, может быть, доступ и больше, но к товару — совсем наоборот. Из той же серии изумительный пассаж о том, почему «социальное неравенство

может иметь не только негативные, но и позитивные последствия», а «крайняя степень неравенства оборачивается лучшими последствиями, чем меньшая». Просто богачи-миллионеры тратят деньги на «дорогой отдых, автомобили БМВ, роскошные дома и игрушки», а Билл Гейтс «не способен сам потратить весь свой миллиард, даже если каждый день будет покупать по замку в Европе». у него, как пишет Бхагвати, не остается другого выхода, кроме как тратить на общественное благо (с. 90).

Вообще-то говоря, хорошо известно, что потребности растут вместе с богатством, а там где есть спрос, найдется и предложение. Миллиардеры, как мы теперь знаем, могут покупать, среди прочего, спортивные клубы. Всевозможных «челси», в отличие от замков, много не бывает. Можно купить по одному в разных видах спорта, в некоторых из видов даже по несколько. Было бы желание. Но главное — мы теперь знаем, что единственный путь к общественному благу заключается в превращении расточительных миллионеров в миллиардеров. Вот когда этот процесс пойдет достаточно далеко, тогда и будет всем счастье. Это ли не «рыночный фундаментализм» в самой циничной его форме?

Может ли у глобализации быть «правильная» политика?

Обратите внимание на уверенность Бхагвати в совпадении интересов богатых и бедных. Богатые, по его разумению, должны теми или иными способами делать бедных богаче и ничего другого. И вера в нивелирование издержек глобализации путем «эффективного управления» ей построена на этой идиллии, и в том числе на идиллии между богатыми и бедными странами.

И заслуга глобализации, по Бхагвати, состоит в том, что с неё и начинается эта взаимная страсть. Раньше государства Юга «ошибочно полагали, что протекционизм не так уж плох для них», а Север занимал наплевательскую позицию: «Если вы хотите по-прежнему ограждать свои рынки, мы не против. Это ваш собственный, хотя и эгоистический выбор» (с. 307). Зато теперь МВФ и Всемирный банк согласились, что «протекционизм в бедных странах — безумие» (и простили бедным странам их «эгоизм», от которого пострадался Запад), да и бедные страны «убедились в неадекватности протекционистской политики» (с. 308 — 309).

Именно свободная торговля воплощает, в представлении автора, всеобщий интерес, и торговые барьеры есть отклонение от этого интереса и, следовательно, от глобализации. Вот только непонятным оказывается, почему тот же Запад препятствует заполнению своих рынков товарами из «третьего мира». Для Бхагвати это странная ситуация; ему остается только надеяться на то, что барьеры исчезнут, как только люди поймут силу его замечательных доводов.

Такое же удивление вызывает у автора постоянная либерализация движения капиталов, которое, как сказано выше, в отличие

от свободы торговли является злом. Но, чтобы бороться с этим «злом», достаточно поставить оборот капиталов на контроль. Бхагвати просто выводят из себя «идеологически зашоренные экономисты» и общественные деятели «типа Ральфа Нейдера», уверенные, «что если вы выступаете за свободу торговли, то неизбежно должны поддерживать свободу прямых инвестиций, движения капитала» (с. 11-12). Все ведь элементарно: достаточно разрешить одно и запретить другое. И снова дело лишь за тем, чтобы всё это поняли! Но отчего-то не понимают...

Точно так же обстоит дело с программами помощи странам «третьего мира» в адаптации к свободной экономике. Бхагвати считает, что эти программы должны в значительной степени оплатить Всемирный банк. И в очередной раз очень удивляется, что «никаких мер на этот момент не разрабатывалось», хотя «если какие-то решения ВТО нанесут серьезный финансовый ущерб бедным странам, то Всемирный банк должен оказывать им помощь», тем более что суммы, в которые влетит программа, «абсолютно ничтожны для Всемирного банка». И вновь всё было бы хорошо, вот только «Всемирный банк неверно расставляет приоритеты» (с. 312-313). Вопрос, почему же в этих и во всех остальных случаях «правильные» рецепты не востребованы, а «неправильные» применяются во всей широте, автору в принципе не приходит в голову. К слову, при объяснении феномена «антиглобализма» Бхагвати испытывает такие же проблемы. Вывести он может этот феномен исключительно из умственной ограниченности людей. Точнее, в книге можно найти что-то вроде комплекса причин, но раз таковыми — именно причинами недовольства, а не его последствиями — оказываются «социалистические воззрения», влияние на студентов марксистских текстов и «неэкономических наук» и т. д., то понятно, что всё сводится к «диссонансу между нашим сочувствием к бедствиям других людей и недостаточностью умственных усилий по поиску решений существующих проблем» (с. 24-26). То есть люди специально вбивают себе в голову ложные мысли, намеренно читают не тех авторов, только бы ни в коем случае не видеть «человеческого лица глобализации». Хотя оно есть, и заявлять обратное — «примерно то же самое, что утверждать, будто автомобиль может ехать только задним ходом» (с. 318).

И классификацию «антиглобализма» Бхагвати дает на основании вменяемости. Есть две группы противников глобализации, с одной из которых невозможно разговаривать, а вторая «способна к вразумительному диалогу» (с. 6-7). Хотя любому грамотному ученому (уж извините, г-н Бхагвати, вы таковым не являетесь) известно, что взгляды и поведение людей зависят от места, занимаемого их социальной группой в общественно-экономической системе. Грубо говоря, «хозяева жизни» оберегают существующий порядок, угнетенные либо мирятся с ним, либо выступают против него (в разные эпохи было по-разному).

Соответственно, раз те или иные слои общества выражают протест, к тому вынуждают объективные обстоятельства и уже во вторую очередь — субъективные представления об этих обстоятельствах. И столь тревожащий Бхагвати рост популярности социалистических идей и авторов, выступающих против капитализма, свидетельствует лишь о глубиной пропасти между реальностью и тем, что о ней пишут «глобалисты». Это значит, не у противников глобализации ума не хватает, а у вас, г-н Бхагвати, и ваших коллег из организации защиты корпораций. А вот если бы люди вдруг начали верить в вашу легенду про «человеческое лицо», тогда и были бы дураками.

Но если протест, вместо того чтобы идти на убыль, становится такой проблемой, что власть имущим всё активнее приходится прятаться за идеологическую ширму поданных бхагвати, это живо свидетельствует о невозможности решения проблем просто за счёт мудрой политики. Не в том дело, что никто до Бхагвати не додумался до «правильных» рецептов, а в том, что объективный смысл корпоративной глобализации не предусматривает применения этих рецептов. Представьте себе такое рассуждение. Рабство в античном мире могло иметь «человеческое лицо»: достаточно только, чтобы рабовладельцы не били рабов, не отдавали их в гладиаторы, не заставляли работать свыше восьми часов в день, разрешили заводить семьи и т. д. Но рабовладельческий строй был именно таким, каким мы его знаем, в силу объективных законов исторического развития. Снисходительное отношение к рабам привело бы к уменьшению производительности их труда и разорению хозяйств.

Так и корпоративная глобализация имеет иное, чем хотелось бы Бхагвати, содержание, потому что в соответствии с логикой капитализма должна содействовать извлечению максимальной прибыли, несовместимой, как мы уже слышали от автора, с «непозволительными затратами» и «благотворительностью». Прибыль помогают извлекать и свободная торговля, и ещё в большей степени неограниченное движение капитала. Финансовые спекуляции приносят на порядок более значительный доход, нежели «реальный» сектор экономики. (По опубликованному несколько лет назад данным, лишь 10-12 процентов мировых финансовых ресурсов обеспечены товаром. Остальной денежный капитал «не имеет реального материального наполнения», то есть представляет собой просто цифры на бланках банковских счётов⁶.) Отказ от них означает, с точки зрения тех, кому они приносят выгоду, всю ту же порицаемую Бхагвати «благотворительность».

Политика, как давно известно, борьба интересов, а не идей. И не востребованы «блестящие» мысли Бхагвати по строительству в рамках нынешнего глобального общества рая для всех потому, что не соответствуют интересам ТНК и банков.

Дело, следовательно, вовсе не «в политике». Тут, как говорилось в антисоветском анекдоте, всю систему надо менять.

6. Львов Д. Предисловие к русскому изданию // Мартин Г.-П., Шуманн Х. Западная глобализация: атака на процветание и демократию. — М.: Альпина, 2001. — С. 14.

Факты и неолиберальная догматика: атака на демократию

И всё же не заблуждаемся ли мы в своих выводах? Мы привели мрачные примеры, но Бхагвати предлагает нам другие, прямо противоположные. Ведь если верить ему, то «именно эмпирические данные служат основанием для оптимизма» (с. 81). Давайте их и рассмотрим.

С чего, например, Бхагвати взял, что «глобализация стимулирует демократию», «подталкивает недемократические режимы к демократизации» (с. 125). С того же, что и другие апологеты, писавшие до него, — с политических изменений в Южной Корее и Индонезии в результате азиатского кризиса, в «постсоветской» Восточной Европе, со свержения диктаторов типа Пиночета в Ла-

Мемориал в память о геноциде в Руанде

тинской Америке (с. 126 — 129). А теперь от апологетов перейдем к серьезным ученым. Они бы стали придирается к такому доказательству и, в частности, спросили бы: почему Запад, свержая одни «диктаторские» режимы, оказывает поддержку другим? Об этом ведь широко известно.

Снова выбираю случайно цитаты, но на сей раз из книги Н. Хомского. По его свидетельству, с недавних пор самым крупным получателем американской помощи стала Колумбия, «которая имеет наихудший в северном полушарии «послужной список» нарушений прав человека в 1990-е годы и для которой, в соответствии с четко отлаженной системой, запланировано резкое увеличение американской военной помощи и обучения». До того наибольшую помощь получала Турция, благодаря чему в стране преуспел террор, поддерживаемый Клинтон. Генерал Сухарто «был «нашим парнем», по характеристике клинтоновской администрации... с тех пор, когда в 1965 году возглавлял массовые расправы в стиле Руанды, что вызвало нескрываемое одобрение Соединёнными Штатами», и до 1997 года, когда впал в немилость, «не проявив должного рвения в исполнении жестких предписаний Международного валютного фонда». «США также поддерживали ещё одного известного всему миру убийцу — Саддама Хусей-

на... Отношение к нему изменилось только после того, как он перестал повиноваться приказам»⁷.

И так далее — «летопись других событий слишком большая, чтобы приводить примеры»⁸. И где же «благие цели», при чем тут вообще «демократизация», если осуществляется прямая поддержка «недемократических» правительств, если, как выразился всё тот же Хомский, со стороны союзников США «преступления не имеют большого значения; непослушание имеет»⁹? А это ведь не только США: другие страны Запада следуют в фарватере американской политики, поддерживают тех же лидеров, участвуют в «гуманитарных акциях» НАТО, а когда вдруг — как в случае с последней иракской кампанией — протестуют, то только на словах, чтобы совсем уж сволочами не казаться, в полной уверенности, что протесты ничего не изменят.

По поводу «триумфального шествия» демократии опять же серьезным ученым — не бхагвати с иноземцевыми — будет очевидно, что «внушающие оптимизм эмпирические данные» подобраны по принципу «за неимением лучшего». Повертеть головой по сторонам — и становится ясно, что все вновь созданные режимы — лишь пародия на демократию, и всё, что у них с ней общее — это некоторые внешние атрибуты да название. Насчёт названия. Г-н Бхагвати и иже с ним, нельзя же понимать всё именно так, как называется! Критическое мышление на то и существует, чтобы открывать подлинное содержание. А у вас всё просто — раз назван общественный строй в СССР «социалистическим», а политические порядки в современном мире «демократическими», значит так тому и быть.

А по поводу внешних атрибутов — что, собственно, они из себя представляют? Демократия — это власть народа, таково историческое определение. Степень приближения к демократии определяется тем, в какой мере во власти выражается воля народа. Намотившаяся в социологии тенденция идентифицировать демократию исходя из существования определённых политических институтов как раз и означает, что форма отличается от содержания. Например, Гидденс определял демократию через многопартийность¹⁰, одно из тех явлений, которое убеждает и Бхагвати в демократическом характере глобализации. Вот так просто: увидел много партий — значит демократия.

Хотя на дворе не середина XX века: можно было бы и заметить, что от прошлой демократии ничего, кроме внешнего подобия, не осталось. За период с расцвета Welfare State и по сегодняшний день политическая система развитых капиталистических стран медленно деградировала из компромисса социальных сил, одна из которых допускала народ до реального участия в управлении государством, а другая соглашалась жить при существующей системе, в эффективный механизм недопущения волеизъявления масс. Как справедливо отмечал в прошлом номере «Скепсиса» Б. Кагарлицкий, этот механизм сегодня не нуждается в ограничении

7. Хомский Н. Государства-изгой. Право сильного в мировой политике. — М.: Логос, 2003. — С. 9, 11-12.

8. Там же. С. 11.

9. Там же. С. 9.

10. Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М.: Весь мир, 2004. — С. 82.

права избирать и вполне обходится финансовым порогом, который надо преодолеть для создания и популяризации собственной партии. В результате людям просто не из кого выбирать (при полной возможности сделать выбор), и мы «приходим к ситуации, аналогичной однопартийной системе при формальном отсутствии имущественного ценза и формальном плюрализме»¹¹.

Понятно, г-н Бхагвати? Там, где вы видите демократию, фактически однопартийная система. В США с «республиканско-демократической партией» (так выразился Майкл Мур¹²), в Великобритании с «консервативно-лейбористской» партией (по аналогии с фразой Мура), в других европейских странах с «левыми» правее правых. А ещё в России, с идущей в русле президентской политики «конструктивной оппозицией» (глупое выражение Хакамады), и на Украине, где в рамках «оранжевой» «революции» решался принципиальный вопрос: какую из конкурирующих групп олигархов привести к власти... Вот и выходит: «какая разница, сколько у вас кандидатов, они все фактически представляют одну партию»¹³. Что-то не складывается с «демократизацией» на земном шаре, вы не находите, г-н Бхагвати?

Факты и неолиберальная догматика: атака на «средний класс»

Раз так, то давайте разберемся, что же происходит со «средним классом», на который так уповаешь Бхагвати как на гаранта демократизации. Хотя то, что «средний класс» является социальной базой демократии, — далеко не факт. Бхагвати лишь повторяет избитую, чисто идеологическую максиму, на практике не подтверждающуюся. И «эмпирические данные» тут как раз «основанием для оптимизма» не служат: они свидетельствуют, что всё зависит от конкретных исторических условий. В 1930-е годы мелкая буржуазия, прототип нынешнего «среднего класса», играла ведущую роль в фашистских движениях. Средние слои той Германии не просто не поддержали относительно демократическую «Веймарскую республику», но своими руками уничтожили её в пользу гитлеровской диктатуры.

Вот и «средний класс» наших дней помимо того, что участвует в охаянном Бхагвати «антиглобалистском» движении, всё активнее голосует за националистов Бьюкенена, Ле Пена, Хайдера и им подобных («уродам имя легион»). Этого никак нельзя объяснить, если исходить из того, что «средний класс», как нас учит Бхагвати, в ходе глобализации обретает всё более цветущий вид. Зато если считать, что Бхагвати здесь в очередной раз по уши в... заблуждении, то всё понятно: недоволен «средний класс» глобализацией — вот и ищет ей альтернативу то слева, то справа.

То есть уже исходя из этого можно подозревать, что представленные Бхагвати доводы в пользу укрепления в результате глобализации позиций «среднего класса» снова будут «липовыми». И точно — «липа», пусть

и чуть более изощренная, чем с «демократизацией». Собственно говоря, четких данных о том, что «среднему классу» стало лучше, в книге не приводится. Тем не менее Бхагвати ни на миг не сомневается в том, что всё именно так. Уверенность автора базируется целиком на данных о сокращении бедности, представленных в отчете Всемирного банка¹⁴. А раз искореняется бедность, то бывшие бедняки, как подразумевает Бхагвати, присоединяются к «среднему классу».

А дальше «Остапа понесло». Бхагвати сделал вывод, что «гонки по нисходящей» не существует, наоборот, «как ни парадоксально, мы наблюдаем “гонку по восходящей”»; пнул Маркса, который, «как известно» (кому известно?), «ошибся, предсказав прогрессирующее обнищание пролетариата»; и вообще разразился теоретическим откровением о том, что поскольку ТНК платят работникам в странах третьего мира на 40-100% больше, чем местные фирмы, то и эксплуатации никакой нет, «если исходить из её корректного и убедительного определения» (с. 164–165, 233–234).

Лично мне не известно, что это за «корректное и убедительное определение». «Корректное» — это в смысле «чтобы никого не обидеть», эдакая гоголевская «дама, приятная во всех отношениях»? Мы, вообще-то, наукой занимаемся, и определения должны искать научные, независимо от того, для кого они оскорбительны. Так вот научное определение: эксплуатация — это систематическое узаконенное присвоение произведённого чужим трудом. Капиталист, получающий прибыль в виде разницы между стоимостью рабочей силы и стоимостью произведённого этой рабочей силой, является эксплуататором. И не важно, платит он больше или меньше других работодателей. А для жителей «третьего мира» при их жизненном уровне прибавка в «40-100%» мало что меняет, она означает, что большой вздохнул чуть глубже, но в сознание так и не пришёл.

Собственно, всё «доказательство» аналитиков Всемирного банка позитивного воздействия глобализации на благосостояние населения строится на статистике сокращения числа людей, живущих меньше, чем на один доллар в день. Такие люди признаются в отчете бедными, и общее их количество с 1980 года, «по крайней мере, перестало расти и даже снизилось примерно на 200 миллионов»¹⁵. Бхагвати с радостью ухватывается за этот критерий бедности и рапортует о решении саммита ООН, что «к 2015 году количество людей с доходом менее одного доллара в день и голодающих должно сократиться вдвое» (с. 69). Опять кроме шуток: простое обещание богачей сокращать число бедных Бхагвати представил в качестве реального свидетельства уничтожения глобализацией бедности. Хотя подобные резолюции ничем не лучше обещания XXII съезда КПСС построить коммунизм к 1980 году.

Интересно, а для тех, у кого больше, чем доллар в день, проблему бедности можно считать решённой? Российские пенсионеры, если не ошибаюсь, все обладают несколько

11. Кагарлицкий Б. Ю. Мы слишком много знаем // Скепсис. 2005. № 3–4. С. 7.

12. Мур М. Глупые белые люди. — М.: АСТ, 2005. — С. 286.

13. Кагарлицкий Б. Ю. Указ. соч. С. 7.

14. См.: Глобализация, рост и бедность. — М.: Весь мир, 2004. — С. 9.

15. Там же. С. 9.

большим доходом. Они в таком случае — обеспеченные люди и на митинги против «монетизации льгот» ходили с жиру побеситься? Да здравствует г-н Бхагвати, он под иноземные и иноземцевские овации вернул нам светлый советский лозунг: «У нас в стране нищих нет!»

Но это к слову. А теперь главный вопрос: какая связь между этим пресловутым «долларом в день», «40-100 процентами» и укреплением «среднего класса»? Откуда взялось, что, если «совсем нищих» стало чуть меньше, они поголовно перешли в «средний класс»? Разве они не могли стать чуть более обеспеченными нищими, чем раньше, или пополняться ещё и за счёт тех, кто ранее в социальной иерархии стоял выше? В этом обещанная «липа» и заключается: Бхагвати просто подменил тезис, выдал незначи-

ванием — будет снижать затраты на оплату труда. Чем они меньше, тем выше прибыли и больше шансов не проиграть в конкурентной борьбе.

А в эпоху глобализации почему должно быть иначе? Смысл создания глобального рынка в очень большой степени и состоит в том, чтобы почти беспрепятственно переносить рабочие места туда, где они дешевле всего будут обходиться — благодаря так называемому экологическому и социальному демпингу. И об этом, похоже, не знает только Бхагвати, упорно утверждающий, что «ТНК, как правило, не стремятся обосноваться именно в тех странах, где игнорируются или попираются права трудящихся» (с. 175-176). Как не восхититься его упорством: стоит на своём до конца, не выдает страшных тайн, в отличие от кормчих глобализации, которые нет-нет, да проговариваются. «Один час работы женщины, — чистосердечно признается главный управляющий делами компании Siemens, — изготовляющей электропроводку для «Фольксвагена», стоит нам в Нюрнберге 45 марок. В Литве эта цифра не дотягивает даже до полутора марок, да ещё и заводские здания предоставляются бесплатно. Так что нам действительно стоит подумать о Volkswagen и максимально снизить издержки производства»¹⁷.

Отсюда стратегия современного капитализма: «три индуса по цене одного швейцарца»¹⁸. «Транснационалы» создают рабочие места в «третьем мире», но не просто так, а за счёт сокращения их в странах «первого мира». Даже в самых заурядных научных работах обязательно упоминается про «деиндустриализацию» Запада и остающийся после неё «пояс ржавчины» в старых промышленных районах. Вряд ли Бхагвати об этом совсем уж ничего не слышал, равно как и о стремительном и постоянном увеличении количества безработных в развитых странах с момента начала неолиберальных реформ. Вот данные историка Э. Хобсбаума: безработица в Западной Европе составляла в среднем 1,5% в 1960-е гг., 4,2% — в 1970-е, 9,2% — «на самом пике экономического бума конца 1980-х» (а Бхагвати уверяет, что экономический рост безработицу сокращает; жизнь, наверное, глупо устроена: не хочет следовать «умным» концепциям), 11% — в 1993 году¹⁹. А в США, по оценке New York Times, сделанной на основе статистики министерства труда, между 1979 и 1995 гг. работы лишились 43 миллиона человек²⁰.

Иллюзий не остается: тех, кто живет на «доллар в день» стало чуть меньше только за счёт более существенного падения уровня жизни и численности «среднего класса». То есть мнимая борьба с бедностью оборачивается приближением к «черте бедности» других людей. В свою очередь, эти несчастные «доллар в день» — не начало пути к западному уровню жизни, а первое и единственное «улучшение». Продолжения не будет: было бы непоследовательно и нелепо, если корпорации разоряли бы западный «средний класс» лишь для того, чтобы взрастить аналогичный в отсталых регионах.

СТРАТЕГИЯ СОВРЕМЕННОГО КАПИТАЛИЗМА: «ТРИ ИНДУСА ПО ЦЕНЕ ОДНОГО ШВЕЙЦАРЦА». «ТРАНСНАЦИОНАЛЫ» СОЗДАЮТ РАБОЧИЕ МЕСТА В «ТРЕТЬЕМ МИРЕ», НО НЕ ПРОСТО ТАК, А ЗА СЧЁТ СОКРАЩЕНИЯ ИХ В СТРАНАХ «ПЕРВОГО МИРА»

тельную положительную динамику низших слоев за улучшение положения «среднего класса».

Хорошо, давайте посмотрим, что же на самом происходит со средними слоями? На сей счёт тоже есть официальные данные, свидетельствующие как раз о том, что «гонка по нисходящей» сейчас в самом разгаре и представители «среднего класса» — главные её участники. Согласно отчёту Американского бюро переписи (US Bureau of the Census), в 1995 году четыре пятах всех американских рабочих мужского пола зарабатывали в реальном исчислении на 11% в час меньше, чем в 1973 году. По другим источникам, за указанный период средняя зарплата у трех четвертей работающего населения США сократилась на 19%¹⁶. Аналогичная ситуация и в других странах Запада. И как же это объяснить, г-н Бхагвати? По вашему, этого быть не может, вы же утверждали, что экономический рост — достаточное условие всеобщего благоденствия. А тут, получается, рост только усугубляет проблему неравенства.

Можно теперь вернуться к суждению, что «за счёт роста спроса на рабочую силу может происходить — и происходит — повышение оплаты труда». Марксу и здесь от Бхагвати влетело: «Маркс неправильно оценил последствия капиталистического накопления» (с. 164). Вообще-то на протяжении истории капиталистическое накопление осуществлялось путём сокращения с помощью технологического прогресса числа работников. Бхагвати при всей своей научной безграмотности, наверное, всё же что-то слышал о движении луддитов или о мальтузианском законе естественного перенаселения, изобретённом именно для отвода от капитализма обвинений в обречении людей на безработицу. Ту самую безработицу, которая удешевляет рабочую силу. Капитализм в чистом виде — не отягощённый презируемым Бхагвати государственным регулиро-

16. Приведено по: Мартин Г.-П., Шуманн Х. Указ. соч. С. 161.

17. Цит. по: Мартин Г.-П., Шуманн Х. Указ. соч. С. 254.

18. Там же. С. 141.

19. Хобсбаум Э. Эпоха крайностей: короткий двадцатый век (1914 — 1991). — М.: Независимая газета, 2004. — С. 432.

20. Мартин Г.-П., Шуманн Х. Указ. соч. С. 163.

Факты и неолиберальная догматика: атака на экономику «третьего мира»

Но раз надежды на благосостояние людей эфемерны, то, может быть, глобализация сулит хотя бы экономический рост странам «третьего мира»? Может быть, перенос производства в страны «третьего мира» позволяет им сократить отставание от Запада? Для начала один факт. «Согласно статистике Bundesbank, — пишут Мартин и Шуманн, — с 1989 по 1993 год персонал германских компаний за рубежом увеличился на 190000 человек, но за то же время германские инвесторы скупили иностранные компании, где работало в общей сложности свыше 200000 человек. Значит, “экспортированные” рабочие места там уже давно были»²¹.

Из этого следует, что корпорации не просто переносят рабочие места в неразвитые страны, но во многих случаях переносят их на смену уже существующим в тех странах, обрекая местных производителей на разорение. Такова цена пропагандируемой Бхагвати открытости экономики. Чем меньше административных препятствий встает на пути корпораций, тем более серьезным испытаниям подвергается экономика «третьего мира». Естественная вроде бы логика, жаль, уму Бхагвати неподвластная.

И главное — её подтверждают «эмпирические данные», опять вступая в противоречие с измышлениями Бхагвати. Вот несколько примеров, и первый из них — Мексика. Реформы по неолиберальным рецептам, предусматривавшие, естественно, сведение к минимуму государственной защиты местного производства от иностранной конкуренции, там начались в середине 1980-х годов. В результате уже с 1988 года мексиканский импорт рос в четыре раза быстрее, чем экспорт, ведя к дефициту торгового баланса. В текстильной промышленности, до того одной из ведущих отраслей мексиканской экономики, закрылось до пятидесяти процентов предприятий²². Обратите внимание: это всё случилось ещё до мирового финансового коллапса, начавшегося как раз с Мексики. Поэтому зря Бхагвати всю вину за кризис в этой стране сваливает на финансовые спекуляции — они лишь заключительный аккорд, а начало положила «свобода торговли», обрекая мексиканские компании на разорение.

Мексика — случай яркий, но далеко не уникальный ни для Латинской Америки, ни для других регионов. Взять почти любую страну «третьего мира» — и выяснится, что с ней было в тот или иной период почти то же самое²³. «Только подумайте, — пишет американский экономист М. Вайсброт, — доход на душу населения вырос в Латинской Америке на 65% между 1960 и 1980 годами. Между 1980 и 2000 (как раз в эпоху глобализации — С. Е.) он вырос всего на 7%, или, можно сказать, вообще не вырос. В Африке дела пошли ещё хуже — там доход упал примерно на 15% на душу населения»²⁴.

Кстати, совсем не обязательно ограничиваться Югом: аналогичные проблемы по тем же причинам наблюдаются в наиболее слабых из развитых стран. Турция, которую называют «евроазиатским аналогом Мексики», после вступления в 1996 году в ЕС — с целью модернизации экономики и увеличения доходов за счёт экспорта — увеличила экспорт на 10 процентов, но импорт аж на 30! Результатом (всего через полгода!) — как и в Мексике, разве что в меньших масштабах — стал «изрядный дефицит торгового баланса»²⁵. И разумеется, не стоит забывать про страны бывшей советской системы, после её развала дружно примкнувшие к «третьему миру», а совсем не к «первому». Не странно ли — в условиях заведомо «неэффективной» закрытой государственной экономики страны «реального социализма» конкурировали с развитыми западными странами (до определённого момента весьма успешно; по свидетельству Хобсбаума, в 1950-е годы «Запад увидел, что его экономика проигрывает в сравнении с экономикой коммунистических стран»²⁶), а как только провели приватизацию и полностью открыли рынок для иностранных инвестиций и товаров, откатились резко назад?

После этого как-то совсем не смотрится устойчивое деление Бхагвати стран на «гло-

ОЧЕВИДНО: СТРАНЫ-НЕУДАЧНИКИ ТОЛЬКО И ДЕЛАЛИ, ЧТО СТРЕМИЛИСЬ «ГЛОБАЛИЗИРОВАТЬСЯ». И ЧЕМ ДАЛЬШЕ ЭТО ЗАХОДИЛО, ТЕМ ХУЖЕ ИМ СТАНОВИЛОСЬ

бализирующиеся» и «неглобализирующиеся» (к слову, не им, опять же, изобретённое, а заимствованное в готовом виде из отчета Всемирного банка²⁷). К первым из них автор относит страны, где находит хоть какие-то экономические достижения (Индию, Китай, четыре «азиатских тигра» — Корею, Тайвань, Гонконг, Сингапур — и некоторые другие), а ко вторым все остальные (с. 87). Ну да, глобализация ведь не может по определению привести к плохим последствиям. Следовательно, если что не так, то дело не в ней, а в её отсутствии. Только, по-моему, очевидно: страны-неудачники только и делали, что стремились «глобализироваться». И чем дальше это заходило, тем хуже им становилось. И попробовали бы они поступить иначе и отказаться навязываемых им правил «Вашингтонского консенсуса», предусматривающих как раз весь комплекс мер по дорогой сердцу Бхагвати экономической открытости. Некоторые пытались, но получали в ответ санкции, вплоть до высшей меры — натовских акций возмездия.

Впрочем, автор и сам вынужден признать, что свободная экономика — это недостаточное условие успеха. Важно ещё не переборщить со скоростью перехода к рынку. «Трудности, с которыми столкнулась Россия в результате стабилизации (что это за “стабилизация”, если её результатом являются столь большие “трудности”? — С. Е.) и реформ по рецептам “шокотера-

21. Там же. С. 211.

22. Мартин Г.-П., Шуманн Х. Указ. соч. С. 189.

23. См., например: Тарасов А. Н. Данайцы из МФФ. Страну ждет разорение, если деньги и советы дает Валютный фонд // Россия. 2002. № 6.

24. Цит. по: Кагарлицкий Б. Ю. Восстание среднего класса. — М.: Ультра.Культура, 2003. — С. 162.

25. Мартин Г.-П., Шуманн Х. Указ. соч. С. 190-191.

26. Хобсбаум Э. Указ. соч. С. 263.

27. См.: Глобализация, рост и бедность. С. 6-10.

певтов», служат напоминанием того, что успешность — не лучший выбор». Нужны поэтому, делает вывод Бхагвати, «оптимальные, а не максимальные темпы глобализации» (с. 48).

Интересно лишь, почему западные архитекторы глобализации в случае с той же Россией и другими бывшими республиками СССР так настаивали всё же на «максимальных» сроках и «шоковой терапии»? Ведь не скажешь, что не подозревали о последствиях: перед глазами были результаты чилийского эксперимента, ставшего едва ли не первой пробой сил для неолиберализма. Неудивительно, что пиночетовский режим традиционно преподносится неолибералами в качестве образцово-показательного в смысле экономической модели, и Бхагвати тоже относится к этому режиму, мягко выражаясь, не сильно плохо. Конечно, поругивает автор чилийского диктатора ради приличия, но одновременно отдаёт должное, показывая на примере Пиночета, что, «пока авторитарные режимы успешно развивали национальную экономику, народ мирился с их существованием» (с. 128).

Вот как — Пиночет, оказывается, развивал экономику. И откуда же это взялось, позвольте полюбопытствовать? Вот при Альенде, взявшем ужасный «радикально левый курс», экономика в самом деле росла. А после прихода Пиночета к власти всё «экономическое чудо» сводилось к восстановлению экономики после коллапсов, вызванных неолиберальными мерами. Скажем, подъем второй половины 1970-х годов, представлявший собой лишь ликвидацию катастрофических последствий «шоковой терапии», обернулся впечатляющим крахом в 1982 году²⁸. В результате, по подсчётам бразильского экономиста Ф. Э. Кардозу, среднегодовой «рост» в чилийской экономике при Пиночете в 1974—1989 гг. выражался в отрицательном числе «-3,9%», в то время как по Латинской Америке в целом эта цифра была «+4%». И если уж на то пошло, не мирился народ с режимом, партизанская (вооруженная!) борьба началась с первых лет правления Пиночета и с каждым годом разворачивалась всё шире²⁹.

Не могу поверить, что наш «глубокий и основательный ученый» не знает обо всем этом. А раз знает, значит, намеренно вводит в заблуждение, попросту говоря, врёт. И мотивы вранья понятны: сказать честно, к чему привела такая политика и почему в других странах Латинской Америки наблюдалась иная картина, означает признать несостоятельность корпоративной глобализации и заодно одной мерзкой книжонки о ней (фамилию автора не напомнить?). На это пойти нельзя, уж лучше соврать.

Выходит, было хорошо известно, куда приведёт страны Восточной Европы и бывшего СССР неолиберальный курс посредством «шоковой терапии». Следовательно, ошибки, г-н Бхагвати, не было, а имела место сознательная акция. Просто — возвращаясь к тому, о чем уже говорили — цель

включения стран бывшего советского блока в глобальную капиталистическую экономику предусматривала не их процветание, а расширение для западного капитала территории деятельности — и чем быстрее, тем лучше. Если исходить из настоящих целей корпоративной глобализации, то «максимальные» темпы и есть «оптимальные» для неё.

И с какой стати задумываться о негативных последствиях для «третьего мира», раз они на практике только способствуют процветанию западных ТНК? Позициям американского капитала развал всё той же чилийской экономики не угрожал. Точнее, эти позиции только крепили. Дегradировало местное производство — устранялась конкуренция; появлялась возможность прибрать к рукам нужные предприятия; росла безработица и дешевела рабочая сила; возрастала потребность чилийского правительства в кредитах, с помощью которых ему можно было диктовать условия. В итоге местная экономика была в жестоком кризисе, а корпорации успешно вывозили капитал. Все правильно: они же (ещё раз припоминаю г-ну Бхагвати его слова) должны не о благотворительности думать, а получать прибыль. Вот и получали — всё как вы заказывали. И теперь продолжают получать — тем больше прибыли, чем успешнее разваливают экономику неразвитых и бывших развитых (советских) стран.

В таком случае «оптимальные темпы», и в самом деле позволившие восточноазиатским странам добиться заметного роста, не имеют к корпоративной глобализации никакого отношения. В данном случае «чудо» состоялось не благодаря грамотному использованию преимуществ глобализации, а за счёт того, что на неё на некоторое время удалось нацепить намордник. Так уж счастливо сложились обстоятельства для этого региона. Как пишет американский социолог И. Валлерстайн, «значительным отличием Восточной Азии... явилось её позиционирование относительно «фронтов» холодной войны». Конкретнее, Южная Корея и Тайвань требовались американцам в качестве противовеса и форпоста по отношению к КНДР и Китаю (ни про одну страну Африки или Латинской Америки такого сказать нельзя) и потому ими «поддерживались и прощались»³⁰. В результате «различия, характерные для 1945-1970 годов, обернулось в 1970-1995 годах важнейшим преимуществом» — азиатская экономика получила долговременный импульс к развитию, отсутствовавший у других регионов³¹.

Но вот «холодная война» закончилась, все эти политические и военно-стратегические соображения отпали, и политика Запада в отношении тех стран изменилась. От дальнейшего движения по пути неолиберализма на сей раз увильнуть не удалось. В итоге страны юго-восточной Азии вынуждены были пережить сначала кризис 1997-98 годов, а затем новое ухудшение ситуации в связи с очередным витком преобразований³². Смотрите, что получается,

28. Кангас С. Чикагские мальчики и чилийское экономическое чудо // http://www.scepsis.ru/library/id_557.html

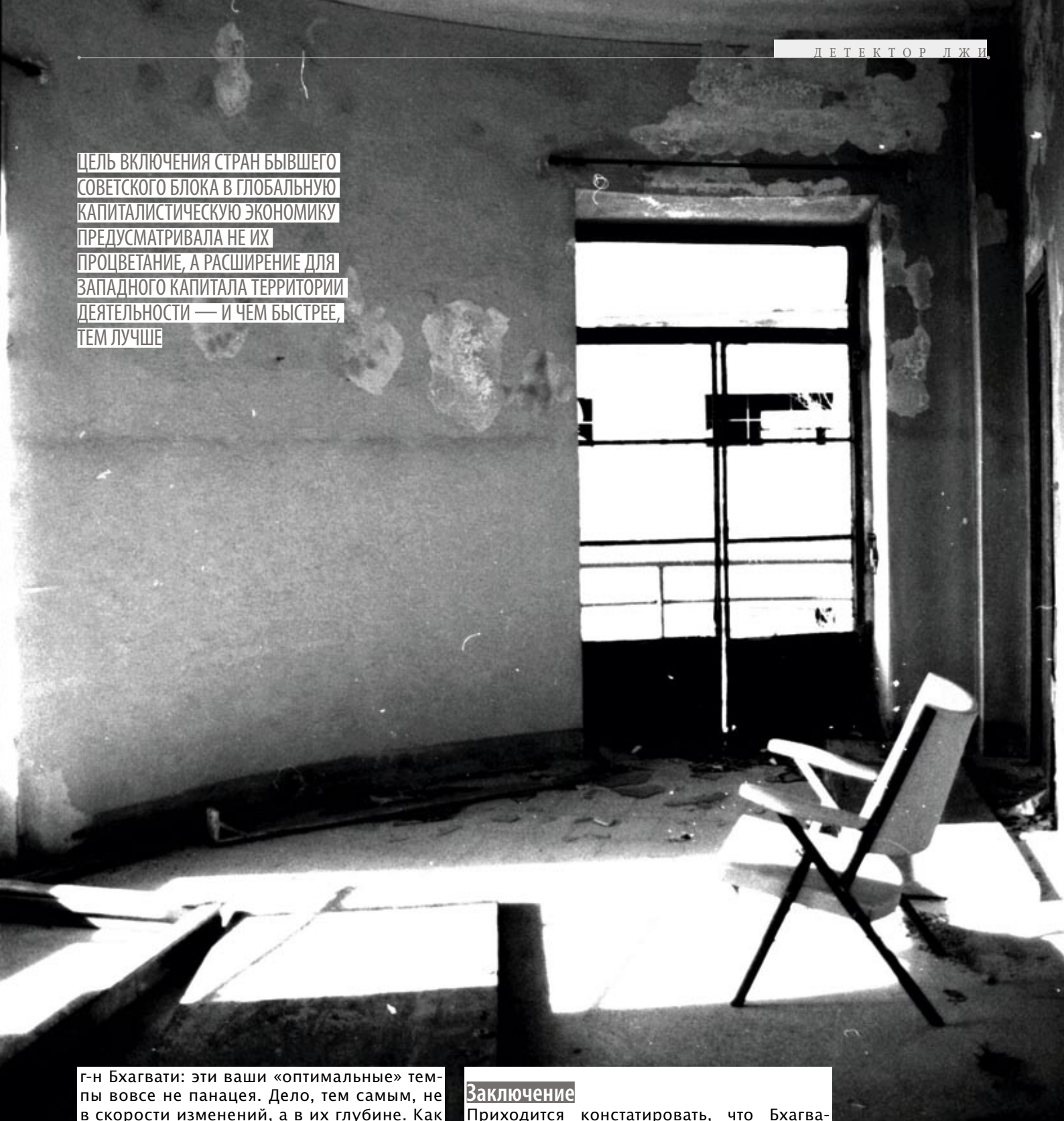
29. Тарасов А. Н. Хватит врать о Пиночете! Правда о Чили // Неприкосновенный запас. 2001. №2. С. 66-76; Он же. Правда о Чили и Пиночете // Свободная мысль-XXI. 2001, №3. С. 40-54.

30. Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века. — М.: Логос, 2003. — С. 53.

31. Там же. См. также: Тарасов А. Н. Путь назад // Свободная мысль. 1995. №6. С. 31.

32. См.: Глобализация сопротивления: борьба в мире. — М.: Едиториал УРСС, 2004. — С. 46-60.

ЦЕЛЬ ВКЛЮЧЕНИЯ СТРАН БЫВШЕГО
 СОВЕТСКОГО БЛОКА В ГЛОБАЛЬНУЮ
 КАПИТАЛИСТИЧЕСКУЮ ЭКОНОМИКУ
 ПРЕДУСМАТРИВАЛА НЕ ИХ
 ПРОЦВЕТАНИЕ, А РАСШИРЕНИЕ ДЛЯ
 ЗАПАДНОГО КАПИТАЛА ТЕРРИТОРИИ
 ДЕЯТЕЛЬНОСТИ — И ЧЕМ БЫСТРЕЕ,
 ТЕМ ЛУЧШЕ

г-н Бхагвати: эти ваши «оптимальные» темпы вовсе не панацея. Дело, тем самым, не в скорости изменений, а в их глубине. Как только они достигают определенного рубежа — не важно, быстро или медленно, — жди беды. Единственное, на что влияют темпы, — это на срок обвала экономики. Думаю, ясно окончательно: при существующих правилах игры отсталым странам рассчитывать не на что. Утешаться приходится лишь полными оптимизма словами Бхагвати: «Трудно представить, что этим народам, пережившим колонизацию и империализм, грозит вымирание в результате глобализации» (с. 153). Раз люди через столько прошли и ко всему привыкли, то переживут и новую невзгодку. Пожалуй, это самый сильный и одновременно самый честный пункт «защиты Бхагвати».

Заключение

Приходится констатировать, что Бхагвати защита глобализации не удалась. Дело это заведомо безнадежное, да и уровень аргументации оказался совсем не профессорским. Очевидно, не заслуживает книга ни восторженного иноземцевского предисловия, ни пяти с половиной страниц мелким шрифтом хвалебных отзывов в её конце. Отрывок из одного, впрочем, достойной цитаты. «Если уж Дж. Бхагвати не сумеет превратить противников глобализации в её адептов, то, видимо, этого не сможет никто...» (с. 404) Скажем честно: попытка провалилась, и такой текст вряд ли принесёт глобализации сторонников, во всяком случае среди здравомыслящих людей. Тогда, может, и не стоит пытаться дальше?

ТЕОРИЯ МОДЕРНИЗАЦИИ, ВИД ОРУЖИЯ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ

Фотография: Dania Gennai (<http://flickr.com/photos/dania/>)

1. «Классические» варианты теории модернизации см.: Lerner D. *The Passing of Traditional Society. Modernization on the Middle East*. N.Y., 1958; Black C.K. *The Dynamics of Modernization*. N.Y., 1966.

2. См.: Apter D. *The Politics of Modernization*. Chicago — L., 1965; Levy M. J. *Modernization of Society*. Princeton, 1966; Eisenstadt S. N. *Modernization: Protest and Change*. Engelwood Cliffs, 1966; Мюрдаль Г. *Современные проблемы «третьего мира»*. М., 1972. у Г. Мюрдаля — как у наиболее доступного для отечественной аудитории автора — очень показательно описание всех слоев стран Юго-Восточной Азии как сборища лентяев, бездельников, сибаритов, у которых отсутствует

После краха советской системы в отечественных социальных дисциплинах утвердилась мода на несколько почерпнутых с Запада теорий — таких, как «теория тоталитаризма», «теория модернизации», теории «столкновения цивилизаций», «конца истории», «постиндустриализма», «мира постмодерна» и т.п. Мода на некоторые — например, на «столкновение цивилизаций», «конец истории» или «мир постмодерна» — быстро прошла.

Теория модернизации, напротив, утвердилась и даже превращена в официальный образовательный канон. Между тем на Западе ещё в середине 70-х гг. XX века она была отброшена как пропагандистская и заведомо ненаучная.

Сама теория модернизации возникла из плохо понятого и вульгаризованного Маркса, который, как известно, говорил, что более развитые страны показывают менее развитым их будущее и что все страны должны в своем развитии пройти одинаковые стадии. Однако, изучив конкретную практику включения в мировую капиталистическую экономику колониальных стран, Маркс (начиная с работы «Британское владычество в Индии») скорректировал свою точку зрения, поскольку обнаружил, что капиталистическая метрополия (страны-колонизаторы) не развивает экономически, технически и политически колонии, а, напротив, консервирует

АКТИВНЫЕ ПОПЫТКИ НАСАДИТЬ В ОТЕЧЕСТВЕННЫХ СОЦИАЛЬНЫХ НАУКАХ И В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ ТЕОРИЮ МОДЕРНИЗАЦИИ СВЯЗАНЫ, СУДЯ ПО ВСЕМУ, С ТЕМ, ЧТО ПОСТСОВЕТСКАЯ РОССИЯ ИНКОРПОРИРУЕТСЯ В МИРОВУЮ КАПИТАЛИСТИЧЕСКУЮ ЭКОНОМИЧЕСКУЮ СИСТЕМУ В КАЧЕСТВЕ СТРАНЫ ПЕРИФЕРИИ

в них отсталость и тормозит развитие (а то и прямо разрушает — как в Индии и Ирландии — наиболее технически передовые секторы экономики). Но создатели теории модернизации этого изменения взглядов Маркса «не заметили».

Собственно *теория модернизации* возникла в 50-е — начале 60-х гг. В США и Великобритании и была предназначена для «внешнего употребления»: для стран «третьего мира», в том числе тех, кто активно освобождался от колониальной зависимости¹. Основной идеей классической теории модернизации была идея неизбежного перехода от «аграрного» общества к обществу «индустриальному». Этот переход в страны «третьего мира» несли страны «первого мира», которые уже в силу одного этого факта выступали в качестве «прогрессоров», «культуртрегеров» и «благотетелей».

Классическая теория модернизации описывала «аграрное общество» с позиций откровенно европоцентристских, расистских и оскорбительно-ксенофобских. Аграрным обществам (то есть всему миру за исключе-

нием развитых капиталистических стран) якобы были присущи следующие черты: доиндустриальная (аграрная) экономика; неспособность к социальному, технологическому и культурному развитию; зависимость организации социальной жизни общества от религиозных и мифологических представлений; циклический, а не поступательный характер исторического существования; авторитарный (тоталитарный) характер власти; преобладание традиции над новаторством; коллективистский характер общества и подавление в нем личного начала; преобладание в обществе людей с пассивным, недеятельным, безразличным, апатичным типом личности; ориентация не на материальные и инструментальные, а на религиозные или метафизические ценности; отсутствие способности к экономическому производству не ради удовлетворения насущных потребностей, а ради реализации возможности развития в будущем (экономического роста как самоценности). Индустриальное же общество («современность», Modernity) описывалась, напротив, исключительно в розовых тонах: это общество высокотехнологичной (научно-промышленной) экономики; постоянно интенсивно обновляющееся и усложняющееся в социальном, экономическом и культурном отношении; светское и рациональное по своему социальному характеру; находящееся в поступательном развитии («линейный прогресс»); с институтами власти, основанными на представительной демократии и идеологии либерализма; с преобладанием инноваций над традицией; обществом индивидуализма, уничтожившее (или подавившее) коллективизм; состоящее из активных, экономических деятельных личностей с развивающе-присваивающим типом мышления; ориентированное на получение материальных благ (деньги, комфорт, власть, наслаждения) и инструментальных ценностей; способное производить не только ради удовлетворения насущных потребностей, но и ради возможностей технологического развития в будущем².

В середине 70-х гг. теория модернизации развалилась под сокрушительным натиском явного несоответствия её с практикой экономического развития за пределами стран «первого мира» (в первую очередь стран Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии, осуществивших экономический прорыв в условиях военных диктатур или авторитарного правления и на основе традиций — включая «метафизическое» конфуцианство — а не в разрыве с ними), с одной стороны, и теоретических ударов со стороны концепций «зависимого развития», «структурной зависимости», «технологической зависимости» и «периферийного капитализма» — с другой. Эти концепции, близкие друг к другу, были разработаны в 60-е гг. — независимо друг от друга — преимущественно латиноамериканскими исследователями А. Гундером Франком, Т. Дус Сантусом, Р. Ставенхагеном, О. Фальс Борда, Э. Торресом Ривасом, М. Капланом,

Э. Кардозу и др. Все они — на огромном (в основном латиноамериканском) материале — описывали функционирование реальной капиталистической экономики как квазиимперской экономической системы, состоящей из двух или трех сегментов: метрополии — стран «первого мира» — и периферии — стран «третьего мира» (как вариант описывалось существование стран полупериферии — наиболее географически и культурно близких к метрополии и экономически развитых стран «третьего мира»). Специфика существования периферии и полупериферии заключалась в зависимости (финансово-экономической) от метрополии, которая навязывала им невыгодные варианты технологического развития (устаревшие, энерго- и ресурсоемкие, природоразрушающие и т.п.), консервировала экономическую и социальную отсталость и дифференциацию, препятствовала освоению и внедрению наиболее передовых технологий, обрекала на роль сырьевого и технологического придатка, стимулировала наиболее реакционные (вплоть до фашизма) формы политической жизни³. Теоретики концепций круга периферийного капитализма достаточно убедительно (опираясь на конкретные исследования в своих странах) показали туловище периферийного капитализма, невозможность «догоняющего развития» (иными словами, модернизации), а также то, например, что правящие классы в странах «зависимого», периферийного капитализма неизбежно становятся тотально криминализованы и паразитичны или что сам факт периферийности маргинализирует общество стран периферии, включая и рабочий класс этих стран (даже тогда, когда рабочие имеют работу).

В конце 80-х — начале 90-х гг., в связи с развалом Восточного блока, застигшим западную политическую мысль врасплох, теория модернизации была срочно вынута из архива (один из теоретиков «неомодернизации» Э. Тирьякян так и назвал свою работу: «Модернизация: да эксгумируется в мире»)⁴. Теперь теория модернизации применялась уже не к «третьему миру», а ко «второму», то есть к Советскому блоку. Поскольку, однако, сразу стало ясно, что по отношению к постсоветскому пространству теория модернизации ещё менее адекватна (очевидно, что индустриализация здесь давно прошла; общество носило светский характер; традиции были сведены к минимуму в ходе антибуржуазной трансформации, и т. д., и т. п.), пришлось срочно разработать круг теорий «неомодернизации», которые вводили множество оговорок в классическую модель (вплоть до привлечения понятий «капитализм западного типа» и «незападного типа», «обратимости» и «необратимости» модернизации, «экзогенного» и «эндогенного» характера модернизации). Наиболее распространенными стали разные варианты «неомодернизационизма» *циклического характера*, предполагавшие, что модернизация может проходить неограниченное число раз — с

элементарное чувство порядочности, ответственности за соблюдение обязательств и трудовой дисциплины, отсутствует инициатива, пунктуальность, аккуратность и т.п. Чтобы понять, насколько это описание носит открыто-расистский характер, достаточно вспомнить, что именно в этих странах существует традиционная «банковская» система, в которой миллионы в валюте перемещаются из рук в руки и из страны в страну без документов, на основании одного только честного слова партнеров!

3. См.: Dos Santos T. El nuevo caracter de la dependencia. Santiago-de-Chile, 1968; Idem. Socialismo o fascismo: dilema de América Latina. Santiago-de-Chile, 1969; Id. Socialismo o fascismo. El nuevo caracter de la dependencia y el dilema latinoamericano. Buenos Aires, 1973; Frank A.G. El desarrollo del subdesarrollo. México, 1966; Id. Capitalismo y subdesarrollo en América Latina. La Habana, 1970; Id. América Latina: subdesarrollo o revolución. México, 1976; Fals Borda O. El Hombre y la tierra en Boyaca. Desarrollo histórico de una sociedad minifundista. Bogotá, 1973; Id. Historia de la cuestión agraria en Colombia. Bogotá, 1975; Torres Rivas E. Procesos y estructuras de una sociedad dependiente. Santiago-de-Chile, 1969; Id. Notas sobre las clases y el Estado en Centroamérica. San Jose, 1974; Stavenhagen R. Siete tesis equivocadas sobre América Latina. México, 1965; Id. Las clases sociales en las

sociedades agrarias. México, 1971 etc. К сожалению, эти работы не переведены на русский язык и, в отличие от теоретиков модернизации, не включены в научный оборот даже в пересказах. Однако в упрощенном виде с описанием функционирования системы «метрополия — периферия» можно ознакомиться по книгам И. Валлерстайна: Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуации в современном мире. СПб., 2001; его же. После либерализма. М., 2003; его

же. Конец знакомого мира. Социология XXI века. М., 2003. И. Валлерстайн, пользуясь своей принадлежностью к метрополии (географической — США и языковой — английский), фактически присвоил себе достижения латиноамериканских теоретиков 60-х гг. 4. International Sociology, 1991, N 2. 5. Хантингтон С. П. Третья волна. Демократизация в конце XX века. М., 2003. 6. См.: Коэн С. Провал крестового похода. США и трагедия посткоммунистической России. М., 2001.

переменным успехом. По этой логике в России / СССР первая модернизация имела место в 1861—1914 гг., вторая — в советский период (или даже их было две: одна в 20—30-е гг., другая в 60—70-е) и, наконец, следующая (последняя?) — в постсоветский период. Классической работой циклического «неомодернизационизма» можно считать изданную у нас книгу с. Хантингтона⁵, до того прославившегося теорией «столкновения цивилизаций», взятой на вооружение фашистами во всем мире. В отечественной и в восточноевропейской литературе «неомодернизационные» концепции подвергаются жестокой критике как явно пропагандистские, ненаучные и не основанные на реальных фактах. Впрочем, и среди

известных западных политологов есть большая группа специалистов — в первую очередь, специалистов по Восточной Европе и бывшему СССР — резко отвергающих «неомодернизационизм». С. Коэн, например, убедительно показал, что в бывшем СССР идет процесс, который он назвал «демодернизацией»⁶. Активные попытки насадить в отечественных социальных науках (и в системе образования) теорию модернизации связаны, судя по всему, с тем, что постсоветская Россия инкорпорируется в мировую капиталистическую экономическую систему в качестве страны периферии (страны «третьего мира»). Это явление — составная часть идущего в настоящее время в мире процесса глобализации.

Кива Майданик

«ЧЕТВЁРТАЯ ВОЛНА»

Фотографии: Bernardo Londoy
Ramin Rahimian
Murray Cox
Paul Di Stefano

Иллюстрации: Benjamin Heine (<http://benheine.com/>)
Anti3olotic (<http://anti3olotic.deviantart.com>)

О новом цикле социально-политического развития Латинской Америки. Взгляд слева

Если бы наряду с политико-административными регулярно выпускались «идейно-политические» карты мира, картографам Латинской Америки простой не грозил бы. Окрас региона, определяемый доминирующей тенденцией и **идеологией** его развития, приходилось бы менять каждые 7—10 лет. За последние полвека репутация Латинской Америки как зоны «стабильной нестабильности» (политической), быстрого чередования — **в региональном масштабе** — противоположных идейных гегемоний и тенденций развития сложилась, закрепились и закалилась. По этому показателю регион может претендовать на золотую медаль (истории) — или на прописку в книге Гиннеса.

Красные, черные (коричневые), синие (цвет демократизации), монотонно серые (неолиберального единообразия) десятилетия и семилетия; волны наступления авторитаризма и демократии, завинчивания и ослабления тисков зависимости — так выглядит история Латинской Америки, начиная со стартовой линии системного кризиса, бушующего — или тлеющего — здесь с 30-х годов XX века. Причём — и это надо подчеркнуть особо — речь не идет о трагифарсе систематического «недержания власти» соперничающими кланами или замундиренными каудильо. Сегодняшний политический быт стольких стран Африки и Ближне-Среднего Востока Латинская Америка уже пережила на этапе «Ста лет одиночества» (1830 – 1930). Происходящее же здесь в последнее 75-летие — это, скорее, сжатая (точнее — ускоренная в одних своих ракурсах и замедленная — в других) новая и новейшая **история Европы XIX и XX веков**¹. История, протекающая

в рамках иной глобальной ситуации и в «частично отличной» цивилизационной среде, лишенная амортизирующих компромиссов и равнодействующих, объединяющая разделённые в развитии Старого Света этапы, но рвущаяся через те же барьеры и в том же направлении.

При этом бросаются в глаза то постоянство и упорство, с которыми проявляется и пробивается почти на каждом витке (или — в каждом цикле) развития этих десятилетий его левая, антисистемная, альтернативная (господствующей) тенденция. В этом плане Латинская Америка также вполне сравнима с Европой 1789 – 1950 гг. При том, что близость **идейных тенденций** (и **задач**) левых движений двух регионов сочетается с коренными различиями в облике их **социальных носителей**...

Так или иначе, на той карте **современного** мира, с упоминания о которой начался этот материал, Латинская Америка выделялась бы достаточно ярко. Вызывая в памяти карты **прошлого** века, но с «красным ореолом», резко передвинувшимся с Северо-востока на Юго-запад. Причём на этот раз для подобной окраски существуют куда более веские объективные основания, чем в 70 – 80-х годах XX века. Недаром в западной прессе последних 2–3 лет эпитеты типа «левая» или «левеющая» применительно к Латинской Америке стали таким же «общим местом» — столь же тривиальными, как привязка «международного терроризма» к региону Ближнего и Среднего Востока.

И в самом деле... Все выборы в Южной Америке XXI века выиграны левыми или левоцентристскими силами. Впервые в истории региона президентами его стран становятся

1. Имеются в виду прежде всего Западная, Центральная и Южная её зоны.

2. См. об этом «МЭиМО», 2004. — № 5. — с. 42–43.

3. За исключением нескольких сот энтузиастов. Впрочем, существует ли вообще в стране это общество (отделенное от власти) — вопрос совсем ясный.

4. Список предшествующих «волн» несколько варьируется (у разных авторов), хотя две из них — «Кубинская» («Карибская») 1957 – 1965(67) и «Чилийская» (она же «Южноконусная») 1968—1975(6) фигурируют постоянно. Иногда роль третьей волны (субрегиональной) отводится революционному подъему 70-х – 80-х годов в Центральной Америке, в иных случаях список предвращается популистскими и демократическими движениями 30 – 50-х годов.

5. В отличие от попыток наложения европейского трафарета на реалии Африки, Ближнего и Среднего Востока, стран СНГ и др.

6. Реформы эти были практически одинаковы почти во всех странах региона: отступление государства из экономики и, частично, из социальной сферы; приватизация; открытие экономики во вне; сокращение госрасходов и т.п.

7. Её среднегодовые темпы: 829 % — в 1988 – 1991 гг.; 540 – 550 % — в 1992 – 1994 гг.; 18,5 % — в 1995 – 1997 гг.; 9,5 % — в 1998 – 2000 гг.

ся бывший токарь — и индеец. Именно в этой части мира впервые за двадцать лет президент вчерашней капиталистической страны заявляет о «курсе на социализм». Здесь сегодня максимальный — за всю историю региона — уровень автономии экономической и внешней политики его правительств.

На Западе (он же — Север) дискуссия по этой проблематике идет уже несколько лет. «Возрождение популизма» — или «Популистский тупик», «Парк Юрского периода» (т. е. заповедник динозавров), «Нумансия утопии», «Бастион надежды», «Обречённая цивилизация», «Плацдарм будущего», Реальность «другого мира», «Прибежище ностальгии»... Какая из этих оценок окажется наиболее реалистической, мы узнаем через несколько десятилетий — или к концу века.

Пока же отродно уже то, что в последние месяцы упоминания о «левом повороте» в Латинской Америке стали просачиваться (капля информации в чашке злобы) даже в российские СМИ. Вообще-то, привычное, подчас оставляющее впечатление нарочитости игнорирование нашими mass-media латиноамериканских реалий достаточно закономерно. Факторы, его обуславливающие, многочисленны и «многослойны». Слишком схожи проблемы двух регионов и слишком различны тенденции их решения — будь-то на уровне верхов (часто), будь-то на уровне масс (почти всегда)². Здесь, думается, социально-политические «корни умолчания». Поскольку обрушиться на ненавистных «краснокожих» в полную силу либерального или иного озлобления, (накопленного и сбереженного в виду домашних реалий) мешают свежие соображения геополитического плана, молчание становится наиболее адекватным решением. В отличие от ситуации 15-летней давности, когда хор отечественных шавок радостно облаивал Кубу, Никарагуа и т. д. — и облизывал Пиночета...

И всё же с соблюдением надлежащей временной дистанции (4—5 лет запоздания) отечественная публика — вернее та её часть, которую интересуют в мире не только олимпиады или птичий грипп, — осознаёт, что в Латинской Америке «опять что-то такое происходит». На стыке воскрешающегося интереса к региону и новых процессов внутреннего порядка (прежде всего в российской молодёжной среде) возможна кристаллизация новой «резонансной камеры»; и, может быть, именно здесь даст трещины та стена отчуждения, которая столько лет — или уже десятилетий — наглухо изолирует российское общество³ от иного, «альтернативного» Запада.

Но, думаю, непременным условием этого выступает наличие «здесь» хотя бы самого общего представления о происходящем «там». Так далеко от России — и так близко от неё. При этом данная статья не имеет своей целью ни всестороннее освещение сегодняшней действительности Латинской Америки, ни **всех** аспектов и тенденций её политического развития. Речь пойдёт лишь об одной из этих тенденций — той, которая представляется мне доминирующей в по-

следнее десятилетие. О тенденции, которую в латиноамериканской литературе нередко именуют **«четвёртой волной»** социально-политической трансформации, точнее — **левого**, «социального» варианта этой трансформации⁴.

Упомянув, да ещё подчеркнув столь немодное ныне слово, хочу напомнить, что в Латинской Америке — в отличие от других регионов Юга или постсоциалистического мира — политические (политико-идеологические) категории и противопоставления двух прошлых веков (типа «левые — правые») почти полностью сохраняют своё традиционное значение и значимость. Здесь семена постмодерна всходят очень туго, свидетельством чего и является нынешняя ситуация в регионе — и использование традиционного (европейского) понятийного инструментария не искажает местной реальности (по крайней мере — на политическом уровне)⁵.

При этом автор не скрывает (а если бы и пытался — вряд ли бы сумел скрыть), что идентифицирует себя с тенденцией, о которой идет речь. Отсюда и «взгляд слева» в подзаголовке.

Начать следует, по-видимому, с «генезиса феномена», с его ближней предыстории. Как и почему реальность (и видимая стабильность) торжествующего неолиберализма первой половины 90-х годов десятилетия спустя сменилась в Латинской Америке «Левым приливом»?

Неолиберализм и «конец истории»

Напомню, что наиболее общей и очевидной «меткой» той новой полосы исторического развития, которая обозначила себя в Латинской Америке 90-х годов, не были ни разгул репрессий, ни политическая либерализация, ни экономический кризис (и падение жизненного уровня населения) — фирменные знаки двух предыдущих десятилетий. На этот раз критерием «нового» в регионе предстал **конец** той **многолинейности** его развития, которой характеризовались предшествующие полвека.

Оставив позади «потерянное» — для экономики — десятилетие, избавившись от правых диктатур («наших — империи — сукиных детей»), Латинская Америка вступила в полосу экономического подъёма, притока иностранного капитала, неолиберальных реформ⁶, стабилизации жизненного уровня большинства (прежде всего за счёт укрощённой в 1991–94 гг. инфляции⁷) — и непривычной политической стабильности, обеспеченной консенсусом элит и пассивностью масс (об этом — ниже). Речь шла о ситуации, в чем-то (отнюдь не во всем) схожей с российской в 2001 – 2006 гг. ...

Казалось, ушла в безвозвратное прошлое эпоха борьбы и смены вариантов и альтернатив развития в рамках «великого системного кризиса XX века»; историческая политическая и психологическая ситуация выхода региона на арену глобальной истории — та, что делала латиноамериканцев «современниками всего человечества».

В основе сдвига, происходящего в регионе, лежал сдвиг глобальный; новый — «информационный» (постиндустриальный) и глобализационный цикл развития мирового капитализма. Латинской Америке он принёс не только элементы стабилизации, но и девальоризацию завоеваний модернизационного процесса середины века и его инструментария, прежде всего — роли и возможностей национального государства и национальной индустриализации (и соответствующих идеологий). Стремительно возрастающая — в рамках стабилизации — внешняя уязвимость региона (прежде всего финансовая, но также и технологическая); и разгул инфляции (на стыке десятилетий) ещё более сужали рамки «объективно возможного» в регионе. А глубокие травмы, нанесённые годами диктатур, — и новостями из Восточной Европы, подорвали субьективные предпосылки альтернативного развития его самоидентификацию с «волной будущего».

В итоге начавшийся в 90-х гг. процесс интериоризации неолиберальных установок, (предшествующее десятилетие стало «потерянным» в результате «неолиберально-го воздействия» **извне**) принял в Латинской Америке лавинообразный характер. Процесс этот охватил все страны региона, все сферы экономической, социальной и идейно-психологической жизни, оттеснив на обочину все предшествующие — и параллельные — проекты и тенденции и не встречаясь на этот раз со сколько-нибудь ощутимым политическим и социальным сопротивлением (см. ниже). А потому утверждаясь здесь в наиболее бескомпромиссном, тотальном варианте. Неолиберальный «треножник»: «дерегуляция — приватизация — открытые границы» становился гербовой печатью практики, экономической и внутренней политики всех государств региона, независимо от заявленной идеологии и исходных предвыборных программ приходивших к власти групп.

На дне ямы «потерянного десятилетия» **отсутствие** массового, а по сути дела — и элитарно-интеллигентского **сопротивления неолиберальной практике (и стратегии)** не было обусловлено лишь массивным идеологическим «ударом с севера». Оно объяснялось и широким набором региональных факторов — исторических, социально-психологических и непосредственно политических.

Проповедь рыночного фундаментализма оказалась в новых условиях созвучной и настроением, и новым реальным интересам значительной части **буржуазии и её социального окружения** (особенно — глобализированных секторов этого конгломерата), десятилетиями вынашивавшими мечту об «антиэтатистском» и «антисоциальном» рванше. Не говоря уже об элементах прямого участия в приватизации и радостях, связанных с бурным притоком инвестиций. Значительная часть **интеллигенции** (центристской, левоцентристской и даже экс-левой) и средних слоев с радостью поддавалась многостороннему воздействию процессов глобализации, утверждавшему её, интел-

лигенции значимость и исключительность, дававшими ей возможность вновь «соответствовать мировой (северной) моде». Для многих **неолиберальный курс как бы закреплял (своим антиэтатизмом) искоренение политического авторитаризма**, восстановление демократических свобод.

Вместе с тем от неолиберального «упорядочивания» экономики на какой-то период выиграло и большинство населения — прежде всего от **сокращения инфляции**, экономического роста, притока инвестиций и создания новых рабочих мест — пусть и в неформальном секторе.

Самое главное завоевание предшествующих лет — политическая демократизация — была осуществлена таким образом и в такой ситуации, что стала (опять-таки — до поры до времени) важнейшим инструментом **политической демобилизации** большинства. Сильнейшая заинтересованность экономики и социума в притоке иностранных инвестиций (а также «remesas» — латиноамериканских эмигрантов из США), а также отсутствие прямой угрозы интервенций (годы Клинтона) как бы нейтрализовали прошлую ответственность другого важнейшего механизма мобилизации масс («антизависимого», «антиимпериалистического»).

Но деформировались и традиционные механизмы **социального** протеста. Во-первых, в результате деиндустриализации, сокращения и ослабления пролетариата (как традиционного, так и созданного импорт-замещением) и рабочего движения, их дезориентации в условиях, когда право быть эксплуатируемым «легально» превратилось в привилегию. Во-вторых, вследствие бурного роста — абсолютного и относительно — армии неформального труда, превратившейся в крупнейший сектор городского населения. Этот разнородный общественный конгломерат наиболее быстро сменил свою традиционную этатистскую (с элементами коллективной солидарности) ориентацию на стратегию индивидуального выживания и приспособления, индивидуального (или клиентлярного, или в русле организованной преступности) действия. В-третьих, под влиянием современного опиума народа (телеоблучения, торговли в кредит и т. д.), закреплявшего тенденции пассивности, конформизма, антисолидаризма в конгломерате «городских масс».

В итоге в роли эффективных рычагов, приводивших в действие механизмы народной оппозиции, сохранялись лишь движения против **коррупции** (самый сильный раздражитель), избирательных махинаций и роста коммунальных тарифов. Социально политическую благодать нарушали лишь выступления «маргиналов» — пенсионеров, индейцев, безработных.

Всё это во многом объясняло и относительную слабость массового протеста, и его несостыкованность с альтернативным «народным проектом», разрабатывавшимся в эти годы левым сопротивлением. И здесь вступала в действие ещё одна группа факторов глобального порядка, работавших на ситуацию безальтернативности. Речь идёт

«Латинская Америка освободилась от колонизации, но не от эксплуатации»

8. Подробнее об этом см. «Memoria» (Mexico), 1993. № 61. pp. 34—41; 1994. № 62. pp. 32—38.

9. См. Майда-ник К. Л. Эрнесто Че Гевара, его жизни, его Америка. М.: 2004. Стр. 303—309.

10. Первая встреча глав государств и правительств 34 стран Западного полушария, состо-

об организационном, программном (и теоретическом) кризисе **традиционных политических авангардов оппозиции** (и их проектов). В этом плане родство ситуаций в Латинской Америке в Восточной Европе проявлялось с особой силой.

В силу ряда глубинных причин левым, левоцентристским, оппозиционным новому капиталистическому mainstream'у силам оказалось значительно труднее адаптироваться к новой исторической ситуации, созданной кризисами послевоенной модели капитализма и индустриальной цивилизации. Почти все процессы в сферах бытия и сознания, в течение полутора веков дававшие

Равнодействующей всех этих (и многих иных) векторов и стала практически безраздельная гегемония неолиберальной политики — и идеологии — в регионе: «Конец альтернативности» — и даже вариантности — развития стал фирменным знаком исторической ситуации. «Один вождь! (мировой рынок) — одна религия! (экономическая эффективность, конкурентоспособность) — одна политика! (неолиберальная)» — ситуация эта (Вашингтонский консенсус), возникшая в фазе фронтального наступления рыночного фундаментализма в 1990–92 гг., сохранялась и в годы рыночной эйфории (1992 – ноябрь 1994), и — в основном — в период «первичной пробуксовки» неолиберальной модели (декабрь 1994 – весна 1997 г.). На историческом фоне прошедшей «полосы бурь» ситуация и развитие региона всё ещё выглядели не только безальтернативными, но и устойчивыми (исключение — кризис 1994–95 гг.) в Мексике. Противоречия неолиберального развития накапливались, но не вырывались на поверхность. Одновременно сокращалась и реальная субъективность стремительно унифицировавшейся внешней политики региона. Мексика уже переваривалась «Зоной свободной межамериканской торговли» (НАФТА) и подобная же перспектива замыкала (1994 г.)¹⁰ перед всей Латинской Америкой...

Предпосылки поворота

Вопреки всему сказанному, о «кризисе неолиберализма» в научном сообществе региона (точнее в левой части последнего) говорили уже в 1994 г., на гребне успехов пророков рынка. Гораздо громче — после финансового кризиса 1994–1995 гг. В Мексике и первого сбоя «неолиберального развития» в регионе. В 1996–1997 гг. разрабатывается известный документ, исходящий из констатации этого кризиса, подписанный деятелями политического центра и левого центра («Consenso de Buenos Aires...»). Несколькими годами раньше (январь 1994 г.) манифест Мексиканской Сапатистской Армии национального освобождения (САНО) возвестил о рождении принципиально нового левого движения: продолжая традиции и разделяя базовые ценности прежних поколений региональной левой, она вместе с тем отказалась от их этатистской и авангардистской ориентации, выступив как «Левая гражданского общества»¹¹.

Но хотя всё это вроде бы свидетельствовало, что пик однолинейности исторической эволюции остался позади, до общего кризиса неолиберального курса дело ещё не дошло. 1996–1997 гг. вновь дали рекордный рост ВВП в регионе¹²; базовый консенсус региональной элиты вокруг принципов неолиберализма сохранялся¹³; послание «Foro de São Paulo», объединявшего левые (в основном — традиционные) силы Латинской Америки, отклика в массах не находило; спокойная, даже «улыбчивая» политика демократической администрации США (Б. Клинтон) не способствовала поляризации гражданского общества региона. Латинская Америка тех лет нередко воспринималась

явшаяся в Майами и обсудившая проект ALCA.

11. См. Субкоманданте Маркос. Другая революция. М., 2002 г. Анализ документов САНО см. в книге К. Денчева «Феномен антиглобализма». М., 2005, стр. 79–81.

12. В этом году показатель ВВП на душу населения достиг, наконец, уровня докризисного 1981 г. (чтобы затем остаться на нем вплоть до 2003 г.)

13. Когда в конце ноября 1994 г. «мальчишник» крупнейших ученых мира (центристской и левоцентристской

жизнь и идентичность лево-оппозиционным и — особенно — внесистемным течениям, оказались подорванными, ослабленными, превращёнными⁸. **Вчерашние революционные силы**, либо утрачивая свои определяющие характеристики — **отрицание частной собственности и курс на завоевание государственной власти** с целью преобразования общества — переставали быть антисистемными, либо, сохранив эти характеристики, переставали быть **силами**, чаще всего превращаясь в секты, продолжающие ориентироваться по компасу прошлого. Его инерция оказалась слишком сильной. В борьбе против концентрированной атаки рыночного фундаментализма лица героев «левой обороны» почти всегда оказывались повёрнутыми назад, даже когда их лозунги обновлялись. Повсеместно самой трудной проблемой оставался для них вопрос об отношении к *государству*; привычная безусловная защита его прежних функций, роли, экспансии (как главного критерия «прогрессивности» и «современности») сковывала мысль, маневр, инициативу традиционных сил/слабостей, вербально противостоящих неолиберализму⁹.

как модель, пример для России, неотвратимо погружавшейся (1992 – 1998) в трясину кризисов — экономического, социального и политического.

Сегодня все эти факты и показатели воспринимаются как естественные: в мире ещё не завершилась **начальная** («легкая», «спонтанная», «гибридная»¹⁴) фаза глобального транзита, стартовавшего в конце 70-х годов. Но течение мировой истории уже приближалось к перепадку (структурный кризис). Трудно с уверенностью сказать, почему именно в 1997 г. на базе постепенно накапливающегося «количества» (разочарования, недовольства, протеста) возникло новое каче-

СИТУАЦИИ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ И В РОССИИ УНЫЛО ГЛЯДЕЛИСЬ ДРУГ В ДРУГА, ОТМЕЧАЯ ОБЩЕЕ — И ОСОБЕННОЕ. НО, КАК СТАЛО ЯСНО ЧУТЬ ПОЗЖЕ, К ЮГУ ОТ РИО-ГРАНДЕ И, ОСОБЕННО, ОТ ПАНАМСКОГО КАНАЛА УЖЕ ГОТОВЫ БЫЛИ ВСТУПИТЬ В ДЕЙСТВИЕ ФАКТОРЫ, КОТОРЫЕ В РОССИИ ОТСУТСТВОВАЛИ

ство. Напротив, как и почему накапливалось это «количество», давно уже описано и в латиноамериканской, и в «северо-западной», и в нашей литературе¹⁵.

Обеспечив на некоторое время динамичность роста и социально-экономическую стабильность, неolibеральные реформы не обеспечили ни устойчивость этого роста, ни его темпы, необходимые для преодоления основных барьеров развития, ни нового (постиндустриального) качества этого развития или хотя бы приступа к нему. Отставание от Севера продолжало расти, так же как и сумма внешней задолженности.

Что ещё важнее, во всяком случае для понимания последующего хода событий, **социальная цена**, которую пришлось заплатить за ограниченные экономические успехи, оказывалась чрезмерной. «Глубокое ухудшение региональной социальной ситуации»¹⁶, четко обозначившееся к 1998 – 1999 г. выразилось прежде всего в **дальнейшем углублении неравномерности распределения доходов**, и до того наибольшей в мире; в росте безработицы и удельного веса незащищённой, «неформальной» занятости. Вновь, и непосредственно под воздействием неolibеральных реформ, обострилась аграрная ситуация. Ухудшилось — и подчас резко — функционирование почти всех социальных служб. Сам эффект обузданной инфляции со временем естественно переставал ощущаться, а начатое им сокращение показателей бедности в регионе с середины десятилетия прекратилось¹⁷.

Одновременно, по мере исчерпания надежд на непрерывность повышения жизненного уровня у одних и его абсолютного падения у других (средние слои), в регионе нарастал **социально-психологический кризис**. Его наиболее ощутимым проявлением стал беспрецедентный рост коррупции и уличной преступности: по первому из этих показателей Латинская Америка соревновалась с Россией, по второму — с Тропической Африкой.

Одновременно нарастало и более общее чувство фрустрации: опять приходило ощущение тупика, обмана, изнурительного хождения по кругу, усугубляемое демонстрационным эффектом «северного благополучия». Нарастали и «смежные» настроения **недоверия** к нормам и институтам обретенной **политической демократии**, не давшей ни хлеба, ни равенства, ни достоинства...

До поры до времени весь этот спектр психологических реакций вел скорее к политической апатии и тем самым облегчал политическую демобилизацию и строительство «рыночного общества». Ситуации в Латинской Америке и в России уныло гляделись друг в друга, отмечая общее — и особенное¹⁸. Но, как стало ясно чуть позже, к югу от Рио-Гранде и, особенно, от Панамского канала уже готовы были вступить в действие факторы, которые в России отсутствовали. Или были нейтрализованы российской спецификой.

С одной стороны, массовые настроения деморализации, апатии, утрата веры в свои силы и возможности — и, напротив, упования на государство и государя, отталкивание от мобилизующей политики и идеологии, страх перед новыми «конвульсиями» оказались в России несравненно более укорененными и устойчивыми. В Латинской же Америке несравненно большая свежесть и меньшая «скомпрометированность» (жертвами, но не коррумпированностью и не предательством) **альтернативной традиции**, а также определенная реальность и устойчивость политических (демократизирующих) перемен делали **историческую память** масс союзником (или в основном — союзником) народного сопротивления.

К тому же уже в ходе самой неolibеральной экспансии здесь накапливались векторы протеста и возможности его реализации, которых развитие событий в России по разным причинам не дало:

1. В гораздо более прямой и непосредственной (чем Россия) форме Латинская Америка 90-х годов неслышима **негативные издержки глобализации**, внешнего воздействия, грозившего обернуться ещё большей угрозой — социальной и политической — в случае реализации проекта «Межамериканской Зоны свободной торговли» (ALCA). Поэтому протест против глобализации стал одним из краеугольных камней программы САНУ. А с середины десятилетия против МАИ («Международное соглашение об инвестициях») и ALCA выступили сотни национальных организаций гражданского общества Латинской (и Северной) Америки.

2. Несколько **социальных секторов** латиноамериканского региона реагировали на создававшуюся ситуацию сугубо иначе, чем в России. Сначала — часть **сельского населения** и в первую очередь этнические меньшинства — те самые, которые (хотя и по разным причинам) наиболее болезненно были затронуты процессами глобализации и наиболее активно реагировали на неё. Затем — **интеллигенция и часть средних слоев**, наиболее остро и сознательно воспринявшие в ряде зон региона изъяны неolibерализма и «уплощения государства» и обладавшие

ориентации) «привожал во власть» одного из своих — Ф. Э. Кардозу — все латиноамериканцы оказались оптимистами (в противовес столь же единодушному пессимизму европейцев).

14. Все эти характеристики связаны с возможностью (и «легкостью») сосуществования на данной фазе транзита структур, принадлежавших к прежней (послевоенной «нефти и автомобиля») — Welfare state — и новой, рождавшейся системам.

См., например, Alternatives Sud (издания Триконтинентального Центра в Louvaine la Neuve, Бельгия): Madrid, 1995, pp. 73–145; 285–328; 352–373.

15. Постиндустриальный мир и Россия: М., 2000, стр. 284–330; 352–373. Перспективы развития Латинской Америки в Глобализирующемся мире: М., 2003, стр. 44–78. Бобровников А. в. Макроциклы в экономике стран Латинской Америки: М., 2004, стр. 330–347. Майданик К. Л. Эрнесто Че Гевара: его жизни, его Америка: М., 2004, стр. 279–315; 321–339.

16. Формулировка У. Кану («Постиндустриальный мир и Россия», стр. 326).

17. Универсальный показатель бедности (ежедневный доход, не превышающий 2 долл. В день), значительно выросший в 80-е годы, в течение следующего десятилетия устойчиво находился между 40 и 45%, а в 1999 – 2003 годами даже повысился (до 44%). Что означало постоянный рост абсолютного числа бедных (226,4млн в 2003 году). При этом половина из них получает меньше

сравнительно свежей традицией конфронтации с господствующими структурами и трендами. Впоследствии — и как решающая сила процесса — **массы городской бедноты** с их раскачанной десятилетиями борьбы амплитудой надежд и разочарований и огромным потенциалом социальной мобилизации; массы, готовые — или готовящиеся — поддержать движение или блок, или политику, или лидера, которые смогут найти путь к их чаяниям, сердцам, голосам — или чему-либо ещё... И, наконец, **молодёжь**, чья активная и подчас авангардная роль — сама по себе вполне традиционная (в глобальном масштабе), коренным образом отличалась от той, которую играли её сверстники в России середины 90-х годов (беспрецедентный для XVIII–XX веков феномен «молодежи — вправо от своего общества»).

3. Фаза полного господства неолиберального дискурса и глухой обороны левых сил способствовала сближению — на местах, в национальном, региональном и межрегиональном масштабах — различных тенденций, оппозиционных монополии (а затем и гегемонии) неолиберализма и неолиберальной модели глобализации. И, что в полной мере сказалось чуть позже, в значительной мере сняла **инерцию традиций** — родовый грех «левой». **Симбиоз** традиционных левых и левоцентристских установок и форм организации с новыми ценностями и методами борьбы, характерный для ситуаций 1980 – 1995 гг. постепенно уступает место элементам **синтеза** — или полного преобладания новых организаций гражданского общества. Быть может, предстоящий исторический анализ докажет, что сама безраздельность неолиберальной гегемонии 80 – 90-х годов в регионе — в сочетании с бесчисленными изъянами рыночно-фундаменталистского курса и в рамках общей непреодоленной ситуации застарелого системного кризиса — сработали против «безапелляционного победителя». Претензии рыночного фундаментализма на монополию истины и на роль единственного творца исторического развития в значительной мере обусловили остроту реакции на них, широту и скорость распространения антинеолиберальных настроений и действий в конце 90-х годов.

И, наконец, наиболее глубинным из факторов сдвига, возникновения на всё ещё не истощенной революционной почве региона новых всходов, движений и течений, претендующих на историческую гегемонию, стало, наверное, само исчерпание (в глобальном масштабе?) «лёгкого этапа» транзита. И, соответственно, становление императива **управляемости процессом**, а стало быть и борьба между различными кандидатами на роль управляющего.

Кризис неолиберальной гегемонии и однолинейного развития

Временем перелома прежней исторической ситуации («конца истории» однолинейности развития, маргинализации левой и т. д.) стали в Латинской Америке 1997 – 1998 гг. Верно, что на местном уровне (уровнях) призна-

ки сдвига обозначались несколько раньше. Уже с середины 90-х гг. В ряде зон региона отмечается рост «капиллярного сопротивления» неолиберальной практике; выступления против приватизаций, безработицы, сокращения расходов на здравоохранение и образование. Впервые намечается сближение и координация протестных движений в пределах тех или иных территорий.

Первым же подлинно массовым выступлением, приобретшим национальный и региональный резонанс и возвестившим «возобновление истории» — по крайней мере в одном, отдельно взятом регионе, стали на мой взгляд походы сельских трудящихся Бразилии на столицу страны весной 1997 года¹⁹. Эти выступления были организованы Движением Безземельных (Movimento dos Sem Terra) (MST), созданным на стыке 70–80-х гг. И быстро приобретшим совершенно уникальные черты, сочетавшем прямые действия (захват латифундий), коллективистское хозяйствование, просвещение сельских масс, создание первых ячеек «социально-пространственного» типа. К середине 90-х годов MST превратилось в самую массовую (помимо профсоюзных) и боевитую социальную организацию гражданского общества в регионе, авангард социальной — и не только социальной — борьбы в Латинской Америке.

Как и выступление САНУ тремя годами раньше, мобилизация в Бразилии продемонстрировала и выстоявшую в трудные десятилетия **преемственность** борьбы и идеологии («марксистско-христианской») народных сил, и **новые характеристики** её — в частности выдвигание социальных акторов на первый план политической борьбы, новую роль низов, новое перемещение центра социальной борьбы в деревню. Несколько месяцев спустя другой резонансной камерой процесса стали ещё более массовые манифестации в городах латиноамериканского юга — сотни тысяч человек на стадионах и улицах Сантьяго, Буэнос-Айреса, Монтевидео, Сан-Пауло отметили тридцатилетие со дня гибели Эрнесто Гевары. Подтверждая общерегиональный характер политического пробуждения масс региона, вступление в борьбу новых поколений, преемственность **ценностей и мистики** борьбы — и новые акценты, которые будут ей свойственны. Протестные движения этих и непосредственно последующих лет развертывались в основном не в русле электоральной борьбы (за пределами Венесуэлы) и не через борьбу вооруженную. Главным их каналом оставалась нарастающая деятельность организаций гражданского общества обеих Америк, направленная против неолиберальной глобализации (форумы противостояние проектам MAI, ALCA и т. д.) и непосредственно — по всему фронту — социальная борьба против иных аспектов и последствий «второго — неолиберального — раунда модернизации региона.

Решающим же фактором «деблокирования» и расширения социального протеста стало в данный период совокупное воздействие кризисных явлений (1997 – 1999 гг.) в миро-

¹ долл. в день, а на долю 40% бедных приходится 13,6% национального дохода. Коэффициент Джини в регионе вырос за 90-е годы 50,5 до 51,4% (данные Мирового банка).

18. Бесспорное преимущество Латинской Америки середины 90-х годов составляли экономическая и социальная стабильность, сохранение институтов и норм представительной демократии. Дискуссионное — «бурный поток» иностранных инвестиций. В активе же России были меньшая экономическая уязвимость (финансовая зависимость и т. д.) — и образовательный потенциал.

19. Марши колонн «безземельных» были приурочены к первой годовщине расстрела военной полицией манифестации сельских тружеников в штате Парана (17 убитых).

вой экономике — и выявленного теми провала неолиберальной модели, ставки на рынок, который «сам обо всем позаботится, всё уладит, решит и обеспечит, если только ему не мешать». Плоды рыночного фундаментализма — такие как новое резкое замедление роста реальной экономики, упадок сельского хозяйства, сужение внутреннего рынка, почти абсолютная незащищенность экономики от внешних (прежде всего — финансовых) воздействий, разрыв экономических — и «социальных» (для большинства) показателей и т. д. — в полной мере созрели и обнаружались именно при ухудшении мировой экономической конъюнктуры²⁰. За политической делегитимизацией неолиберализма пришла его делегитимизация идеологически-культурная.

Взаимодействие социальной фрустрации, экономических трудностей, нового пробуждения массового политического сознания изменило настроения и поведение широких групп населения. От конформизма, резигнации и «пассивности удовлетворения» (конец инфляции) — к переменам, к действию снизу. При этом отсутствие — на Юге региона — прежнего страха перед репрессиями уже сопровождалось осознанием того, что «демократией сыт не будешь».

Как уже отмечалось, в наибольшей мере происшедший сдвиг затронул на этот раз **наиболее обездоленную часть населения** — городскую бедноту, индейское население Анд, безземельное крестьянство. Те массы, которые вне ситуаций восстаний против диктатуры и сопротивления интервенции США оставались в основном пассивными — и в «красные», и в «черные», и в «синие» (демократизации) десятилетия. Не говоря уже о 90-х годах²¹. С 1998 – 1999 гг. (выборы в Венесуэле) в регионе заговорили о «бунте исключенных», о «восстании бедных», очаги и признаки которого возникали в одной стране за другой, меняя как политическую карту Южной Америки, так и расстановку сил и ориентиров в самом лагере (левой) оппозиции. Опережая в какой-то мере изложение событий, подчеркну, что именно политическое пробуждение и рост политической активности **социального конгломерата «глубинных низов»** и представляется **главной особенностью и главным рычагом** очередного «левого поворота» в Латинской Америке. В известном смысле неолибералам удалось сделать то, что в недавнем прошлом редко когда удавалось и реформаторам, и революционерам региона, представлявшим, как правило, его радикализованные **средние слои**²²...

Этот отказ бедноты мириться впредь с существующим порядком вещей непосредственно был вызван очередной («enesima», как говорят итальянцы) фрустрацией конца 90-х годов. Но за ним и копившийся шесть десятилетий разрыв между обещанным — и полученным. Ибо всё, что на деле досталось в итоге на долю этой части населения, оказалось величиной ничтожно малой, отрицательной, мнимой или обратимой. И в любом случае процессом, лишенным момента поступательности. Этим и ничем иным обер-

нулись для бедноты и программы реформистов и неудачи революционеров; надежды, пробужденные демократизацией и обузданием инфляции, посулы глобализации. В итоге — неуклонно нарастающая поляризация доходов, уже создававшая ситуации социального апартеида; пополнение «плебса» за счёт вчерашних рабочих или мелких торговцев; растущее зияние между начальным — и последующими — ступенями образования, и прогрессирующее разочарование почти во всех аспектах развития — и в традиционных методах и инструментах борьбы за изменение окружающей реальности. Призыв взбунтовавшихся в декабре 2001 г. аргентинских низов — «¡Que se vayan todos!» — лучше иных выразил эти настроения «социального дна».

Вместе с тем, ни кризисные явления в экономике, ни сдвиг социально-психологического плана не подняли бы «четвертой волны», если бы в Латинской Америке не существовало реального и способного к активизации

ВТОРОЙ РАЗ ЗА ПОЛВЕКА ЮЖНАЯ АМЕРИКА СТАЛА ОДНИМ ИЗ ДВУХ ГЛАВНЫХ ОЧАГОВ И ОПЛОТОВ ВСЕМИРНОГО ДВИЖЕНИЯ ЗА АЛЬТЕРНАТИВНОЕ РАЗВИТИЕ, ЗА УТВЕРЖДЕНИЕ НЕОБХОДИМОСТИ И ВОЗМОЖНОСТИ «ДРУГОГО МИРА»

гражданского и политического общества. Именно здесь — одно из важнейших (главное?) и устойчивых отличий латиноамериканской ситуации от российской. Я имею в виду возрождающуюся «на старых дрожжах» и под воздействием вновь разбужденных (и обманутых) ожиданий — веру низов в то, что они *могут влиять на ситуацию и изменять её*. И наличие реальных каналов и организаций, через которые могла осуществляться эта возможность; восприимчивость общества к сигналам (импульсам) извне и, напротив, его органическое недоверие к любой власти, кроме «своей».

Живая тенденция солидарности, относительная устойчивость гражданского общества и его способность к самоорганизации и развитию, способность мобилизуемой оппозиции к использованию каналов, открытых демократизацией — всё это отличало Латинскую Америку на стыке веков от России 1990-х и тем более — 2000-х годов. Поэтому Южная Америка и стала — второй раз за полвека — одним из двух главных очагов и оплотов всемирного движения за альтернативное развитие, за утверждение необходимости и возможности «другого мира». И одним из центров глобального экономического и политического сопротивления «Имперскому проекту» республиканской администрации США. При этом сегодня латиноамериканские «красные» (и «розовые») режимы, чей окрас так контрастирует с преобладающими в мире неолиберальными тонами, предстают (и воспринимаются) уже не как «героический авангард» неких «главных сил» альтернативного развития. Латинская Америка XXI века сама стала такой «главной силой», бросающей **изнутри западной ци-**

20. Когда половодье внешних вливаний (кредитов, прямых и портфельных инвестиций, займов, субсидий платежей за приватизируемые) сменилось оттоком капиталов, бурный рост экспорта — ситуацией торговых дефицитов, а у государства уже не осталось лакомых кусков для продажи (и разграбления).

21. В новой ситуации они присоединились к привычным, традиционным выступлениям протестующей части среднего класса (служащие, студенты и др.) — или занимали их место. Здесь и главное отличие между массовой базой Альтернативного движения на «Севере» — и в Латинской Америке.

22. Исключением из этого правила были выступления горнодобывающего и плантационного пролетариата и крестьянства первой трети века — и борьба пролетариата Чили и Аргентины в 1950–70-х годах.

визации вызов доминирующим (пока) тенденциям развития последней...

Так, после непродолжительной фазы стабилизации, экономического роста, видимости выхода из системного кризиса (и, соответственно, маргинализации левой) — Латинская (Южная) Америка возвращается к ситуации «схватки на перекрестке» (путей исторического развития). Подтвердился вывод/прогноз о том, что затянувшийся — на две трети века — кризис не преодолен ни по одному параметру; что регион вновь натолкнулся на некий барьер развития, что борьба за «выбор перевала» через этот барьер не снята с повестки дня.

«От сопротивления к наступлению...»*

Подъём борьбы, реакция протеста против политики и институтов неолиберализма в 1997 – 1998 гг. не ограничились Латинской Америкой, охватив и Америку Северную, и Западную Европу (стачки, выступления безработных, массовые манифестации в дни соборов международной экономической элиты). Именно волнения в Сиэтле (ноябрь 1999 г.), похоронившие МАИ, позволили мировой общественности осознать факт рождения того нового феномена, которое мы условно обозначаем как «альтерглобализм». В идеологической и организационной неразберихе Сиэтла впервые проступили контуры того нового универсального проекта, которого так не хватало протестному движению 90-х годов в «Большом западном мире». Не слишком плодотворные попытки идеологического конструирования новой альтернативы («Народный проект», «Проект большинства» и т. д.) в региональном масштабе (начало 90-х годов)²³ неожиданно сменились фактической кристаллизацией снизу единой платформы решений, приемлемых для большинства, осознанных им (в ходе уже начавшейся борьбы), объединяю-

щих это большинство. Причём в глобальном масштабе. В январе 2001 г. в тогдашней столице «партисипативной демократии» — бразильском Порту-Алегри собирается первый Мировой Социальный форум.

Внезапная, но глубоко детерминированная — как глобальной исторической ситуацией (кризис и делегитимизация неолиберализма²⁴) так и уроками, извлеченными из опыта прошлого — реализация **исторического императива** (рождение субъекта и проекта давно зачатой тенденции), не сразу была понята и не всеми была принята. Но уже через пару лет и энтузиасты, и сомневающиеся, и противники отдавали себе отчет, что в мире вообще и в мире левой — в особенности²⁵ рождается нечто новое: универсальное, несущее на себе печать данной эпохи и способное — в тенденции — обозначить новую альтернативу развития, бесспорно противостоящую неолиберализму и его глобализации, а, возможно, и логике капиталистического развития в целом²⁶.

С той поры (1999 – 2001) процессы «левого поворота» в Латинской Америке развёртываются в нескольких, тесно друг с другом общающихся плоскостях. Это прежде всего — традиционное русло **социально-политической** (и иной) борьбы антисистемных, внесистемных и реформистских сил в **национальных** масштабах.

Это и непосредственное участие ещё более широкого фронта региональных сил в становлении и развитии всемирного Альтернативного движения, в мероприятиях, кампаниях и форумах глобально-социально-политического конгломерата, выступающего против неолиберальной и имперской моделей современного капитализма, за «Иной мир». Мир, по своей логике и ценностям представляющий для большинства левых участников Движения новую (открытую, гуманистическую, демократиче-

* Формула Т. Дус Сантуса 23. См. Майда-ник К.Л. Цит. соч. стр. 254–274.

24. Там же, стр. 8–9, 370–371.

25. Имеется в виду прежде всего «левая» Западного полушария и Западной Европы, но с достаточно широким участием левой интеллигенции других регионов мира — и горстки левых бывшего мира социалистического.

26. О становлении и особенностях глобального Альтернативного движения: см. «МЭиМО», №№ 11 и 12, 2002, стр. 23–30, 3–10.

скую, плюралистическую, экологическую и т. д.) ипостась **социализма**.

Своеобразными связующим звеном между этими двумя плоскостями («мирами») «поворота влево» выступает резко активизировавшаяся в последние годы борьба за экономическую, а в перспективе — и политическую интеграцию Латинской (в первую очередь — Южной) Америки; против планов поглощения и «переваривания» региона Соединенными Штатами и против «Имперского проекта» в целом. Значение и возможности этой борьбы возрастали по мере утверждения «бушизма» во внешней политике США — и роста числа (и влияния) левых и левоцентристских правительств в Латинской Америке; она развертывалась на всех уровнях — в ходе переговоров в верхах, на региональных конгрессах и форумах, в ходе компаний национального и континентального протеста...

* * *

Первым «**институционализированным** сдвигом» влево в регионе стало голосование венесуэльских масс в декабре 1998 г., итоги президентских выборов в стране. Дело было просто в том, что большинство высказалось в пользу левого национал-популиста, вчерашнего мятежника — и заключённого — подполковника Уго Чавеса. Победоносные выступления прогрессивных военных против олигархии, коррупции и экспансии США сопровождали (а иногда — 1932, 1968 — предвараля) каждый новый виток революционной борьбы в регионе; социалистические и «полусоциалистические», народнические, реформаторские и лево-этактические тенденции были свойственны генералам Мексики, Аргентины, Перу, Боливии, полковникам Гватемалы, Чили, Доминиканской республики, капитанам и майорам Бразилии и опять-таки Боливии. Да и в Венесуэле подобное бывало (1958, 1961 – 62 гг.). Новым был приход к власти военно-гражданского блока **через механизм выборов**; заранее объявленный будущими победителями предстоящий демонтаж прежнего политического режима; развал полувековой системы представительной демократии и чуть ли не первое в истории страны совпадение избирательных и социальных кливетжей. Точнее, сочетание всех этих характеристик.

С самого начала процесса становящийся новый режим обладал широкой социальной базой, а в её рамках — прочным «ядром» (примерно 40% избирателей), противники же Чавеса были лишены какой-либо позитивной программы. Впоследствии обнаружилось и другие различия между Чавесом и его предшественниками: четкость календаря преобразований, отсутствие какой-либо «народобоязни» (каждый шаг на пути создания новой системы власти ратифицировался и легитимизировался всенародным голосованием). Через год стала очевидна и «антизависимость» курса Чавеса, его линия на возрождение «фронта Юга» — и на тесный (впоследствии — теснейший) союз с осаждённой социалистической крепостью на Кубе. Блокада революционного остро-

ва — результат позорного сговора США и ельцинского режима в России — была прорвана.

В декабре 1999 г. подавляющее большинство избирателей Венесуэлы, утвердили новую конституцию страны, легитимизировавшую её дальнейшее, «боливарианское» преобразование...

В том же 1999 г. начинается новый подъем социальных движений (безземельных, безработных и т. д.) в Бразилии, Эквадоре, Аргентине («пикетерос»). Закрепляя и продолжая успехи противостояния в Сиэттле (срыв подписания соглашения о МАИ) оформляется так называемый Континентальный Социальный Альянс (ASC) объединивший организации 35 стран обеих Америк, которые выступали против расширения НАФТА и неолиберальной глобализации в целом.

В следующем, 2000-м г., развивая линию антинеолиберальных выступлений 1998 – 1999 гг.²⁷, организации гражданского общества Бразилии и Франции закладывают «институционные» основы функционирования глобального и региональных альтернативных движений; принимается решение о проведении в противовес экономическому форуму в Давосе Мирового социального форума. В конце января 2001 г. двадцать тысяч участников первого МСФ закладывают фундамент мирового альтернативного движения, приступают к разработке конструктивной программы «инога мира».

Осенью 2001 года Латинская Америка, большинство правительств которой продолжало придерживаться правоцентристского и неолиберального курса, оказалась тем не менее единственным регионом «христианского мира», отказавшимся по существу поддержать «Крестовый поход» администрации США после событий 11 сентября 2001 г. Слишком очевидным и ощутимым был нарастающий в массах региона антиинтервенционистский настрой. Парадоксально, но последующая агрессия США на Среднем Востоке, отвлекшая их внимание от событий к югу от своих границ, расколовшая «западный мир» и ещё более усилившая неприязнь народами региона всего, что исходило от США, объективно облегчила борьбу левых сил Латинской Америки и развитие Альтернативного Движения. И в регионе, и в мире — особенно в Западной Европе.

Между тем, экономическое положение региона продолжало ухудшаться. «Потерянное пятилетие» 1999 – 2003 гг. (нулевой прирост ВВП на душу) приняло эстафету «потерянного десятилетия» 1982 – 1990 гг. Своего апогея обострение социально-экономического кризиса этих лет («кризис в кризисе») достигло в «примерной», модельной — с точки зрения теоретиков и практиков неолиберализма — стране: Аргентине.

Во второй половине 2001 г. и в первые месяцы 2002 г. финансовый кризис обрушил не только экономику, но и политическую систему Аргентины, рухнувшую почти с такой же основательностью, как тремя годами раньше в Венесуэле. Отсутствие же здесь единого реформаторского проекта дало жизнь — или вторую жизнь — десяткам ни-

27. См. сборник «Альтерглобализм: теория и практика...» (под редакцией А. Бугалина, М., 2004).

зовых — корпоративных, территориальных, протестных, ассистенциальных организаций бедноты и среднего класса, захвативших дороги, площади, частично — предприятия, создавших органы самоуправления и взаимопомощи. Страх перед дальнейшей радикализацией процесса и перед перспективой повторения аргентинского обвала в соседних странах на какое-то время парализовал активное сопротивление международных финансовых центров и позволил правительству страны проводить сугубо неортодоксальную экономическую политику²⁸. Всё это в свою очередь обусловило победу на выборах левого перониста, выходца из «повстанческой левой» Н. Кишнера, ставшего впоследствии союзником радикальных правительств региона.

Одновременно с событиями горячего лета (2001 – 2002 гг.) в Аргентине важные сдвиги происходили на противоположном конце южноамериканского субконтинента. Завершив создание правовой базы для будущих преобразований — и сыграв решающую роль в воскрешении ОПЕК (и тем самым обеспечив «финансовый тыл» для этих преобразований²⁹), президент Венесуэлы У. Чавес с ходу приступил к решению главных задач «боливарианской революции» — **социальных**. Объявленные им в ноябре-декабре 2001 г. реформы, провозглашенная осенью программа «поворота нефтяных рек» в русло «искоренения бедности»; реформы, объявленные в ноябре-декабре этого же года, быстро изменили — и обострили — социально-политическую обстановку в стране. С одной стороны, сразу же перешли в контрнаступление экономически господствующие группы, во главе с блоком нефтяной госбуржуазии и медиамагнатов. Их активно поддержало ранее выжидавшее («авось, пар выйдет в гудок») большинство среднего класса, привыкшего к своей идейно-политической гегемонии, к положению национальной «референтной группы» и привычно же уверенного в том, кому достанется основная доля взбухших доходов от нефтяного потока. По мере своих сузившихся (Средний Восток!) возможностей эту бешеную атаку фашиствующих «демократов» на законно избранную власть поддерживала администрация США.

Первая, наспех организованная «блоком коррупции» (включавшим руководство желтых профсоюзов, остатки распадавшихся партий и т. д.) забастовка не приобрела искомого размаха. Однако, встречный бой марта—апреля 2002 г. (бурные манифестации среднего класса и заговор правого крыла генералитета при одновременном наступлении Чавеса на позиции (и доходы) государственной буржуазии — руководства PDVSA) едва не закончился новым 11-м сентября 1973 г. 11-го апреля Чавес был арестован. На следующий день была отменена конституция, распущен парламент, а самоназначенное правое правительство выступило со вполне пиночетовской программой.

Но в ночь с 12-го на 13-е апреля 2002 г., «тридцать лет спустя» в полной мере дали себя знать новые, глубинные реалии Южной

Америки в целом и Венесуэлы — в особенности. Не ожидая указаний извне и сверху, в защиту Чавеса активно выступили самоорганизовавшиеся — за 36 часов — массы городской бедноты, окружившие президентский дворец: последовательная социальная ориентация новой власти принесла свои первые политические плоды. Одновременно Чавеса поддержало подавляющее большинство офицерства и солдат: не прозвучало ни одного выстрела в народ. Путч был подавлен менее чем за 48 часов, а выступление (и победа) масс придало процессу преобразований в стране характер политической революции. Руководители переворота, мечтая о лаврах Пиночета, сыграли роль коллективного Корнилова.

Не смирившись, однако, с политическим поражением и используя неприкосновенность политических свобод в стране, венесуэльская реакция предприняла в конце года новую попытку реванша, опираясь на свои практически нетронутые позиции в экономической сфере.

«Забастовка», по сути дела — локаут, организованный руководством PDVSA, (ноябрь 2002 – февраль 2003 гг.), парализовал нефтесырьевую и нефтеперерабатывающую промышленность в стране, нанеся её экономике гигантский ущерб (20 млрд. дол.). На грани экономического краха революционная власть, опираясь на поддержку и выдержку бедноты и армии, выстояла (и, в частности, не прибегла ни к политическому, ни к вооружённому насилию против «бастующих» и саботажников). Однако сразу же после того как выдохнувшийся локаут был официально прекращён, «меритократия» PDVSA была уволена и заменена. Главные богатства страны перешли под прямой контроль революционной власти: коренное изменение характера собственности было осуществлено без формальной экспроприации.

Так, менее чем за год исходные цели любой революции (изменение характера власти и собственности) были достигнуты. Контрреволюция отступила на резервные позиции, решив — лишь напоследок — использовать легальные возможности, предоставленные ей конституцией и демократическими свободами.

В те же месяцы другое, самое важное, как тогда казалось региону и миру, событие ещё более изменило облик Латинской Америки. И в том же направлении. В сентябре – октябре 2002 г. кандидат левых политических и социальных сил одержал победу на президентских выборах в крупнейшей стране региона — **Бразилии**. Выходец из среды той самой бедноты (сельской и городской), в прошлом чистильщик обуви, токарь, профсоюзный лидер, создатель и руководитель Партии Трудящихся (ПТ) — крупнейшей левой партии полушария, одновременно классово и народной, социалистической и демократической — Луис Игнасио да Сильва олицетворял в тот момент «Левый марш» новой Латинской Америки. Его вступление в должность (2 января 2003 г.) сравнивали с событиями тех же дней на Кубе 1959 г.

28. Продолжаясь по сей день политика эта обеспечила бурный рост экономики, подъем социального благосостояния и оптимизма масс.

29. Именно Чавес считается многими главным «виновником» роста цен на нефть на мировом рынке в 2000 – 2003 гг.

30. Наибольший сдвиг произошёл в рядах женского электората, не верившего ранее, что «один из нас» («из наших мужиков») может возглавить государство.

31. В отличие от нефтяной Венесуэлы, Бразилия сильнейшим образом зависела от иностранных инвестиций, от т. н. «показателей риска», взлетевшего в 2002 г. до фантастических 1446 пунктов («Folha de São Paulo», 29 марта 2006 г.) именно из-за перспективы победы Лулы.

32. Беспрецедентного в послевоенной истории размаха

И не без оснований: впервые (для Лулы речь шла о четвёртой — с 1988 г. — попытке) за кандидата левой и левоцентристской коалиции голосовало большинство бедноты³⁰ и значительная часть среднего класса. Правда, ещё в ходе предвыборной борьбы очевидная опасность повторения совсем недавнего «аргентинского хаоса» и экономическая уязвимость страны³¹ заставили Лулу априорно принять на себя обязательство сохранить в случае избрания инструментарий неолиберальной модели («дабы успокоить рынки»), не прибегать к экспроприации без согласия парламента (где у ПТ заведомо не могло быть большинства) и т. д. Но в тот момент большинство воспринимало подобные обязательства лишь как дань конъюнктуре. Слишком велика была эйфория от возникновения в регионе гигантской «левой зоны», простиравшейся от Гаваны — через Каракас и Бразилию — до Порту Алегри, где в те самые дни проходил уже третий Мировой социальный форум (110000 участников). Форум, завершивший фазу становления Движения и призвавший ко всемирной мобилизации против войны, против вторжения США в Ирак³².

Одновременно — с мая 2002 г. — почти во всех странах Латинской Америки³³ продолжают нарастать движения социального протеста, всё чаще заканчивающихся успехом «протестантов». От 1995 конфликтов в первые 8 месяцев 2000 г. К 5094 — в 2001 г., к 6744 — в 2002 г. И 4593 — в первые 8 месяцев 2003 г.³⁴ Выступления организаций и «фронтов» гражданского общества заставили уйти в отставку президентов Парагвая и Перу, впоследствии — Боливии и Эквадора. Попытка контрреволюции повторить подобный опыт в Венесуэле (референдум по вопросу об отзыве президента) закончилась в августе 2004 г. её сокрушительным избирательным провалом, «ратифицированным» почти полной победой «чавистов» на местных выборах двумя месяцами спустя. Многие миллиарды нефтедолларов, вложенных в здравоохранение, образование, строительство жилищ для бедноты в городе и деревне, снабжение населения продовольствием по сниженным ценам (система «Меркаль») — медленно, но неуклонно изменяли социальный облик страны³⁵. В Венесуэле создаётся параллельный дореволюционному государственный аппарат (т. н. Миссии). В конце 2004 г. — начале 2005 г. социальная и антиимпериалистическая программа венесуэльской революции дополняется антикапиталистическим проектом («Социализм XXI века»).

В 2004 г. Аргентина фактически присоединяется к единому фронту Бразилии и Венесуэлы, а победа Широкого фронта (лево-центристских и левых сил) в Уругвае окончательно определяет «окрас» Меркосура и срыв первоначального календаря оформления ALCA; становится очевидным, что соглашение не будет подписано ни 1 января, ни в какой-либо иной день 2005 г. Непокойно было и на севере региона. Лишь крайнее напряжение всех сил и беспрецедентное использование арсенала всех

возможных и невозможных предвыборных махинаций³⁶ позволило правым предотвратить победу Шафика Хандаля — кандидата Фронта Национального освобождения Фарабундо Марти на президентских выборах в Сальвадоре (в парламенте фракция ФНОФМ оставалась сильнейшей); годом позже сын покойного левого лидера Омара Торрихоса выигрывает президентские выборы в Панаме; высоко расцениваются шансы СФНО на предстоящих (в 2006 г.) выборах в Никарагуа.

Успешное восстановление экономик Аргентины и Венесуэлы (2003 – 2005) после потрясений последних лет и стабильное экономическое развитие Бразилии³⁷ добавили оптимизма «альтернативщикам». В то время как США по-прежнему не могли выбраться из мезопотамской трясины.

Вместе с тем уже в 2004 г. на этом общем розовом и даже красном фоне проступили тёмные полосы тревожных тенденций. Они концентрируются вокруг ключевых проблем социально-политического развития крупнейшей из стран «красного пояса», государства, призванного стать лидером процесса, но пока не становящегося таковым — Бразилии. Исходный отказ руководства ПТ от политики, которая хотя бы в минимальной мере могла бы испугать инвесторов и усилить инфляционные явления, определил практику нового правительства. Что было по справедливости оценено финансовыми рынками — внутренним и мировым («показатель риска» сократился в 2003 г. втрое), но вызывало всё большее недовольство радикальных секторов самой ПТ (и усиливало центробежные тенденции в партии). Недовольство одних вызывало медленный ход преобразова-

ний в интересах бедноты (в частности — деревенской), других (наёмные работники и пенсионеры принадлежавшие к средним слоям) — ухудшение их экономического положения в ходе политики *ajuste*; высокие антиинфляционные учётные ставки, не давая простора экономическому росту, препятствовали более быстрому рассасыванию безработицы (проблема № 1) и т. д. и т. п. Ускорить процесс, выбить парламентские «пробки», замедлявшие реформы, могли бы массовые народные выступления. Но как раз низовая активность с того момента, когда надежды большинства бразильцев были всецело возложены на «свое правительство», резко сократилась. И опять же

эти выступления (февраль – март 2003 г.) достигли, как известно, в Западной Европе.

33. Исключение — Коста-Рика, где международный финансовый капитал пытается создать подобие регионального Сингапура.

34. «Mondialisation des resistances. L'état de luttes». Forum mondial des alternatives. Paris, 2004, p. 138.

35. За годы президентства У. Чавеса уровень потребления беднейшей части населения страны вырос вдвое. Весьма поучительным стало бы сравнение использования дополнительных доходов от роста цен на нефть в Венесуэле — и в России.

36. Пойти — по тра-

диции — на прямую фальсификацию выборов в «красном» Сальвадоре было слишком рискованно.

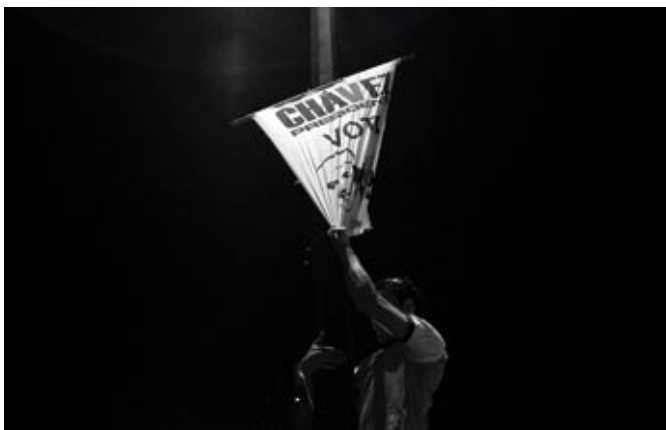
37. Напомним, что прирост ВВП составил для Аргентины 8,8 (2003), 9 (2004) и 8,6 (2005) процентов; для Венесуэлы — 17,9 (2004) и 9 (2005) процентов.

подобные выступления «могли спугнуть инвесторов». В этих условиях деятельность ПТ, большинства её аппаратчиков всё бо-

Уго Чавес, президент Венесуэлы

лее концентрировалась в кулуарах власти: партия на всех уровнях и во всех планах сражалась с государством. Мобилизация масс сменилась усиленным продвижением активистов ПТ по госслужбе, покупкой голосов (союзников) в парламентах, поборами с предпринимателями («на нужды партии»).

Так, вслед за боевитостью и постоянством связей с массами в жертву «целесообразности реальной политики» приносились и те моральные принципы, которые в течение десятилетий были «отличающими» признаками ПТ, чуть ли не главным фактором её авторитета в обществе, источником влияния в массах. А через отброшенные (или «отложенные» — до второго президентства Лулы) принципы уже шагала и политическая коррупция «tout simple», благо традиция её в Латинской Америке так же устойчива, как культ взятки в России.

В специфических формах и в рамках специфической аргументации в Латинской Америке воспроизводились элементы «европейских грехопадений»: от реформаторства — к реформизму, от реформизма — к конформизму от конформизма — к коррупции; от партии активистов — к корпорации чиновничества. Чем дальше, тем во всё большей мере единство ПТ, престиж партии в массах (особенно в новом, бедняцком большинстве

её избирателей), её шансы остаться у власти держатся на личности Лулы. И если до середины 2005 г. его переизбрание считалось почти обеспеченным (несмотря на неудачи ПТ на муниципальных выборах 2004 г.), то грянувший затем коррупционный скандал изменил положение дел. Как и в Венесуэле, атака на «левую власть», на её реальные достижения (в сфере внешней политики, экономики, отчасти — политики социальной) осуществлялась прежде всего медиамагнатами — и через них. Развернулась беспрецедентная кампания против ПТ, её аппарата и престижа, нацеленная на недопущение переизбрания Лулы (июнь-декабрь 2005 г.). В итоге положение в регионе, диспозиция левых сил усложнились; вновь возникают привычные ситуации «встречного боя». С одной стороны, продолжающееся наступление авангардов движения — выдвигание Уго Чавесом программы «Социализма XXI века», дальнейшее ускоренное развертывание социальных проектов в Венесуэле и интеграционных проектов в регионе, вступление Венесуэлы в Меркосур, официальные похороны первоначальной модели ALCA в Мар-де-Ла-Плата, убедительная победа Эво Моралеса на президентских выборах в Боливии (всё — в декабре 2005 г.) и, наконец, присоединение Боливии к интеграционному проекту Венесуэлы и Кубы и национализация её энергетических ресурсов (весна 2006 г.). С другой — «не обеспечивающая» дальнейшее продвижение складывающегося интеграционного и социального проекта ситуация в бразильском «центре диспозиции» этого проекта (а также элементы неолиберального курса в Уругвае).

Следует отметить, что в той или иной мере подобные трудности — роста или «узких мест», неравномерность развития движения и т. п. — ощущались в 2005 – 2006 гг. И на других участках становления левой альтернативы. Так на пятом Всемирном социальном форуме, снова состоявшемся после двухлетнего перерыва в январском Порту-Алегри, впервые четко обозначилась неудовлетворённость левых секторов Движения «преобладанием дебатов над действиями». Рост сил и возможностей движения, общее изменение ситуации в регионе, повышая требования к его организациям, ставит по-видимому вопрос о частичном возвращении к традиционным формам борьбы и организации — при удержании всего, что было обретено «новой левой» в годы «четвёртой волны» (см. ниже). Большинство участников Форума высказалось за политизацию Движения, за концентрацию его усилий на достижении конкретных результатов. В наибольшей мере это относилось именно к латиноамериканским организациям, составившим ядро «активистской» тенденции АД³⁸. Именно в этом духе выступил на Форуме — от имени социальных организаций крестьянства — У. Чавес³⁹. В момент написания этого текста ещё не ясно, какую форму примет Движение в ближайшие месяцы и, в частности, сможет ли АД развиваться как конфедерация («катамаран») тенденций, где и по какому критерию пройдут границы между ними и т. д. Более или менее ясно одно: расхождения в Движе-

38. См. «Свободная мысль», 2005, № 5, стр. 105–106, 108–112.

39. Согласно Хартии принципов АД ни политические партии, ни государственные структуры, ни вооруженные организации не имеют прямого представительства на Форумах. Только организации гражданского общества.

нии носят вполне объективный характер; они связаны и с различной «скоростью движения» отдельных его отрядов и с различием критериев относительно того, чья «скорость» должна быть определяющей. Но не менее очевидно для активистов АД и другое: различия — эти и иные⁴⁰ — не должны помешать ни базовому единству целей Движения, ни единству его действий против «признанно-общих» врагов.

«Четвёртая волна». Сдвиги в латиноамериканской левой

Девять лет левого поворота в Латинской Америке не могли не изменить структуры, самовосприятие и даже мировоззренческие установки движений и людей, ими руководивших. Подобное самообновление тоже является традицией и отличительной чертой антисистемных движений в регионе⁴¹. Начавшись ещё в конце 80-х годов, изменения эти резко усилились уже в первые годы нового подъёма. Они вновь нарастают в 2005 – 2006 гг.

В структурном плане наиболее заметным из происходящих сдвигов является дальнейшее **падение роли и влияния традиционных политических партий левой**. Сначала — созданных на классовой и «внешней — идеологической»⁴² основе (в первую очередь — коммунистических), затем — хотя и в более сложной форме — партий и организаций, появившихся в годы народно-революционной (и антифашистской) борьбы. Сегодня почти все эти организации во всё большей мере становятся функцией от избирательных кампаний: партии существуют для выборов, а выборы — для оправдания существования партии, выяснения отношений внутри них — и спорадической мобилизации масс. В некоторых случаях (Венесуэла) эта ситуация приобретает прямо-таки комический характер («пятое колесо в телеге»). Руководящую роль в левых движениях сохраняют пока несколько партий коалиционного типа, сложившихся на основе повстанческих (Сальвадор, Никарагуа) или антиавторитарных (Уругвай, Мексика, отчасти — Бразилия) фронтов. В иных же случаях — Венесуэла, Аргентина, Боливия, Эквадор и др. — центральная роль принадлежит сегодня структурам принципиально иного типа — «выпускникам» гражданского общества, «объединённых интернетом»; группам, объединяющимся **сверху** — вокруг лидеров и программ преобразований, зачастую с «открытой» идеологией — или **снизу**, в борьбе за решение конкретных социальных, территориальных, этнических, экологических, внешнеполитических проблем. Объединяет их общая радикальная оппозиция неолиберальной практике, идеологическому униформизму, социальному и национальному исключению (или насильственной ассимиляции). И опять-таки интернет, участие в Социальных форумах, поддержка «своего» левого правительства.

Левыми эти движения и организации, в большей мере принадлежащие гражданскому, чем политическому обществу, являются прежде всего «по факту», по действиям, а не по приверженности тому или иному «изму»,

тому или иному «священному тексту». Вместе с тем и в рядах (вернее — «сетях») этой «левой XXI века» существуют сильные, влиятельные — в том числе в региональном масштабе — движения (или «кусты движений») четко марксистской ориентации.

Большая часть организаций, о которых идет речь, возникли в 80–90-х годах в провинциях, вокруг проблем приватизации земли, экологии, положения в общественных службах. В последние годы, как уже отмечалось, наибольшую активность и способность к объединению разнородных движений этого рода проявляют крестьянские организации, ассоциации жителей кварталов бедноты и вообще организации по месту жительства. По характеру своему действия эти принимают всё более радикальный и мультисекторный характер. Говорилось уже и об особой, авангардной роли индейских ассоциаций, организаций молодёжи и женщин⁴³.

Объединения подобного рода сыграли решающую роль в народных мобилизациях в Венесуэле, Боливии, Аргентине, Эквадоре. Их место и роль в движении в значительной мере связано как с бедняцкой «социальной основой» нынешней волны, так и с уходом «к центру» бывших левых секторов «среднего класса»⁴⁴, ранее ориентировавшихся на партийные (или профсоюзные) формы организации.

Другой структурированной формой «новой левой» являются многочисленные неправительственные организации — слабо институционализированные группы левой интеллигенции, церкви, военных, левые течения в левоцентристских партиях и т. д. — объединённые прежде всего оппозицией феномену неолиберальной глобализации и, особенно, приватизации и предпочтению, оказываемому финансовому капиталу. Именно эти группы — в большей мере, чем традиционные руководства партий — зачастую играют роль **мозговых центров** движения.

О сильных и слабых сторонах подобного структурирования движения — чуть ниже. Пока же отметим, что сказанное не озна-

Рафаэль Корреа, президент Эквадора

чает неизбежности быстрого и всеобщего отмирания традиционных — партийно-электоральных, идеологических и т. д. — структур «левой XX века». В таких странах, как Сальвадор, Никарагуа, Чили и в известной мере Бразилия и Мексика, они остаются главной (или одной из главных сил) движе-

40. Самого «медленно идущего бойца» (первоначальная позиция САНО) — или самого результативного отряда.

41. В самой схематической форме можно, по-моему, говорить о фазах преобладания в регионе «классовой левой» (до 1940-х годов), популистской и народно-революционной («повстанческой») левой — в 1940–70-х, демократической (антидиктаторской) левой в 70–80-х — и «левой в кризисе» — в 90-х годах XX века.

42. Т. е. по инструкциям III и IV интернационала или их преемников.

43. Подробнее об этом см. в статье «Neoliberalisme et conflicte social» в сборнике «Мондификация сопротивления», стр. 127–153.

44. Включая многих

организованных наёмных работников умственного и даже физического труда.

ния. И там, где они преодолели традиционные слабости этого сектора (авангардизм, вера в «гегемонию по определению», вечная «сладкая парочка» — догматизма и сектантства и т. д.). И в том (нередком, особенно для троцкистов и коммунистов случае) когда они ничему (или почти ничему) не научившись, ничего не забыли...

«Слева — направо» (в системе идеологических координат прошлого) идейно-политический континуум левых сил и динамика его развития представляются мне следующим образом:

На крайне левом (вербальном) фланге — тестимониальная, она же «гигиеническая» (борцы за чистоту учения) левая, для которой верность букве теории первой половины века (к тому же неправильно понятой) — важнее всего остального. Здесь и многие члены ортодоксальных компартий — апологеты Сталина и вторжения в Чехословакию; группы, вышедшие «влево» из партий обновлённых; большая часть троцкистов, маоистов и т.п. Их отношение к практической политике «новой левой» — положительное, но в то же время исходящее из идеологической («классовой») неполноценности последней и, соответственно, из её «неспособности возглавить подлинную (социалистическую) революцию». Кто способен — и так ясно. Исходя из «овладения теорией» и партстажа...

Второй, тоже в значительной мере уже традиционный сектор левых сил — те, кто хранит верность не теории, а практике; героической практике 50–70-х годов, культу прямой, вооружённой борьбы за власть. В принципе именно этот сектор оказался в наибольшей мере подвержен воздействию центробежных сил. Выходцев (и «вылетевших») из него сегодня можно встретить во всех остальных секторах левой, левого центра, правого центра, правой и даже крайне правой (Сальвадор, Венесуэла). Но остается и боевое ядро этого течения, влияние которого подчас подпитывается изъянами практики «новой левой», известной противоречивостью её стратегических установок. К этой последней представители «повстанческой левой» (и сочувствующие им) относятся «прагматически-положительно», без элементов соперничества, с постоянной готовностью к союзу и вместе с тем — с известным скепсисом, поскольку речь идет об **идеологических** и, особенно, **организационных** новациях⁴⁵. Своеобразным центром притяжения этого сектора (в региональном масштабе) выступают колумбийские ФАРК.

К третьему — сегодня **центральному** — течению латиноамериканской левой можно, наверное, отнести основную часть того конгломерата, который я называю «новой левой» или «левой XXI века».

В организационно-идеологическом плане сектор этот, естественно, неоднороден. **На левом его фланге**, смыкаясь, а подчас переплетаясь с группами, о которых шла речь чуть выше⁴⁶ — крупные марк-

систские (и «полумарксистские») организации типа сальвадорского ФМПН и бразильской MST, левые течения ФСНО и ПТ; это те, кто «забыли почти всё, что нужно было забыть, но помнят о том, что стоит помнить» и «научились» почти всему, что «нужно». **В «центре»** — те низовые организации гражданского общества, о которых шла речь выше (в идеологическом плане — чаще всего сторонники христианского марксизма), лидеры типа У. Чавеса, Э. Моралеса и их окружение, активистское крыло АД, беспартийная часть марксистской интеллигенции и т. д. Это — наиболее открытая для новых идей и форм организации часть левых.

На «правом» же фланге конгломерата — другая часть этой же интеллигенции, сторонники сохранения Альтернативного Движения в его первоначальной («апартийной и антииерархической») форме и сохранения вочтобыто ни стало единства Движения в региональном и глобальном масштабе. Единства, «которому грозит врожденный гегемонизм политиков». Они с опасением относятся к социалистическим и активистским новациям Чавеса. Но вместе с тем постоянно выступают как убежденные противники неолиберализма — и Империи. Где точно проходит граница между этим течением и четвертым, «поссибилистским» сектором (СПЧ, нынешнее руководство уругвайского Широкого фронта), который в равной мере можно характеризовать и как «умеренных левых», и как левоцентристов, сказать затруднительно, особенно в таких странах как Бразилия, Аргентина, Никарагуа, Эквадор...

Цель этой, совершенно условной схемы показать общую дислокацию различных течений современной латиноамериканской «широкой левой» и возможную динамику центробежных — и центростремительных тенденций её организаций и сетей. Подчеркну ещё раз, что всё отмеченное разнообразие (а ведь не затронутыми остались отношения региональной левой с её союзниками по альтернативному Движению из числа внерегиональных акторов) не стало до сих пор «абсолютным» препятствием ни для выработки программ совместных действий, ни для самих этих действий. Отколовшиеся от «движения влево», ушедшие в лагерь его противников или прямых врагов, по общему правилу не принадлежали ни к конгломерату новейшей левой, ни к умеренным, но к секторам левой традиционной⁴⁷. И сам по себе факт неоднородности, «diversidad» левых и левоцентристских сил (и «слабостей») региона не означает ни подлежащего преодолению изъяна, ни неизбежности рецидива раскола, который оказался бы роковым для их нынешнего наступления.

Наиболее сложная проблема в данном плане связана, по-моему, не с традицией и не со статикой ситуации, а с вероятной (а для многих — и желательной) **динамикой** «развития влево» и в частности с эволюцией АД. Требования политизации движения, его союза с левыми правительствами, перехода от дискуссий к изменяющим политическую

45. Следует признать, что ощущая определенную неадекватность своих прежних установок новой ситуации, собственных направлений и путей качественного их обновления это течение пока не предлагает.

46. Символом, объединяющим оба эти течения «новой левой» и тот сектор, о котором шла речь раньше, выступает фигура Эрнесто Гевары.

47. Как «классовой» (отдельные звенья и фигуры КП Аргентины и БКП (ныне PPS)), так и повстанческой (в Центральной Америке). Охарактеризовать в этом («генетическом») плане наиболее вопиющий случай: массовое дезертирство в лагерь правой оппозиции лидеров венесуэльского MAS — сложнее.

ситуацию действиям исходит прежде всего от левых — и именно латиноамериканских — течений АД. А вытекающий из этого императив концентрации и централизации усилий вступает в определённое противоречие с сохранением нынешних структур «левой XXI века», с «мистикой сети», с самой её сегодняшней социальной основой (условно: «беднячко-интеллигентской»). Отсюда — потребность в скорейшей кристаллизации новых (в чём-то — более традиционных) форм организации, в упрочении ослабших связей с традиционной базой левых (организованный пролетариат, наёмные группы средних слоев и т.п.), в скорейшей разработке и обсуждении совместного «Проекта». А это в свою очередь чревато усилением разногласий в самой левой — как с теми, кто удовлетворён нынешним положением дел, так, быть может, и с группами, ищущими пути усиления движения за счёт дальнейшего наращивания в том удельного веса «социально исключённых».

Будущее мировой борьбы альтернатив покажет, стали ли вновь латиноамериканцы «современниками всего человечества». Но шансы на это возникли. «Восстание исключённых и исключаемых» в Южной Америке — во всех его формах (электоральной, непосредственно социальной, прямых политических выступлений) явственно изменило тенденции и равнодействующую политического, идейно-психологического, в меньшей мере — социального и экономического развития региона. Оно покончило (на время? надолго? навсегда?) с захлестнувшими Латинскую Америку настроениями резигнации, безнадежности, «объектности» («от нас ничего не зависит»); возвратило миллионам людей чувство социального и национального достоинства, веру в то, что «земля вертится». В тем большей мере относится это к сотням тысяч активистов, приданных тяжёстью травм 90-х годов. Это — **психологический** и в меньшей (пока) мере **идейно-психологический** аспект воскрешения

* * *

В апрельские дни 2006 г. процессу левого поворота в Латинской Америке исполняется — в рамках предложенной его хронологии — девять лет. (Во всяком случае по китайскому счёту⁴⁸.) Что дал Латинской Америке (и мировому альтернативному движению) этот новый виток региональной истории? Начать хотелось бы с того, что именно действия оппозиционных, антисистемных левых сил Латинской Америки «на грани веков», возвратив миру мистику возможности радикального обновления, возвратили самому региону субъектность, вернули его народы в творимую ими историю, покончили с однолинейностью, зависимостью, унифицированностью, отчуждением их бытия и созна-

мнолинейности, а, быть может, и альтернативности развития.

Впреимущественно **идейно-политическом** плане «восстание бедных», выдвигание на первый план бытия и сознания общества **социальной** проблематики естественно, «по определению» привело к значительному **росту влияния левых настроений и идей**. Среди руин надежд, теорий и организаций XX века — формируется новое протестное поколение политически активного населения, новое поколение левой, общепринятое определение которого пока, на мой взгляд, отсутствует (не воспринимать же формулировку о «новейшей левой» как научную!). В любом случае речь явно не идет о возвращении в чистом виде ни к «классовой левой» первой половины XX века, ни к «демократической левой» конца его. (Хотя важ-

48. Согласно которому возраст определяется с момента зачатия, а не рождения.

49. Последним подтверждением этого стала альтернативная встреча общественных движений Латинской Америки и Западной Европы («Enlazando Alternativas-2»), состоявшаяся в Вене (10 – 13 мая 2006 г.) в дни «суперсаммита» глав государств и правительств двух регионов.

50. Само по себе сравнение процессов последнего десятилетия в Латинской Америке и мусульманском мире представляется мне правомерным и поучительным. Два мобилирующих движения регионального масштаба порождены единой (глобальной) исторической ситуацией и каждое по своему «выражает» её; оба направлены против порядка вещей господствующих в мире. Но этим — и смуглостью кожи большинства участников движений — их структурное сходство на мой взгляд и ограничивается. Одно направлено к будущему, другое в прошлое, одно является по природе и целям своим — включающим, составной частью общечеловеческого движения, другое — исключающим, утверждающим исключительность и превосходство одной цивилизации и т. д. и т. п. Отсюда и коренное различие в этике, непосредственных целях и методах борьбы. Пытаться логически объединить оба движения, исходя из «общности врага» — не более, чем софизм. Или политико-пропагандистский маневр. Реальной же важной и сложной проблемой выступает комплекс вопросов, связанных с соотношением собственно «альтернативистов»

ные отличительные черты последней «левая демократия народного участия» — впитала.) Насколько глубокими окажутся её различия с левой 50–70-х годов — пока сказать трудно. Очевидны такие атрибуты «левой XXI века» как полная независимость от вне её лежащих центров решения и мысли (независимость, напоминающая о знаменитом споре Араты Горбатого с Руматой из романа Стругацких), свобода самоопределения и самоидентификации, глубоко эндогенный характер её движения. Чем обернётся всё это в «век глобализации» — один из трудных вопросов темы.

Несомненным представляется и другое: несравненно большая открытость, «бесшорность» нового поколения левых, его всесторонняя приверженность плюрализму, многократно объявленный **примат этических ценностей**. (Впрочем, здесь лучшим критерием искренности станет ход и итоги борьбы с эндемическим злом региона и современного мира в целом — **коррупцией**.) О «чисто политическом» аспекте поворота уже несколько раз говорилось. В 1997 году во всех странах Латинской Америки, кроме Кубы — и Чили, у власти стояли группы (силы, партии, коалиции) правого или правоцентристского толка. Сегодня в Южной Америке таковых осталось лишь два (в Колумбии и Парагвае). В остальных власть переместилась влево; возникли (или возникнут) левые, лево-центристские или центристские правительства. «Окончательные» итоги по Центральной Америке подведут выборы этого года. Сдвигов (на уровне правительств) подобного характера и масштаба Латинская Америка за последние полвека ещё не знала. Как не знала она и ситуаций, когда подобный поворот и политические турбуленции, с ним связанные, ни в одной стране (исключение — Венесуэла 11–12 апреля 2002 г.) не сопровождалась ограничениями политических свобод, запретами политических организаций и иного рода репрессиями — политическими и идеологическими. С другой, однако, стороны, этот электорально-эволюционный вектор «поворота» до сих пор способствовал наметившемуся ещё в 90-е годы «расколу» Латинской Америки на два ареала — зону *социального* и *автономного* развития в основной (южной) части региона — и распространяющейся с севера *зоны* (первоначального?) *поглощения*, зависимой интеграции обществ Латинской Америки в экономическое, политическое и, быть может, цивилизационное пространство США.

Что и возвращает нас к вопросу о «предварительных итогах» очередного поворота региона влево, теперь в сфере **внешнеполитической**. Наиболее очевидным из происшедших сдвигов стало, конечно, резкое усиление сопротивления прямой политической и экономической экспансии Севера. Сопротивления, возглавленного тандемом Венесуэла — Бразилия. Уже в 1999 г. была отбита атака «чистого» (нагло) неолиберализма (похороны МАИ), двумя—тремя годами позже был отвергнут и «имперский проект» республиканской администрации (в отличие от расколотой Ев-

ропы Латинская Америка выступила против «крестоносцев» практически единым фронтом... В ситуации 90-х годов результаты этого противостояния были бы совершенно иными. Со всеми кратко, средне- и долгосрочными последствиями этого.

Одновременно были предприняты реальные шаги (о мере их необратимости выскажется будущее) к экономической и политической интеграции южно-американского ареала, более «плотной» — на уровне его «красного ядра» (Венесуэла, Куба, Боливия), более секторизированной — в рамках МЕРКОСУР'А и ассоциированных с ним государств.

Не исключено, что историк будущего отметит успехи этой попытки объединить регион, как главное свершение альтернативного движения Латинской Америки в начале XXI века. В то же время несомненной его заслугой является и то, что в упорной борьбе против неолиберальной глобализации левые силы региона воссоздали **межрегиональные** политические, культурные, психологические связи Латинской Америки со всеми мирами человечества (связи, резко ослабленные в 80–90-х годах)⁴⁹. В данном плане региональное «восстание бедноты» привело к результатам, прямо противоположным синхронному «восстанию ислама»⁵⁰.

Важно и другое: какой бы характер не приняло дальнейшее развитие событий, из идейно-политической и цивилизационной истории Латинской Америки уже не вытравить сам факт создания на половине территории региона коалиции (?) независимых левоориентированных правительств, связанных отношениями взаимной помощи и поддержки. Линия, проведённая от проекта Боливара через 50–70-е годы XX века и через начало века XXI, имеет шанс уйти в бесконечность. В исторической памяти этого и будущего поколений останется, наверное, и образ Латинской Америки начала XXI века как центральной зоны глобальной альтернативы, альтернативной системы ценностей на планете⁵¹.

Ещё одним результатом левого сдвига начала XXI века может стать и **восстановление ценности демократических свобод и институтов в регионе**. Воскрешённых в 80-е годы — и сильнейшим образом дискредитированных событиями и процессами последующего десятилетия (от пресловутого вывода о том, что «демократией не наешься» через «от нас всё равно ничего не зависит» — до разгула коррупции и уголовного хаоса). Практическая демобилизация масс и «легитимизация зла» в 90-е гг. открывала дорогу «новому авторитаризму»⁵², контуры которого уже возникали в Аргентине и Перу, в Венесуэле и Колумбии. По сути, именно стремление к «делегитимизации зла» стало одной из причин «восстания бедных», исходные, электоральные формы которого как бы «реабилитировали» демократические институты. Впоследствии же проекты «демократии участия», проводимые через её органы социальные реформы способны, думается, придать второе дыхание **демократическим** (а не только антиавторитарным) устремлениям народного большинства.

Конечно, речь идет лишь о **возможностях**, о **тенденциях**, реализация которых зависит и от того, станут ли «руководством к действию» недавние уроки Бразилии...

Список подобных «политических итогов и проекций» можно легко продолжить — в масштабах **региона** (включая в частности воздействие на Кубу и её противостояние Империи), мирового Юга в том, что касается **глобальной** расстановки сил.

Социальные и особенно **экономические** результаты возвращения альтернативных тенденций в регион пока не столь бесспорны. Потому, в том числе, что в данном вопросе трудно отделить воздействие политических сдвигов от роли, которую играют обстоятельства и процессы иного плана. Такие как унаследованное от прежних правительств (или господствующих корпораций) тяжёлое — или тяжелейшее — экономическое положение стран, где левые приходили к власти⁵³. И, напротив, воздействие на экономику этих стран новой благоприятной **мировой** конъюнктуры 2003 – 2005 гг. Или нефтеспецифики Венесуэлы.

Одно можно сказать с большей или меньшей уверенностью: в ряде случаев финансовые потоки, уходившие вовне, были повернуты внутрь страны. Практически повсеместно был обеспечен рост жизненного уровня, улучшение жизненных условий наиболее обездоленной (или наиболее пострадавшей от потрясений 2001 – 2003 гг.) части населения. В Венесуэле, Аргентине, Боливии была отброшена логика неолиберального, а по некоторым существенным параметрам — и капиталистического развития. Прогресс здравоохранения и образования в Венесуэле пока идет в кубинском (60-е годы) ритме. И т. д., и т. п. В то же время ни одна из этих стран не прошла в ходе «левого поворота» через ситуации финансового краха, а темпы роста их ВВП принадлежат к наиболее высоким в регионе.

Не исключено, что за многое из этого придётся расплачиваться. При ухудшении мировой экономической конъюнктуры. В случае экономических потрясений в США или КНР. Если резко упадут цены на нефть и т. д. Ибо создать новую, «технологическую» экономику; по новому вписаться в мировую экономическую систему; довести до практических кондиций успех южноамериканской интеграции за семь лет, конечно, не удалось. В тем меньшей мере этого можно было ожидать — за данный срок — от замыслов по формированию альтернативной системы глобальных связей.

И всё-таки переломный шаг (в процессе возвращения к примату социальной справедливости) был сделан.

Трудности, противоречия, перспективы

Голосования, соглашения, дискуссии — и экономическое развитие — 2005–06 г. возможно, ещё будут оцениваться историками, как завершающие **начальный** этап нынешнего «левого поворота». Станет ли следующий его этап **центральным** — или, напротив, временем **«отлива волны»** — в огромной (решающей?) мере будет зави-

сеть от двух факторов. От итогов «осенних» выборов в Бразилии* — и от решения (прогресса в решении) новых сложных проблем, поставленных перед процессом трансформации (и в частности — перед Альтернативным движением) его собственными успехами.

Назову лишь некоторые из этих проблем, идя от глобального к местному, от общества — к внутренним проблемам преобразующего его Движения.

Наиболее общей — во всех смыслах слова из этих проблем/барьеров остается противоречие между императивами — и обещаниями — коренной социальной трансформации («иначе — зачем я?») — и ограничениями, налагаемыми на новые правительства региона силовым полем процессов глобализации, прежде всего — финансовой. Ограничениями, сфокусированными в пресловутом «показателе риска», символизируемыми им. Правда, некоторые (левые) правительства прорывали (или обходили) этот барьер, опираясь на взлетевшие нефтедоходы Венесуэлы и её «внерыночную» внешнеэкономическую политику. Или на «встречный страх» международного финансового капитала перед перспективой повторения ситуации «полного хаоса» (Аргентина). Но именно боязнь «реакции рынков» обусловила противоречия и изъяды бразильского курса, колебания иных лево-центристских правительств.

Следующая (по объёму — и подчас первая по остроте) из проблем нынешнего поворота связана со спецификой **социальной структуры и социальной психологической атмосферы** большинства стран полупериферии. Впервые — за послевоенный период — проблема эта встала в полный рост в ходе революционного процесса в Венесуэле⁵⁴. Но завтра те же «объективные корни» могут дать зловещие всходы (глубинный раскол общества) и в иных странах. Речь идет об отношениях (объективных и субъективных) между **бедняцким большинством населения, властью и большинством «среднего класса»** в процессе социальной трансформации (этой властью инициированной).

В странах, о которых идет речь, «средний класс» по общему правилу составляет не более трети населения (чаще всего — гораздо меньше), социальная же дистанция между ним и **большинством** несравненно шире, чем на Севере, причём ряд параметров этой поляризации за последнее время существенно возрос — или возник заново (в отличие от того, что происходило здесь же в пору **индустриализации**). В некоторых странах (Венесуэла — хрестоматийный тому пример) особенности национальной истории в сочетании с «интернет-воздействием» ещё более увеличили «дистанцию поляризации», превратив её в подлинную социально-цивилизационную пропасть. И, напротив, сделали подчас слабо различимыми соответствующие различия между мироощущением средних классов — и «верхов». «Средние» уже ощущали себя принадлежащими к иной,

* Прим. редакции: Выборы в октябре 2006 года вновь принесли победу Луле, но его политика сочетания "левой" популистской фразеологии и неолиберальных реформ на деле продолжилась.

и националистических движений современного мира, с характером их объективного взаимодействия.

51. Символическим отражением этой тенденции стал и тот факт, что для людей всех регионов само понятие альтернативы и альтернативного связано отныне и с образом латиноамериканского бедняка, а не только западноевропейского интеллигента (или исламского фундаменталиста).

52. Подробное и доказательное изложение этой проблемы содержится в известном документе PNUD «La democracia en America Latina» (NY, 2004), см. также МЭИМО, 2005, №6, стр. 91-101.

53. В этом плане особое умиление вызывают столь частые (без прямых комментариев) ссылки на «резкое ухудшение экономических показателей Венесуэлы в годы правления Чавеса» (последний — и очень показательный — пример: статья Х. Кастаньеды в номере «Foreign affairs» за 2006 г., р. 40. На деле речь идет о последствиях локаута 2002—2003 гг. — и в качестве «аргумента» сродни призыву адвоката проявить снисхождение к своему клиенту, зарезавшему родителей, на том основании, что тот является круглым сиротой.

54. По данным опросов февраля 2006 г. почти для половины намеревающихся голосовать этой

осенью за Лулу, решающим «фактором удовлетворенности» являются осуществляемые правительством программы помощи беднякам, охватывающие более 11 млн. семей (около половины из них — на печально известном Северо-востоке страны). Ещё четверть назвала причиной своего выбора усилия правительства по созданию рабочих мест и политику в отношении зарплат. (См. «Folha de São Paulo», 26.02.2006).

55. По Ленину (и П. Сорокину) переход «средних классов» города и деревни на сторону «белых» был связан — в России первой половины 1918 г. — с вынужденным выступлением большевиков против институтов представительной демократии.

56. До сих пор, во всяком случае в подавляющем большинстве латиноамериканских обществ (включая Венесуэлу), «низы» спонтанной агрессивности в отношении средних слоев не проявляли.

57. Дело здесь не только в первом — за годы «левого поворота» — крупномасштабном акте национализации, способном испугать всех инвесторов в регионе, но и в том, что в числе национализированных компаний — «Петробраз».

58. Альтернатива — торжество стихийной фрагментации (данные борьбы), оправдываемой необходимостью противостояния «элитизму», бюрократизации и т. д.

59. Т. е. по степени «инаковости» искомого другого мира в сравнении с миром сегодняшним.

60. Утверждаемая прежде всего администрацией США ли-

нежели низы цивилизации; носителями власти, обладающими монополией на историческое действие и т. п. В подобной ситуации **социальный** курс власти (в отличие, скажем, от антидиктаторского или националистического); реализация политики, концентрирующейся на «искорене-

нии бедности», «уничтожении социального апартеида» и т. д. И, главное, реальный выход «плебса» на авансцену исторического развития — не могут оставить «средние классы» равнодушными. Даже если их непосредственно экономические интересы оказываются не затронутыми. Но чувствовать себя «отодвинутыми»? Конечно в Венесуэле на «антинародный» выбор «среднего» большинства повлиял и ряд специфических и «единичных» факторов, но объективная основа данного противоречия, совершенно не совпадающая с той, о которой писал В. И. Ленин применительно к России 1918 г.⁵⁵, существует во всех регионах Юга (и особенно — в много-расовых обществах). Изменять общество «против» воли трети или даже четверти его населения — и сохраняя при этом демократические нормы — весьма трудно. Особенно под боком у США. Особенно пытаясь не допустить падения жизненного уровня масс...

Поскольку речь идет о власти,⁵⁶ задача состоит, очевидно, в том, чтобы нащупать и «реализовать» **те моменты** в развитии процесса, **которые могли бы** — хотя бы частично — **компенсировать** «средним» социально-психологические потери (грубо: самоощущение в качестве «пупа земли»), совершенно **неизбежные**, по-видимому, в ходе «искоренения бедности» и «обретения достоинства большинством». В ходе **социальной** революции — в одних странах региона, социальной трансформации — в других его (и иных регионах Юга) странах. Пока что эти **компенсирующие** моменты, представляется, не найдены. Лояльность же «средних» в отношении «социальных правительств» по общему правилу связана с недостаточной радикальностью политики власти в решении проблем «бедных».

Что до сферы **политики**, то здесь главная из нерешённых (ни объективным развитием, ни сознательными действиями участников процесса) проблем лежит в плоскости повседневных взаимоотношений и взаимодей-

ствия между **руководством** процесса и поддерживающими его («в принципе») массами, **большинством**. Ни в одном из развернувшихся влево обществ региона адекватного механизма подобного взаимодействия пока не существует. Исчезнувшая — или исчезающая — роль партий ничем (никем) не восполнена в достаточной мере. Даже там, где действуют альтернативные очаги гражданского общества (MST в Бразилии, всевозможные автономные организации бедноты и коренного населения в Венесуэле, Андах, Аргентине), в **национальном** масштабе между большинством и исполнительной властью — зияние. Отсюда — ряд опасностей, которые частично уже реализуются: определённый спад активности снизу (заинтересованные массы — Бразилия — уповают на лидера); попытки «сверху» регламентировать действия организаций гражданского общества или сузить сферу их действия; или искусственно удерживать на плаву отжившие партийные и т.п. структуры. Здесь же следует, наверное, сказать и о более общих (хотя подчас и латентных) противоречиях, постоянно возникающих между органами прямой — и представительной демократии, особенно в индейских районах и в кварталах бедноты...

И, наконец, о проблемах, возникших и возникающих **в рамках самого «субъекта трансформации»** (широкого левого фронта).

О части из них уже говорилось раньше, в связи с теми **разногласиями**, которые вполне закономерно выходят на поверхность по мере успехов движения. И в рамках **левого поворота в целом**: между радикальными («красными») правительствами, режимами и движениями — сторонниками осуществления социальной трансформации и бескомпромиссного разрыва с практикой неолиберальной глобализации⁵⁷, с одной стороны, и теми, кто, проводя «социальный курс», предпочитают (или вынуждены) действовать в рамках прежних структур, принципов и систем экономической политики — с другой. И внутри межрегионального Альтернативного движения: туда проецируются и разногласия, о которых только что шла речь, и более «теоретические» — о главных функциях Движения, о характере его связи с «политическими акторами», о соотношении размыслений, дискуссий — и практического действия...

Одним из вероятных (?) путей решения встающих проблем может стать формирование в рамках Движения различных — по представляемому ими проекту — тенденций, объединённых общностью антинеолиберальной и антиимперской программы-минимум и единством действий на этой основе. Не исключено, что важным первым шагом на этом пути станет провозглашение программы (максимум!) «Социализма XXI века» и практические действия в рамках ALBA.

Показательно, что сегодня главные политико-идеологические и пропагандистские усилия «мировой правой» прилагаются по оси **противопоставления** «агрессивных левых», «популистских» (Венесуэла,

Куба, Боливия, MST и др.) и «разумных», современных социал-демократических, «розовых» (Бразилия, Уругвай, Чили) режимов... Обострению отношений между двумя тенденциями в определённой мере способствовали и последние национализации в Боливии⁵⁸.

Эта стратегия (тактика?) правых вполне адекватна складывающейся ситуации. «Разодранный веер» лево-центристского континума вряд ли сделает невозможным **сопротивление** очагов левой: история иберо-американского мира изобилует примерами такого изолированного сопротивления: стойкого, упорного, длительного, иногда — успешного. На индивидуальном (От Дон Кихота до Че), местном, национальном уровнях. Но вот **региональное наступление** в ситуации подобного, исключаящего *diversidad* раскола становится маловероятным, а **успех** его — практически исключённым. Что в принципе осознаётся всем «социальным лагерем».

Отсюда императивы решения (или по крайней мере «не-обострения») ряда прилежащих «трудных проблем»:

— сочетание капиллярных, повседневных элементов борьбы за конкретные цели на «низовом уровне» (в социальной, политической, культурно-экологической, автономистской, гендерно-генерационной и т. д. плоскостях) — с выдвиганием стратегических проектов движения (и/ли его тенденций) и борьбой за их реализацию⁵⁹.

— сохранения (повторю это ещё раз) «определяющего» базового единства движений и Движения за Другой мир — в условиях кристаллизации и даже оформления в его рамках тенденций с различающимися — по уровню радикализации⁶⁰ — программами и методами борьбы...

— осуществление максимально широкого и вместе с тем действенного единства правительств и движений в борьбе против экспансии с Севера — при условии обеспечения оптимального режима взаимодействия этой, интегрирующей борьбы с «дифференцирующими» векторами борьбы социальной и политической и отпора тенденциям «криминализации» этой последней⁶¹.

До сих пор речь шла о ситуациях и проблемах, возникающих в рамках широкого фронта «социально-озабоченных» тенденций и режимов, выступающих против рыночного общества и имперского проекта.

Отдельно стоит сказать, наверное, о том, что особо беспокоит «собственно-левый» сектор этого фронта. О том, что, с точки зрения левых, отделяет в регионе нынешнюю **ситуацию протеста** (против последствий чёрных и последующих десятилетий) от **революционного подъёма** в собственном смысле этой категории⁶².

Это — слабость (в большинстве стран региона) организованного постоянного низового **движения масс** (отличного и от конкретных,

спорадических выступлений, и от голосования за левых, и от общего психологического настроения низов. Вернее — включающего всё это, но им не ограничивающегося).

Это — фактическое отсутствие собственного (левого) проекта будущего, что в сочетании с «третьею века, потерянной для политического воспитания масс и кадров (*militancia*)⁶³ резко затрудняет и искомый подъем движения, и его успех.

Это — соблазн вернуться (в поисках оптимальных решений данных вопросов) к традиционным, авангардистским рецептам.

Это — новый и трудный вопрос — проблема сочетания защиты **единства, внутренней (и «внешней») демократии** с категорическим императивом борьбы против коррупции (в собственных рядах) и с потребностью во «временных союзниках»⁶³. Речь идёт о треугольнике проблем, неправильное решение которых чревато очень тяжёлыми последствиями. Почти наверняка Бразилией дело не ограничится.

И т. д. И т. п.

А ведь помимо всех этих проблем внутренней политики и внутренних проблем движения за альтернативный мир существует и «враг внешний». Сегодня — это угроза нового наступления на Юг (прежде всего на страны Карибского бассейна⁶⁴); новые попытки навязать региону ALCA — и «утяжелить» её. Завтра — возможное разнообразие новых вызовов после выборов 2008 г. В США.

Но, какой бы характер ни приняли союзы и противостояния в каждой из стран региона и чем бы ни закончилась борьба на каждом из её этапов и рубежей (2007, 2008, ?), одно представляется несомненным: **объектом**, пассивной составляющей, участником процесса, все параметры которого навязываются извне — как это было 10 – 15 лет назад⁶⁵ — Латинская Америка в предстоящие годы не будет. И не в последнюю очередь потому, что в регионе выросли, оформились частично пришли к рычагам управления государством (и экономикой) социально-политические силы, опирающиеся и на настроения (и интересы) реального большинства, и на некоторые новейшие глобальные тенденции эпохи, и вновь крепнущие в регионе интеграционные тенденции.

ния на объявление преступными всех низовых действий, направленных против политики власти; попытки связать их с «наркобизнесом», «международным терроризмом» и т. п. жупелами.

61. Это тот самый комплекс задач, возникший в Латинской Америке во второй половине XX века на стыке «объективных» и «субъективных» предпосылок революции, который пытался в свое время решить Че.

(В рамках ленинизма — «третий признак» революционной ситуации плюс субъективный фактор революции.)

62. Из беседы с лидером MST Ж.-П. Стедиле.

63. «Совпадения» с которыми (необходимые в условиях плюрализма для завоевания поддержки в парламентах или иных институтах власти) достаточно часто оплачиваются наличностью — прямо или «закрывая глаза на...».

64. Выборы в Никарагуа также принесли победу левым — лидеру революционного движения сандинистов Даниэлю Ортеги.

65. Когда тогдашний президент Аргентины трубил «на весь лес» о своей жажде «плотской любви с Соединёнными Штатами».

АЛЬТЕРГЛОБАЛИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ (1994-2007)

Истоки, история и итоги развития

Фотографии: Alexander Eseron
Neidia Nortes

Иллюстрация: Gabriel Fix

Глобализация и альтерглобализм

Одним из процессов, определяющих облик современного мира, справедливо считают глобализацию. Содержание этого процесса — выход производственного и финансового капитала на глобальный уровень, проявляющийся в увеличении числа и мощи транснациональных корпораций и банков, масштаба их деятельности, которая всё более прорывает рамки национальных границ и государственного регулирования.

В начале 1990-х гг. процессы глобализации вступили в новую стадию. Крушение bipolarной системы мира открыло широкие возможности для проведения неолиберальных реформ в глобальном масштабе. Реакцией на них и стало массовое протестное социальное движение, известное как «антиглобализм», само же осознающее себя как альтерглобализм. Особенного размаха и глубины оно достигло в странах Латинской Америки, где процессы глобализации начались раньше и зашли дальше, чем в большинстве регионов мира, поскольку многие их предпосылки там формировались уже не один век. Как следствие, у латиноамериканского альтерглобализма также глубокие исторические корни. Он развивается на почве старой коллизии между североамериканской политикой панамериканизма и латиноамериканизмом как стремлением к региональной интеграции.

Датой зарождения латиноамериканизма можно считать 1815 г., когда С. Боливар

предложил созвать конгресс (он был созван в 1826 г. в Панаме) для объединения молодых республик в федеративное государство. Возможно, провозглашение в 1823 г. северным соседом «доктрины Монро» стало реакцией на эту инициативу. Формула панамериканизма «Америка для американцев», по словам Х. Марти, на деле является формулой «Америка для североамериканцев». С тех пор эти две тенденции развиваются параллельно. Панамериканизм достиг апогея на рубеже тысячелетий в проекте Зоны свободной торговли двух Америк (АЛКА), который в случае успеха стал бы апогеем неолиберальной политики в регионе. Альтерглобалистское движение объявило «экспансионистскому, аннексионистскому, неокOLONIALному» проекту АЛКА войну не на жизнь, а на смерть. В XXI веке коллизия панамериканизма и латиноамериканизма стала коллизией АЛКА и альтерглобализма, а в более широком плане — противостоянием неолиберальной глобализации и альтерглобализма.

Остановимся на главных событиях десятилетней истории движения.

«Стартовым» моментом мирового альтерглобализма принято считать выступление Сапатистской Армии Национального Освобождения в мексиканском штате Чиapas 1 января 1994 г., в день создания Североамериканской зоны свободной торговли (НАФТА), против которой поднялись сапатисты. Программа САНО содержала некоторые положения, ставшие определяющими для

альтерглобалистского движения как мирового (протест против неоллиберальной глобализации) и латиноамериканского (протест против НАФТА, прототипа АЛКА). Начавшись с вооружённого выступления, деятельность сапатистов постепенно вошла в мирное русло. Они вступили в переговоры с правительством, закончившиеся в 1996 г. подписанием Сан-Андресских соглашений. Боевое оружие сменилось деревянными муляжами винтовок, с которыми активисты САНО выходили на демонстрации. Сапатистское движение обозначило тенденцию перехода от традиционных леворадикальных вооружённых группировок к движению, применяющему невооружённые формы борьбы: массовые шествия, социальные форумы, использование Интернета в качестве трибуны. Уже 2 января, на следующий день после начала восстания, сапатисты разослали по сети «Декларацию Лакадонской Сельвы». В 1996 г. САНО организовала «Межконтинентальную встречу за человечество и против неоллиберализма».

Параллельно сапатистам формировалась другая, межрегиональная по масштабу, гражданская оппозиция НАФТА. Её силами была организована мощная акция протеста против Саммита Америк в 1994 г. в Майами, ставшего началом переговоров об АЛКА, и обнародована декларация с требованиями пересмотра договора НАФТА по вопросам трудовых стандартов и окружающей среды. Переговоры в рамках ВТО о Многостороннем соглашении об инвестициях (1995 – 98 гг.)

закончились провалом не только из-за того, что не удалось достичь консенсуса между странами-членами ОЭСР и т. н. странами «третьего мира», но и в результате протестов по всему миру. Кампания «Глобальное действие народов» против ВТО, «свободной торговли» и власти корпораций была организована негосударственными организациями США и Западной Европы. Совместную декларацию подписали около 600 организаций из 70 стран. Срыв переговоров по Многостороннему соглашению, которое, по словам генерального директора ВТО Р. Руджерью, было призвано стать «единой конституцией глобальной экономики», оказался важной вехой активного массового сопротивления глобальным неоллиберальным проектам.

В мае 1997 г. В городе Белу-Оризонти (Бразилия) в рамках переговорного процесса АЛКА состоялась промежуточная встреча министров экономики и торговли стран Западного полушария. Организации формирующегося альтерглобалистского движения созвали там же Форум Нашей Америки. Он заложил традицию проведения социальных форумов параллельно официальным встречам в верхах. Именно отсюда в 2001 г. выросли Всемирные социальные форумы, проводимые параллельно Всемирным экономическим. Первые три проходили в бразильском городе Порту-Алегри, ставшем одним из символов альтерглобализма благодаря партисипативной системе участия населения в распределении бюджетных

1. Многие теоретики АГ говорят об этой системе как о существенном достижении в обеспечении демократических прав и свобод. Однако для оценки этой системы необходимо учитывать, что, во-первых, мнение населения носит исключительно консультативный, а не законодательный характер, во-вторых, в распоряжении населения находится только 10% городского бюджета, в-третьих, средства могут быть потрачены только на строительство.

2. Денчев К. Феномен антиглобализма. — М.: ИД ГУ ВШЭ, 2005. — С. 40.

3. Это, по-видимому, и стало одним из мотивов выдвижения У. Чавесом программы (проекта) «Социализма XXI века».

4. Такие международные экономиче-

средств (одна из немногочисленных практических инициатив альтерглобализма, подчас излишне идеализируемая¹). Основной целью Форумов стало привлечение внимания общественности к актуальным проблемам современного мира, неолиберальной глобализации, борьбе против имперской политики администрации США. В 2003 г. на III Форуме было принято решение о том, что он приобретает самостоятельный международный статус и отныне перестает быть «анти-Давосом», а все региональные социальные форумы можно рассматривать как часть Всемирного Форума, то есть он становится не единовременной встречей, а мировым процессом.

Важнейшим итогом уже первого форума 1997 г. стало решение о создании Континентального социального альянса, объединяющего общественные движения 35 стран Западного полушария. Его организационным ядром стали движения анти-НАФТА, к которым присоединились многие общественные организации стран Южной Америки. Основной задачей Альянса провозглашалась регулярная организация форумов для выработки единой стратегии развития региона, альтернативной неолиберализму. В настоящее время Альянс объединяет около 45 млн. человек из примерно 300 гражданских объединений, организаций и движений полушария. По оценке болгарского исследователя К. Денчева, мировой альтерглобализм представлен «более чем 120 различными группами и организациями и охватывает порядка 70 млн. человек»². Если сопоставить эту оценку с численностью Альянса, то можно сделать вывод, что он является крупнейшей организацией мирового альтерглобализма.

Одновременно с альтернативными социальными форумами в середине 90-х гг. стали появляться новые социальные движения

«исключённых». Термин «исключённость» (exclusión) в Латинской Америке широко применяется для обозначения положения той части населения, жизнь которой и при росте капиталистической экономики не улучшается — и в этом смысле оно «исключено из развития». Само развитие такого рода его критики называют «исключающим». Именно движение социально исключённых словес, беднейшей части населения, составило массовую базу боливарианской революции в Венесуэле. Другой яркий пример выступления «исключённых» — движение пикетчиков в Аргентине, охватившее преимущественно потерявших работу в ходе приватизации (было сокращено 600 000 рабочих мест). Оно сыграло впоследствии важнейшую роль в политическом кризисе декабря 2001 – января 2002 гг. и сегодня остается значительной силой, охватывая около 300 000 безработных по всей стране, объединённых в Федерацию земли и жилья в составе Профцентра трудящихся Аргентины.

Латиноамериканский альтерглобализм и проект АЛКА: проблема альтернативы неолиберальной глобализации

Главный лозунг альтерглобалистского движения в регионе — «Иная Америка возможна!». Это значит, что оно развивается в русле и по логике мирового альтерглобализма, чей основной лозунг — «Иной мир возможен!». Оба лозунга нередко подвергаются критике, так как они лишены определенности, а позитивная программа, заложенная в них, не ясна: какой именно мир³? Для Латинской Америки эта неопределённость и неясность смягчается тем, что лозунг «Иная Америка возможна!» тесно связан с другим, не менее популярным: «Да — жизни! Нет — АЛКА!». Другими словами, Иная Америка — это Америка без АЛКА. Именно проект АЛКА в дея-

тельности и идеологии движения оказался центральным объектом критики: в годы, когда официальный переговорный процесс по АЛКА близился к кульминации, акции протеста проводились регулярно.

Почему прогрессивный, казалось бы, проект экономической интеграции Западного полушария породил такую широкую и повсеместную оппозицию? По-видимому, потому, что АЛКА, подобно «Вашингтонскому консенсусу» в начале 90-х гг., наиболее последовательно отразила и воплотила как объективные процессы, называемые глобализацией, так и ту системную форму, которую пытаются придать им транснациональные корпорации и банки, а также правящие круги США, стремящиеся навязать миру свои «национальные» (на деле — неоимперские) интересы. Основное и неизменное содержание АЛКА — и при Клинтоне и при Буше — состояло в снятии национально-государственных экономических барьеров для повышения эффективности транснационального капитала, производственного (увеличение объёма прямых иностранных инвестиций) и финансового (облегчение трансакций). В то же время АЛКА в наибольшей степени и в самой агрессивной форме воплотила стремление руководства США использовать эти процессы для упрочения собственной гегемонии во всем полушарии, максимально сохранить собственные экономические привилегии, лишив южных соседей большинства защитных механизмов. Это придало бы интеграции крайне асимметричный (по сравнению, например, с расширением ЕС) характер.

Кроме того, проект АЛКА имел глобальное значение не только по масштабу, но и по уровню воплощения современных процессов неолиберальной глобализации (или транснационализации). Его реализация стала бы качественным сдвигом на пути становления транснациональных глобальных образований. На II Континентальной встрече против АЛКА (Гавана, 2003 г.) президент оргкомитета О. Мартинес отметил: «То, о чём сейчас договариваются в рамках переговоров АЛКА, является не чем иным, как кодификацией основных неолиберальных принципов с целью превращения их в международные нормативы, следуя худшим традициям ВТО⁴, МСИ и НАФТА». В этом случае ВТО, НАФТА и АЛКА могли сформировать своего рода глобальную конституцию, нивелирующую нормы национальных. Однако в первые годы XXI века проект натолкнулся на непредвиденные препятствия, среди которых видную роль играло общественное сопротивление под флагом альтерглобализма.

Именно под давлением общественных движений региона предварительный вариант проекта АЛКА был в 2001 г. обнародован, что дало возможность перейти к его предметной критике. Это можно считать одним из реальных достижений латиноамериканского альтерглобализма. Примерно в то же время Континентальным Социальным Альянсом был разработан документ «Альтернативы для Америк», ставший по существу программным документом движения. В том же

году Континентальная встреча против АЛКА в Гаване положила начало латиноамериканским социальным форумам анти-АЛКА. Куба стала авангардом идейного сопротивления АЛКА. На региональных форумах и семинарах рассматривались проблемы взаимосвязи АЛКА и внешнего долга, милитаризации, неолиберализма, ТНК, «свободной торговли», образования, бедности, безработицы и т. д. Движение анти-АЛКА было синтетическим и несло в себе мощный заряд протеста против неолиберальной глобализации.

В ноябре 2005 г. в аргентинском городе Мар-дель-Плата состоялся III Форум народов Америки, оппозиционный проводившемуся там же IV Саммиту Америк. На Форуме была принята итоговая декларация под названием «Интеграция народов и для народов необходима!». Этот призыв к единству латиноамериканских народов не был просто декларативным, но имел под собой реальную почву: минуло уже десять месяцев с того дня, когда договор АЛКА должен был войти в силу, но этого не произошло из-за сопротивления стран МЕРКОСУР и Венесуэлы. Даже в официальных кругах стало

АЛКА В НАИБОЛЬШЕЙ СТЕПЕНИ И В САМОЙ АГРЕССИВНОЙ ФОРМЕ ВОПЛОТИЛА СРЕМЛЕНИЕ РУКОВОДСТВА США ИСПОЛЬЗОВАТЬ ЭТИ ПРОЦЕССЫ ДЛЯ УПРОЧЕНИЯ СОБСТВЕННОЙ ГЕГЕМОНИИ ВО ВСЕМ ПОЛУШАРИИ, МАКСИМАЛЬНО СОХРАНИТЬ СОБСТВЕННЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРИВИЛЕГИИ, ЛИШИВ ЮЖНЫХ СОСЕДЕЙ БОЛЬШИНСТВА ЗАЩИТНЫХ МЕХАНИЗМОВ

устойчивым выражение «провал АЛКА». IV Саммит Америк также не смог вывести переговоры из тупика, что стало вторым основанием для оптимизма альтерглобалистов. Форум народов поддержал венесуэльский проект Боливарианской альтернативы для Америк (АЛБА) в качестве модели латиноамериканской интеграции.

Двойной провал переговоров по АЛКА можно рассматривать как существенный, но не окончательный итог десятилетней истории альтерглобализма в регионе. Именно потому, что проект выступал и как наиболее полное выражение ортодоксальной тенденции неолиберальной глобализации, и как региональное воплощение неоимперского проекта, и как прямое продолжение двухсотлетнего экспансионистского курса США, он затронул интересы самых широких масс и встретил самую масштабную и сплочённую оппозицию. Срыв плана АЛКА совместными усилиями социальных движений и правительств стран атлантического побережья Южной Америки стал вторым — после торпедирования переговоров по Многостороннему соглашению об инвестициях — важным успехом мирового альтерглобализма. После провала АЛКА акцент деятельности общественных движений переносится с протеста на поддержку государственных инициатив альтернативной региональной интеграции. Если раньше региональные социальные форумы проводились, как правило, в знак протеста против официальных мероприятий, то в период пост-АЛКА всё

ские институты, как ВТО и МВФ, являются международными по форме (представляют собой соглашения между странами), но транснациональными по содержанию деятельности: «правила игры» формально устанавливаются государствами-членами, но фактически отражают интересы групп ТНК. Это справедливо и для АЛКА.

5. Общественный саммит за интеграцию народов (Кочабамба, Боливия, декабрь 2006 г.) был организован в поддержку II Саммита Юж-

ноамериканского сообщества наций. Саммит Народов Юга (июнь 2007 г., Асунсьон, Парагвай) был также проведен в поддержку XXXIII Саммита МЕРКОСУР.

6. См. http://www.cumbredelospueblos.org/article.php3?id_article=124

7. Этими признаками является массовая поддержка левых и левоцентристских сил во многих странах ЛА в последние годы XX и первые годы XXI в. Благодаря ей на президентских выборах и референдумах победили У. Чавес в Венесуэле, Л. И. «Лула» да Силва в Бразилии, Л. Гутьеррес и Р. Корреа в Эквадоре, М. Торрихос в Панаме, Нестор Киришнер и Кристина Киришнер в Аргентине, Т. Васкес в Уругвае, Э. Моралес в Боливии, добились крупных успехов Ш. Х. Хандаль в Сальвадоре, Сандинистский Фронт (FSLN) в Никарагуа. В целом во время длительного электорального цикла 2005–2006 гг. левые силы одержали победу в 7 из 12 стран. При этом в Перу и Мексике кандидаты от левых сил — Ольянта Умала и Мануэль Лопес

чаще — в поддержку межгосударственных саммитов, проводимых в рамках альтернативной региональной интеграции⁵.

Оценивая перспективы, необходимо учитывать долгосрочный характер проекта АЛКА, в основе которого лежат объективные процессы транснациональной глобализации. Поэтому в среднесрочной перспективе, по мере укрепления и институционализации транснациональных сил, этот проект в том или ином виде будет появляться на арене международных отношений. Уже сейчас Вашингтон, не сумев реализовать его первоначальный вариант, продвигает «облегченный»: заключение двусторонних договоров о свободной торговле, прежде всего с центральноамериканскими, карибскими и андскими странами, где экономическое и военно-политическое влияние США наиболее сильно.

Долгосрочный характер борьбы на этом направлении осознается и представителями альтерглобализма при определении целей и задач движения. Так, в итоговой декларации Встречи народов Америк (ноябрь 2005 г.) говорилось: «Сегодня, когда переговоры по АЛКА пытаются оживить и связать с милитаристскими целями США, мы на III Встрече Народов Америк обязываемся удвоить наше сопротивление, укрепить наше единство в многообразии и призвать к новой и большей мобилизации в масштабе континента, чтобы похоронить АЛКА навсегда и одновременно построить нашу альтернативу — справедливую, свободную и солидарную Америку»⁶.

АЛБА против АЛКА

Существенное альтерглобалистское содержание имеет и так называемый «левый поворот» в Латинской Америке⁷. В отличие от Западной Европы, где альтерглобалисты стремятся отмежеваться от власти, принципиально отказываются от сотрудничества с госструктурами, в Латинской Америке правительства, созданные по итогам большинства выборов последних лет, в той или иной степени отражают интересы социальных движений, составляющих плоть и кровь альтерглобализма. Если общественные движения напрямую не включены в государственный механизм и могут влиять на него только путем выборов, референдумов и иных форм народного участия, то обладание властью дает возможность приступить к реализации альтернативного пути. В Латинской Америке можно уже говорить о существовании правительственного альтерглобализма.

Ярким его выражением выступает, например, проект АЛБА, выдвинутый президентом Венесуэлы У. Чавесом⁸. Он мыслится как воссоздание на новом, современном уровне проекта Великой Родины⁹ С. Боливера, продолжателем дела которого считает себя венесуэльский президент. Если для Освободителя главной целью было избавление от колониализма и единство освобожденной Америки¹⁰, то для Чавеса — освобождение

от североамериканского неоколониализма, инструментом которого он считает АЛКА.

Противоположность АЛКА и АЛБА видна даже из аббревиатур их названий. «Alba» означает «рассвет, заря». Аббревиатура же ALCA расшифровывается альтерглобалистами так: Acuerdo para Legalizar la Colonización de Nuestra América — Договор о Легализации Колониализма Нашей Америки, Area de Libre Corrupcion para las Americas — Зона Свободной Коррупции Америк и т. д. На многих демонстрациях можно было встретить обыгрывания аббревиатуры АЛКА: ALCApone, ALCapitalismo, ALCAeda, ALCArajo (carajo — нецензурное выражение).

В чем состоит противоположность двух проектов по существу? На официальном сайте АЛБА дается ответ: «В то время как АЛКА отвечает интересам транснационального капитала и преследует цели абсолютной либерализации торговли товарами и услугами и инвестиций, АЛБА делает акцент на борьбе с бедностью, социальной исключенностью и поэтому выражает интересы латиноамериканских народов»¹¹.

Экономическим фундаментом интеграции региона по проекту АЛБА должна стать в первую очередь энергетическая интеграция: объединение государственных нефтяных и газовых компаний в единую многонациональную корпорацию Petrosur (или Petroamerica). Принципиальное отличие такой корпорации от транснациональных состоит в том, что, во-первых, её элементы находятся в собственности государств, а во-вторых, отношения внутри корпорации основаны на паритете и взаимозависимости, а не на отношениях зависимости филиалов от материнской корпорации. Средством достижения социальных целей проекта выступает национализация и государственное распределение так называемой природной ренты. В случае успеха Petroamerica сможет контролировать 11,5% мировой нефтедобычи.

Двусторонние и региональные инициативы Венесуэлы в рамках проекта уже стали фактом истории. 14 декабря 2004 г. между Венесуэлой и Кубой было подписано соглашение о двустороннем сотрудничестве в рамках АЛБА. В настоящее время между двумя странами осуществляется около 40 конкретных программ в экономической, медицинской, образовательной и культурной сферах. К настоящему моменту к проекту АЛБА присоединились Боливия, Никарагуа, Доминика. Боливия стала членом АЛБА 29 апреля 2006 г., спустя три месяца после инаугурации Эво Моралеса 22 января 2006 г. Д. Ортега объявил о присоединении Никарагуа к необоливарианскому союзу на следующий день после вступления в должность президента, 12 апреля парламент страны ратифицировал вступление в блок, а 29 мая 2007 г. страна уже подписала первый договор со странами — членами АЛБА. Но говорить о его континентальной перспективе пока рано.

В самом деле, Нефтяной фонд венесуэльской PDVSA выделяет на социальные программы (ликвидацию безграмотности, медицинскую помощь беднейшим кварталам, аграрную реформу, строительство жилья, автодорог,

создание государственной авиакомпании и др.) около 2 млрд. долларов ежегодно. Бразильская же нефтяная корпорация Petrobras, вторая по уровню доходов в Латинской Америке после частной мексиканской компании Telmex¹², потратила в 2006 г. на программу «Голод к нулю» 303 млн. реалов, то есть около 110 млн. долларов.¹³ Соотношение цифр наглядно подтверждает, что распространение экономической и социальной политики Венесуэлы на весь регион в сегодняшних политических и экономических условиях едва ли возможно.

8 декабря 2004 г. 12 стран Южной Америки в перуанском городе Куско подписали совместную декларацию об образовании нового торгового и политического союза — Южноамериканского Сообщества Наций (ЮСН), который в случае успешной институционализации стал бы, по словам секретаря МЕРКОСУР экс-президента Аргентины Э. Дуальде, крупнейшим международным блоком на планете. Однако уже на I Саммите ЮСН, проходившем 30 сентября 2005 г. в бразильской столице, обнаружились противоречия по принципиальным вопросам интеграции. Выразителем самой радикальной позиции стал президент Венесуэлы. С его точки зрения, ЮСН должно стать принципиально новым, в первую очередь политическим, межгосударственным блоком, в котором растворятся и исчезнут Андское содружество и МЕРКОСУР, имеющие главным образом экономическое содержание и, по его мнению, неолиберальную природу. У. Чавес предложил переименовать ЮСН в Южноамериканский союз, взяв за образец Европейский Союз. Однако не у всех членов ЮСН такая позиция нашла отклик. В итоге была принята довольно умеренная декларация, предусматривающая сохранение институтов обеих блоков, а в экономическом плане ставящая целью образование южноамериканской Зоны свободной торговли (ЗСТ). Не исключено, что в блоке может возобладать неолиберальная тенденция интеграции. Перспективы латиноамериканизма как противоположности панамериканизма будут зависеть от того, останется ли этот блок только очередной ЗСТ или выйдет на уровень более глубокой интеграции, затронув сферу реального производства.

Несмотря на то что первые реальные шаги на пути АЛБА сделаны, для латиноамериканского региона в целом этот проект остается лишь интенцией, общим направлением поиска альтернативного проекта, надеждой. Допустят ли нефтяные ТНК, чтобы такая значительная доля черного и голубого золота контролировалась государственным сектором? Не станут ли участники проекта Петроамерика объектом враждебных действий с их стороны, подобно Венесуэле в последнее время?

Тесное взаимодействие социальных движений и левых правительств составляет стеновой хребет латиноамериканского альтерглобализма. Однако от страны к стране это взаимодействие неравномерно и неоднозначно. В Бразилии имеет место явный сдвиг вправо. Аграрная реформа по существу заморожена, безземельные продолжают захваты необрабатываемых земель, идут

аресты активистов движения. В Аргентине также в общем продолжает господствовать неолиберальная модель. Правительство Н. Киршнера (о политике новоизбранного президента Кристины Киршнер говорить рано) не признало юридического статуса главного боевого профсоюза СТА, обязало рабочих вернуть прежним владельцам ряд предприятий, доведённых ими до банкротства и занятых трудящимися, которые управляли производством лучше хозяев. В Эквадоре

за годы перманентного политического и экономического кризиса накопилось огромное социальное напряжение; новый президент Р. Корреа пока идет по пути увеличения социальных выплат, субсидий, льготных кредитов, но насколько хватит запаса прочности этой политики, сказать трудно.

Сейчас в альтерглобалистском движении нарастают противоречия. На государственном уровне даже внутри союза АЛБА по ряду вопросов возникают разногласия. Например, инициатива создания совместных Вооружённых сил АЛБА, выдвинутая У. Чавесом в январе 2008 г., вызвала критику Боливии и потенциального члена союза Эквадора. Эквадор, ближайший союзник АЛБА, спустя год после прихода к власти Р. Корреа так и не принял решения вступить в этот блок. По-видимому, в развитии интеграционных процессов как механизма консолидации государственного альтерглобализма достигнут порог, после которого начнётся либо спад, либо рост на качественно новой основе.

Таким образом, латиноамериканский альтерглобализм, достигнув за более чем десятилетнюю историю существенных успехов, вступает в стадию неопределённости, когда очень многое будет зависеть как от социально-политической борьбы в регионе и отдельных его странах, так и от факторов мирового развития.

Обработчик — проиграл с совершенно незначительным отставанием. Все это свидетельствует о высокой политической активности латиноамериканских народов, несмотря на последующий дрейф вправо некоторых президентов, в ходе предвыборной кампании декларирующих себя как народные и левые. «Левый» выбор латиноамериканцев заставил правую прессу говорить о возможности создания политического «антиглобалистского блока» в регионе (El Mercurio, Chile, 7.11.2004).

8. Подробнее о проекте АЛБА см.: Пятаков А.Н. «Боливарианская альтернатива для Америки» как новая перспектива латиноамериканского развития // Ибероамериканский мир глазами молодых ученых. — М.: ИЛА РАН, 2006.

9. Patria Grande — выражение С. Боливара, широко используемое в лексиконе латиноамериканских альтерглобалистов наряду с выражением Х. Марти «Наша Америка» (Nuestra America) как символ единства Латинской Америки.

10. Главной, но уже тогда не единственной. Боливар писал в 1829 г.: «Похоже на то, что Провидение преднамеренно чертало Соединенным Штатам сеять в Америке бедствия яковы во имя свободы».

11. См. www.alternativabolivariana.org.

12. La Jornada, 23.11.2004.

13. www.petrobras.com.br.

Перевод с английского Вадима Плотникова
под редакцией Александра Тарасова

СТРУКТУРА ЗАВИСИМОСТИ

Фотографии: Keta Goes
David BlumeИллюстрации: Benjamin Heine
Hossam el-Hamalawy

Данный текст является сокращённой версией статьи «Структура зависимости», опубликованной в «The American Economic Review», Vol. 60. May 1970.

ЗАДАЧА ДАННОЙ РАБОТЫ — ПОКАЗАТЬ, ЧТО ЗАВИСИМОСТЬ ЛАТИНОАМЕРИКАНСКИХ СТРАН ПО ОТНОШЕНИЮ К ДРУГИМ ГОСУДАРСТВАМ НЕ МОЖЕТ БЫТЬ ПРЕОДОЛЕНА БЕЗ КАЧЕСТВЕННЫХ ИЗМЕНЕНИЙ В ИХ ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ И ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ СВЯЗЯХ. МЫ ПОПЫТАЕМСЯ ПОКАЗАТЬ, ЧТО ТАКИЕ ОТНОШЕНИЯ ЗАВИСИМОСТИ СООТВЕТСТВУЮТ ОПРЕДЕЛЁННОМУ ТИПУ ВНЕШНЕ- И ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ, КОТОРЫЙ И ВЕДЁТ ИХ К СЛАБОРАЗВИТОСТИ ИЛИ, ТОЧНЕЕ, К НЕПРЕОДОЛИМОСТИ ЭТИХ ОТНОШЕНИЙ ЗАВИСИМОСТИ, УГЛУБЛЯЮЩИХ И УСУГУБЛЯЮЩИХ ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ, С КОТОРЫМИ СТАЛКИВАЕТСЯ НАСЕЛЕНИЕ.

Что такое зависимость?

Под зависимостью мы подразумеваем положение, при котором состояние экономики той или иной страны определяется развитием и расширением другой экономики, с каковой она непосредственно взаимодействует. Отношения взаимозависимости между двумя или большим числом экономик, как и между ними и мировой торговлей, предполагают форму зависимости, при которой экономики некоторых стран (доминирующих) могут успешно расти и быть самодостаточными, тогда как в других странах (зависимых) те же процессы могут протекать лишь как отражение подобного роста, способного оказывать как позитивное, так и негативное воздействие на их непосредственное развитие¹.

Концепция зависимости позволяет нам рассматривать внутривнутриполитическую ситуацию в этих странах как составляющую мировой экономики. В рамках марксистской традиции теория империализма была разработана именно как изучение процесса расширения империалистических центров и их доминирования во всемирном масштабе.

В эпоху революционных изменений в странах «третьего мира» мы должны выработать теорию, описывающую закономерности внутреннего развития этих стран, являющихся объектами подобной экспансии и ей управляемыми. Этот теоретический шаг должен преодолеть «теорию развития», которая ищет объяснения ситуации в развивающихся странах в неспособности перенять схемы эффективности, характеризующие развитые

1. T. Dos Santos. «La crisis de la teoría del desarrollo y las relaciones de dependencia en América Latina», Boletín del CESO, 3 — Santiago, Chile, 1968, p. 6.

страны (равно как и «модернизировать» или «перестроить» самих себя).

Хотя капиталистическая «теория развития» признаёт существование «внешней» зависимости, она не в состоянии воспринять недоразвитие в том ключе, в котором это описывается нашей теорией, то есть как последствие и составной элемент мировой капиталистической экспансии, возникающей неизбежно и неразрывно с ней связанной. Рассматривая процесс организации мировой экономики, интегрирующей так называемые национальные экономики во всемирный рынок потребления, капитала и даже рабочей силы, мы обнаруживаем, что связи, создаваемые этим рынком, комбинированы и неравноправны — неравноправны потому, что развитие одних частей данной системы происходит за счёт других её частей.

Торговые связи основываются на монополистическом контроле рынка, что ведет к перераспределению прибавочного продукта, производимого в зависимых странах, в пользу доминирующих государств; финансовые же связи, которые с точки зрения господствующих сил основаны на системе займов и экспорте капитала, что якобы не позволяет финансистам доминирующих стран преследовать личный интерес и получать прибыль, в действительности увеличивают их прибыли и укрепляют их контроль над экономикой других стран.

Для зависимых стран эти отношения означают вывоз прибыли, что лишает их части отечественного прибавочного продукта и приводит к потере контроля над собственными производственными ресурсами.

Существование подобных неравноправных отношений вынуждает зависимые страны вырабатывать всё большие и большие объёмы прибавочного продукта, причём не за счёт интенсификации производства, но прежде всего за счёт сверхэксплуатации рабочей силы. В результате они наталкиваются на границы развития своего внутреннего рынка, на ограничения технической и культурной емкости, равно как и на моральные, физические, медицинские пределы возможностей собственного населения. Мы характеризуем данную систему как комбинированное развитие потому, что она представляет собой комбинацию неравенства и переноса ресурсов из наиболее зависимых и неразвитых секторов в наиболее развитые и доминирующие, что расширяет неравенство, углубляет его и преобразует в необходимый структурообразующий элемент мировой экономики.

Исторические формы зависимости

Исторические формы зависимости определяются следующими факторами:

1. основные формы функционирования мировой экономики со свойственными им законами развития;
2. тип экономических отношений, доминирующий в капиталистических центрах, и те механизмы, благодаря которым в дальнейшем становится возможной их экспансия вовне;

3. типы экономических связей, существующие внутри периферийных государств, включаемых в систему экономической зависимости, в мировую сеть экономических отношений, создаваемую экспансией капитализма.

В задачу данной работы не входит детальный анализ этих форм, но только базовая характеристика путей их развития и функционирования.

На основании ранее изложенного можно различать:

1. Колониальную зависимость, то есть экспорт товаров в чистом виде, в рамках которого торговый и финансовый капитал в союзе с колониальными метрополиями доминируют в экономических отношениях между Европой и колониями путем организованной торговой монополии, подкреплённой колониальной монополией на землю, недра и рабочую силу (крепостничество или рабство) в колонизированных странах.
2. Финансово-промышленная зависимость, оформившаяся к концу XIX века, характеризуемая доминированием крупного капитала в метрополии и его экспансией за границу путем инвестирования в производство сырья и сельхозпродукции для последующего экспорта в метрополию. Структурный рост производства в зависимых странах, тесно связанный с экспортом данной продукции (то, что В. И. Ленин охарактеризовал как «экспортную экономику»²; анализ на примере иных регионов^{3,4}), производство, охарактеризованное Экономической комиссией Латинской Америки (ECLA) как «экспортно-ориентированное развитие» (desarrollo hacia afuera)⁵.
3. В послевоенный период сложился новый тип зависимости, основанный на власти транснациональных корпораций, начавших вкладывать средства в развитие различных отраслей хозяйства и привязывавших к ним внутренние рынки развивающихся стран. Это по большей части технологическая зависимость⁶.

Каждая из этих форм зависимости соотносится не только с внешнеполитическими связями зависимых государств, но также описывает их внутреннее устройство, производственные приоритеты формы накопления капитала, воспроизводство экономики и одновременно их общественную и политическую структуры⁷.

Экспортные экономики

Для форм зависимости 1 и 2 производство привязывается к продукции, предназначенной на экспорт (для эпохи колониальной зависимости это золото, серебро, пряности; для эпохи индустриально-финансовой зависимости — сырье и сельскохозяйственная продукция), то есть продукции, зависящей от потребностей господствующих центров. Внутреннее производство характеризуется жесткой специализацией — монокультурно

2. V. I. Lenin, «The Export Economies», Harvard University Press, 1964.

3. G. Myrdal, «Asian Drama», Pantheon, 1968.

4. N. Nkrumah, «Neocolonialismo: la última etapa del imperialismo», Siglo XXI, México, 1966.

5. CEPAL, «La CEPAL y el Análisis del Desarrollo Latinoamericano», Santiago, Chile, 1968.

6. T. Dos Santos, «El nuevo carácter de la dependencia», CESO, Santiago, Chile, 1968.

7. Более подробный анализ того, как вышеописанный процесс развивался в Латинской Америке с колониальных времен, приведен здесь: R. Rojas, «Latin America: blockages to development», London, 1984.

стью целых регионов (Карибский бассейн, Бразилия, северо-восток Латинской Америки и т. д.) Одновременно с экспортными секторами в этих регионах выросли некоторые дополнительные секторы (например, разведение крупного рогатого скота и известная промышленность), но последние в основном привязаны к экспортным секторам, которым они продают свою продукцию. Есть и третий, поддерживающий сектор экономики, поставляющий рабочую силу в экспортный сектор при благоприятной конъюнктуре и поглощающий избыток населения в периоды кризиса международной торговли. Исходя из этого, существующие внутренние рынки ограничиваются четырьмя факторами:

1. Большая часть национального дохода приносится экспортом, что используется для приобретения средств, необходимых для экспортных секторов (например, рабов), или предметов роскоши, потребляемых земельной аристократией, владельцами шахт и наиболее преуспевшими работниками.
2. Рабочая сила подвергается наиболее тяжёлым формам сверхэксплуатации, что ограничивает её потребительскую способность.
3. Большая часть средств, обеспечивающих потребление этих работников, производится поддерживающими секторами экономики, что соответствует доходу работников и поддерживает их во время экономической депрессии.

4. Четвёртый фактор характерен для тех стран, где земля и недра принадлежат иностранцам (характерно для анклавной экономики): значительная часть получаемого дохода неизбежно попадает за границу в форме прибыли, сдерживается этот процесс не только потребностями потребления, но и возможностями реинвестирования⁸. В случае с анклавной экономикой взаимоотношения иностранных компаний и капиталистического центра предполагают ещё большую степень эксплуатации, поскольку анклав потребляет зарубежную продукцию.

Новые формы зависимости

Новые формы зависимости 3 находятся в процессе развития и зависят от состояния международного товарообмена и рынка капиталов. Возможность создания новых инвестиций зависит от наличия финансовых ресурсов в иностранной валюте для закупок оборудования и получения сырья, не производимого на месте.

На подобные закупки накладываются двойные ограничения: ограниченность ресурсов, производимых экспортными секторами (как отражение баланса платежей, который включает не только торговые, но также и сервисные отношения), и ограничения, налагаемые патентной монополией, приводящей к тому, что фирмы-монополисты предпочитают ввозить свою технику в форме капитала, а не товара. Анализ подобных отношений зависимости необходим, если мы хотим уяснить базовые структурные ограничения, налагаемые на развитие подобных экономик.

1. Промышленное развитие зависит от экспортных секторов, поскольку оно нуждается в иностранной валюте для закупок всего, что необходимо промышленным секторам. Первым следствием подобной зависимости является необходимость сохранять традиционные экспортные отрасли, что экономически ограничивает развитие внутреннего рынка, консервируя отсталые производственные отношения, политически это означает поддержание власти традиционных коррумпированных олигархий. В странах, где эти секторы контролируются иностранным капиталом, это означает перекачку сверхприбылей за границу и политическую зависимость, гарантирующую этот процесс. Лишь в редких случаях иностранный капитал не контролирует хотя бы сбыт подобной продукции. В качестве ответа на подобные ограничения зависимые страны на протяжении 30—40-х годов XX века выработали политику обмена ограничений и налогов между внутренними и экспортными секторами, сегодня они склоняются к постепенной национализации производства, равно как к выработке ряда весьма робких ограничений, призванных сдерживать иностранный контроль рынка экспортной продукции. Более того, они ищут, тоже весьма несмело, пути достижения лучших условий продажи собственной продукции. В последние десятилетия был выработан механизм международных соглашений по ценам, и сегодня Конференция ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД) и ЭКЛА стремятся к формированию более приемлемых тарифных условий для этих продуктов. Важно указать то, что промышленное развитие в этих странах зависит от ситуации в экспортных секторах, чье существование, таким образом, принимается как неизбежное.

2. Промышленное развитие, следовательно, по большей части определяется колебаниями платёжного баланса, что приводит к платёжному дефициту, а значит, и к системе зависимости как таковой. Дефицит является следствием трех причин:

- торговые операции проходят на крайне монополизированном международном рынке, который неизбежно занижает цену сырья и завышает цены на промышленную продукцию. Во-вторых, это тенден-

8. P. Baran, «Political Economy of Growth», Monthly Review Press, 1967.

ция современной экономики — замещение различных натуральных материалов синтетическими заменителями. Как следствие, торговый баланс для зависимых стран становится всё менее и менее благоприятным (даже несмотря на то, что они демонстрируют общую доходность). В целом, латиноамериканский торговый баланс за период с 1946 по 1968 годы демонстрирует положительное saldo в каждом из них. Что типично практически для всех слаборазвитых стран. Однако потери вследствие ухудшения условий торговых отношений (на основании данных ЭКЛА и МВФ), исключая Кубу, составили 26 миллиардов 383 миллиона долларов США — только за период с 1951 по 1966 год, если взять за основу цены 1950 года. Если же исключить ещё и Венесуэлу, сумма потерь составит 15 миллиардов 925 миллионов долларов США;

- исходя из вышеперечисленных причин, иностранный капитал сохраняет контроль за наиболее динамично развивающимися секторами экономики и вывозит большую часть доходов, как следствие — баланс основного капитала крайне неблагоприятен для зависимых стран. Данные показывают, что объём капитала, вывозимого из страны, гораздо больше, чем ввозимого, что приводит к закабальющему дефициту основного капитала. К этому следует добавить дефицит, существующий в ряде секторов сферы услуг, находящихся в самом буквальном смысле под полным иностранным контролем — таких, как международный транспорт, оплата интеллектуальной собственности, технической помощи и т. д. Как следствие, существенный дефицит воспроизводится в общем балансе платежей, что ограничивает возможности по увеличению капиталовложений в индустриализацию;
 - результатом становится необходимость «инострannого финансирования» в двух формах. Для покрытия существующего дефицита и для «финансового» развития, что предполагает займы для стимулирования инвестиций и для «поддержания» внутриэкономической прибыльности, которая в значительной степени декапитализируется переводом части прибавочного продукта, производимого на местах, в прибыль, вывозимую за рубеж.
3. Иностранннй капитал и иностранная «помощь» лишь затыкают те дыры, которые сами же и создают. Действительная ценность этой помощи на самом деле сомнительна. Если переплаты, вытекающие из ограничительных условий помощи, извлечь из общей суммы дотаций, то, согласно подсчёту Межамериканского экономического

и социального совета, чистые поступления составят лишь 54% от общей суммы⁹. Если же мы примем во внимание ещё и то, что значительная часть помощи выплачивается в местной валюте; что латиноамериканские страны являются донорами международных финансовых организаций; и то, что кредиты, как правило, «связаны», то выяснится, что «вещественная составляющая иностранной помощи» не может быть более 42,2%, а скорее всего — 38.3%¹⁰. Вся тяжесть ситуации становится ещё более очевидной, если мы учтем, что все эти кредиты используются, по большей части, для финансирования североамериканских инвестиций, для субсидирования иностранного импорта, конкурирующего с национальным производством, для развития технологий, совершенно излишних для развивающихся стран, и для инвестирования во второстепенные отрасли национальных экономик. Развивающиеся страны вынуждены платить за всю получаемую «помощь» — такова горькая правда. Эта ситуация порождает серьёзное протестное движение, заставляя латиноамериканские правительства искать хотя бы частичного облегчения столь невыгодных отношений.

Именно подобным образом оборудование, заменяемое в экономической метрополии более современными образцами, попадает в зависимые страны в качестве капитала для организации собственных филиалов. Вот тут следует остановиться подробнее, чтобы понять эксплуататорский и насильственный характер подобных отношений.

По вышеизложенным причинам у зависимых стран имеется постоянная нехватка достаточного количества иностранной валюты. Местные предприниматели испытывают трудности с финансированием и к тому же вынуждены платить за то, что пользуются запатентованными технологиями. Эти факторы вынуждают национальные правительства содействовать проникновению иностранного капитала — с целью поддержания закрытых национальных рынков. Последние для проведения индустриализации защищены высокими тарифами.

9. Consejo Interamericano Económico Social (CIES) O.A.S., Interamerican Economic and Social Council, External Financing for Development in Latin America, «El Financiamiento Externo para el Desarrollo de América Latina» (Pan-American Union, Washington, 1969).

10. op. cit. II, p. 33.

Таким образом, иностранный капитал имеет все преимущества: в ряде случаев он исключен из фискального надзора для обеспечения импорта оборудования; создание зон для строительства промышленных объектов финансирует правительство; правительственные финансовые агентства заметно облегчают процесс индустриализации; займы доступны как из иностранных, так и из местных банковских структур — последние предпочитают именно подобного рода клиентов; иностранная помощь обычно субсидирует подобные инвестиции в дополнение к государственному инвестированию; после введения в эксплуатацию подобных объектов сверхприбыли, полученные в столь исключительных обстоятельствах, могут свободно реинвестироваться.

В этой связи совершенно не удивляет то, что,

согласно данным Департамента торговли США, процент капитала, полученного из-за границы данными компаниями — всего лишь часть от общего количества инвестированного капитала. Эти данные показывают, что за период с 1946 по 1967 годы новые поступления капитала в Латинскую Америку для прямого инвестирования составили 5 415 миллионов долларов, тогда как сумма реинвестированных прибылей составила 4 424 миллиона долларов. С другой стороны, перевод прибылей из Латинской Америки в США исчисляется суммой в 14 775 миллионов долларов. Если же мы оценим общую прибыльность как приблизительно равную вывезенному капиталу и реинвестициям в местную экономику, то мы получим сумму 18 983 миллионов долларов.

Несмотря на колоссальный вывоз прибылей в Соединенные Штаты, остаточная стоимость основного капитала от прямых инвестиций США в Латинскую Америку увеличилась с 3 045 миллионов долларов в 1946 году до 10 213 миллионов долларов в 1967-м. Из этих данных следует, что:

1. из инвестиций, сделанных компаниями США в Латинскую Америку за период с 1946 по 1967 годы, 55% являются ввозом нового капитала, а 45% — реинвестициями прибылей; в последние годы данная тенденция становится всё более

выраженной: за период с 1960 по 1966 годы реинвестиции составили уже 60% от общего объёма инвестиций;

2. за указанный период объём перевода финансов составлял порядка 10% остаточной стоимости основного капитала;
3. соотношение вывезенного капитала и новых поступлений составляет примерно 2,7 за период с 1946 по 1967 годы, то есть на каждый ввозимый доллар — 2,7 долларов вывозится. В 60-е годы данное соотношение примерно удвоилось, а в некоторые годы было ещё более ощутимым (как, например, в Чили¹¹).

Данные «Survey of Current Business» об источниках и пользователях фондов прямых североамериканских инвестиций в Латинскую Америку за период с 1957 по 1964 годы показывают, что из общего числа источников прямых инвестиций лишь 11,8% относятся непосредственно к США. Все остальное по большей части было результатом активности либо североамериканских фирм в Латинской Америке (46,4% чистых поступлений или 27,7% с учетом инфляции), либо «источников, расположенных за границей» (14,1%). Существенно важно то, что средств, полученных за границей, то есть являющихся внешними относительно иностранных компаний, больше, чем средств, поступающих из Соединенных Штатов.

Воздействие на структуру производства

Нетрудно, таким образом, оценить — пусть и поверхностно — те эффекты, которые система зависимости накладывает на структуру производства в этих странах, равно как и значение данной системы в определении специфического пути развития, характеризующегося как раз его зависимой природой.

Система производства в развивающихся странах по сути определяется международными отношениями.

Прежде всего, потребность сохранения сырьевого и аграрного компонента в структуре экспорта создаёт положение, при котором экономически более развитые центры извлекают доходы из более отсталых секторов, то есть создаётся как внутренняя «метрополия», так и внутризависимая «колониальная» периферия¹². То есть неравноправный и сложносоставный характер капиталистического развития характерен не только для международных отношений, он же воспроизводится и «внутри» в ещё более острых формах.

Во-вторых, промышленная и технологическая организация в большей степени соответствуют интересам транснациональных корпораций, чем потребностям внутреннего развития (тут мы должны иметь в виду не только конечные интересы населения, но и непосредственные потребности развития национальной капиталистической экономики).

В-третьих, технологические и финансово-экономические структуры, типичные для стран капиталистического центра, переносимые без существенных изменений в совершенно иные экономические и социаль-

11. R. Rojas, «El imperialismo yanqui en Chile», Ediciones ML, Santiago, Chile, 1971.

12. A. G. Frank, «Development and Underdevelopment in Latin America», Monthly Review Press, 1968.

ные условия, неизбежно приводят к росту такой производственной структуры, которая предполагает крайнее неравенство, высокую концентрацию доходов, недозагрузку производственных мощностей, интенсивную эксплуатацию традиционных рынков, концентрирующихся в крупных городах, и т. д. Накопление капитала в подобных условиях имеет особые черты. Прежде всего, этот процесс характеризуется глубочайшим разрывом в уровне заработной платы, что прямо следует из дешевизны местной рабочей силы в сочетании с капиталоемкими технологиями. В результате, с точки зрения относительной прибавочной стоимости, можно констатировать крайне высокий уровень эксплуатации рабочей силы¹³.

Эксплуатация ещё более усугубляется высокими ценами на промышленную продукцию, порождёнными системой протекционизма, субсидий и льгот, данных национальным правительством, и «помощи» из капиталистических центров. Более того, раз зависимое накопление неизбежно связано с международной экономикой, оно в полной мере определяется неравным и комбинированным характером международных капиталистических отношений, технологическим и финансовым контролем империалистических центров, реалиями баланса и платежей, экономической политикой государства и т. д. Собственная же роль государства в увеличении национального и иностранного капитала заслуживает куда более полного анализа, чем может позволить нам формат настоящей статьи.

Пользуясь методом, предлагаемым здесь, вполне можно уяснить границы, которые данная производственная система накладывает на рост внутренних рынков зависимых стран. Сохранение традиционных отношений в деревне является серьезным ограничителем размера рынка, поскольку индустриализация не способна предложить надежных альтернатив. Производственная структура, созданная зависимой индустриализацией, ограничивает рост внутреннего рынка.

Прежде всего, данная система рассматривает рабочую силу как объект тяжёлой эксплуатации и тем самым резко ограничивает покупательную способность рабочих. Далее, привнося технологии, требующие интенсивного использования капитала, система создаёт слишком мало (относительно роста населения) рабочих мест, что опять же ограничивает производство новых источников дохода. Два этих ограничительных фактора определяют рост потребительского рынка. В-третьих, вывоз капитала за границу в виде прибыли лишает экономику страны значительной части производимого прибавочного продукта. Всё вышеперечисленное налагает неизбежные ограничения на возможность создания основных отраслей национальной промышленности, которые смогли бы обеспечить внутренний рынок важнейшими товарами, что было бы возможно, если бы прибавочный продукт не вывозился за рубеж.

Данный, пусть и поверхностный, анализ недвусмысленно показывает, что очевидная

отсталость подобного рода экономик вовсе не является следствием их недостаточной интеграции в капиталистическую систему; наоборот, именно интеграция в международную систему капитализма, принятие её законов развития является важнейшим обстоятельством, препятствующим их полноценному развитию¹⁴).

Некоторые выводы. Воспроизводство зависимости

Для того, чтобы понять систему воспроизводства зависимости и социоэкономических институтов, ей создаваемых, мы должны рассматривать её как систему отношений в рамках мировой экономики, базирующейся на монополистическом доминировании крупного капитала, на доминировании ряда промышленных и финансовых центров над всеми другими, на технологическом монополизме, что приводит к неравному и комбинированному развитию как на национальном, так и на международном уровнях. Попытка рассматривать отсталость как неспособность воспринять более развитые модели производства или же как неспособ-

13. P. González Casanova, «Sociología de la explotación», Siglo XXI, México, 1969.

14. Более детальный анализ базовых компонентов зависимого развития с момента зарождения в колониальные времена и дальнейшего развития после обретения политической независимости см. R. Rojas: Latin America: a failed industrial revolution; R. Rojas: Latin America: the making of a fractured society; R. Rojas: Latin America: a dependent mode of production; R. Rojas: Latin America: on the effects of colonization.

ность к модернизации — не более чем идеологические клише, мимикрирующее под науку. То же верно и относительно попыток рассмотрения мировой экономики в терминах «отношений свободной конкуренции», примером чего служит теория сравнительных затрат, пытающаяся оправдать неравенство мировой экономической системы и скрыть эксплуататорские отношения, на которых эта система базируется¹⁵.

В действительности, мы можем достичь понимания того, что происходит в развивающихся странах, лишь тогда, когда мы осознали, что они развиваются в рамках системы зависимого развития и воспроизводства.

Это именно система зависимости, поскольку она репродуцирует производственную систему, развитие которой ограничивается структурой международных отношений, неизбежно приводящих к развитию лишь определённых секторов экономики, к торговле на неравных основаниях, к навязыванию сверхэксплуатации местной рабочей силы, что предполагает разделение производимых экономикой прибылей исключительно между международными и внутренними доминирующими центрами¹⁶. Воспроизводя подобную систему производства, подобный тип международных отношений, развитие зависимого капитализма воспроизводит факторы, препятствующие созданию хоть сколько-нибудь благоприятной для зависимых стран внутринациональной и между-

народной ситуации, что, в свою очередь, воспроизводит отсталость, страдания и социальную маргинализацию. От подобного развития выигрывают лишь немногие очень узкие секторы экономики, намеренно препятствующие развитию остальной внутренней экономики, так как это обеспечивает им бесконечный экономический рост (как на внешних, так и на внутренних рынках), что приводит к прогрессирующему увеличению платёжного дефицита, в свою очередь, порождающему всё большую зависимость и сверхэксплуатацию.

Политические меры, предлагаемые сторонниками «теории развития» из ЭКЛА, ЮНКТАД и Межамериканского банка развития, очевидно, не способны предотвратить разрушительное воздействие на страны «третьего мира» чудовищных оков, налагаемых зависимым развитием. В своё время мы рассмотрели альтернативные формы развития, предлагаемые Латинской Америке и зависимым странам всего мира¹⁷. В данный момент всё свидетельствует о том, что нас ожидает длительный период острого политического и военного противостояния, глубочайшей социальной радикализации, что ставит эти страны перед дилеммой: либо «сильная власть», что открывает путь к фашизму, либо народное революционное правление, что открывает путь к социализму. Половинчатые решения, как мы уже знаем, в подобной, полной антагонистических противоречий реальности пусты и утопичны.

15. C. Palloix, «Problèmes de la croissance en économie ouverte», Maspéro, Paris, 1969.

16. О прибавочном продукте и его использовании в зависимых странах см. P. Baran, «Political Economy of Growth», Monthly Review Press, 1967.

17. T. Dos Santos, «La dependencia económica y las alternativas de cambio en América Latina», Ponencia al IX Congreso Latinoamericano de Sociología, México, Noviembre, 1969. <http://www.rrojasdatabank.org/santos1.htm>

Фрей Бетто
(Frei Betto (Carlos Alberto Libânio Christo))

Перевод с испанского
Андрея Пятакова и Александра Харламенко
под редакцией Александра Тарасова

НЕОЛИБЕРАЛИЗМ: НОВАЯ ФАЗА КАПИТАЛИЗМА

Благодаря техническому прогрессу в сфере коммуникаций факс, отправленный по каналу спутниковой связи из Сан-Паулу в Нью-Йорк, дойдет быстрее, чем будет доставлено с помощью автомобиля письмо из одного района Сан-Паулу в другой.

«Мир, мир, необъятный мир...» поэта трансформировался в небольшую деревню. В XIX веке письмо папы Льва XIII — энциклика «*Regum Novarum*» — задержалось на четыре года, прежде чем было доставлено из Рима в Мексику. В XXI веке около шести миллиардов жителей планеты Земля¹ будут находиться так близко друг от друга, что человеку, желающему остаться одному, будет нелегко это сделать, если только он не оставит в стороне свои мультимедийные часы, способные действовать также как радио, миниатюрный CD-плеер, телевизор, мобильный телефон и ежедневник.

Вся власть мегакорпорациям

До конца XX века в мире существовали различные конфликтовавшие между собой экономические системы, среди которых выделялись капитализм и социализм². С исчезновением социализма в странах Восточной Европы неолиберализм — современная форма капитализма — стал преобладать на планете, преодолевая национальные границы. Происходит глобализация экономики. Экономически самодостаточные государства начинают уходить в прошлое. Влияние — и власть — президентов «Сити-банка» или «Хонды» становятся больше, чем президентов или премьер-

министров многих стран. Управленцы в сфере экономики сосредоточивают в своих руках больше власти, чем политики в парламенте или в исполнительных структурах.

— Как твоё путешествие в Токио во время отпуска? — спрашивает Марианна у Тамико.

— Я посетила родственников отца. Но что занятно: сэндвичи в «Макдональдсах» Токио имеют тот же самый вид и вкус, что сэндвичи, которыми кормят в Макдональдсах Сан Паулу.

В первой половине XX века капитализм был заинтересован в укреплении государства, которое вскармливало крупные корпорации финансовыми вливаниями, налоговыми льготами и законодательными привилегиями. Сейчас транснациональные корпорации, контролирующие экономику планеты, настаивают на приватизации государственных предприятий. То есть они хотят ослабить государство и усилить рынок: меньше законов, больше разнуданной конкуренции. Почта, социальное страхование, сети больниц и школ — всё должно быть приватизировано, даже пляжи, улицы и полицейский аппарат — взгляни вокруг и увидишь всё больше решеток и пропускных пунктов на улицах, всё больше частных охранных предприятий.

При неолиберализме государство имеет тенденцию остаться только регулятором юридических контрактов и аппаратом подавления недовольных, исключённых, которые оплачивают своей жизнью счёта тех, кто живет на островках изобилия. Так, экономика и поли-

Статья опубликована в журнале «Utopias» (Испания), 1997, №173

1. В 2006 г. население Земли составило 6,5 млрд людей, к 2050 г. ожидается 9,2 млрд. — Прим. перев.

2. «Социализмом» Фрей Бетто по старинке называет строй, существовавший в СССР и других странах Восточного блока. — Прим. ред.

тика всё меньше определяются внутри государств и всё больше внутри МВФ, Всемирного банка, штаб-квартиры IBM или «Дженерал моторс».

— Вчера моя мама порезала ногу об осколок стекла, — говорит Уала. — Сосед на машине отвез её в больницу, но там не захотели её лечить, потому что у неё не было денег ни на то, чтобы открыть счёт, ни на оплату медицинской страховки.

— И как же ей была оказана помощь? — хочет знать Тео.

— Мы отвезли её в муниципальную больницу. Надо было выстоять длинную очередь, но по крайней мере нам не пришлось платить деньги за помощь.

Эра исключённости

Либеральный капитализм говорил о «национальном развитии» и демонстрировал обеспокоенность, когда росли безработица и маргинализация. Сегодня неолиберализм уже не заинтересован в вовлечении всех в рынок, он заинтересован в исключении. Коротко говоря, безработица является для системы не проблемой, но лишь признаком того, что развитие субподряда и технологический прогресс — создающий машины, которым надо всё меньше человеческих усилий, скажем сборщика на конвейере — сокращают число рабочих рук. Система заинтересована не в увеличении количества потребителей на рынке, но в том, чтобы у того же числа потребителей было больше денег.

— Марианна, разве вчера ты приезжала в школу не на другой машине? — спросил Тео, увидев её вышедшей из сверкающего автомобиля.

— Да, эту японскую машину папа только что купил.

— Сколько же машин у тебя дома?

— Пять: микроавтобус для сельского имения, папин автомобиль, мамин, моей старшей сестры и фургон для прислуги.

Раньше задачей капитализма было производить для всех классов общества. Было много дешёвых автомобилей, доступных небогатой части «среднего класса». Сейчас неолиберализм производит только для 40 миллионов бразильцев из 155 миллионов, имеющих доступ на потребительский рынок. Достаточно сказать, что половина этих привилегированных сконцентрировала в своих руках более 50% национального дохода. Поэтому растёт производство ненужных товаров, предлагаемых так, будто они являются товарами первой необходимости.

— Тео, где ты достал такие модные кроссовки? — воскликнула Тамико, увидев друга, шагающего как какой-нибудь военный.

— Купил на шопинге в выходные, — говорит Тео. — Посмотри: кроме святящихся элементов на подошве, установлена система охлаждения по бокам, амортизаторы на пятках, эластичные шнурки и система антискольжения.

— Ага, — веселится Тамико, — не хватает только сервис-центра с обслуживающим персоналом...

Товарный фетишизм

Для неолиберализма имеет значение не прогресс, а рынок; не производство, а спекуляции; не качество продукта, а его рекламный успех; не потребительная стоимость товара, а тот фетиш, которым он обладает. Товар покупается за ту ауру, которая его окружает и кажется способной повысить статус его обладателя. Так, уже не считается человеком тот, кто видит ценность товара в его прямом предназначении, например, чтобы использовать ткань как рубашку; наоборот — этикетка рубашки «маркирует» своего обладателя так же, как роскошный автомобиль служит платформой для социального вознесения своего владельца. Человека начинают воспринимать по украшающим его вещам.

С неолиберальной точки зрения человек как таковой, видимо, не представляет никакой ценности. Поэтому тот, кто не владеет материальными благами, обесценен и исключен. Кто владеет — завиден, обхаживаем и отмечен вниманием.

— Puchicas³, Тамико, твоя кофта — супер! — хвалит Марианна. — Это Пако Рабанн?

— Нет, это от французского модельера... от моей мамы.

Прежде система оценивала труд как фактор, придающий человеку достоинство, обеспечивающий благополучие. Теперь правильным считается зарабатывать деньги на спекуляциях, жить на ренту, наслаждаться жизнью не трудясь. Для СМИ самые счастливые — это самые праздные. И в промышленности прогресс в области информатики и автоматизации делает человеческий труд ненужным, порождая безработицу. Достаточно сказать, что на заводах «Фольксваген» в Сан-Бернарду-ду-Кампу (Бразилия) в 1980 году производилось около 1000 машин в день и было занято 44 тысячи рабочих. Сегодня производится около 1500 автомобилей всего 25 тысячами рабочих.

— Тео, почему ты грустный? — спрашивает Уала.

— Мой отец уволен. В здании установлен электронный портье.

— Электронный портье? Как это? — пугается Уала.

— Это устройство — соединение автоматического пилота и электронного секретаря, связанное с системой сигнализации, которая контролирует все двери здания и напрямую подключено к полицейскому участку микрорайона.

Субподряд и приватизация

Прежде на крупном предприятии проходил весь процесс производства продукта — от сырья до конечного товара. Например, фабрика по производству одежды сама выращивала хлопок. Это называли вертикализацией. Теперь производственная система фрагментирована. Применняется субподряд — одно предприятие заключает договор с другим, которое обеспечивает безопасность, и с третьим, которое собирает оборудование из деталей, производимых первым. Это удешевляет рабочую силу, позволяет уклоняться от требований закона относительно условий

3. Лапочка, крошка (диалектизм). — Прим. ред.

4. В 80-е — начале 90-х Бразилия приобрела зловещую славу страны, где полицейские «эскадроны смерти» массами убивали беспризорных детей. — Прим. ред.

5. Имеется в виду исполинская статуя Христа Спасителя, возвышающаяся над Рио-де-Жанейро на горе Корковадо (то есть Горбатой). В народном сознании считается покровителем города. — Прим. ред.

труда, распыляет профсоюзное движение и открывает возможности для неорабства.

— Давно ты видела сеньору Марию, которая убиралась здесь в школе? — спрашивает Уала.

— Ты что, не заметила, что весь персонал по уборке сменили? — отвечает Марианна. — Для министерства образования дешевле заключить контракт с частной фирмой, чем нанимать новых государственных служащих.

Приватизаторская волна захлестывает также сердца и души. Процветают церкви и секты, приватизирующие христианскую веру, лишая её какого-либо общественного и политического значения. С такими государственными предприятиями, как радио и телевизионные каналы, директора обращаются как с частными, да ещё и жалуются, когда государство забирает эфирное время, чтобы что-то сообщить нации. При царящей безнаказанности есть и такие, кто на свой лад приватизируют закон и правосудие, линчуют подозреваемых, истребляя заключенных или уничтожая детей⁴.

«Несчастлива страна, которая нуждается в героях!» — восклицал Брехт. При отсутствии управления и политической воли, Бразилия сегодня может продемонстрировать своё более человеческое лицо только с помощью индивидуальных инициатив: Бетинью прилагает усилия, чтобы помочь голодающим, Ивон Мелу — беспризорникам; падре Рикарду Резенде выступает в защиту крестьянских профсоюзов; Жозе Раинья выражает чаяния безземельных. У нас приватизируется даже великодушие, у нации, чья элита считает солидарность с бедными опасным чувством, а защиту прав человека — преступлением, идущим на пользу бандитам.

С тех пор как Каин погубил своего брата Авеля, история человечества показывает, что чем больше приватизируется богатство, тем больше обобществляется нищета. Смерть по своей природе — частный опыт. Любовь, наоборот, всегда требует соучастия и причастности.

Агония модерна

Заслуживает ли смерть модерна мессу седьмого дня? Не было бы ничего странного в том, если бы газеты опубликовали такое траурное объявление: «Господа Деррида, Лиотар, Делёз, Бодрийяр, Ваттимо и Липовецки приглашают на похороны Декарта, Локка, Канта, Гегеля и Маркса». Страны эпохи модерна оставили нам в наследство уверенность в возможностях разума, научили нас ставить человека познающего в центр размышлений и верить, что разум без догм и господ создаст свободное и справедливое общество. И мы, высокомерные избалованные дети разума эпохи модерна, комфортно жили в мире унитаристских систем, всеобщих концепций и священных идеологий, веря, что философия избавит нас от зол этого мира, чье будущее — только вопрос политической геометрии.

Бодлер и Готье в 1864 году впервые заговорили о постмодерне. Цепляясь за разум, мы не отдавали себе отчета в том, что это

«несовершенство умопостижения» (Фома Аквинский). Не очень склонные к безумию и поэзии, мы не обратили внимания на романтическую критику модерна — на Байрона, Рембо, Борхарда, Ницше, Жарри. Теперь мы оглядываемся, и что же видим? Руины Берлинской стены, Статую Свободы, обладающую тем же эффектом на планете, что Горбатый Христос в христианской жизни Рио-де-Жанейро⁵, разочарование в политике, скептицизм в отношении ценностей. Нами овладели неуверенность, фрагментарность сознания, синкретизм взглядов, рассеянность, разрыв и раздробленность. Событие стало важнее истории, а деталь возоблудала над обоснованием.

Нет такой умозрительной доктрины, которую не поколеблет массовое убийство индейцев яномами⁶, безнаказанность убийц Чико Мендеса⁷ и военных полицейских, пьющих кровь, чтобы убить в себе остатки человеческого⁸. Гегель ошибался. Ни всё действительное не разумно, ни всё разумное — не действительно. Трудящиеся боролись за развал социализма в Восточной Европе; Франция, некогда родина всех изгнанников, закрывает свои границы для иностранцев и возобновляет ядерные испытания; демократии служат элитам, а народ никак себя не проявляет. «А что если бы избиратели выбрали Лулу?» — ужасаются те, кто знает за собой склонность к элитарности, расизму и авторитаризму⁹.

Разыскивается утопия

Постмодерн — в моде, в эстетике и в стиле жизни. Это культура бегства от реальности. На самом деле мы недовольны инфляцией, своей дочерью, тратящей на таблетки для похудения больше, чем на книги, и нам очень неприятно знать, что в нашей стране безнаказанность сильнее закона. Мы отступаем от общественного в частное, и старые потрепанные знамена наших идеалов становятся стандартными галстуками. Уже нет утопий об ином будущем. Сегодня, как минимум, считается политически некорректным пропагандировать тезис о завоевании общества, где все бы имели равные права и возможности.

И всё же нашими душами владеет меланхолия. Мы скептически улыбаемся, не выносим речей и не верим рекламе, на которую смотрим потому, что она приятна для глаз. Нас интересует разве что улучшение межличностных отношений да детский комфорт, в котором мы обитаем. Мы живем симуляциями, когда развлекаемся, забавляемся или любим. Теленовелла — это иллюзорная ложь, однако более реальная и устойчивая, чем наши собственные жизни, разьедаемые разочарованием, тогда как утрата иллюзий проникает в сердцевину наших скудных ценностей.

Теперь главенствует эфемерное, индивидуальное, субъективное и эстетское. Какой анализ предшествовал возврату России в классовое общество¹⁰? Нам осталось лишь улавливать фрагменты реальности (и согласиться с тем, что знание есть коллективное образование). Процесс нашего познания характеризуется предварительностью, прерывистостью и плюрализмом. Неуверенность

6. Группа племен бразильских индейцев, общей численностью до 20 тыс. человек (в 1970 г.). В период военной диктатуры, в 70-е – начале 80-х гг. XX в. подверглись геноциду — после того, как было установлено, на территории расселения яномами находятся залежи урановых руд. — Прим. ред.

7. Чико (Шикун) Мендес (Франсишку Алвиз Мендес Филью; 1944–1988) — знаменитый бразильский профсоюзный и экологический лидер, потомственный сборщик каучука, создатель Национального совета сборщиков каучука и один из основателей Партии трудящихся. Разработал концепцию сберегающего развития сельвы Амазонии (концепция недавно принята правительством Лулы). Застрелен наемными убийцами. — Прим. ред.

8. В 1964 г. по плану, разработанному ЦРУ, в Бразилии был совершён военный переворот — силами не столько армии, сколько военной полиции. Из военных полицейских затем были созданы элитные спецподразделения для борьбы с оппозицией, подготовленные инструкторами ЦРУ. В ритуал посвящения в бойцы этих спецподразделений входило отрезание человеческих голов и питье человеческой крови. — Прим. ред.

9. Статья была написана до избрания Лулы президентом Бразилии — в 1997 г., когда у власти был Ф.Э. Кардозу. — Прим. ред.

10. Фрей Бетто имеет в виду возврат в капитализм. Разумеется, и советское общество было классовым. — Прим. ред.

в разуме подталкивает нас к эзотерическому, к готовому к употреблению спиритуализму, потребительскому гедонизму, при всё большей майамизации¹¹ привычек и обычаев. Мы переживаем полное крушение или, как предсказал Хайдеггер, блуждаем по потерянным тропам.

Эта ситуация теней и тупиков оставляет пустоту, которая в общественной жизни немедленно заполняется различными силами. Не было бы перевозчиков наркотиков, если бы не было порочных с сердцами, раздираемыми отсутствием чувства, перспектив, профессиональной реализации, чей ум атрофирован отсутствием качественного образования, доступных карманных книг и художественного образования. Но когда правительство страны урезает необходимые образованию ассигнования, плохо оплачивает труд преподавателей, не требует того, чтобы телевидение — государственная структура — вносило вклад в повышение культурного уровня нации, надо ли удивляться, что поколению, лишённому наследия, неясны границы между полицейским и бандитом, коррупционером и нашедшим себя профессионалом, правом на жизнь и риском смерти?

Без возрождения этики, гражданственности, надежд на освобождение, и заботящегося об интересах большинства государства не будет иной «справедливости», кроме той, которую устанавливает для себя сильнейший.

Потеря невинности

В другие времена будущее запаздывало. Из окна дома мы наблюдали, как меняется архитектурный вид с переходом от лавки к супермаркету, как улица покрывается асфальтом. Сегодня в электронном окне монитора мы видим, как мир изменяется ежесекундно. Японские фанатики могут пускать смертельный газ на экранах наших телевизоров, банкротство английского банка в Сингапуре влияет на нашу биржу ценных бумаг, у нас дома пожарный из Оклахома-Сити держит на руках раненого террористами ребенка. Мы вступаем в эру глобализации. Благодаря информационным сетям подросток из Сан-Паулу может влюбиться в китайку из Пекина, притом что оба не покидают своих домов. Триллионы долларов в электронном виде передаются из одной страны в другую в спекулятивной игре, которую ведут богатые. Культурные и экономические границы рушатся, политические и моральные становятся всё менее прочными. Превалирует модель наиболее сильного. Глобоколонизация. Бразилия, уже имевшая мощную военную индустрию, сегодня превращает её в металлолом, склоняясь перед диктатом правительства Соединенных Штатов, претендующего на роль единственного мирового жандарма. В день, когда мы чествовали Тирадентиса — героя, отказавшегося отдавать наши богатства иностранной метрополии, — в Вашингтоне бразильское правительство пообещало отдавать предпочтение американским интересам в нашем Законе о патентах¹². Оттуда же МВФ и Всемирный банк контролируют экономику Бразилии и Польши, Сенегала и Малайзии. В глобальном казино выигрыва-

ют только богатые. Остальным остаются иллюзии и бедность.

У глобализации есть свой свет и свои тени. Она разрушает автохтонные культуры, разъедает этнические и этические ценности и отдаёт спекуляции предпочтение перед производством. С другой стороны, она делает более уязвимым капитализм — систему, при которой капитал стоит дороже человеческой жизни. Сегодня крах Нью-Йоркской биржи, внезапно поразивший экономику США в 1929 году, сразу отозвался бы во всем мире. Под бдительным оком СМИ главы государств уже не могут делать вид, что ничего не ведают о тех или иных вопросах. В Рио им пришлось обсуждать состояние окружающей среды, в Вене — права человека, в Египте — рост населения, в Копенгагене — бедность, в Пекине — права женщин. Следовательно, обостряется противоречие между человеческими ценностями и экономическим экспансионизмом, не считающимся ни с моралью, ни с национальным суверенитетом.

Сведение культуры к простому развлечению

Под электронной лавиной, сводящей счастье к потреблению, мы вступаем сразу в два безвыходных тупика. Первый — тупик подражания. Что хорошо для США, хорошо и для Бразилии. Наша культура сводится к простому развлечению тех, кто окружает себя бархлом, выставленным в витринах shopping centers. Мы быстро проходим путь от стройности фигуры к публичной демонстрацииотовых телефонов, от дачи к импортному авто, полагая, что нам нет дела до долга перед обществом. Второй тупик — это преувеличение этнического фактора, религиозный фанатизм, крикливый шовинизм, нетерпимость, упрямо игнорирующая плюрализм и демократию не только как равенство прав и возможностей, но и как право быть другим. Обработываемые низкосортными электронными СМИ, которые предлагают нам счастье в бутылочках для духов и газированной воды, радость в пачках сигарет и консервных банках, мы уже не имеем ни места для веры в Деда Мороза, ни времени для того, чтобы закалить детство. Мы теряем способность мечтать, не получая взамен ничего, кроме пустоты, растерянности, утраты себя. Химически чистое счастье кажется нам более жизненным, чем побуждающий двигаться вперед путь формирования себя как личности. Меркантилизируются отношения супружества, родства и дружбы. В этой игре, как в голливудских фильмах, тот, кто не обладает опытностью и бесстыдной жестокостью, гибнет. Остается только надежда на тех, кто понимает, что этот потоп не может затопить все мечты, и дерзает плыть, хотя ветер и слаб, по извилистому пути солидарности с исключенными, борьбы за справедливость, выращивания этики, защиты прав человека и неустанных поисков такого мира, в котором не будет границ также и между благополучными и угнетенными. Но это уже другая история, для которой требуется много веры и некоторая доза мужества.

11. Майамизм — образ жизни и мышления «гусанос»: кубинских (а теперь и венесуэльских, эквадорских, боливийских) эмигрантов, осевших в Майами. Представляет собой сочетание идеологического фанатизма, эскапизма, криминального поведения и сознания, взаимного недоверия и «чемоданного настроения» (в ожидании дня, когда можно будет вернуться на родину в качестве «победителей»). — Прим. ред.

12. То есть 21 апреля 1997 г. Тирадентис (Жоаким Жозе да Силва Шавьер; 1748–1792) — национальный герой Бразилии, борец за независимость, руководитель «заговора инконфидентов». День казни Тирадентиса отмечается как день его памяти. — Прим. ред.

**Анетта Грот
(Annette Groth)**

Перевод с немецкого и примечания
Анны Леонтьевой

«ГЛОБАЛЬНАЯ ЕВРОПА — КРЕПКОЕ ПАРТНЁРСТВО ДЛЯ ОТКРЫТИЯ РЫНКОВ ЕВРОПЕЙСКИМ ЭКСПОРТЁРАМ»

Иллюстрация: Scott G Cain (<http://topia7.com/blog/>)

В контексте Лиссабонского договора, который был подписан в декабре главами правительств 27 государств-членов Европейского Союза (ЕС), а также заключённого «нового цикла Лиссабонской стратегии» предусмотрена и новая торгово-политическая стратегия «Глобальная Европа — конкурирование в мире» («Global Europe — Competing in the World»). Данное нелиберальное видение «Глобальной Европы» стремится к укреплению европейской конкурентоспособности, которая должна повышаться путём дальнейших «реформ», «мероприятий гибкой защиты» (flexicurity-Maßnahmen)¹ на рынках труда в странах-членах ЕС и путём заключения новых торговых и инвестиционных соглашений с третьими государствами [1]. На заседании в июне 2007 г. Совет Европейского Союза принял новую стратегию внешней торговли под названием «Глобальная Европа — крепкое партнёрство для открытия рынков европейским экспортёрам». Откровенно говоря, европейские предприятия в данном официальном документе были обозначены как покровительствуемая целевая группа. Эта стратегия, выражаясь на языке официального жаргона, «сидит [как на игле] на всё возрастающей активной политике открытия рынков как внутри ЕС, так и относительно третьих стран, которым Европа должна дать возможность выстоять в усиливающейся глобальной конкуренции» [2]. Так как европейские институты должны содействовать ликвидации ограничений для проникновения на рынок, необходимо добиться прочного сотрудничества между государствами — членами ЕС, Европейской Комиссией и предприятиями [3]. К повышению конкурентоспособности относятся также обеспечение снабжения сырьём,

более основательное участие европейских предприятий на растущих рынках, открытие и либерализация прибыльных рынков для общественных заказов, равно как и проведение беспрепятственного права сводного выбора места жительства, что означает либерализацию инвестиционных режимов в третьих государствах, и, в конечном итоге, законодательные меры, которые будут наименьшим образом препятствовать развитию свободной торговли. Очевидной целью является ликвидация «нетарифных торговых помех» — это и многое другое представляет собой стандарты, относящиеся к области охраны окружающей среды и трудового права, как и открытие рынка для до сих пор всё ещё охраняемых общедоступных мест закупки сырья и материалов.

На стол снова легли так называемые сингапурские темы (инвестиции, конкуренция, общественное материально-техническое снабжение и льготные условия торговли), которые потерпели неудачу на обсуждении в ВТО в 2003 году, натолкнувшись в Канкуне на сопротивление многих развивающихся стран и стран с переходной экономикой.

Согласно WEED², «глобальная европейская стратегия ускоряется, прежде всего, Европейской Комиссией. Это происходит, разумеется, в рамках активной лоббистской деятельности и непрерывного сотрудничества Комиссии с промышленностью. С самого начала, когда речь шла о конкретном содержании и формулировках, крупным европейским концернам предоставлялась консультация. Проекты текстов были высланы представителям промышленности для комментирования, а экономические объединения, такие как Европейская конфедерация бизнеса (Business Europe) или Федеральный

1. Лидеры Европейского Союза на встрече в Финляндии ввели в оборот новое слово — flexicurity — от англ. flexibility (гибкость) и security (безопасность), означающее в целом, стратегию, нацеленную на одновременное и осознанное увеличение гибкости рынков труда, организации труда и трудовых отношений, с одной стороны, и повышение уровня защищенности (прежде всего уязвимых групп) на рынке труда и за его пределами, с другой.

2. WEED — World Economy, Ecology & Development («Мировая экономика, экология и развитие») — неправительственная организация Германии, основанная в 1990 году, выступает за социально справедливую и ориентированную на будущее глобализацию.

3. Федеральный союз германской промышленности (BDI) — головная организация союзов и объединений предпринимателей Германии, был создан в октябре 1948 года и первоначально назывался Комитетом по экономическим вопросам промышленных союзов, который в 1950 году получил наименование Федерального союза германской промышленности (BDI); добровольное объединение, членами которого являются 35 отраслевых союзов германской промышленности: Экономический союз нефтегазодобычи, Союз нефтепереработчиков, Союз германских объединенных энергосистем, Экономическое объединение сталепроизводителей, Центральный союз электротехнической и электронной промышленности, Союз автомобильной промышленности, Главный союз строительной промышленности, Союз аэрокосмической промышленности, Союз кораблестроителей и производителей морской техники, Объединенный союз текстильной индустрии ФРГ, Союз производителей украшений, Союз германской кожевенной промышленности и т. д.

4. ЮНКТАД (Конференция ООН по торговле и развитию) — орган Генеральной ассамблеи ООН, не являющийся международной организацией; создан в 1964 г. Основные задачи — содействие развитию международной торговли, равноправного взаимовыгодного сотрудничества между государствами, выработка

союз германской промышленности (BDI)³, были приглашены для консультаций» [4]. Это тесное сотрудничество между Комиссией и промышленностью существует испокон веку и является неоспоримым. Разумеется, федеральное правительство проявляет явный интерес к максимально большему открытию рынка, как следует из прочтения опубликованного в июле 2006 года служебного документа федерального правительства «Разработать глобализацию: Повысить внешнюю конкурентоспособность ЕС — значит обеспечить рост и рабочие места в Европе». Для федерального правительства это должно было стать «главным стремлением будущей торговой политики ЕС, ... для европейских производителей услуг — условиями проникновения на рынок третьих стран, особенно развивающихся стран». Имея в виду пожелание принять во внимание введение обоюдного использования рынков закупки сырья и материалов, федеральное правительство торопит ЕС с дальнейшей либерализацией [5]. И не без успеха, как показывают переговорные мандаты ЕС с государствами Центральной Америки и Андского содружества по соглашению о присоединении, а также с Индией и Южной Кореей по Соглашению о свободной торговле. Без консультации с общественными организациями, без привлечения парламентов государств-членов ЕС, да и без участия Европейского Парламента, Европейская Комиссия ведёт переговоры о либерализации торговли товарами и услугами, а также о либерализации жизнеобеспечения, о правилах либерализации инвестиций, правилах конкуренции и либерализации рынков закупки сырья и материалов на обоюдной основе.

В переговорном мандате с Южной Кореей наряду с обширной либерализацией торговли и устранением нетарифных торговых помех в качестве дальнейшей цели Соглашения о свободной торговле сформулирована отмена таможенных пошлин в течение следующих 10 лет. Как шестая по величине экономическая держава после ЕС, США, Китая, Японии и Канады и как четвертая по величине из неевропейских торговых партнёров, Южная Корея является важным импортёром европейских товаров и крупным рынком для инвестиций, услуг, но она ещё не окончательно доступна для общественного сектора поставок европейских предприятий. Благополучное подписание соглашения о свободной торговле, которое должно состояться в этом году, призвано изменить подобное положение вещей. Негативные последствия для рынка труда, обусловленные неожиданными «торговыми потрясениями», которые повлекут за собой изменение глобальных торговых и экономических структур, должны быть смягчены аккомодационным фондом европейских глобальных структур. Из данного фонда должны оплачиваться релокационные расходы и мероприятия по повышению квалификации для уволенных работников, так как потеря рабочих мест будет иметь негативные последствия как для квалифицированного рабочего, так и для неквалифицированного работника перерабатывающей отрасли, а тем временем дополнительные рабочие

места должны создаваться в сфере услуг и коммуникации.

Так как корейцы опасаются среди прочих негативных последствий Соглашения о свободной торговле дальнейшей приватизации общественных благ (например, воды) и услуг, со стороны корейского гражданского общества существует серьёзный протест против этого двустороннего соглашения. Так как стратегия глобальной Европы ещё не завоевала, за редким исключением, критически настроенную общественность, то существует некоторый протест и со стороны европейского гражданского общества. Распространённым аргументом в пользу либерализации торговли наряду с конкурентоспособностью является также сокращение бедности и создание рабочих мест в странах юга. Правда, этот широко распространённый миф о том, что либерализация торговли принесёт развивающимся странам благосостояние и развитие, не выдерживает эмпирической проверки. Исследование ЮНКТАД⁴ 2004 года о последствиях либерализации торговли в 40 государствах показывает, что половина этих стран как результат либерализации получила деиндустриализацию. Это означает высокую безработицу и растущую бедность. Сам Международный банк реконструкции и развития (МБРР)⁵ в 2005 году на основании многочисленных оценок мероприятий по распространению «свободной торговли» пришёл к выводу о том, что либерализации торговли недостаточно для того, чтобы достичь экономического роста и победить бедность.

Согласно исследованию британской благотворительной организации «Христианская помощь» (Christian Aid)⁶, либерализация торговли за прошедшие 20 лет стоила африканским странам южнее Сахары 272 миллиардов долларов США. «Если бы эти страны не были вынуждены проводить либерализацию, за которую они в качестве «вознаграждения» получили кредиты и освобождение от долгов, в их распоряжении находилось бы достаточно средств, чтобы сделать прививки каждому ребёнку и дать ему возможность посещать школу. Два десятилетия либерализации стоили этим африканским государствам столько же, сколько они получили в качестве экономической помощи от промышленно развитых стран» [6].

ЮНКТАД подсчитала в 2003 году, что «протекционизм ЕС ежегодно лишает развивающиеся страны почти 700 миллиардов долларов экспортного дохода. ... Это почти в четырнадцать раз больше того, что бедные страны получают в год в качестве экономической помощи» [7].

Можно ли назвать случайностью то, что бедность в Африке за последние 20 лет удвоилась? «Дело не в том, чтобы больше давать жителям так называемого третьего мира, а в том, чтобы меньше обкрадывать их», — пишет Джин Циглер в своей книге «Империя позора». Это обращение и стратегия шантажа ЕС: «без соглашения о свободной торговле никакой экономической помощи» — должны были бы обсуждаться общественностью намного активнее.

Перед лицом споров по актуальному климатическому вопросу необходимо задуматься и над «торговым фетишизмом».

Мировая торговля в последние 12 лет увеличилась более чем в три раза, треть мировой торговли сводится к перевозке товаров между разными производственными цехами одних и тех же фирм. Массовая перевозка товаров по всему земному шару является сегодня одним из самых быстрорастущих источников загрязнения газом, создающими парниковый эффект, а значит и связанного с этим глобального потепления. Мировые воздушные перевозки многократно возросли с 1950 года. Расходы по воздушным тарифам за последние 20 лет снижаются ежегодно (!) на 3-4%. При использовании воздушного транспорта для перевозки тонны груза за километр пути расходуется в 49 раз больше энергии, чем при перевозке тонны судового груза.

Огромный поток товаров, который концерны закачивают на рынки, требует всё большего количества сырья. Следствием чего является стремительное потребление ресурсов. Эксплуатация невозобновляемых источников энергии и уменьшение минералов и металлов служит причиной возрастания вредного воздействия на окружающую среду.

Около 70% населения мира ещё живёт за счёт сельского хозяйства. Вследствие форсированного открытия рынка сельскохозяйственный сектор окажется под ещё более жёстким конкурентным давлением, перед которым не смогут устоять многие местные производители, благодаря чему возрастёт зависимость от иностранных продуктов питания. Это означает, что страны будут становиться всё более зависимыми от импорта продуктов питания, в это время отечественное производство продуктов питания будет всё больше сокращаться, что подвергается резкой критике со стороны многих граждан-

ских сообществ и экспертов по развитию. Автаркия в производстве продуктов питания является существенным элементом независимого развития и десятилетиями принадлежала к первоочередным целям развития. Эта цель снова становится основной.

Кажется совершенно забытым и тот факт, что большая часть сельского хозяйства в странах юга подлежит заботам женщин и что именно они в значительной степени участвуют в производстве пищевых продуктов. С развалом сельскохозяйственного сектора они потеряют свои доходы. Зачастую им остаётся лишь переселение в городские центры, где женщины пытаются найти работу в потогонных производствах (sweatshops⁷) в особых экономических зонах. Хотя на этих фабриках чаще всего царят катастрофические условия труда, но подобная работа часто является единственной возможностью для безработной женщины. Соглашения о свободной торговле путем увеличения объёмов торговли вносят свой вклад не только в ухудшение климата, но и направлены фактически против женщин. Данные аспекты также должны обсуждаться в рамках торговой политики.

Источники:

1. Заседание Европейского Совета от 14 декабря 2007 в Брюсселе, выводы председательствующего, 16616/07, с. 10. См.: <http://register.consilium.europa.eu/pdf/de/07/st16/st16616.de07.pdf>
2. Выводы Совета относительно новой стратегии проникновения на рынок, Совет «Allgemeine Angelegenheiten [Общие вопросы]», Люксембург, 17-18 июня 2007 г. См.: http://www.consilium.europa.eu/ueDocs/cms_Data/docs/pressData/de/gena/94750.pdf
3. Совет убеждён, что «ликвидация ограничений для проникновения на рынок является той областью, в которой экономика ЕС возлагает большие надежды на европейские институты, и в которой по средствам конструктивного сотрудничества в новом партнёрстве между государствами-членами ЕС, Комиссией и экономикой ЕС удастся достичь много большего, так как имеющиеся в распоряжении ресурсы, профессиональные знания и исполнительность могут быть использованы более эффективно». Там же, с. 1.
4. «'Global Europe' — Die neue Außenwirtschaftsstrategie der EU [Глобальная Европа — новая внешнеэкономическая стратегия ЕС]», 26.11.2007, S. 2. См.: <http://www.weed-online.org/themen/798660.html>
5. Официальный документ федерального правительства «Globalisierung gestalten: Externe Wettbewerbsfähigkeit der EU steigern — Wachstum und Arbeitsplätze in Europa sichern [Разработать глобализацию: Повысить внешнюю конкурентоспособность ЕС — значит обеспечить рост и рабочие места в Европе]». См.: www.bmwi.de/BMWi/Redaktion/PDF/E/externe-wettbewerbsf_C3_A4higkeit-der-eu-steigern,property=pdf,bereich=b
6. «The economics of failure — The real cost of 'free' trade for poor countries [Экономика банкротства — настоящая цена 'свободной' торговли для бедных стран]», июнь 2005, Christian Aid, London. См.: <http://www.africafocus.org/docs05/trad0507.php>
7. Mahubani K. Der Mythos westlicher Entwicklungshilfe [Миф западной помощи для развития] // E+Z (Entwicklung und Zusammenarbeit), 2008, Nr. 2. S. 69. См.: <http://www.inwent.org/ez/articles/065224/index.de.shtml>

разносторонних рекомендаций по функционированию международных экономических отношений и т. д.

5. Международный банк реконструкции и развития (МБРР) — международная кредитная организация, представляющая специализированное финансовое учреждение Организации Объединённых Наций; неофициально называется Всемирным банком. Основная деятельность МБРР — предоставление долгосрочных кредитов по относительно низким ставкам государственным и частным предприятиям при наличии гарантий их правительств, направление кредитов в развивающиеся страны и в региональные банки для их последующего распределения. МБРР основан в 1945 г.

6. «Христианская помощь» (Christian Aid) — благотворительная организация религиозного профиля; оказывает финансовую и др. помощь развивающимся странам

7. Sweatshop — «потогонное» производство с тяжёлым немеханизированным трудом и низкой заработной платой обычно на небольших полулегальных предприятиях.

Перевод с английского и примечания
Веры Корнеевой

МИГРАЦИЯ, ТОРГОВАЯ ПОЛИТИКА И ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В ЕВРОПЕ

Фотографии: Alexander Eseron

Иллюстрации: Carlos Latuff (<http://latuff.com/>)

Европейская политика развития всё больше ставится в зависимость от торговой политики ЕС — сферы «исключительного» влияния Европейской комиссии. Это в равной степени относится и к европейской миграционной политике, которая является одной из ключевых тем рабочей программы Евросоюза в 2008 году.

В октябре 2004 года было учреждено агентство по охране границ FRONTEX, размещенное в Варшаве. Оно предоставляет легальную основу для преследования беженцев в Средиземном море с помощью кораблей, самолетов и прекрасно оснащенных отрядов полиции. Захваченных беженцев снова перевозят в Африку, где они содержатся в лагерях Ливии и других африканских государств. Для комиссара ЕС по вопросам юстиции, свободы и безопасности Фраттини FRONTEX — основа для совместной защиты границ, так как «Информационный Центр» FRONTEX — это «часть новой европейской архитектуры системы безопасности», которая расширяется быстрее, чем «учреждаются институты, способные её контролировать»[1].

Согласно 35-страничному годовому отчету FRONTEX в 2006 г. в Европу не пустили пять тысяч африканцев. Согласно тому же отчету 3887 беженцев на 57 кораблях были задержаны недалеко от побережья Африки и «перенаправлены». В отчете не сообщается о том, в какие страны их «перенаправили». Глава FRONTEX Илкка Лайтинен подчёркивает, что годовые отчеты не должны предоставлять информации об оперативных действиях агентства, поскольку такая информация может поставить под угрозу успех его операций.

В апреле 2007 г. Европейский парламент принял постановление «о создании пограничных отрядов быстрого реагирования», санкционируя расширение границ деятельности FRONTEX и таким образом устанавливая законодательную базу для действия так называемых отрядов быстрого реагирования (Rapid Border Intervention Teams — RABITs). Эти войска могут быть развернуты в «чрезвычайных обстоятельствах» на короткий период времени. В случае необходимости, техническое оснащение будет обеспечено посредством созданного специально для этих целей Централизованного списка доступного технического оборудования.

Во время 11-го Европейского конгресса полиции, состоявшегося в Берлине в конце января 2008 года, Фраттини подтвердил учреждение системы по наблюдению за границами, для того чтобы обнаруживать граждан стран третьего мира, у которых истёк срок действия визы. Введение системы открывает охоту на людей по всей Европе с целью немедленного выдворения «нелегальных мигрантов». ЕС, во главе с консервативным германским правительством, хочет радикально сократить количество беженцев.

Благодаря «эффективной» системе надзора FRONTEX количество беженцев уже резко упало, особенно в Испании и Италии, тогда как число беженцев в Марокко существенно увеличилось.

Из-за такой «эффективности» надзора за коротким морским путём из Африки в Европу корабли беженцев выбирают пути более опасные: теперь они отправляются из Кот-д'Ивуара или из Гвинеи на Канары. По этой причине тонет всё больше и больше людей. Только испанские СМИ сообщают

о гибели четырёхсот человек в 2007 г. Неправительственные же организации говорят более чем о тысяче людей, которые своей смертью заплатили за мечту о новой жизни в «европейском раю». В целом подсчитано, что за последнее десятилетие по меньшей мере десять тысяч человек погибли, пытаясь пересечь южные границы ЕС.

Если беженцы не имеют возможности попасть в «безопасные» страны, получается, что не признаётся их право на убежище, а это является нарушением Женевской Конвенции о статусе беженцев и Нью-Йоркского протокола, которые запрещают выселять беженцев из страны, не дав возможности ходатайствовать о присвоении им статуса беженцев.

Нелегальная миграция приносит доход

Недовольство по поводу якобы слишком большого числа беженцев или «нелегальных мигрантов» выражается, как правило, резко, а вот выгоды, которые такая миграция приносит целым секторам экономики, обычно замалчиваются. Прекрасно известно, что крупные овощные и фруктовые хозяйства в Испании получают существенную прибыль на нелегальной рабочей силе, так как многие из таких работников — женщины, получающие нищенскую заработную плату. Число таких работников в сфере обслуживания во многих странах Евросоюза, вероятно, также очень высоко. Страх быть обнаруженными принуждает этих женщин (а большинство подобных рабов — женщины) соглашаться на позорно низкую зарплату и суровые условия труда, которые им предлагают работодатели, наживающиеся на таких дешёвых работниках.

Чтобы разрешить въезд трудовых мигрантов в ЕС, Еврокомиссия заявляет, что в течение следующих двадцати лет страны-члены ЕС будут нуждаться в 20 миллионах работни-

ков из стран третьего мира. Чтобы отобрать из мигрантов «подходящих» и контролировать поток нелегальных мигрантов, в Мали в феврале 2007 г. начало работу кадровое ведомство. Центр информации и управления миграцией (The Centre d'information et de gestion des Migrations/CIGM) управляет потоком трудовых мигрантов из Африки и таким образом обеспечивает приток дешёвой рабочей силы. Ещё один такой офис планируется открыть в Сенегале.

В дополнение к этому кадровому ведомству германское правительство ЕС задействовало так называемую «циклическую миграцию», выбрав «страны-партнёры». Сейчас работники из Молдавии и с Островов Зелёного Мыса могут пользоваться таким «гибким сотрудничеством» и могут получить доступ на европейский рынок труда для кратковременной работы по запросу европейских компаний.

Трудовых мигрантов используют как «резервную армию труда», что также может пригодиться, чтобы заставить граждан ЕС соглашаться на более низкие зарплаты и на новые «реформы», которые будут проводиться в рамках нового цикла Лиссабонской стратегии в 2008 г. Эта стратегия предусматривает такие «реформы», как «модернизация государственного управления», то есть увеличение числа государственных предприятий с участием частного капитала, повышение уровня конкурентоспособности, либерализация внутреннего рынка, внедрение «flexicurity» на рынке труда, что повлечёт за собой, к примеру, увеличение продолжительности рабочего дня [2].

Европейский Совет утвердил принципы «flexicurity» на заседании 14 декабря 2007 г. [3].

То, что существует связь между миграцией и занятостью, признаёт даже Совет Европы: «Есть тесная связь между миграцией, занято-

стью и Лиссабонской стратегией (экономического) роста и занятости. Хорошо управляемая легальная миграция будет по-прежнему способствовать достижению лиссабонских целей, если согласовать её с требованиями рынка труда и использовать для восполнения нехватки специалистов в различных сферах деятельности»[4].

Нужно заметить, что миграция, flexicurity и Лиссабонская стратегия будут главными темами обсуждения для Еврокомиссии в 2008 году.

Из-за соглашений о свободной торговле растёт бедность

Повсеместно признаётся, что нелегальная миграция в первую очередь вызвана бедностью и отсутствием экономических перспектив.

Критически настроенные обозреватели подчёркивают, что Соглашения об экономическом партнерстве (Economic Partnership Agreements (EPA), которые ЕС намерен заключить с 78 странами АКТ¹ к концу 2007 г., только ухудшат ситуацию. Все исследования предупреждают о негативном влиянии таких соглашений. Подписав EPA, страны АКТ будут обязаны значительно снизить пошлины на ввозимые товары и открыть свой рынок не только для промышленных и сельскохозяйственных продуктов из ЕС, но и для инвестиций, услуг и государственных закупок. Если развивающиеся страны принудить к такой широкой либерализации рынков, это будет иметь катастрофические последствия для рынков стран АКТ, так как местным производителям придётся соревноваться с гораздо более конкурентоспособными европейскими компаниями. Кроме того что они ставят под угрозу продовольственную безопасность, эти соглашения могут обернуться деиндустриализацией и крахом целых секторов национальной экономики.

В первую очередь пострадают от соглашений женщины, поскольку в большинстве своём они работают в области сельского хозяйства (например, на птицеводческих или овощных фермах), где негативное влияние торговой либерализации и соглашений об экономическом партнерстве скажется сильнее всего.

Не в силах конкурировать с дотируемыми дешёвыми товарами из Европы, их продукция таким образом будет вытеснена с рынка.

Вследствие резких протестов против EPA в странах АКТ, а также в Европе, Еврокомиссия была вынуждена отказаться от полноценных Соглашений и вместо этого выработать так называемые Временные соглашения об экономическом партнерстве, которые подписали некоторые страны АКТ. Подразумевается, что в 2008 г. за временными соглашениями последуют детально разработанные EPA. В конце января Международная федерация прав человека (FIDH) написала открытое письмо к главам государств и правительств Африканского союза, в котором выразила обеспокоенность по поводу либерализации торговли.

«Особенно FIDH озабочена следующим:

- масштабом и скоростью открытия рынка африканскими странами: временные соглашения заставляют страны АКТ либерализовать до 97% своей торговли с ЕС за период от 10 до 15 лет, причём для некоторых стран срок либерализации тарифов составляет два года;
- настоятельными требованиями Еврокомиссии по отмене экспортных пошлин, введённых в нескольких африканских странах с целью повышения доходов государства. Скорее всего, это отразится на государственных затратах в жизненно важных областях, таких как здравоохранение и образование;
- региональной «дезинтеграцией»: многие страны подписали временные соглашения в индивидуальном порядке, что, вероятно, повлияет на торговые отношения с другими странами их региона; в результате уже наблюдается раскол в Южноафриканском сообществе развития (SADC) и Южноафриканском таможенном союзе (SACU) Это противоречит одной из провозглашаемых EPA целей: укреплению региональной интеграции и опоре на неё;
- неудовлетворительными защитными оговорками (отсутствием гибкости, затруднительными процедурами, ограниченным сроком действия), которые не могут обеспечить должную защиту

1. Страны-участницы Конвенции Ломе — программы экономического сотрудничества, подписанной большинством государств Африки, Карибского бассейна и Тихоокеанского региона.

сельскому хозяйству и нестабильной промышленности;

- настойчивым требованием Еврокомиссии включить обязательства, касающиеся услуг и инвестиций, делая таким образом тексты более строгими, чем того требуют правила ВТО». [5]

Один из наиболее яростных критиков ЕРА — Амината Траоре, бывший министр культуры Мали — в интервью одной немецкой газете назвала такие соглашения «европейским оружием массового уничтожения». Вот её слова: «Европа требует от нас конкурентоспособности, а между тем, когда ей пришлось конкурировать с Китаем, она в панике сбегала; Европа посылает нам окорочка, подержанные машины, лекарства с истёкшим сроком годности и изношенную обувь, и, так как ваши отбросы наводняют наши рынки, наши ремесленники и фермеры оказываются не у дел. Китай тоже шлёт в Европу свои продукты — но это не отбросы, а высококачественные, конкурентоспособные товары. И что делает Европа? Заводит разговор о пошлинах. Так что я хочу сказать — Африка тоже имеет право защищаться. Европа не может бояться Китая и в то же время призывать Африку открыть свои рынки... Для нас такие соглашения — европейское оружие массового уничтожения».

В конечном счёте у всех этих стратегических документов и торговых соглашений одна цель — дальнейшее увеличение доступа на рынки для европейских компаний, либерализация всех приносящих доход экономических секторов (таких, например, как водоснабжение, энергетика, здравоохранение, образование); овладение природными ресурсами; увеличение прибылей путём приватизации государственных товаров и услуг и привлечения дешёвой рабочей силы, снижения налогов и стандартов. Другими словами, осуществление неолиберальной политики. Как и другие представители гражданского общества, Траоре предвидит, что результатом соглашений о свободной торговле будет увеличение числа беженцев.

Амината Траоре подчёркивает, что влияние такой неолиберальной политики ощущается повсюду и что в странах Севера также начали замечать эти негативные последствия. «С увеличением европейской интеграции люди осознают уменьшение своей значимости и власти — феномен, с которым здесь, на Юге, мы уже знакомы».

Действительно, в Европе растёт сопротивление неолиберальной политике. Постепенно люди понимают, что развитие и конкурентоспособность (вопреки утверждениям политиков и так называемых экспертов) не создают благополучия и рабочих мест, а уровень безработицы растёт, несмотря на высокую производительность и «конкурентоспособность».

Сегодня как никогда актуальны наблюдения, сделанные Генеральной Ассамблеей ООН в 1970 г.: «В то время как небольшая часть общества живёт с большим комфортом и даже в изобилии, большинство терпит унижительную бедность, и, в сущности, этот разрыв продолжает увеличиваться. Эта прискорбная ситуация способствует усугублению напряжения в мире».

Нужно обратить более пристальное внимание на связь между несправедливой либерализацией торговли, которая порождает всё большее количество беженцев, и насилием над правами человека.

Источники:

1. См.: IMI-Analysis 2007/015, April 2007.
2. Решения Совета по Лиссабонской стратегии: новый трёхгодичный цикл — 28-й Съезд Совета по экономическим и финансовым вопросам, Брюссель, 13 ноября. См.: http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_Data/docs/pressdata/en/ecofin/97060.pdf
3. См.: <http://register.consilium.europa.eu/pdf/en/07/st16/st16201.en07.pdf>
4. Европейский Совет принял принципы flexicurity на заседании 14 декабря 2007 года. См.: http://www.consilium.europa.eu/ueDocs/cms_Data/docs/pressData/en/ec/97669.pdf, p. 6.
5. См.: http://www.bilaterals.org/article.php3?id_article=11026

ЗАМЕТКИ О ГЛОБАЛИЗАЦИИ, ЭКОНОМИКЕ И КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Статья опубликована в журнале «Utopias» (Испания), 1997, №173, т. 3.

Всякий, кто размышляет о сегодняшней реальности, не может не исходить из признака того, что мир качественно изменяется. Наиболее общее понятие, с которым это изменение идентифицируется, — «глобализация». В обобщенной форме можно сказать, что, хотя основа этого процесса экономическая, он затрагивает все сферы общественной жизни, включая культуру и культурную идентичность.

Определить масштаб и влияние этого изменения, а также содействовать выработке представлений об альтернативах, позволяющих изменить его направленность в интересах большинства, — важнейшее дело интеллектуального сообщества, выступающего за прогресс человечества.

В самом общем виде глобализация есть мощный процесс интеграции всех обществ и государств в единое динамическое целое, называемое некоторыми исследователями Миром-Системой.

Существует два фактора, которые сделали этот процесс возможным и придали ему импульс. Во-первых, *возможность* того, чтобы он происходил, дана достигнутым уровнем развития технологии, преимущественно в сферах компьютеризации, новых форм коммуникации, новых технических устройств и материалов, генной инженерии, освоения космического пространства и ядерной энергии и др. Во-вторых, *необходимость* того, чтобы он развивался ускоренными темпами, обусловлена тем фактом, что капитал нуждается в глобальной динамике как условия повышения уровня прибыли при нынешних условиях мировой экономики.

Более строгое осмысление этого процесса отчетливо раскрывает нам наиболее глубо-

кие его черты. А именно, интеграция в это «единое динамическое целое»: а) не является полной; б) не является равноправной; в) не включает культурное разнообразие, которым характеризуется мир.

Возникло представление о существовании и росте некоего нового международного сообщества, весьма единообразного во вкусах, ожиданиях, стиле жизни, располагающего общей технологической основой, и о том, что всё это ведет к гомогенизации мира¹.

Казалось бы, эта динамика приводит к сокращению различий между людьми, нациями, культурами, то есть к тому, что мы все превращаемся в нечто вроде граждан мира. Однако внимательное рассмотрение динамики глобализации открывает другую сторону медали: углубление процессов дифференциации, ведущее к конфликтам между государствами и общественными группами. Различные формы фундаментализма, национализма, расизма, местничества и даже трайбализма, всё сильнее заявляющие о себе сегодня во многих частях мира, являются выражением этого феномена².

В действительности процесс глобализации по своей природе был и остается исключительным, характеризуясь двумя взаимодополняющими логиками — геоэкономической и геополитической, при чём обе базируются на интересах стран-центров и транснационального капитала.

С одной стороны, возникают три основных центра гегемонии, с другой стороны — менее развитые страны и регионы, которые интегрируются с первыми как подчиненные им, и, наконец, существует довольно значительная часть мира, всё более маргинализируемая новой глобальной динамикой.

1. Интересную трактовку этого феномена в сфере образования см. Rivera M. Incidencia de los procesos de globalización económica y su impacto sobre la educación. Clasco, octubre de 1995 г.
2. Ценное рассмотрение этого процесса можно найти в книге: Vasconi T. A. Globalización, modernización y competitividad (aproximación a algunos conceptos básicos), Programa Interdisciplinario de Investigaciones de Educación (PIIE), Santiago de Chile, 1995.

Механизм, сделавший такое исключение и расслоенное соединение возможным, — универсализация капиталистического рынка и единой экономической модели, продвигаемой и поддерживаемой такими международными институтами, как Международный валютный фонд (МВФ) и Всемирный банк (ВБ), где очевидно доминирование стран Группы Семи и где не признаются именно те неблагоприятные условия, в которых оказывается при этом новом мировом порядке слаборазвитый мир.

Изучение мирового рынка обнаруживает, что сочетание всеобщей открытости национальных рынков — прежде всего в периферийных странах — и сохранения в различных формах протекционизма в центральных странах порождает:

1. Снижение участия слаборазвитого мира в мировой торговле.
2. Абсолютный и относительный рост безработицы.
3. Рост обедневших и маргинальных слоев.

Все это ведет к процессу всё большей передачи ресурсов от труда к капиталу и от периферийного мира к центральному. Четыре факта позволяют нам проиллюстрировать этот феномен:

- В течение последних десяти лет участие Латинской Америки в мировой торговле снизилось на 3,6 % вследствие снижения экспорта и роста импорта, что в свою очередь увеличило давление на национальных производителей, вызывая рост безработицы и смену потребительских предпочтений³.
- Количество бедных в мире оценивается в 1.300 миллионов человек, из них 180 миллионов в Латинской Америке⁴ (по данным Экономической Комиссии по странам Латинской Америки и Кариб (ЭКЛАК) число бедных в регионе к 2005 г. достигло 213 млн. человек — прим. перев.).
- Доходы 20% наиболее богатых людей мира в 150 раз больше доходов 20% наиболее бедных.
- Периферийные страны имеют только 1% патентов, признанных в мире.

Мировая система (капитализма — прим. перев.) не располагает достаточными механизмами регулирования в функции коллективных интересов и интересов большинства человечества, то есть лишена равновесия. Её природа глубоко конфликтна.

Рассмотрим влияние этого процесса на культуру и культурную идентичность:

1. Он сильно ограничивает ресурсы производства и сохранения культуры, прежде всего в слаборазвитых странах.
2. Он производит поляризацию и общественное неравенство в культурном потреблении.
3. Он порождает сильную меркантилизацию культурного производства в самом либеральном смысле.
4. Он утверждает монополизацию средств массовой коммуникации, которые навязывают культурные ценности и стандарты потребления Первого Мира.

5. Он навязывает монополизацию передовых технологий.
6. Он усиливает миграцию интеллектуальных и художественных талантов с периферии в центр системы.

Присмотримся к этому внимательнее. Действующие в большинстве стран Третьего Мира экономические модели не создают достаточных ресурсов для сохранения культурных ценностей и для достаточной поддержки культурного производства, если оно не является потенциально высокорентабельным на рынке. Официальная помощь развитию культурной сферы всё больше ограничивается. Эта реальность усиливает меркантильный характер культурного производства, подчиняя его рынку, находящемуся к тому же под влиянием чуждых и бедных эстетически и культурно образцов.

С этими образцами не может успешно конкурировать, скажем, телевидение и кино стран Третьего Мира: им не под силу соперничать не только с лучшей продукцией Голливуда, что хорошо, но и с худшей, что очень плохо.

Действующие экономические модели опираются на пять ведущих принципов принятия решений: реализм, прагматизм, эффективность, производительность и рентабельность, которые в свою очередь управляют экономической политикой, а также внешней, образовательной и культурной политикой и прочим.

Культура принадлежит к тем сферам (общественной жизни — перев.), которые больше всего страдают от ортодоксального применения этих принципов.

Понятно, что при альтернативной экономической модели сохранилась бы необходи-

3. Informe del Banco Interamericano de Desarrollo, 1994.

4. Доклад Программы ООН о развитии человека. Нью-Йорк, 1995.

мость обеспечивать высокий уровень экономической эффективности, но не принося ему в жертву фундаментальные социальные и культурные цели (общественного развития — прим. перев.).

В недавнем докладе Всемирной Комиссии по Культуре и Развитию ООН отмечалось: «Правительства не могут определять культуру народа, дело до некоторой степени обстоит наоборот. Что они могут сделать, это повлиять на неё негативно или позитивно⁵». Следовательно, правительство, всё более слабое перед лицом всё более мощной и отчужденной предпринимательской власти, влияет на культуру негативно. Такова структурная ограниченность принятых сегодня в периферийных странах экономических моделей, поскольку если экономическому развитию сопутствует культурное обнищание, то оно обречено на провал. Экономическое развитие, чтобы быть таковым, должно предполагать и включать в себя культурное развитие.

А сегодня продукты и услуги культуры, такие как образование, дорожают: частное образование всё дороже по сравнению с государственным образованием низкого качества; книги всё дороже, театры и кино всё дороже. Телевидение как наиболее доступное средство предлагает продукт худшего качества и точку зрения, манипулируемую и служащую средством манипулирования. Средства коммуникации монополизируются. Технология монополизируется; те, кто не владеет ею, оказываются в невыгодных условиях конкуренции. Трудно конкурировать в кино, например, без современных лабораторий, электронных систем редактирования и др.

Образование глобальной динамики — включающей, иерархизированной и не признающей культурного разнообразия, не следующей принципу уважения ко всякой культуре, признания других культур, всегда будет идти конфликтным, противоречивым и очень рискованным путем. Рассмотрение столь сложной и мрачной картины имело бы смысл закончить тремя оптимистическими положениями, двумя предупреждениями и одной рекомендацией.

Три оптимистических положения

1. В мире растет обеспокоенность этими проблемами, что выражается, например, в создании Всемирной Комиссии по Культуре и Развитию в рамках ООН, в развитии Саммита по Общественному Развитию; говорят

даже о новом «Вашингтонском консенсусе», в котором больше учитывалась бы социальная напряженность, вызываемая нынешней моделью накопления в мировом масштабе, что ставит под угрозу его воспроизводство.

2. Существует мировая сеть прогрессивных неправительственных организаций, в том числе в центральных странах, которые усиленно поднимают тему защиты культурного разнообразия и поддерживают культурное производство в более отсталых странах.
3. В нашем регионе есть страны, где созданы, хотя и в ограниченном масштабе, альтернативные механизмы поддержки культурного производства (например, Мексика и Бразилия). Куба продолжает прилагать исключительные усилия по поддержке развития своей культуры, несмотря на недавний экономический кризис и североамериканскую блокаду.

Два предупреждения

1. Все, о чем говорилось выше, идет против течений, господствующих сегодня в мировой системе, которая является исключающей и иерархической.
2. Проблема культурной идентичности и культурного производства может быть окончательно решена только как часть более широкого политического процесса, выходящего за её пределы. Нынешняя господствующая на международном уровне социально-экономическая модель воспроизводит господствующую культуру. Её преодоление относится к сфере политики, понимаемой как борьба в защиту такой власти, которая обеспечивала бы на национальном и международном уровнях законные интересы большинства.

Рекомендация

Фундаментальный фактор, который должен дать основание консолидации нашего развития и культурной идентичности, состоит в том, чтобы придать большую силу нашим ценностям, а это требует интеграции нас как народов, принадлежащих в культурном отношении к Ибероамерике и Карибам. Это значит придать нашей культуре силу, чтобы она могла развиваться и увеличивать присутствие в мире. Нас в регионе почти 400 миллионов человек (по данным ЭКЛАК население Латинской Америки в 1995 г. составляло 484 млн. человек, а в 2006 году достигло 569 млн.— прим. перев.). Это требует воли и политики ясной и последовательной, широкой, демократической и толерантной. Поразмыслив над недавней историей Латинской Америки и над особым случаем Кубы, над вызовами культурному производству и развитию, я хочу обратиться к латиноамериканцам и кубинцам с единым призывом, по-разному сделав в нем ударение. К латиноамериканцам: «Нельзя забывать требований экономики, но необходимо выходить за их пределы»; к кубинцам: «Надо выходить за пределы требований экономики, но не забывая о них».

5. Доклад о деятельности Всемирной Комиссии ООН по Культуре и Развитию (1993-1995).

Майя Брезник
(Maja Breznik)

Перевод с английского Анастасии Кузиной

КНИГОИЗДАТЕЛЬСКАЯ ИНДУСТРИЯ И КУЛЬТУРА ЧТЕНИЯ

В «эпоху социализма» по соображениям стратегического характера книгоиздание и чтение книг пользовались особым вниманием. Доступ к чтению признавался правом каждого гражданина, что послужило основой для устройства целой сети хорошо укомплектованных библиотек по все стране. Книги играли важную роль в образовании и заполнении досуга, хотя, конечно, чтение не было главным домашним развлечением. Издательства были не более конъюнктурными, чем сегодня, хотя у них имелось несколько хороших проектов для повышения культуры чтения как таковой. Начиная с 1974 г. каждые восемь лет проводились социологические исследования читательских предпочтений, которые показали важность книг и чтения для ориентации в политических, социальных и культурных вопросах того времени.

В начале 90-х гг. все существующие издательства были приватизированы; тогда же появилось много новых издательств. С этого времени издатели стали интенсивно использовать модель либерального капитализма. Правительство ушло из книгоиздания, за исключением некоторых его сегментов (в Словении субсидируются художественная литература и книги по гуманитарным и общественным наукам).

Исследование издательского дела в Словении, которое я собираюсь представить, было проведено в 2000 и 2001 гг., спустя 10 лет после приватизации словенских издательств и начала их тесного сотрудничества

с мировой книгоиздательской индустрией. Мы обратим особое внимание на то, как коммерциализация влияет на издательские программы, культуру чтения и на доступ к объектам культуры, и покажем, какое сложное социальное воздействие имеет деятельность современных издательств, а также поговорим о глобализации культурной индустрии и о её влиянии на местное население.

За распространённой идеей глобализации скрывается допущение существования двух типов культурного производства: местного и глобального. Официальная точка зрения таких уважаемых организаций, как ЮНЕСКО и ЕС, состоит в следующем: диалектическая взаимосвязь глобальной и местной культурной индустрии может привести ко многим положительным результатам — и даже к выгоде небольших безымянных культур, которым угрожает деятельность мировых культурных гегемонов. Следовательно, если местные культурные производства получат некоторую экономическую помощь, они смогут выполнить множество общественно значимых задач, таких как сохранение культурного наследия, защита местных культурных (национальных) особенностей, сохранение культурного разнообразия в мировом масштабе и гарантия всеобщего доступа к объектам культуры и культурным программам. И вот местная культурная индустрия, которая оказывается стеновым хребтом всеобщего культурного производства, получает право на льготы и привилегии. Подобная роль, возложенная на местную индустрию,

Статья основана на исследовании «Культура чтения в новых условиях существования издательской деятельности», поддержанном Министерством культуры и Министерством образования, науки и спорта Республики Словения. Исследователи Майя Брезник, Сильва Новлян, Янез Юг и Альдо Милонич завершили свою работу в 2003 г. и опубликовали её в «The culture of books», Ljubljana, Umco, 2005. В данной статье объединены две работы: «Učinki založniške industrije in bralne kulture» (Knjižnica, Ljubljana, Vol. 47, N 4, 2003) и «Slovenian Publishing: Enigma of Local Cultural Industry» (Cultural Link, Zagreb, 2005).

требует более пристального взгляда. Попробуем определить, действительно ли на местах можно выполнить сформулированные таким образом задачи.

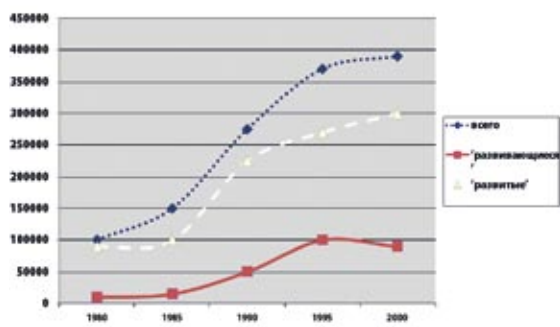
«Глобальная», «локальная», «культурная индустрия» — это вполне может использоваться как политический жаргон. Однако при структурном анализе противопоставление исчезает. На его месте появляется новая разграничительная линия — между традиционным культурным производством и «культурной индустрией». И то, и другое производит «объекты культуры», но различается сама суть произведения. В искусстве представление и потребление произведения обычно происходят в одно и то же время. Хороший пример — театральная постановка, где актёры играют перед публикой; можно сказать, что спектакль в буквальном смысле есть «живой труд». Он может быть повторен, но каждый раз присутствие актёров необходимо, и только они своими телами, трудом смогут заставить жить это произведение искусства. В этом смысле живая музыка и опера схожи с театром. В живописи, ещё одном традиционном виде искусства, законченное произведение отделено от процесса его создания и имеет при этом очень ограниченную аудиторию. А единственным давним способом многократно воспроизводить оригинальное творение было печатание. Культурная индустрия, в противоположность всему этому, является не более чем массовым производством, основанным на огромных возможностях копирования. Однажды созданное, произведение искусства (рукопись, песня, фильм) может быть воспроизведено в бесчисленных копиях (книги, аудио- и видеокассеты) и очень просто распространено в мире по всем возможным коммуникационным каналам. В этом случае производство и потребление разделены, а произведения искусства становятся «овеществлённым» или «отчуждённым» трудом, который широко эксплуатируется в экономике.

Основная характеристика культурных индустрий — это способность репродуцировать художественные объекты в огромном количестве копий, которые можно распространить по всему миру. Другой характеристикой является их возможность контролировать обращение, и этот контроль двойной. Во-первых, в силу своего монополистического положения в мировой экономике, контроль осуществляют транснациональные компании. Во-вторых, и это более важно, культурные индустрии контролируют обращение товара, опираясь на особые привилегии: «авторские права» и копирайт. Эти права позволяют им требовать от потребителей особых гарантий в возмещении убытков, и эту претензию они обосновывают неким своим вкладом в искусство и культуру. Особая правовая защита позволяет культурной индустрии занимать уникальное положение в мировой экономике: дополнительные расходы, возложенные на потребителей, увеличивают её доходы и помогают постепенно завоёвывать систему сбыта и вводить на всех направлениях свои собственные правила и

цены. Господство Голливуда в кинематографии — яркий тому пример.

График 1 представляет мировую торговлю культурной продукцией: он показывает силу экономической экспансии культурной индустрии за последние десятилетия. Неудивительно, что она стала такой важной частью международных экономических и правовых отношений. График также демонстрирует разрыв между развитыми и развивающимися странами в их участии в мировом рынке. Во время как развивающиеся страны обеспечивают только четверть культурной продукции, развитым странам принадлежит три четверти мирового рынка.

Рис. 1: Мировая торговля продуктами культуры (в миллионах долларов)

Источник: «Study on International Flows of Cultural Goods between 1980-1998», UNESCO, 2000

В брошюре ЮНЕСКО «Культура, торговля и глобализация» указано, что четверть из этих трёх четвертей в то время контролировали семь главных компаний: Viacom, Time Warner, Disney, News Corporation, Seagram, Sony и Bertelsman¹. Эта семёрка влияла на различные каналы коммуникации (такие как кинозалы, телевизионные программы, газеты, журналы, музыкальную и книжную продукцию и т. п.) во всём мире, а также на существенную долю сбыта продуктов культуры. И как сказал Бергсон — тот, кто контролирует сбыт, контролирует мир. В рамках этих общих положений мы сконцентрируем наше внимание на одном небольшом культурном производстве, проанализируем его внутреннюю логику и сравним её с логикой глобальной индустрии. Мы изучим издательское дело Словении, относительно развитую отрасль, выпустившую в 2000 г. 4 тысячи наименований. Она поддерживается сеть публичных библиотек, которые в тот год осуществили 22 млн. выдач, то есть, по статистике, каждый житель страны взял 11 книг. В нашем исследовании мы собрали данные о книгах, изданных в 2000 г., включив практически все издания. В публичных библиотеках мы также получили информацию о том, сколько раз и кто брал эти книги в следующем, 2001 году. Мы дополнили наше исследование данными, собранными непосредственно в издательствах, чьими сотрудниками были заполнены анкеты с вопросами о тиражах, ценах и т. д. Диаграмма 2 даёт некоторую общую информацию об издателях Словении в 2000 г. В тот год 80,6% издателей выпустили только от 1 до 3 наименований, в то время как два издате-

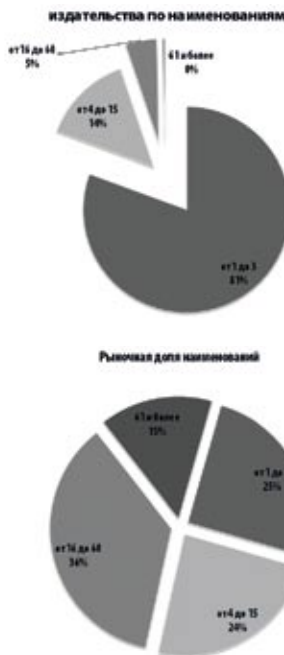
1. По данным 2004 г., это уже 10 ведущих мировых медиакомпаний.

Финансовый год 2004	Страна	Объём продаж (млрд. €)	Темп роста (2003/2004)
Time Warner	USA	23,6	8,5%
Viacom	USA	18,1	8,2%
Walt Disney****	USA	16,5	11,9%
Comcast	USA	15,5	10,4%
News Corp.***	USA	11,6	22,8%
NBC Universal	USA	10,4	Np
DirectTV	USA	9,1	21,2%
Vivendi Universal	France	5,9	Np
ARD*	Germany	5,5	-3,0%
Sony**	Japan	5,4	-5,8%

Источник: <http://www.idate.fr/>

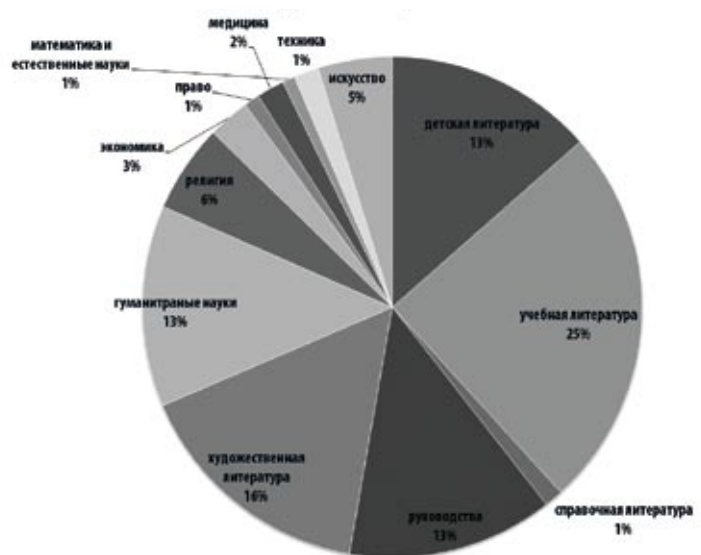
ля — 61 и более наименований. Из всех 752 издателей 39 выпустило 16 наименований и более; им принадлежал 51% всего рынка. Мы сгруппировали изданную продукцию по тринадцати направлениям. Сначала — четыре направления, имеющие определённых читателей: книги для детей, учебная литература, справочная литература (словари, энциклопедии, карты и т. п.) и руководства (книги, посвящённые различным увлечениям, домашним животным, психологической помощи и пр.). Остальные мы разбили по их содержанию (художественная литература, гуманитарные науки, религия, экономика, право, медицина, математика и естественные науки, техника и искусство). На диаграмме 3 показана доля каждого из 13 направлений во всей издательской продукции 2000 г.

Рис. 2: Словенские издатели, 2000 г.

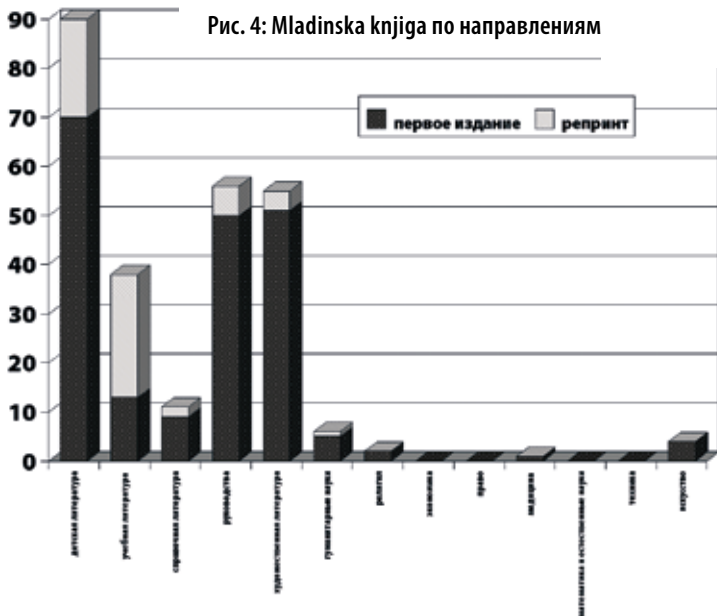
Четверть всей книжной продукции принадлежит учебной литературе; на четыре направления (книги для детей, руководства, художественная литература и гуманитарные науки) приходится по 15%, в то время как доля других значительно меньше. Диаграмма показывает, как несбалансированна

Рис. 3: Словенские издательские программы в 2000 г.

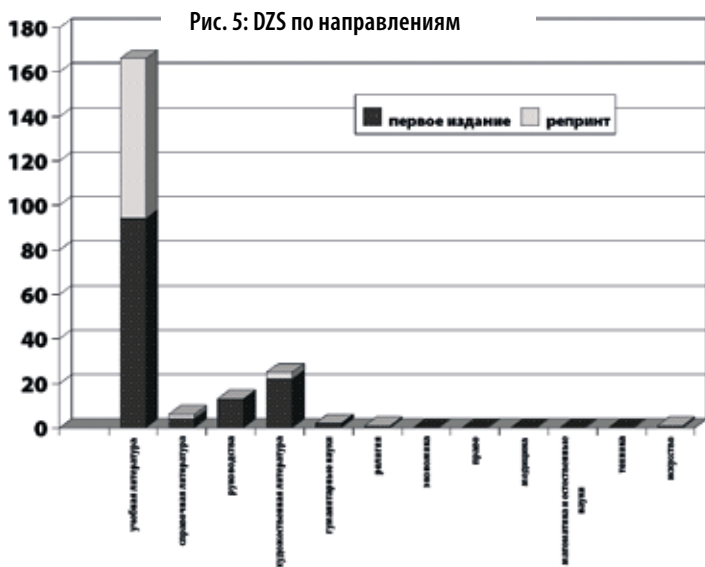

книжная продукция: естественные науки преобладают в большом небрежении, а книги по медицине, математике, технике едва представлены. Среди направлений, лучше всего представленных на рынке, превалируют те, которые являются доходными (такие как книги для детей или руководства), и те, которые заведомо имеют покупателей и гарантированный спрос, например учебная литература. Этот общий обзор охватывает продукцию всех издательств, как крупных, так и мелких. Чтобы дать более ясную картину, мы отдельно покажем ассортимент крупнейших издательств Словении. Таким образом, будет видна суть политики крупнейших представителей местного издательского дела по поддержке и продвижению определённых программ.

Крупнейшим издательством в 2000 г. была Mladinska knjiga (263 наименования). Диаграмма 4 показывает, что это издательство сконцентрировало свою деятельность на следующих направлениях: книги для детей, учебники, справочная литература, руководства, художественная литература. Из всей художественной литературы (55 наименований) 18 относятся к книжной серии Relief [Oddih], где печатаются

такие авторы, как Рэндалл, Декстер, Кларк, Гришэм, Стил, Харрис, Шелдон и т. п. Вторым из крупнейших издательств выступает DZS (225 наименований). Среди его продукции доминирует одно направление: 166 наименований (73%) — учебники, а остальная продукция распределена среди первых четырех направлений. Очевидно, что два крупнейших словенских издательских дома ни в коей мере не являются традиционными издательствами, которые равномерно работали бы по всем направлениям

(в первую очередь с коммерческими проектами, конечно, но также и с художественной литературой, литературой по общественным и естественным наукам) и стремились бы к развитию всех важных издательских программ. Mladinska knjiga и DZS явно отказались от такой традиционной издательской политики и на сегодняшний день поддерживают только коммерчески выгодные проекты. На диаграммах 6 – 13 представлены программы восьми следующих по величине

издательств (тех, которые в 2000 г. выпустили от 43 до 60 наименований). Диаграммы 8 – 13 отражают явление, которое можно было бы назвать «монокультурой», пользуясь термином, описывающим сельскохозяйственную практику в колониальных странах, где доминирует какой-либо один вид фруктов, зерновых или орехов. Восемь издательских домов явно склоняются в сторону «монокультурных» издательских проектов: три издательства выпускают большую часть учебной литературы, два занимаются главным образом книгами для детей, а религиозная литература преобладает в программах двух католических издательств. Единственное исключение — Cankarjeva založba, чья программа выбивается из общей картины. Его программа в определенной степени напоминает программы традиционных издательств, хотя и здесь общественные и гуманитарные науки представлены слабо. Диаграммы подводят нас к вопросу о читательской культуре, которую могут обслуживать названные издательские программы. Большинство прямо или косвенно вынуждены работать на удовлетворение потребностей государственных институтов и образовательной системы, выпуская учебники, справочники, а также литературную классику. Тогда можем ли мы говорить о некоей культуре чтения, если программы существуют в столь жестких условиях? Кроме образовательных направлений, крупные издатели усиленно разрабатывают коммерческие: практические руководства (книги по садоводству, кулинарии, популярной психологии) и американские популярные книги, получившие на родине статус бестселлеров. Два крупных издательства просвещают своих читателей в вопросах религии. В общем, те дома, которые, собственно, и представляют «культурную индустрию» в словенском издательском деле, весьма далеки от мысли развивать читательский вкус и повышать культурный уровень населения. Вместо этого они сконцентрировали свои силы на обслуживании сиюминутных потребностей образовательной системы и в целях получения прибыли штампуют развлекательную литературу. Если сравнить издательские проекты крупных игроков с проектами остальных словенских издательств, то вывод о том, что наиболее необходимые жанры (художественная литература, гуманитарные и естественные науки) развивают именно мелкие издательства, будет вполне справедлив. Согласно правительственным отчетам, 40% всех наименований в программах по художественной литературе и гуманитарным наукам субсидированы различными правительственными учреждениями. Мелкие издательства и государственные субсидии, от которых зависят почти все некоммерческие проекты, имеют тем более решающее значение для качественной печатной продукции в Словении, что крупные компании предпочитают не рисковать и избегают брать на себя исполнение неодолимых, но социально значимых проектов. После того как оппоненты государственной системы субсидирования книгоиздания в Словении назвали её неэффективной, мы сравнили тираж, уровень продаж и цены субсиди-

Рис. 6: Družina, по направлениям

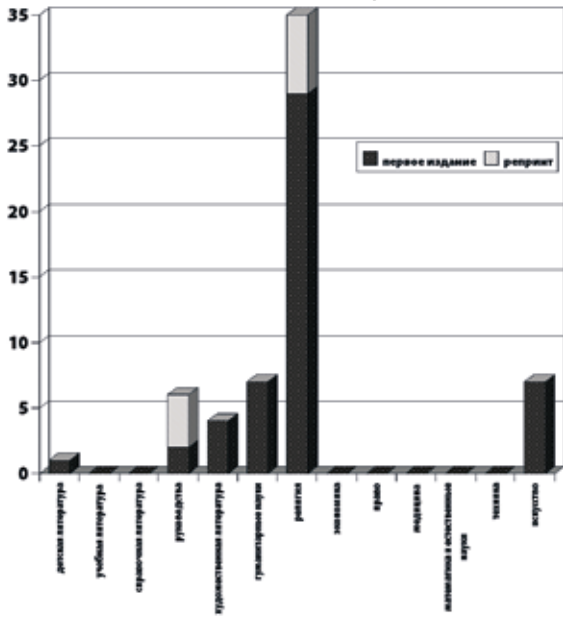

Рис. 7: Učila, по направлениям

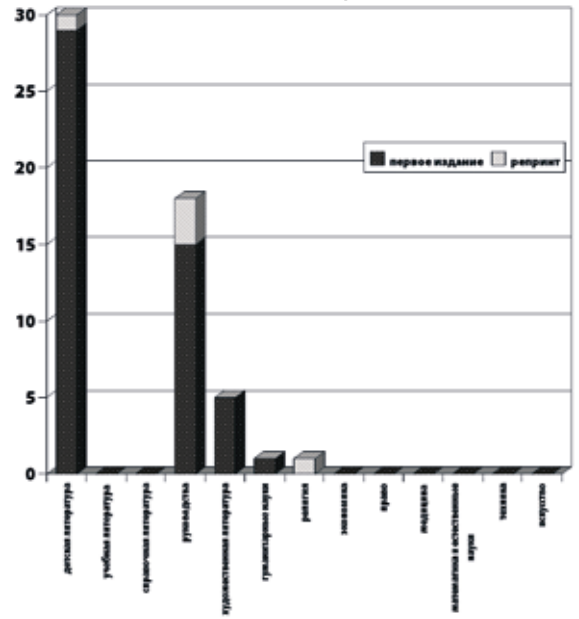

Рис. 8: Modrijan, по направлениям

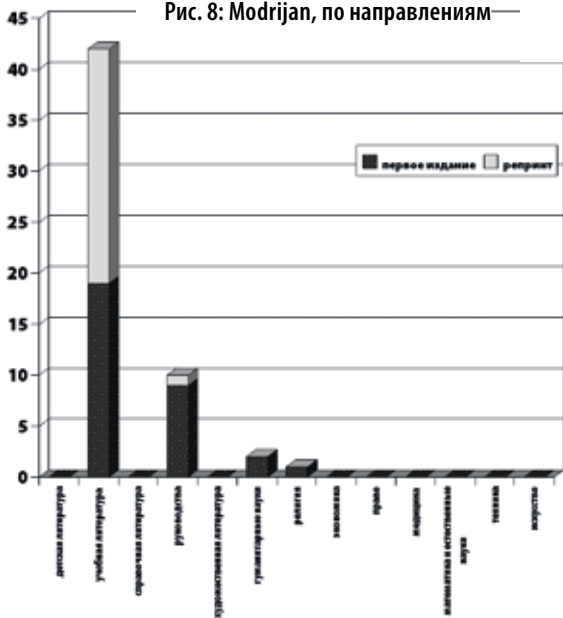

Рис. 9: Cankarjeva založba, по направлениям

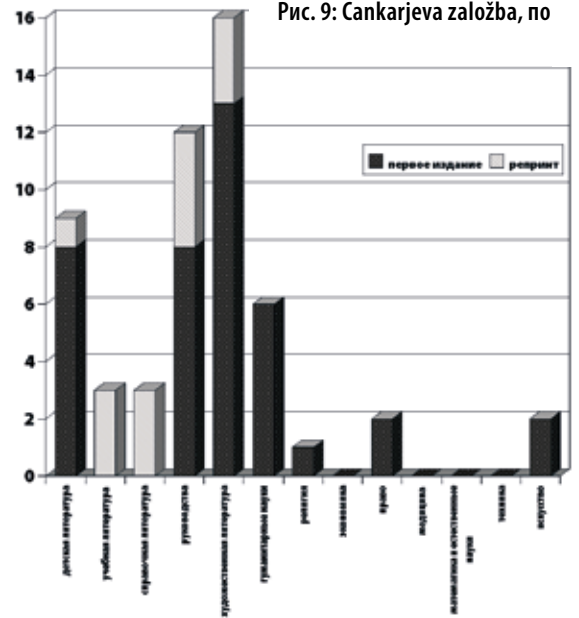

Рис. 10: Mohorjeva družba Celje, по направлениям

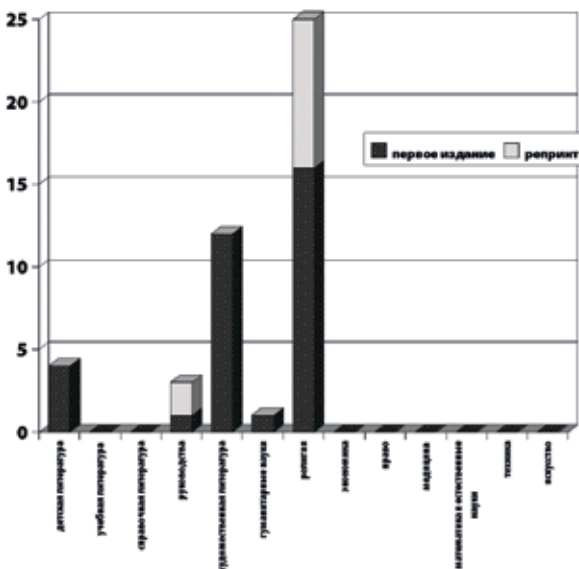
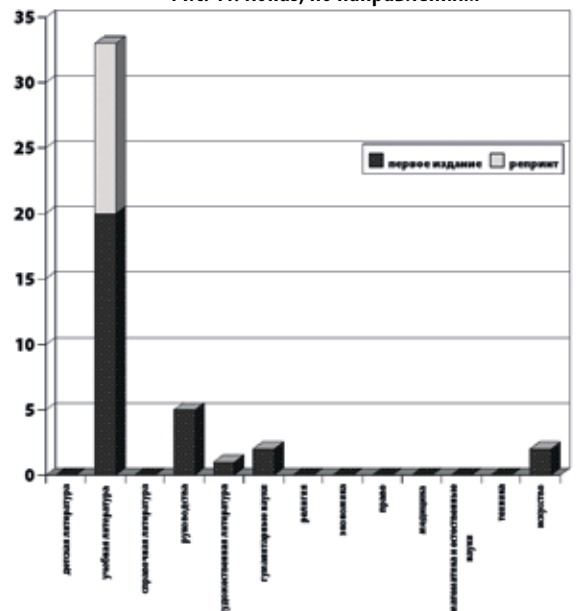
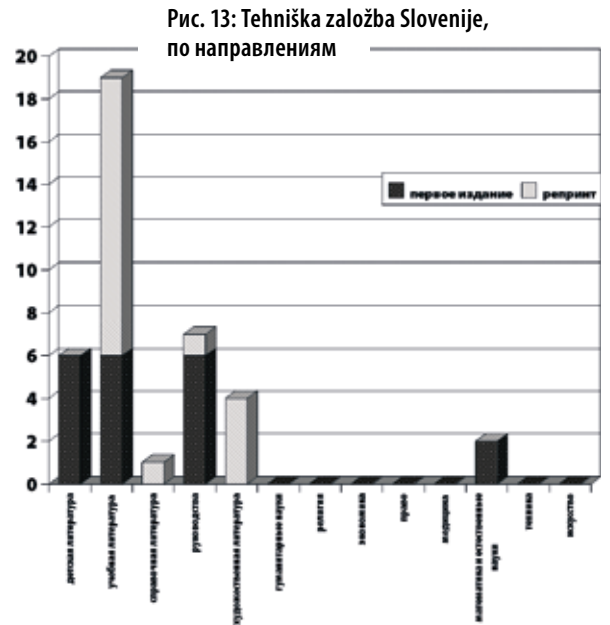
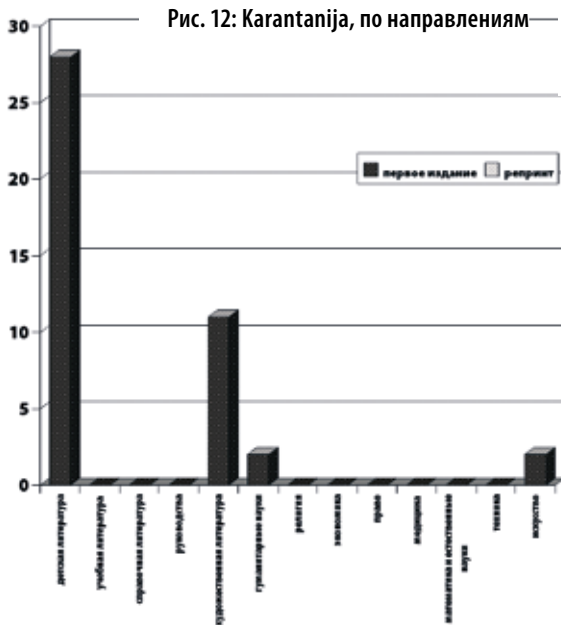

Рис. 11: Rokus, по направлениям

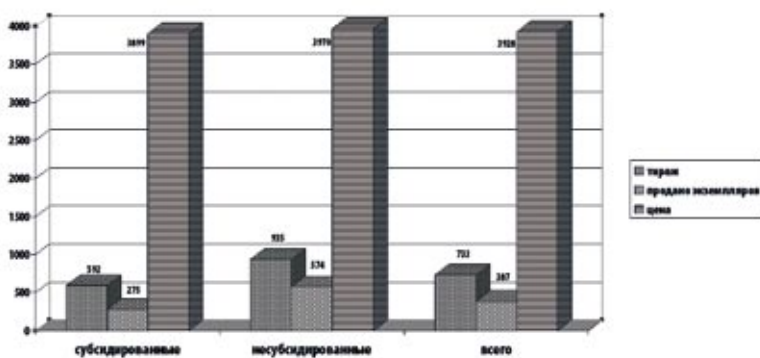
рованных и несубсидированных книг. Другим (неолиберальным) аргументом тех, кто критикует государственное субсидирование, является то, что оно нарушает равновесие, которое мог бы поддерживать свободный рынок, — и мы посмотрели также, какие издательства получают государственные субсидии и действительно ли поддержка государства прошла для них впустую. На диаграмме 14 отображены данные по гуманитарным наукам. Цены на субсидированные и несубсидированные книги практически одинаковы. Ну а раз цены те же, похоже, государственные субсидии не делают книги более доступными для покупателей. Однако, сравнив обе категории, мы видим, что тираж субсидированных на 50% меньше тиража несубсидированных книг. Учитывая небольшой объём продукции и специфические условия субсидирования, эти книги могли бы стоить вдвое больше, если бы они не были изданы при финансовой поддержке государства. По таким высоким ценам эти книги фактически были бы недоступны потребителю, так как существующие цены и так слишком высоки для словенских читателей, чья покупательная способность значительно снизилась

за последнее десятилетие. И если бы цены на субсидированные книги были бы вдвое больше нынешних, то их точно никто бы не стал покупать. Таким образом, мы можем сделать вывод, что государственное субсидирование не делает книги более доступными покупателям; оно гарантирует только, что эти книги будут опубликованы и их можно будет найти на полках магазинов. Без государственных субсидий многие серьёзные и необходимые издательские проекты просто нельзя было бы осуществить. Наш вывод противоречит неолиберальному аргументу, согласно которому государственное субсидирование искажает рыночные процессы и мешает свободному предпринимательству, якобы давая одним экономическое преимущество над другими. Ситуация в издательском деле Словении очевидно опровергает это распространённое мнение.

Так как система публичных библиотек связана с издательствами и даёт богатый материал для анализа читательских предпочтений в современной Словении, мы собрали информацию о выданных в 2001 г. книгах, которые были опубликованы в предыдущем году. Общие сведения о выдачах книг читателям говорят о том, что спрос гораздо более равномерен, нежели предложение: читатели так же часто спрашивают естественнонаучную литературу, как и книги других жанров, в то время как такая литература практически отсутствует в издательских программах. Детская литература гораздо более востребована, нежели художественная, но сразу за ними следуют книги по медицине, математике и книги о природе.

Мы распространили наше исследование и на публичные библиотеки, поскольку полагаем, что эта огромная система хотя и тесно связана с издательским делом, возможно, служит и другим целям. Мы постарались выяснить, действительно ли публичные библиотеки работают равным образом со всеми типами выдаваемых материалов — или же они руководствуются какими-то иными соображениями. Кроме того, возник один

Рис. 14: Субсидированные и несубсидированные издания, гуманитарные науки

интересный политический и экономический вывод относительно публичных библиотек, который потребовал анализа их связей с издательствами. Иными словами, за последние десятилетия количество покупаемых книг постоянно уменьшается, в то время как количество книг, взятых в библиотеках, быстро растёт, так что по этому показателю Словения занимает первое место в Европе. Такой успех библиотек сильно раздражал издателей, чьи тиражи постоянно падали, вплоть до критического уровня. Они начали яростную атаку на публичные библиотеки, считая их своими конкурентами на рынке. Издатели потребовали от правительства защитить их интересы и ограничить деятельность библиотек — в качестве наказания за успех. Они предложили повысить цены на книги для библиотек по сравнению с индивидуальными покупателями, разрешить им покупку новых книг только с задержкой на год, ввести особый порядок выдачи книг и т. д., аргументируя свои действия тем, что с каждой выдачей книга лишается очередного покупателя. Однако наибольший интерес вызывает даже не сама суть этого спора, а совершеннейшее забвение традиционной роли публичных библиотек, причём с обеих сторон. О библиотеке все говорили так, будто речь шла о видеосалоне, обычной прокатной конторе, — пренебрегая традиционной социальной ролью библиотеки как распространителя информационных материалов, как важного гаранта доступности для каждого знаний и информации, как стимула для населения к чтению, обучению и самообразованию. Для политических кампаний «научноёмкой отрасли» в Европе, то есть чистой индустрии обслуживания с высоким уровнем образования персонала и высокой добавленной стоимостью, необходима программа поддержки публичных библиотек. Если политики хотят иметь хорошо образованное население, они должны предоставить доступ к книгам и образованию. В конце концов, полноценная библиотека приносит экономическую пользу даже в условиях нелиберальной мировой экономики, которая вовсе не превозносит культуру и книги (пока они не являются товарами). Кроме того, публичные библиотеки и приучают читателей покупать книги. Известен тот факт, что люди, берущие много книг в би-

блиотеке, покупают много книг, и, напротив, те, кто не посещает библиотек, не заходят и в книжные магазины. Поэтому мы хотели исследовать работу современной библиотеки и с этой точки зрения — и увидеть, каково её социальное воздействие.

На диаграмме 15 показано, какие книги, изданные в 2000 г., словенские публичные библиотеки приобрели в 2001 г. Одна часть отображает ситуацию с книгами доходных издательств, другая — мелких некоммерческих издательств. Сравнение показывает, что публичные библиотеки покупают гораздо больше несубсидированных книг крупных издательств, чем каких бы то ни было других книг. Так как противопоставление субсидированных и несубсидированных часто подразумевает противопоставление некоммерческих и коммерческих книг, это значит, что публичные библиотеки более склонны приобретать коммерческие книги, изданные крупными издательскими домами, нежели более ценные субсидированные книги, выпускаемые мелкими издательствами. Публичные библиотеки игнорируют эти издательства, несмотря на высокое качество их книг. А в результате мы видим, что в 60% центральных публичных библиотек Словении имеются далеко не все книги, изданные на государственные средства. Есть явное противоречие в том, что две государственные программы — программа субсидий на издание и программа приобретения книг для публичных библиотек — не согласованы друг с другом: с одной стороны, государство субсидирует издание определённых книг, но, с другой стороны, эти книги нельзя получить ни в одной центральной библиотеке страны, не говоря уже о более мелких местных библиотеках. Покупка книг является важным предприятием: между количеством доступных и выданных экземпляров книг существует тесная зависимость. Чем больше экземпляров книги приобрела библиотека, тем чаще они выдаются.

На графике 16 эта взаимосвязь видна яснее. График показывает различные виды художественной литературы (классические произведения, поэзия, бестселлеры и современные романы), количество доступных экземпляров в публичных библиотеках и количество выдач.

Нет нужды комментировать тот факт, что график свидетельствует о коммерциализации

Рис. 15: Количество экземпляров, купленных публичными библиотеками. Художественная литература

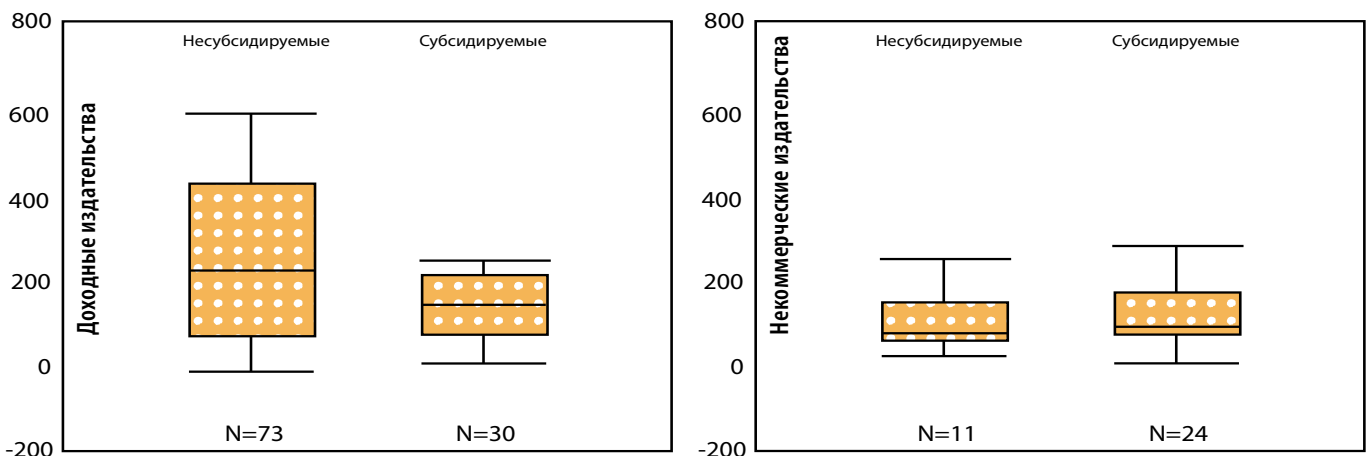

Рис. 16: Приобретённые и выданные публичными библиотеками экземпляры, на 1000 жителей

зации публичных библиотек. Но не стоит обвинять в этом только библиотеки — мы должны признать, что развитию такой ситуации в большой степени способствовала и политика правительства. Правительство оценивает эффективность работы библиотек по количеству выданных ими книг. В результате библиотеки постарались расширить свой абонемент, не заботясь о качестве. Им стало выгоднее приобретать книги «легких жанров», которые пользовались бы огромным спросом. Таким образом правительство стимулировало коммерциализацию чтения в публичных библиотеках.

Издательское дело в Словении является одним из самых успешных в Европе по количеству ежегодно выпускаемых новых наименований на душу населения. Страна также заметно выделяется и по количеству взятых в публичных библиотеках книг. Тем не менее эти, блестящие на первый взгляд, результаты не могут скрыть глубоко прогнившей сердцевины. Словенский книжный рынок разьедает продукция глобальной культурной индустрии со своими бестселлерами. Она же заполонила систему публичных библиотек. Поэтому мы едва ли можем говорить о какой бы то ни было конкуренции со стороны местной культурной индустрии по отношению к глобальной индустрии — их практически невозможно отличить друг от друга. Местная индустрия — это троянский конь глобальной культурной индустрии, приносящей свои ценности (хоровод «звёзд», коммерциализация, известный способ подачи материала, конформизм) и товары культурного назначения. Кроме того, словенское издательское дело копает себе яму, выпуская в огромных количествах книги, которые приносят высокий доход, но которые при этом держатся на рынке очень недолго и тираж которых невелик. Действительно темной стороной этих процессов на деле является то, как отражаются издательские программы на библиотечных фондах, где теперь скапливается вся эта развлекательная литература. Таким образом, публичные библиотеки всё более напоминают простой видеопрокат.

Эти общие процессы указывают на дальнейшее развитие ситуации как в Словении, так и во всем мире. Во-первых, власти и население не собираются препятствовать коммерциализации и защищать издательства и библиотеки как главных агентов культурного, интеллектуального и научно-

го прогресса. Правительство не проявляет намерения поощрять крупных издателей более действенно выполнять их культурно-просветительскую роль. По мнению европейских и местных культурных чиновников, экономическое благосостояние локальных культурных индустрий позволяет им противостоять глобальной индустрии и сохранять местную культуру. По этим причинам в настоящее время большая часть государственных субсидий попадает в руки крупных издателей. Недавно правительство вошло в сферу книжной торговли с несколькими программами поддержки.

Во-вторых, с каждым годом уменьшается государственное субсидирование книг, и это представляет опасность для мелких издательств, которые выпускают свою продукцию буквально выживая из сил. И, разумеется, это означает, что никакого фундамента для расширения издания качественной литературы нет. Ожидается, что государственные субсидии будут всё больше сокращаться. Международные соглашения в рамках ВТО подразумевают постепенную отмену государственных субсидий как ломающих свободный рынок. Начинаясь отзыв госсубсидий предвещает исчезновение такого вида поддержки национальной культуры в будущем. Что касается публичных библиотек, то здесь сохраняется status quo. Так как власти провозгласили, что любое чтение полезно вне зависимости от его содержания, то они не заинтересованы в исследовании роли публичных библиотек и эффекта от коммерциализации чтения. Последним вмешательством было введение нового порядка выдачи книг в публичных библиотеках. Эта система, выгодная коммерческим авторам, а не тем, кто вносит значительный культурный и интеллектуальный вклад, меняет положение публичных библиотек. Библиотека как учреждение, функционирующее в общественных (широких) интересах, заменяется библиотекой, которая приносит экономическую выгоду лишь определённым общественным группам. Недавние нововведения государства (поддержка книжной торговли и порядок выдачи книг в публичных библиотеках) свидетельствуют о том, что государство охотнее поддерживает бизнесменов (главным образом, крупных издателей и крупное издательское дело в целом), чем деятелей культуры.

Всё это показывает: словенское издательское дело теряет свою культурную и социальную основу. Издатели любят повторять, что печатание книг является предпринимательским вариантом культурной деятельности. Крупные издатели, может быть, относительно успешны в предпринимательском смысле, но культурные задачи они оставили мелким издательствам. Выполнение этих задач явно не сопряжено с экономической выгодой, так что те, кто ещё чувствует свою причастность к этой идее, — лишь мелкие издатели, и они находятся за пределами настоящего издательского бизнеса. Если определять местную культурную индустрию в сравнении с глобальной, мы можем сказать: это то же самое, только мельче.

Джованни Арриги
(Giovanni Arrighi)

Перевод с английского
Анастасии Кривошановой
под редакцией Нины Дмитриевой

НЕРАВЕНСТВО В ДОХОДАХ НА МИРОВОМ РЫНКЕ И БУДУЩЕЕ СОЦИАЛИЗМА

Фотографии: Reinar Rivera

Главная мысль этой статьи состоит в том, что величайшие политические сдвиги наших дней — от Восточной Европы и СССР до Среднего Востока — берут своё начало в радикальных изменениях социальной структуры мировой экономики параллельно с активно и устойчиво обостряющимся неравенством в доходах между регионами и государствами, на которые поделён мировой рынок. Говоря о «радикальных изменениях», я имею в виду трансформации, начавшиеся вскоре после окончания Второй Мировой войны. Они набрали темп в 1960-х гг. И постепенно сошли на нет в конце 70-х — начале 80-х. По словам Э. Хобсбаума, «период с 1950 по 1975 гг. ... стал свидетелем самых впечатляющих, резких, далеко идущих, глубоко проникающих и широкомасштабных изменений в мировой истории. <...> Впервые крестьянство стало меньшинством, причём не только в индустриально развитых странах (в некоторых из них оно по-прежнему составляло значительную прослойку населения), но даже в странах «третьего мира»¹. Изменения, поделившие мир вопреки существовавшим прежде социально-экономическим различиям между Севером и Югом, Западом и Востоком, явились прежде всего результатом целенаправленных усилий, которые должны были уменьшить разрыв, возникший примерно с 1950 г. между благосостоянием населения в привилегированной части мира (Север и Запад) и относительным или абсолютным подавлением населения в малоимущей части мира (Юг и Восток). Наиболее значимым из произведённых усилий

стала гонка за экономическим развитием. Вводя на своей территории ту или иную черту экономики богатейших стран (например, индустриализацию и урбанизацию), правительства надеялись уловить секрет успеха и таким образом догнать более развитые страны по благосостоянию и силе. Как дополнение или замена правительственным усилиям, важную роль сыграли и усилия, предпринятые частными организациями и отдельными лицами, а именно — миграция трудовой силы, капитала и предпринимательских ресурсов через государственные границы.

Частное предпринимательство, тем не менее, преуспевает; однако эти усилия потерпели поражение в другом — в попытке обеспечить более равномерное распределение капитала в пространстве капиталистической мировой экономики. Небольшая группа стран умудрилась добиться смещения некоторой доли мирового дохода в свою пользу, того же достигли многие частные предприниматели на международном уровне. Но эти немногочисленные достижения нескольких стран и многих частных предпринимателей никоим образом не меняют сложившуюся глобальную иерархию капитала. Напротив, после тридцати лет практически бесплодных экономических попыток добиться хоть какого-нибудь развития, разрыв, разделявший уровень доходов преуспевающих Запада и Севера и отсталых Востока и Юга, сейчас значительнее, чем когда бы то ни было. И так, в 1980-е годы государства Востока и Юга оказались в ситуации, когда они по-

Эта статья является исправленной и дополненной версией работы, представленной на Шестой Конференции, посвящённой будущему социализма: *Socialism and Economy organized by the Fundation Systema*, которая прошла в Севилье в 1990 г. 14–16 декабря. Также я хотел бы выразить благодарность Теренсу К. Хопкинсу, Марку Селдену и Беверли Силвер за их ценные комментарии к первой версии статьи. Первоначально опубликована в *New Left Review*, October 1991, № 189.

1. Hobsbaum E. Comment in 'Reflecting on Labor in the West since Haymaker: A Roundtable Discussion' // Jenz J. B., MacManus J. C. (eds.). *The Newberry Paper in Family and Community*

НЕБОЛЬШАЯ ГРУППКА СТРАН УМУДРИЛАСЬ ДОБИТЬСЯ СМЕЩЕНИЯ НЕКОТОРОЙ ДОЛИ МИРОВОГО ДОХОДА В СВОЮ ПОЛЬЗУ, ТОГО ЖЕ ДОСТИГЛИ МНОГИЕ ЧАСТНЫЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛИ НА МЕЖДУНАРОДНОМ УРОВНЕ. НО ЭТИ НЕМНОГОЧИСЛЕННЫЕ ДОСТИЖЕНИЯ НЕСКОЛЬКИХ СТРАН И МНОГИХ ЧАСТНЫХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ НИКОИМ ОБРАЗОМ НЕ МЕНЯЮТ СЛОЖИВШУЮСЯ ГЛОБАЛЬНУЮ ИЕРАРХИЮ КАПИТАЛА. НАПРОТИВ, ПОСЛЕ ТРИДЦАТИ ЛЕТ ПРАКТИЧЕСКИ БЕСПЛОДНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПОПЫТОК ДОБИТЬСЯ ХОТЬ КАКОГО-НИБУДЬ РАЗВИТИЯ, РАЗРЫВ, РАЗДЕЛЯВШИЙ УРОВЕНЬ ДОХОДОВ ПРЕУСПЕВАЮЩИХ ЗАПАДА И СЕВЕРА И ОТСТАЛЫХ ВОСТОКА И ЮГА, СЕЙЧАС ЗНАЧИТЕЛЬНЕЕ, ЧЕМ КОГДА БЫ ТО НИ БЫЛО.

средством «модернизации» смогли встроить в свою систему отдельные элементы социальной структуры более развитых стран, но «импортировать» таким же способом и богатство этих стран им не удалось. Следствием этого явилась нехватка у правительств и правящих групп средств для удовлетворения ожиданий и требований тех социальных сил, которые были вызваны к жизни вышеупомянутой «модернизацией». И как только эти силы восстали, стал постепенно разворачиваться всеобщий кризис «девелопменталистских»* практик и идеологий. Кризис коммунизма в Восточной Европе и СССР — это лишь одна сторона медали этого всеобщего кризиса девелопментализма. Другой её стороной стал кризис капиталистического варианта девелопментализма — кризис, который наиболее отчетливо проявляется в подъеме исламского фундаментализма на Ближнем Востоке и в Северной Африке, а также в той или иной форме на Юге.

В своей статье я уделю особое внимание растущему неравенству в распределении дохода на мировом рынке, поскольку, как мне кажется, эта проблема сейчас наиболее злободневна. Думаю, факт проникновения процессов урбанизации и индустриализации глубоко на Юг, а также резкой индустриализации многочисленных стран «третьего мира», доказательств не требует. Но, в отличие от большинства «исследователей», я не считаю индустриализацию и развитие тождественными понятиями [...]². Концентрируя ваше внимание на устойчивом и углубляющемся неравенстве в распределении дохода в пространстве капиталистического мирового рынка, я просто хочу подчеркнуть, что — за редким исключением — распространение индустриализации не оправдало ожиданий. И индустриализация, и (даже в большей степени) урбанизация потребовала от всех вовлечённых в процесс государств огромных человеческих и природных ресурсов. Вот только догнать западные стандарты это не помогло, а в лучшем случае разрыв сократился ненамного. Индустриализация, являясь элементом более общего понятия «модернизации», таким образом, разрушила все надежды, которые на неё возлагались, и это разрушение стало краеугольным камнем тех проблем, с которыми сейчас столкнулись большинство восточных и южных стран. Эти серьезнейшие проблемы носят отнюдь не локальный или случайный характер, напротив, они систематичны и структурны. И они

являются частью мировой системы, к которой Запад и Север принадлежат в не меньшей степени, чем Юг и Восток. Те прогнозы и проекты, которые касаются будущего социализма в западных и северных регионах и которые игнорируют систематический генезис и последствия этих проблем, видятся мне совершенно оторванными от действительности и вводящими в опаснейшее заблуждение.

1. Изменение стандартов экономического успеха и провала

Что мы имеем в виду, когда говорим, что коммунизм «рухнул» в Восточной Европе и в СССР или что капитализм «преуспел» в Японии или где-нибудь ещё в Восточной Азии? Само собой, сколько людей — столько и мнений. И всё же практически на подсознательном уровне у нас есть некий неопределённый, но в известной степени справедливый, универсальный стандартизированный образ, в сравнении с которым мы оцениваем политические и экономические режимы по всему миру. Стандартом является благосостояние Северо-Западного региона — но не какого-то отдельного региона или политической единицы, на которые поделён Север/Запад, а всего Северо-Запада как совокупности разнообразных элементов, вовлечённых во взаимное сотрудничество и конкуренцию.

Судьба этих связанных друг с другом конститутивных элементов — это постоянные подъёмы и спады, возможно, имеющие огромное значение для стран, на которые эти колебания оказывают видимое влияние, но казаться никак не влияющими — а так оно и есть — на характеристики государств, которые не принадлежат или до недавнего времени не принадлежали к Северо-Западной группе. На какие страны мы ориентируемся, когда утверждаем, что коммунизм «провалился» в Восточной Европе, а капитализм «удался» в Японии, — на Швецию или Германию, Францию или Великобританию, США, Канаду или Австралию? Ясно, что на все в совокупности, но ни на одну в отдельности. На что мы на самом деле ориентируемся, сознательно или нет, так это на что-то вроде усреднённого или совокупного стандарта благосостояния, которым обладали в той или иной степени (не всегда в постоянной) достаточно долго все страны и другие политические единицы Северо-Западного альянса.

Чтобы оценить достижения и провалы в современной мировой экономике более четко, чем это обычно делается, я принял валовый национальный продукт (ВНП) на душу населения за индикатор соответствия совокупному стандарту стран, называемых «основной осью» капиталистического мирового рынка. Для целей настоящей работы в эту «ось» я включил государства, которые за последние 50 лет (или около того) занимали верхние позиции в глобальной иерархии благосостояния и, в силу этой позиции, задавали (индивидуально или коллективно) стандарты благосостояния, которые их правительства старались поддерживать, а все остальные правительства — хотя бы достичь.

History, 1986, vol. 86, no. 2. P. 13.

* Концепция модернизации, служащая обоснованием возможности превращения слаборазвитых стран в развитые капиталистические страны. — Прим. ред.

2. Arrighi G. The Developmentalist Illusion: A Re-conceptualization of the Semiperiphery // Martin W.G. (ed.). Semiperipheral States in the World-Economy. — New York, 1990. P. 18–25; Arrighi G., Drangel J. The Stratification of the World-Economy: An Exploration of the Semiperipheral Zone // Review, vol. 10, no. 4. P. 53 — 7.

Эти государства относятся к трем различным географическим регионам. Наиболее сегментированным из них — культурно и административно — является Западная Европа, в данном контексте включающая Великобританию, скандинавские страны, страны Бенилюкса, бывшую Западную Германию, Австрию, Швейцарию и Францию. Государства, лежащие к западу и югу от внешних границ этого региона (то есть Ирландия, Португалия, Испания, Италия и Греция), в «ось» включены не были, поскольку в течение последних 50 лет они были всего лишь «бедными родственниками» более богатых стран Западной Европы — бедными родственниками, которые не вносили свой вклад в установление глобального стандарта благосостояния, а сами (силами своих правительств) с переменным успехом старались догнать своих преуспевающих соседей. Оставшиеся два региона, вошедшие в «ось», гораздо менее сегментированы: один — это Северная Америка (Соединённые Штаты и Канада), а другой — с небольшим населением, но значительной территорией — Австралия и Новая Зеландия.

Таблица 1 показывает состояние ВВП на душу населения (в процентах) для каждого из этих трёх регионов, как взятых отдельно, так и в совокупности в определённые годы второй половины XX в. В скобках дано население каждого государства в процентном соотношении ко всему населению государств «оси». Таблица примечательна тем, что в ней четко показаны трансформации разрыва в уровне дохода между Северной Америкой и Западной Европой (в этих двух регионах сконцентрировано большинство населения Северо-Западного региона): сначала резкое увеличение, потом постепенное сближение и наконец недавнее его исчезновение.

Таблица 1: Сравнительные экономические характеристики Запада

	1938	1948	1958	1968	1978	1988
Западная Европа	83.2 (57.0)	56.5 (51.2)	65.7 (48.9)	73.5 (47.7)	103.0 (45.7)	91.4 (44.1)
Северная Америка	121.6 (40.5)	149.3 (46.0)	137.0 (48.0)	127.4 (49.0)	98.6 (50.7)	109.7 (52.1)
Австралия и Новая Зеландия	134.4 (2.4)	84.6 (2.8)	67.4 (3.1)	76.3 (3.3)	81.7 (3.6)	67.0 (3.8)
Средняя масса продукта	100.0	100.0	100.0	100.0	100.0	100.0

Примечания: 1. Данные цифры показывают ВВП на душу населения путем деления ВВП каждого региона на суммарный ВВП всех трех регионов и умножения результата на 100. В скобках дано население каждого региона в процентах от всего населения стран Оси.

2. Западная Европа состоит из стран Бенилюкса и Скандинавии, Западной Германии, Австрии, Швейцарии, Франции и Великобритании. Северная Америка подразумевает Соединённые Штаты и Канаду.

Источники: ВВП на душу населения посчитан по данным, приведенным в: Woytinsky W. S., Woytinsky E. S. *World Population and Production: Trends and Outlook*. — New York, 1953 (для 1938 г. и 1948 г.); World Bank. *World Development Report*. — Washington D.C., 1982, 1990; World Tables, vol. 1, 2. — Washington D.C., 1984 (для других лет).

Эта траектория отражает известные тенденции капиталистической мировой экономики в обсуждаемый период. Расширяющийся поначалу разрыв показывает дальнейший «грандиозный скачок вперед», сделанный североамериканской экономикой в течение Второй мировой войны и первых послевоенных лет. Благодаря этому прорыву Америка «перескочила» через все остальные регионы, включая Западную Европу. Таким образом, она установила новые высокие стандарты благосостояния, что немедля вызвало бурные попытки «догнать и перегнать» или хотя бы соответствовать новым нормам. В процессе преследования этой цели, при определённой финансовой и институциональной поддержке нового мощного региона (Соединённых Штатов), государства Западной Европы в ускоренном темпе реструктурировали свои привычные экономические режимы по образу и подобию североамериканской модели экономики.

Как следует из таблицы 1, «догонялки» вполне удалась. К 1970 г. разрыв в уровне дохода между Западной Европой и Северной Америкой не сильно отличался от уровня 1938 г., а к 1980 г. он совершенно исчез. Из той же таблицы очевидно, что в 1980 г. доход на душу населения в Западной Европе превзошел североамериканский, но в течение 80-х гг. пальма лидерства снова перешла к Северной Америке. Эти колебания в соотношении финансового состояния конкурирующих регионов во многом обязаны флуктуациям стоимости американского доллара по отношению к западноевропейским валютам. Были ли эти флуктуации лишь циклическими установками, отметившими окончание процесса ускоренного развития предыдущих тридцати лет, или предвестниками структурных изменений, которые могут лечь в основу новой, ещё

более значительной дифференциации в финансовом состоянии этих двух регионов, как это произошло в период с 1938 по 1948 гг., — это уже вопрос, далеко выходящий за рамки данной статьи. Исходя из настоящей проблематики, вполне достаточно будет сказать, что за последние 50 лет различия в уровне доходов

среди стран «оси» никогда не были меньше, чем в 80-е. [...]

Итак, если мы ограничимся только тремя богатейшими регионами в мировой экономике, некоторые фундаментальные постулаты прокапиталистических идеологий, несомненно, найдут своё подтверждение. Лишь единожды за 50 лет произошло значительное увеличение неравенства доходов — и это увеличение, подстегнув даже самых неповоротливых перейти к более конкурентоспособной экономической политике, вызвало к жизни именно те силы, которые по прошествии какого-то времени нивелировали разрыв. Более того, в рамках

этой ограниченной и прочной связки неравенств, похоже, существует определённая восходящая и нисходящая мобильность. Первые действительно могут стать последними, а последние — первыми.

2. Чудеса и миражи

Прокапиталистические доктрины постулируют ещё и то, что небольшая группка наций, устанавливающая стандарты благосостояния на мировом рынке, это некий открытый «клуб», в который может вступить любая страна, доказав, что её стоит принять, с помощью соответствующей политики, направленной на развитие, и определённых усилий на этом пути. Вера в эту возможность подогревалась существованием достоверных случаев восходящей мобильности в иерархии богатейших стран мировой экономики — случаев, которые на самом-то деле были настолько редки, что заслужили определение «экономических чудес». Сколько же чудес свершилось? Сколько из них были «настоящими» чудесами? Как мы можем их сравнить?

Таблица 2 представляет собой обзорную характеристику самых значительных из действительных или предполагаемых «экономических чудес». В ней приведён — для тех же лет, что и в таблице 1 — ВВП на душу населения в регионах, указанных в левом столбце таблицы, в виде процентной величины от ВВП на душу населения стран «оси». В скобках, как нетрудно догадаться, представлен процент населения от всего «осевого» населения.

Таблица 2: Сравнительные характеристики «экономических чудес»

	1938	1948	1958	1968	1978	1988
1. Восточная Азия						
1.1 Япония	20.7 (20.3)	14.5 (23.1)	23.2 (22.8)	52.1 (22.6)	76.3 (23.5)	117.9 (23.4)
1.2 Ю. Корея	Н.д.	Н.д.	7.7 (6.0)	7.2 (7.0)	12.7 (7.7)	20.2 (8.0)
2. Южная Европа						
2.1 Италия	32.0 (12.6)	22.8 (13.2)	37.0 (12.1)	50.4 (1.6)	60.9 (11.3)	74.8 (11.0)
2.2 Испания	41.6 (4.8)	18.4 (7.4)	28.9 (7.3)	48.0 (7.5)	43.4 (7.5)	43.4 (7.5)
3. Латинская Америка						
3.1 Бразилия	12.0 (11.4)	11.3 (14.1)	12.1 (17.6)	12.7 (20.7)	17.5 (23.8)	12.1 (27.6)

Примечания: эти числовые данные отражают величину ВВП на душу населения в одном государстве, деленную на ВВП на душу населения стран «оси» (см. таблицу 1). В скобках — население этого государства как процентная величина от населения всех стран «оси».

Источники: те же, что и в таблице 1.

Во избежание неправильной трактовки представленной информации, стоит отметить, что [...] когда мы говорим, что ВВП на душу населения в Бразилии почти все последние

50 лет составил примерно 1/8 (или 12%) от ВВП в странах «оси» (см. таблицу 2), это не значит, что благосостояние бразильцев было ровно в 8 раз меньше, чем у жителей стран «оси». Разница могла быть большей или меньшей — в зависимости от целого ряда условий, таких как распределение доходов или стоимость человеческих ресурсов, вовлечённых в процесс «производства» получаемой прибыли, с которыми наш индикатор никак не взаимодействует. В той же степени это соотношение ВВП не может служить надёжным показателем в оценке отношения средней производительности жителей какого-то «чудесного» региона к производительности жителей стран «оси». [...]

Что можно действительно оценить с помощью соотношения ВВП (лучше, чем с помощью всего остального, что есть в нашем распоряжении), так это степень владения и пользования населением «чудесного» региона человеческими и природными ресурсами стран «оси» по отношению к степени владения ресурсами этого региона гражданами «оси». Таким образом, этот индикатор может показать, что, допустим, бразильцы владели ресурсами государств «оси» примерно в 8 раз меньше (за последние 50 лет), чем «ось» владела и пользовалась человеческими и природными ресурсами Бразилии. [...]

Список чудес возглавляет самое чудесное (простите мне эту тавтологию) — японское. Наш индикатор позволил нам получить довольно четкую картинку «подвига», совершенного японским народом, увидеть ту экстраординарную экономическую дистанцию, которую преодолела Япония с экстраординарной скоростью. Имея ВВП на душу населения едва ли больше одной пятой (20.7 %) от ВВП стран «оси» в 1938 г., Япония прочно застряла в рядах среднедоходных («полупериферийных») государств. Для сравнения: в 1988 г. японский ВВП на душу населения был примерно на 20% выше, чем в странах «оси». Этот подъем кажется ещё более внушительным, если посмотреть, что между 1938 и 1948 гг. ВВП в Японии упал с 20.75 до 14.5% от ВВП стран «оси», — а всего через 40 лет Япония догнала и превзошла уровень благосостояния регионов, чей ВВП превышал её начальный уровень почти в 7 раз.

Следующей по списку идет Южная Корея — демографически самая значимая из четырех «азиатских тигров». Оставшиеся три «тигра» не были включены в список по причине отсутствия сравнительных данных (например, по Тайваню ни один из наших источников не дает вообще никакой информации) или потому, что они являются городами-государствами (Гонконг и Сингапур), чьи экономические характеристики должны оцениваться только в совокупности с экономикой региона, с которым они неразрывно связаны. Часто говорят, что Южная Корея в точности повторила «подвиг» Японии. Однако данные таблицы 2 не позволяют нам принять это на веру. В отличие от Японии, Южная Корея начала обретать почву под ногами и подтягиваться к стандартам, установленным «осью», толь-

ко в 70-х и 80-х. Более того, подъем этой страны начался с гораздо более низкого стартового уровня ВВП, чем у Японии, что привело к тому, что к 1988 г. Южная Корея находилась примерно на такой же позиции по отношению к странам Оси, на какой была Япония 50 лет назад — в 1938 г. Получается, что, каким бы впечатляющим ни казалось «корейское чудо» с других ракурсов, экономическому подъёму второго «тигра» предостойт ещё долгий путь, прежде чем можно будет с чистой совестью утверждать, что «японский подвиг» повторен. Траектория развития Тайваня даже чуть лучше, чем у Кореи. В любом случае, не стоит забывать, что корейское «экономическое чудо» (равно как и тайваньское) потребовало гораздо меньших человеческих ресурсов, чем японское.

Второй «чудесный» регион — это две крупнейшие страны Южной Европы, Италия и Испания. В 80-х гг. Италию иногда называли «европейской Японией», а Испанию во многих странах Восточной Европы (например, в Польше) приводили как образец того, чего государство могло бы достичь, не будь оно под властью коммунистов. Сравнив показатели Италии и Японии, мы обнаружили важное сходство в траекториях их изменений: обе страны резко пришли в упадок между 1938 и 1948 гг. И достигли своего расцвета в 80-е. Главное различие — помимо огромного демографического перевеса Японии — состоит в том, что график итальянской траектории более плоский: он начинается на более высоком уровне (32 против 20.7) и заканчивается ниже (74.8 против 117.9). Италия даже никогда не достигала уровня стран «оси» (напомним, Япония их опередила). Тем не менее, к 1988 г. Италия была богаче, чем беднейший регион «оси» (Австралия и Новая Зеландия), а её ВВП на душу населения был ниже, чем ВВП «оси» (в совокупности) всего на 25%.

Испанская траектория ещё более «плоская», чем итальянская. Её спад между 1938 и 1948 гг. виден невооружённым глазом, с 1960 г. следует подъем, а после снова незначительный спад. Результатом этих флуктуаций стало то, что ВВП Испании в 1988 г. составил почти ту же процентную величину от ВВП стран «оси», что и в 1938 г. (43.4 % и 41.6% соответственно). С этой точки зрения, испанское «чудо» как оно есть гораздо меньше похоже на японское, чем бразильское, — то испанское «чудо», которое всколыхнуло мировую общественность в 1970-е и которое в 1980-х признали всего лишь миражом.

С помощью нашего индикатора становится понятно, что важнейшей характеристикой развития Бразилии является совершенно стабильная «плоскость» траектории её развития. С 1938 по 1970 гг. ВВП на душу населения в Бразилии не сдвигался с мёртвой точки на уровне 12% от ВВП стран «оси». Между 70-ми и 80-ми он возрос до 17.5%, но к 1988% снова вернулся к исходным 12%. Именно этот скачок в конце 70-х заставил многих поверить, что назревает новое экономическое чудо и что Бразилия тоже

начала игру в догонялки со стандартами, установленными «осью». Время показало, что этот скачок был лишь случайным всплеском на глади вод в тихой лагуне. Однако не стоит быть слишком категоричными, называя бразильское чудо миражом. По сравнению с «чудесами японского типа» — или даже итальянского и корейского, — испанская и бразильская траектории рассказывают скорее историю незначительных спадов, чем громких успехов. Но эта оценка базируется на весьма искажённом понимании того, что можно считать нормой достижения в капиталистической системе экономики последних 50-ти лет. Прежде чем вынести конечную оценку не слишком впечатляющим бразильским и испанским характеристикам, давайте расширим горизонт наших наблюдений, чтобы охватить те регионы, которые заключают в себе львиную долю населения земного шара.

3. Разрыв между бедными и богатыми растёт

Общая картина, возникающая при анализе таблицы 3 (составленной по тому же принципу, что и таблица 2), рисует нам неуклонно растущий и так уже не маленький разрыв в уровне доходов, который 50 лет назад проложил границу между Югом и странами «оси» — стержнем мировой системы капиталистической экономики. Если быть точным, этот разрыв, как мы уже могли видеть, увеличивался во времени и пространстве весьма неравномерно. И всё же долгосрочные тенденции вполне однозначны: подавляющее большинство мирового населения всё больше отдаляется от западных стандартов благосостояния.

Общее ухудшение экономического положения затронуло все большие и малые регионы, представленные в таблице 3, в разной степени. Мы ограничились рассмотрением только тех государств и регионов, по которым смогли найти информацию и на 1938 г., и на 1948 г. Ухудшение ситуации меньше всего ударило по Латинской Америке (независимо от того, включаем ли мы сюда Бразилию или нет) и с наибольшей силой — по Южной Азии, за которой следует Центральная и Южная Африка. Если говорить конкретнее, то в период с 1938 по 1948 гг. разница в доходах между субъектами из таблицы 3 и странами «оси» — что четко иллюстрируется соотношением ВВП «оси» и ВВП каждого государства из списка — существенно возросла: если для Латинской Америки коэффициент стал 1.8 (2.4, если мы исключим Бразилию), то для Юго-Восточной Азии (Индонезия и Филиппины вместе) он стал уже 2.6, для Среднего Востока и Северной Африки (Турция и Египет вместе) — 2.7, для Южной и Центральной Африки — 4.1, а для Южной Азии — 4.6.

Нестабильность траектории ухудшения экономического статуса бедных регионов относительно «оси» в последние 50 лет, привела к дальнейшему отдалению от неё и к постепенному исчезновению различий между самими бедными регионами. [...]

Таблица 3: Сравнительные экономические характеристики «Юга»

	1938	1948	1960	1970	1980	1988
1. Латинская Америка	19.5 (31.1)	14.4 (38.3)	16.7 (45.7)	15.5 (53.7)	19.8 (63.8)	10.6 (72.9)
1.1 Исключая Бразилию	23.8 (19.7)	16.2 (24.2)	19.6 (28.1)	17.3 (33.0)	21.1 (40.0)	9.7 (45.3)
2. Средний Восток и Северная Африка	Н.д.	Н.д.	11.5 (19.6)	8.1 (22.5)	11.1 (27.5)	7.1 (32.0)
2.2 «Турция и Египет»	14.9 (9.8)	13.0 (10.9)	12.8 (12.9)	7.7 (14.8)	8.1 (17.5)	5.6 (19.9)
3. Африка (южнее Сахары)						
3.1 Восток и Запад	Н.д.	Н.д.	3.6 (36.8)	3.4 (42.3)	4.7 (51.7)	1.6 (65.1)
3.2 Центр и Юг		25.2 (6.9)	18.3 (7.6)	10.5 (10.1)	11.3 (11.4)	Н.д.
4. Южная Азия	8.2 (109.6)	7.5 (123.3)	3.6 (131.6)	2.8 (149.1)	2.0 (173.4)	1.8 (200.3)
5. Юго-Восточная Азия	Н.д.	Н.д.	6.6 (38.4)	3.8 (43.8)	5.7 (52.0)	3.7 (58.9)
5.1 «Индонезия и Филиппины»	6.0 (24.1)	Н.д.	6.4 (29.5)	2.8 (33.1)	4.6 (39.2)	2.3 (44.8)

Примечание: 1. Эти цифры отражают величину, полученную путем деления ВВП региона (или более мелкого субъекта) на ВВП Оси и умножения результата на 100. В скобках дана процентная величина населения региона или более мелкого субъекта от населения «оси».

2. Регион 1: Боливия, Бразилия, Чили, Колумбия, Доминиканская Республика, Эквадор, Сальвадор, Ямайка, Мексика, Парагвай, Перу, Венесуэла.

Регион 2: Алжир, Египет, Ливия, Судан, Сирия, Турция.

Регион 3.1: Бенин, Бурунди, Камерун, Чад, Эфиопия, Берег Слоновой Кости, Кения, Мадагаскар, Малави, Мали, Мавритания, Мозамбик, Нигер, Нигерия, Руанда, Сенегал, Сомали, Танзания, Верхняя Вольта.

Регион 3.2: Южная Африка, Заир, Замбия, Зимбабве.

Регион 4: Бангладеш, Индия, Пакистан, Шри-Ланка.

Регион 5: Индонезия, Малайзия, Филиппины, Таиланд, Сингапур.

Источники: см. таблицу 1 и 2.

Увеличение разрыва между бедными и богатыми происходило чрезвычайно неравномерно и неустойчиво не только во времени, но и в пространственном плане. Большая часть неудач, которые потерпел Юг по отношению к Западу, сосредоточены в первой и последней декадах полувекового периода, который мы рассматриваем. Стабильно и неуклонно ухудшалась позиция лишь одного региона — Южной Азии. Рано или поздно все эти регионы продемонстрировали намек на улучшение своего положения: Латинская Америка в 1948 – 60 гг. и в 1970 – 80 гг., Южная и Центральная Африка — в 1960 – 70 гг., а все оставшиеся (за исключением Южной Азии, разумеется) — в 1970 – 80 гг. Стоит заметить, что ни в одном из перечисленных регионов не наблюдалось перемен к лучшему (по отношению к странам «оси») в период с 1938 по 1948 или с 1980 по 1988 гг. В эти временные интервалы страны, вошедшие в таблицу 3, окончательно теряли почву под ногами в безуспешной погоне за «осевым» уровнем благосостоя-

ния; к тому же потери, которые они понесли в этот период, были в среднем заметно тяжелее, чем в любое другое время.

Это заметное торможение в развитии, которое, как мы сказали, произошло в 1938 – 1948 гг., явилось отражением сильнеешего экономического рывка вперед, сделанного Северной Америкой именно в этот период. Этот прорыв заставил всех остальных субъектов мировой экономической системы в 1948 г., — включая даже такие традиционно преуспевающие регионы, как Западная Европа, — выглядеть и ощущать себя беднее, чем в 1938 г. Само собой, все разрушения и опустошения Второй Мировой сделали многие страны намного беднее не только по относительным, но и по абсолютным критериям. Но неплохо справлялись с этой ситуацией практически все — страны Юга, страны «оси» (без Северной Америки), регионы, впоследствии продемонстрировавшие «экономические чудеса». В сущности, они действительно старались выкарабкаться в период с 1938 по 48 гг., но показатели неуклонно падали (см. табл. 3). ВВП Латинской Америки упал на 27% (на 32%, если мы исключим Бразилию), в Центральной и Южной Африке — на 26%, в Средне-Восточной и Северной Африке — на 13%, в Южной Азии — на 8%. Но это снижение показателей примерно того же порядка (если не значительно ниже), что и падение коэффициентов ВВП в Западной Европе (на 32%), Австралии и Новой Зеландии (на 37%), Японии (30%), Италии (29%) и Испании (56%). Эти данные мы получили из таблиц 1 и 2.

Колоссальный рывок Америки вперед и установление, таким образом, новых стандартов благосостояния подготовили площадку для активнейших попыток экономического развития в течение всех последующих тридцати лет. На самом деле,

новый гегемон (США) практически открыто заявил, что молодые и старые нации смогут достичь стандартов процветания только под его непосредственным «покровительством» (читай: руководством) путем следования американской модели успеха. Как было позже разъяснено в «Некоммунистическом манифесте» У. Росту, эта доктрина задумывалась именно для стран, прошедших (или проходящих) через одни и те же этапы экономического развития — ступени, которые ведут от ставшей традиционной бедности к обществу массового благосостояния и потребления. Многие народы всё ещё болтались на одной из более ранних стадий. Приверженность принципам свободной конкуренции должна была гарантировать всем и каждому достижение стадии общества широкого массового потребления³.

Различные вариации этой доктрины и стали тем своеобразным идеологическим «цементом», который намертво скрепил основы американского миропорядка, который был молчаливо отвергнут только в 1980-х гг. В течение 30 лет страны «третьего мира» постоянно находились под давлением необходимости всё больших и больших экономических усилий, направленных на достижение стандартов массового потребления, которыми наслаждались жители США и всего Запада, который принял в «клуб» Японию в качестве почётного члена. Конечно, можно проследить несколько частичных и временных успехов, что демонстрируется бесчисленными скачками в показателях таблицы 3. Но как раз в тот момент, когда все траектории были нацелены вверх (кроме Южной Азии, конечно), все они резко пошли на спад и показатели всех без исключения стран рухнули в самом начале следующей декады.

Коллапс 80-х годов существенно отличается и количественно, и качественно от понижения показателей в 40-е гг. Количественно он сказался на экономике рассматриваемых государств гораздо острее. Между 1980 и 1988 гг. коэффициент соотношения ВВП упал для Латинской Америки на 46% (на 54%, если мы исключим Бразилию), для Среднего Востока и Северной Африки — на 27% (31% для более мелкого субъекта «Турция и Египет»), для Восточной и Западной Африки — на 66%, для Южной Азии — на 10% и на 35% для Юго-Восточной Азии (50%, если не учитывать регион «Индонезия и Филиппины»). Несмотря на то, что этот спад происходил в восьмилетний, а не десятилетний период, снижение показателей было серьезнее — а для многих регионов и намного серьезнее — чем между 1938 и 1948 гг. (см. выше).

Но качественные отличия между двумя кризисами имеют всё-таки большее значение, чем количественные. Как мы уже заметили, первый спад был в высокой степени отражением резкого взлета в развитии североамериканской экономики и стал отправной точкой для непрерывной «экономической гонки» в попытках достигнуть уровня соответствия североамериканским стандартам высокого массового потребления. В 80-х же, напротив, снижение показателей стало

реакцией на бесплодность и крушение всех усилий и положило начало выпадению этих регионов из общей системы мирового рынка (в контексте конкуренции) перед лицом всё большего вызова со всех сторон.

Основной вызов «сверху» — это кардинальное изменение политических и идеологических позиций мирового гегемона. Приблизительно в 1980 г. США отказались от доктрины всеобщего развития в пользу идеи, что бедные страны должны сконцентрировать свои усилия на всеобщей максимальной экономизации (economizing) с целью повышения способности оплачивать долги и сохранения своего права брать кредиты. Ключевым понятием стало не «развитие», а «платежеспособность». В то же время американские государственные организации и предприятия начали всё жестче торопить своих заимодавцев с выплатой задолженностей — как в национальном, так и в интернациональном масштабе — и усилили агрессивное соперничество с бедными государствами на мировых финансовых рынках.

Вероятно, именно этот переворот и сыграл наиболее значительную роль во внезапном коллапсе доходов стран «третьего мира» в начале 80-х гг. Но, само собой, он был не единственным фактором. Вызов «снизу» оказался не меньшим, чем сверху — проблемы этого направления были чрезвычайно разнообразными и зависели от целого ряда условий местного масштаба. Широко распространившиеся постоянные беспорядки среди рабочих, разрастание массовых организаций и фондов взаимопомощи, религиозные движения бедноты (такие, как возрожденное движение шиитов в мусульманских странах или теология освобождения в Латинской Америке), движения по защите демократии и прав человека — всё это, как может показаться, имело мало общего друг с другом. И всё же в течение последних десяти лет именно эти движения представляют собой варианты протеста народов «третьего мира» против «девелопменталистских» идеологий и практик, навязывавших подчинённым в социальном отношении группам и классам непомерные общественные и индивидуальные затраты и при этом не приносивших, как правило, ничего из обещанного.

Зажатые между молотом и наковальней, всё больше государств «третьего мира» были вынуждены оставить свои потуги к развитию и принять — с большим или меньшим нежеланием — подчинённую позицию в глобальной иерархии мирового рынка. Сегодня очень немногие как на Юге, так и на Севере ещё верят в сказку «Антикоммунистического манифеста» Ростова. Подавляющее большинство уже осознало — даже если они и не признают этого открыто, — что далеко не все нации и государства, существующие в мире, идут к обществу высокого массового потребления одним и тем же путем. Напротив, они стоят на различных ступенях суровой экономической иерархии, в которой случайный взлет одного-двух государств оставляет

3. См.: Rostow W. W. The Stages of Economic Growth: A Non-Communist Manifesto. — Cambridge, 1960.

всех остальных прозябать в гораздо более отчаянном положении, чем раньше.

Узаконивание этой жестокой реальности в умах и сердцах народов, осуждённых прозябать на низших ступенях мировой иерархии благосостояния — народов, составляющих львиную долю населения земного шара, — это есть и ещё долго будет острой проблемой. На данный момент легитимация беспрецедентного мирового неравенства в доходах, возникшего в 1980-е гг., облегчается ещё и восприятием мировой общественностью кризиса девелопментализма как симптома крушения — но не капитализма как исторически сложившейся мировой системы — а его оппонентов в первую очередь коммунизма и, по размышлению, социализма. Пожалуй, стоит кратко рассмотреть причины и генезис такого восприятия.

4. Крушение коммунизма в мировой исторической перспективе

Коммунизм как правящий режим потерпел поражение по многим пунктам. Однако величайшее фиаско, по всеобщему признанию, он потерпел именно в экономическом плане — крушение попытки создать внутри границ своего влияния то изобилие товаров, которое могло бы сравниться с западным. Увы, скудность сравнительного материала создаёт большие трудности на пути к аккуратной и точной оценке исторических масштабов этого фиаско. Как бы там ни было, наши источники сравнительной информации позволяют нам дать достаточно правдоподобную предположительную оценку произошедшему.

Эти сравнительные данные позволили нам по уже описанной схеме (см. табл. 2 и 3) подсчитать коэффициенты, которые представлены в таблице 4. При всей своей ограниченности, эти данные всё-таки дают нам некое представление об истинных исторических масштабах того, что принято называть «крушением коммунизма». Восток не только не догнал Запад по уровню благосостояния, но вообще оказался далеко за пределами действия установленных стандартов. С 1938 по 1948 гг. разрыв в доходах, то есть коэффициент соотношения ВВП на душу населения, между «осью» и тремя регионами, по которым мы сумели собрать информацию, увеличился до 2.3 для Китая, 2.4 для региона «Венгрия и Польша», 2.9 для Югославии. Во всех трех случаях коммунистические режимы установились приблизительно в 1948 г., поэтому логичнее было бы начинать давать оценку экономическим характеристикам этих государств именно с этого, а не с 1938 года. К сожалению, на этот год нам удалось отыскать адекватную сравнительную информацию только по «Венгрии и Польше», поэтому нам пришлось судить

только по единичному случаю — и получилось, что экономические характеристики страны в течение сорокалетнего коммунистического правления отчасти улучшились по сравнению с показателями более долгого периода — позиция государства по сравнению с другими ухудшилась с коэффициентом 1.4 за 4 декады, а не 2.4 за 5 декад. Как бы то ни было, данная информация скорее предостерегает нас от поспешных выводов вроде того, что коммунистический режим потерпел фиаско не только в достижении западного уровня благосостояния, но и в сохранении должной дистанции между своими и капиталистическими экономическими установками.

Таблица 4: Сравнительные экономические характеристики «Востока»

	1938	1948	1960	1970	1980	1988
1. СССР	25.2 (48.9)	18.3 (55.6)	Н.д.	Н.д.	Н.д.	Н.д.
2. Восточная Европа						
2.1 «Венгрия и Польша»	26.7 (12.7)	18.4 (9.5)	Н.д.	Н.д.	Н.д.	1.1 (9.3)
2.2 Югославия	41.1 (4.4)	Н.д.	28.4 (4.4.)	18.0 (4.4)	22.5 (4.5)	14.1 (4.5)
3. Китай	4.1 (129.4)	Н.д.	Н.д.	Н.д.	2.5 (196.9)	1.8 (208.0)

Источники: коэффициенты подсчитаны тем же способом и по тем же источникам, что и в таблицах 2 и 3.

Вышеупомянутое падение принимает воистину катастрофические пропорции, если мы сравним характеристики стран, в которых было коммунистическое правление, с наиболее примечательными случаями среди стран капиталистического мира с восходящей динамикой. Таким образом, в 1938 г. ВВП Японии составил половину от ВВП Югославии, 4/5 от ВВП «Венгрии и Польши» и в пять раз превысил китайский ВВП. Для контраста заглянем в 1988 г.: японский ВВП превысил югославский более чем в 8 раз, венгерско-польский — более чем в 10 раз, более чем в 65 раз — китайский. Более того, насколько мы вправе судить по показателям «Венгрии и Польши», — или в аналогичном сравнении с Италией или Испанией, — относительные потери последних пятидесяти лет сконцентрированы как раз в сорокалетнем периоде коммунистического режима (1948 — 1988 гг.). Так, между 1938 и 1948 гг. ВВП на душу населения в венгерско-польском регионе практически не уменьшился по сравнению с ВВП Японии или Италии, а напротив, почти достиг уровня Испании. В течение последующих сорока лет он устойчиво снижался: с коэффициентом 13.4 по отношению к Японии, 5.6 — по отношению к Италии и 3.9 — по отношению к Испании.

Таким образом, наш сравнительный анализ приводит к неизбежным выводам о том,

что коммунистические режимы потерпели полный провал во всех своих ожиданиях и предположениях стать на конкурентоспособную позицию по отношению к капиталистическому Западу в плане благосостояния. У нас нет причин полагать, что у СССР и его восточно-европейских сателлитов, по которым мы не смогли подобрать данные, дела шли лучше, чем у Венгрии и Польши или у Югославии — наш неутешительный вывод мы можем распространить и на «Советскую Империю». Убедившись в этом, мы *не должны* тут же делать заключение (это ошибка многих) о том, что Восток в целом — в сравнении с некоторыми регионами, входящими в его состав, — мог бы иметь совершенно другие экономические характеристики, не будь он «под пятой» коммунизма.

Даже при том, что многие народы Восточной Европы и СССР чувствуют, что именно коммунистический режим помешал им достигнуть по крайней мере испанских показателей, у такого ощущения нет ни фактических, ни логических обоснований. На самом деле, такой подход игнорирует, какая ситуация была нормой — в противоположность немногим исключениям — в странах с капиталистическим строем. Логически же эта точка зрения основывается на ложной предпосылке, что стандарты благосостояния, установленные Западом, сводились к общим законам для гораздо большего процента мирового населения, чем это было в действительности. Сначала давайте разберемся с недостатком фактического обоснования.

Как мы уже утверждали в предыдущей главе, те несколько случаев «вертикальной мобильности» в иерархии благосостояния в мировой капиталистической системе, которые имели место в последние 50 лет, являются очевидными исключениями из общей картины и почти идеально подходят под категорию «экономических чудес». Для стран с низким и средним доходом, как правило, не стояла цель ни достигнуть уровня благосостояния Запада (чего добивались Япония и Италия), ни даже поддерживать определенный отрыв от этих установленных стандартов, не давая ему расти (как делали Бразилия и Испания). Скорее, для них правилом было, во-первых, увеличивать дистанцию между богатыми и бедными регионами и государствами и, во-вторых, для богатых регионов оставаться богатыми, а для бедных — бедными, и никакой смены позиций между ними фактически не происходило.

Эта закономерность применима к государствам, в которых были установлены коммунистические режимы, в той же степени, что и к любым другим. Сравнение показателей таблиц 3 и 4 открывает нам четкую картину того, что экономические показатели коммунистических стран не были ни лучше, ни хуже показателей тех регионов, которые занимали в 1938 или 1948 гг. идентичную ступень в глобальной рыночной иерархии. [...] Рассмотрим первый сравнительный блок. С 1938 по 1988 гг. ситуация в Югославии была хуже, чем в Латинской Америке (с Бразилией или без), примерно идентична

положению в «Турции и Египте» и намного лучше, чем в Южной и Центральной Африке. Между 1948 и 1988 гг. дела в «Венгрии и Польше» шли намного лучше, чем в Южной и Центральной Африке, а также в «Турции и Египте»; лишь немногим хуже, чем в Латинской Америке (включая Бразилию) и практически идентично с Латинской Америкой, рассмотренной без Бразилии. Столь долгосрочная стабильность соотношения ВВП на душу населения в венгерско-польском регионе с ВВП Латинской Америки (без Бразилии) определенно привлекает внимание, если не шокирует, — коэффициент соотношения составил 1.12, 1.14 и 1.14 в 1938, 1948 и 1988 гг. соответственно.

Поскольку все эти показатели могут применяться для воссоздания полных характеристик Восточной Европы и СССР, мы можем сделать вывод, что экономическое фиаско коммунистических режимов в этих странах можно считать таковым лишь относительно ожиданий и надежд на то, что девелопменталистские усилия, централизованно планируемые и направленные на выход за пределы системы глобального круговорота капитала, могут создать на территории коммунистических государств такое изобилие товаров, которое может сравняться с любым известнейшим примером капиталистического Запада. Но этот провал совершенно не связан с тем, чего добились за тот же самый срок регионы со средним доходом, не переходившие на централизованную экономику и не пытавшиеся вырваться за рамки круговорота капитала на мировом рынке. С централизованной экономикой или без неё, оставаясь в рамках мировой капиталистической системы или пытаясь выйти за них, — регионы со средним доходом всегда такими и оставались, демонстрируя тенденцию к усилению неустойчивости своего положения по сравнению с регионами с высоким доходом и к укреплению своих позиций по сравнению с беднейшими регионами.

Конечно, это не значит, что одна или более из тех политико-административных единиц, на которые была разделена Восточная Европа — и на которые можно было бы подразделить СССР, серьезно пострадавший во время Второй Мировой, — не могли быть осчастливлены неким «экономическим чудом» испанского или бразильского типа (а может, даже японского или итальянского), которое произошло бы, будь они свободны от влияния коммунизма в течение вышеозначенных сорока лет. Но что касается объёма населения обсуждаемых регионов, я не вижу никакой веской причины, чтобы считать, что прежние и нынешние страны, управляемые коммунистическими режимами в Восточной Европе и СССР, могли бы достичь чего-то большего, чем, допустим, Латинская Америка, если бы их экономика не была плановой и командной. Напротив, я могу привести кучу доводов в пользу того, что ничего бы не изменилось. Но перед тем как мы перейдем к обсуждению этих доводов, давайте бегло просмотрим сравни-

Граница Мексики и США

тельные характеристики Китая и Южной и Юго-Восточной Азии.

Имеющаяся у нас информация годится для того, чтобы в процессе сравнительного анализа получить конкретные данные в поддержку тех выводов, которые изначально базировались исключительно на сравнении Восточной Европы с некоторыми регионами со средним уровнем дохода. Согласно нашему источнику по 1938 году, Китай был наименее развитым регионом Азии. Его ВВП на душу населения составлял едва ли половину от восточно-азиатского (представленного Индонезией и Филиппинами вместе). У нас нет данных по 1948 г., но, учитывая все перемены и разрушения, перенесённые этой страной между 1938 и 1948 гг. вследствие японской интервенции и гражданской войны, которые были гораздо серьёзнее, чем в других двух регионах (особенно в Южной Азии), можно утверждать с изрядной долей уверенности, что положение Китая по отношению к другим странам накануне установления коммунистического режима (1948 г.) вряд ли могло быть лучше, чем в 1938 г.

Если это действительно имело место, то за сорок лет коммунизма у Китая обнаружился основательный прирост в благосостоянии по сравнению всё с той же Южной Азией и меньшие достижения (или меньшие потери) в соотношении с Юго-Восточной Азией. На 1988 г. китайский ВВП был идентичен восточно-азиатскому (против 1/2 в 1938 г. и, предположительно, в 1948 г.) и составлял 78% индонезийско-филиппинского (68% в 1938). (Начиная с 1960 г. и далее этот регион был ниже статусом, чем остальная, большая часть Азии (см. табл. 4); вполне вероятно, что минимальный прирост ВВП Китая в сравнении с Южной Азией был действительно наименьшей потерей).

Но вне зависимости от того, выиграл или проиграл Китай по отношению к Юго-Восточной Азии, прирост (или урон) был минимальным, — конечно, не таким значительным, как выигрыш Китая по сравнению с Южной Азией. Экономический провал коммунизма — это только неудача по отношению к тем совершенно нереальным ожиданиям и обещаниям самих коммунистов, которые полагали, что они смогут подвинуть огромные человеческие массы на гонку за западными стандартами благосостояния посредством систематического отрыва от круговорота капитала в мировой системе. Тем не менее, уму непостижимо, как эту относительную неудачу можно называть «провалом» при взгляде на «достижения» режимов, установившихся в странах одного стартового экономического статуса с коммунистическими странами, которые отрыв от капиталистического глобального рынка не практиковали. Закрытость или открытость по отношению к вышеназванному круговороту, как выяснилось, на самом деле не сыграла большой роли (какая разница, на какую ногу хромать?) — все перемены в любом случае были только к худшему и привели к повальной тенденции постоянного увеличения неравномерного распределения доходов в рамках глобальной системы.

В любом другом отношении разница между закрытостью и открытостью по отношению к мировому рынку и капиталу, циркулирующему на нем, будет иметь колоссальное значение. Прежде всего эта разница проявляется по отношению к статусу и власти в мировой системе. В течение более тридцати лет после Второй Мировой, вместе или порознь, Китай и СССР умудрялись так или иначе контролировать расширение гегемонии США в мире и распространять своё собственное влияние на Юг — от Карибского моря до Индокитая, от Южной и Восточной Африки до Среднего Востока. Даже в период кризиса вес СССР на мировой арене намного больше, чем у всех стран Латинской Америки вместе взятых, а значение Китая выше, чем всей Южной Азии — если брать регионы, сходные по демографическим и экономическим показателям (уровень ВВП).

Помимо всего прочего, эта закрытость, в отличие от открытости по отношению к мировому рынку и капиталу, значительно отразилась на статусе и благосостоянии низших социальных страт в обсуждаемых регионах — страт, которые в государствах с низким и средним доходом составляют около половины или две трети населения. Как мы уже говорили, в рамках «гонки» за стандартами Запада дела у СССР шли не лучше, а, скорее, даже хуже, чем у Латинской Америки. Но даже самая низкостатусная страта населения в Советском Союзе по критериям продовольствия, здравоохранения и образования существовала несравнимо лучше, чем соответствующая группа в Латинской Америке (включая Бразилию). А если сравнить по тому же принципу Китай с Юго-Восточной и Южной Азией, то разрыв получается гораздо значительнее.

Несмотря на то, что эти политические и социальные достижения в момент кризиса были забыты, они всё равно весьма и весьма впечатляющи. Однако значение всех этих успехов было основательно искажено и преуменьшено пропагандой правящих групп в коммунистических странах (особенно в СССР), согласно которой их государства находятся на пути к скорому достижению западных стандартов благосостояния, хотя на самом деле они стремительно удалялись от установленных капиталистических стандартов. И как только они оказались далеко позади, способность достойно конкурировать с Западом в военной, дипломатической, культурной и научной сфере достигла печально низкого уровня, что привело к тому, что социальные силы, разбуженные непрекращающейся модернизацией, начали претендовать на место правящих элит, чтобы осуществить то, что те наобещали. В конце концов, неспособность, заложенная в самой структуре государств с низким и средним доходом, вскарабкаться повыше в глобальной иерархии благосостояния, стала важным фактором развертывания политического и идеологического кризиса как на Востоке, так и на Юге. Более значительные политические и социальные достижения коммунистического Востока просто сделали этот кризис более заметным, чем на Юге.

5. Олигархическое богатство и восстановление неравенства в доходах

Пришло время предоставить какое-то разумное и обоснованное объяснение кажущегося «железным» закона мировой финансовой иерархии, которая остается неизменной независимо от того, что делают или не делают правительства государств, занимающих в ней низшие ступени — точнее, независимо от того, участвуют они или нет в мировом круговороте капитала, добиваются или нет власти и главенствующего положения в международных отношениях, устраняют или поддерживают неравенство среди субъектов, входящих в их состав. Мне кажется, важным шагом на пути к пониманию причин этого явления будет осознание того, что стандарты благосостояния, пропагандируемые Западом, по сути своей являются тем, что Рой Харрод однажды назвал «*олигархическое богатство*», противопоставив его «*демократическому богатству*». Эти понятия Харрод ввел, основываясь на понятии личного богатства, в общих чертах определенном как долгосрочный доход, вне зависимости от национальности или гражданства рассматриваемого субъекта. Тем не менее эти понятия, с некоторыми независимыми модификациями, могут быть применены к долгосрочному доходу индивидуумов как членов определенного «национального хозяйства» (государства), вовлеченных в процессы мирового рынка и соперничающих друг с другом за контроль над человеческими и природными ресурсами планеты.

Согласно харродовской концепции, между демократическим и олигархическим богатством пролегла «пропасть, через которую не наведешь мосты». Демократическое богатство — это что-то вроде владения и управления ресурсами, которое в принципе доступно каждому и непосредственно зависит от интенсивности и эффективности усилий, прикладываемых для достижения возможности такого управления. Олигархическое богатство, напротив, не имеет никакого отношения к интенсивности и эффективности усилий, приложенных индивидом, и его совершенно нельзя достичь, как ни старайся. Согласно Харроду, у этого две основных причины. Первая соотносится с тем, что мы обычно понимаем под эксплуатацией. Мы не можем все управлять реализацией услуг и производством, требующих временных и силовых затрат более одного человека со средней производительностью труда. Если у кого-то появляется возможность такого управления, это означает лишь то, что другой человек работает за меньшую часть того, чем он мог бы обладать, оценивая весь труд одинаково. Кроме того — и в этом и заключается вторая причина, — некоторые ресурсы или весьма скудные как в абсолютном, так и в относительном смысле этого слова, или вокруг них и так крутится слишком много народу по причине экстенсивного использования. Разработка этих ресурсов строго определенными субъектами предполагает со всей очевидностью исключение остальных из данной сферы — либо путем контроля цен, либо путем норми-

рования системы, что приводит к формированию арендной и квази-арендной системы пользования ресурсами⁴.

Получается, что борьба за достижение олигархического богатства изначально является саморазрушительной. Итог дискуссии по поводу этого понятия подвёл Фред Хёрш, тот самый человек, который спас харродовское понятие «олигархического богатства» от забвения, — он заявил, что идея, согласно которой любой смертный может достичь богатства олигарха, это всего лишь иллюзия.

«Действуя в одиночку, каждый индивид пытается выжать максимум из своего положения. Но процесс удовлетворения индивидуальных пожеланий не может не изменяться, поскольку он сталкивается с другими такими же процессами. Таким образом, ряд транзакций, представляющих собой персональные

ОЛИГАРХИЧЕСКОЕ БОГАТСТВО, НАПРОТИВ, НЕ ИМЕЕТ НИКАКОГО ОТНОШЕНИЯ К ИНТЕНСИВНОСТИ И ЭФФЕКТИВНОСТИ УСИЛИЙ, ПРИЛОЖЕННЫХ ИНДИВИДОМ, И ЕГО СОВЕРШЕННО НЕЛЬЗЯ ДОСТИЧЬ, КАК НИ СТАРАЙСЯ

нужды такого плана, оставляет индивида в гораздо худшем положении, чем он занимал до того, как эти транзакции произошли, так как даже все эти поступки, вместе взятые, не улучшают соответственно положение всей совокупности индивидов. Существует проблема «суммирования». Те возможности экономических достижений, которые последовательно открываются перед субъектом, не являются эквивалентами возможности экономического развития для общества в целом. То, чего может добиться каждый из нас в отдельности, недоступно всем вместе⁵. Государства, стремящиеся к «национальному богатству» в системе капиталистической мировой экономики, сталкиваются всё с той же «проблемой суммирования», но с гораздо более серьёзной, чем та, с которой пришлось бы бороться одному индивиду, решись он встать на путь личного обогащения в рамках национальной экономики. Возможности экономического развития, постепенно появляющиеся перед государством (как и в случае с отдельными людьми), не являются эквивалентными тем возможностям, которые доступны всем государствам вместе взятым. В таком контексте экономические достижения — это иллюзия. Богатство Запада ничем не лучше, чем «олигархическое богатство» Харрода. Оно не может быть общественным, так как основывается на эксплуатационных взаимоотношениях и отчуждении, которое предполагает то и дело возобновляющуюся депривацию большинства населения земного шара.

Процесс отчуждения — это важный элемент отношений эксплуатации. Здесь понятие эксплуатации используется в отношении к тому факту, что абсолютная или относительная бедность государств, занимающих самые низкие ступени в мировой экономической иерархии, постоянно побуждает правительства и субъектов этих государств принимать участие в мировом разделении труда за незначительные вознаграждения, что оставля-

4. См.: Harrod R. The Possibility of Economic Satety — use of Economic Growth for Improving the quality of Education and Leisure // Committee for economic Development. Problems of United States Economic Development. Vol. 1. — New York, 1958.

5. Hirsch F. Social Limits to Growth. — Cambridge, 1976. P. 4–5.

Навотас, Филиппины.

Электричество незаконным образом крадется у здания главной почты. Проблема его отсутствия особенно живо стоит перед четверто перенаселёнными кварталами. Как что для предотвращения воровства энергетические компании нарочно оставляют голыми опасные провода высокого напряжения. А на фото мальчик проверяет, не завелись ли у мамы вши.

ет основную массу прибыли в руках правительств и субъектов государств, находящихся на верхних ступенях иерархии. Процесс отчуждения относится, напротив, к тому факту, что олигархическое богатство государств высших ступеней глобальной иерархии обеспечивает правительства и субъекты этих государств средствами, необходимыми для исключения стран, находящихся на более низких ступенях, из круга тех, кто пользуется и владеет ресурсами, имеющимися в недостаточном количестве или являющимися предметом накопления.

Итак, эти два процесса различны, но взаимосвязаны. Эксплуатация дает возможность богатым государствам и их сателлитам инициировать и поддерживать отчуждение. А отчуждение, в свою очередь, создаёт бедность, необходимую для того, чтобы правительства и субъекты сравнительно бедных стран продолжали искать возможность попадания в систему мирового разделения труда на условиях, выгодных богатым государствам. Эти взаимосвязанные процессы действуют во времени и пространстве очень неравномерно. Следует признать, что иногда их воздействие столь неэффективно, что создаётся впечатление, будто большинство стран действительно «развивается», то есть пытается навести мосты через бездонную пропасть, отделяющую их бедность или скромный достаток от олигархического богатства Запада. Это происходит в периоды кризиса системы, когда усилия большинства достигнуть олигархического богатства, которое по определению не может быть всеобщим, угрожают тем, что для меньшинства исчезает даже возможность таких попыток.

Кризис такого рода может произойти, как только производительная экспансия капитала в «осевых» регионах начнёт сталкиваться с отрицательными результатами. Именно это произошло в конце 1960-х – начале

1970-х гг. В это время «платёжный взрыв» — как его удачно назвал Фелпс Браун⁶ — прокатился почти по всей Западной Европе и (в меньшей степени) по США и Японии. Он явился первым знаком того, что производственная экспансия капитала в «осевых» регионах стремительно приближалась к рубежу, за которым её результативность начнёт быстро падать. Платёжный взрыв был как раз в полном разгаре, когда в 1973 г. случился первый «нефтяной шок», который сам по себе чрезвычайно наглядно продемонстрировал всеобщий рост цен на товары первой необходимости после двадцати лет их относительного снижения. Сократившаяся из-за подъёма заработной платы и цен на импортируемое сырьё, рентабельность дальнейшей производственной экспансии в «осевых» регионах уменьшилась, и капитал стал искать пути ревальвации в новом направлении.

Два главных направления были открыты для капиталистической экспансии. С одной стороны, производственная экспансия вполне могла быть продолжена в более периферийных регионах, ещё не затронутых повышением цен на рынке труда или выигравших на повышении цен на товары первой необходимости. Вторым вариантом было прекращение экспансии, а освободившиеся денежные средства можно было инвестировать в финансовые спекуляции в целях поглощения приносящих доход активов и патентов на правительственные доходы по сниженным ценам. В течение большей части 1970-х гг. оба вида экспансии поддерживали друг друга и вызвали огромный прилив капитала к странам, традиционно имевшим средний и низкий доход. В 80-е гг. второй тип экспансии полностью вытеснил первый и привёл к резкому оттоку финансов обратно в регионы «оси».

Движение капитала в обоих направлениях (на периферию и обратно) было в высокой степени насильственным — это подтверждается тем, что в 70-е большинство западных правительств — во главе с американским — продолжали проводить производственную экспансию внутри своих собственных границ, не осознавая того, что эта экспансия теряет свой смысл и становится невыгодной — так они зарезали курицу, несшую золотые яйца. Поскольку усилиями государственной внутренней политики рентабельность экспансии в «осевых» регионах продолжала снижаться, капитал потек в более периферийные регионы и в другие формы инвестирования — такие как долларовые вклады в избранных западноевропейских банках — и оказался за пределами досягаемости правительств стран «оси».

Несогласованность требований «осевого» капитала и политики «осевых» регионов создала условия для всеобщего экономического подъёма 1970-х — единственного периода за пятьдесят лет, когда страны с низким и средним доходом, по которым у нас есть данные (исключая лишь Южную Азию), вроде бы действительно сократили отрыв от стран «оси» (см. таблицы 2, 3, 4). Это было то время, когда и бедные, и (особенно) государства со средним доходом были просто захлестнуты волной предложений

6. Phelps Brown E. H. A Non-Monetarist View of the Pay Explosion // Three Banks Review. 1975. P. 105.

различных капиталистических институтов о практически безлимитных кредитных программах для производственных и непромышленных сфер, совместных предприятиях и других формах помощи в организации производства, конкурируя друг с другом и со странами «оси». И даже коммунистические государства не оказались в дискриминированном положении. Напротив, некоторые из них были в числе тех, кто больше других выиграл от внезапно открывшегося рога изобилия и быстро продвинулся к тому, чтобы включиться в мировой круговорот капитала, приняв на себя тяжелейшие в мире финансовые обязательства⁷.

Этот рог изобилия по самой своей сути был обречён на очень краткое существование. Во-первых, внезапно появившееся в регионах с низким и средним доходом многообразие товаров привело к массовому усилению попыток развития, ориентированных на ту или иную форму индустриализации, и к ужесточению конкуренции. Прилагаемые усилия были изначально саморазрушительными. Во-вторых, они усилили глобальный на тот момент дефицит импорта, который был решающим для успешности развития. В-третьих, они создали переизбыток традиционной продукции, вызвав понижение цен на неё на мировом рынке. Раньше или позже, момент истины всё равно настал бы — момент, когда только наиболее конкурентоспособные смогли насладиться плодами индустриализации, а все остальные оказались на мели, обнаружив, что овчинка не стоила выделки — особенно если задуматься о тех затратах, которые потребовались для возврата долгов, возникших во время «индустриализационной гонки». Таким образом, рог изобилия превратился в свою противоположность. Кредиты и другие формы помощи резко сократились, и проигравшие вынуждены были отказаться от наиболее ценных приобретений, или от будущих прибылей, или от того и другого вместе, что было единственным выходом во избежание потери всякого доверия.

Более того, многообразие товаров в бедных и средних регионах в 1970-х гг. имело тенденцию к уничтожению того расхождения, которое существовало между усилившейся спекулятивной склонностью «осевого» капитала и политикой «осевых» правительств. Чем больше капитала стран «оси» перетекало к «беднякам» и «среднякам», тем больше правительства осевых стран осознали, что их попытки поставить капитал на службу производственной экспансии в своих собственных границах были не только неэффективными, но даже привели к появлению массового стремления к развитию, что создало нешуточную угрозу стабильности той глобальной иерархии богатства, на которой основывалась их сила. Параллельно валоризация «осевого» капитала попадала во всё большую зависимость от отчуждаемых у зависимых стран ресурсов и прибылей, что вылилось в очевидную необходимость помощи со стороны «осевых» правительств в виде легитимизации и интенсификации процесса отчуждения.

Между 1979 г. (второй «нефтяной удар») и 1982 г. (мексиканский дефолт) поток капитала повернул вспять. Произшедшая контрреволюция Рейгана–Тэтчер ускорила общий девелопменталистский кризис Востока и Юга. Правительства стран «оси» предоставили максимум свободы действий капиталистическим институтам, занятым финансовой спекуляцией, а в дальнейшем упрочили эти нововведения приватизацией своих собственных ресурсов и будущих прибылей по сниженным ценам, что усилило процесс отчуждения. Венцом всему стало то, что, действуя вместе или раздельно, «осевые» правительства сделали всё, что было в их силах, чтобы «осевые» капиталисты смогли заставить страны с низким и средним доходом выполнить свои долговые обязательства. Разумеется, капиталисты с энтузиазмом согласились на эту «новый курс», условия которой были не в состоянии оспорить ни Юг, ни Восток. Таким образом, когда для этих регионов праздник окончился, население Запада — или как минимум его высшая страда — вступило в свой «золотой век», во многом напоминая эпоху расцвета европейской буржуазии в начале XX в. Наиболее удивительное сходство этих двух belle époque состоит в том, что и тогда, и сейчас у тех, кто наслаждается этой эпохой, полностью отсутствует понимание того, что внезапное и небывалое процветание, выпавшее на их долю, отнюдь не основывается на разрешении кризиса накопления, который предшествовал «золотому веку». Напротив, это неожиданное благополучие базируется на переносе кризиса с одного типа отношений на другой. И это было лишь вопросом времени, когда этот кризис в гораздо более опасных формах скажется на тех, кто считал, что пришло время благоденствия.

6. Философия головастиков и будущее социализма

«Золотая эпоха» начала XX века завершилась в период всемирного хаоса (1914 – 1948 гг.), характеризуемый войнами, революциями и постоянно усиливающимся кризисом глобальных процессов накопления капитала. Вполне вероятно, что вторая «золотая эпоха» конца XX столетия окончится хаосом, во многих отношениях схожим (но в чем-то и различным) с тем, что был с 1914 по 1948 гг. Если всё именно так, то крах коммунизма в Восточной Европе в ретроспективе будет рассматриваться не как начало, а как завершение для Запада эры процветания и безопасности. Тот факт, что сразу после падения коммунизма случился иракско-кувейтский кризис, а США пережили первый серьёзный экономический спад после 1982 года, свидетельствует о том, что так оно, скорее всего, и случится. [...]

Если говорить в терминах геополитики, основным фактором, повлиявшим на возникновение хаотического состояния в начале века, стал углублявшийся и расширявшийся внутренний конфликт на Западе, в процессе присоединения к которому в качестве почётного члена находилась на тот момент Япония, — конфликт по пово-

7. См.: Zloch-Christy I. Debt Problems of Eastern Europe. Cambridge, 1987.

ду территориального передела мира между «восходящими» и «умирающими» державами (так называемый «империализм»). А его главным итогом стало возникновение антисистемных сил, приведших к формированию Запада, Юга и Востока в качестве отдельных и относительно автономных геополитических образований. Главным же фактором грядущего хаоса станет, напротив, глубокий и широкий внутренний конфликт из-за увеличивающегося дефицита мировых экономических ресурсов, который затронет распадающийся Восток и Юг. А его наиболее важным итогом станет создание структур всемирного правительства — вначале эта идея будет продвигаться именно Западом, — что приведет, по-видимому, к более или менее полному объединению мира, ныне расколотого на Запад, Юг и Восток. Короче говоря, то, что было «сделано» в предыдущий период системного хаоса, будет «разрушено» в ходе последующего.

В последнее десятилетие (или около того) реальность этой модели начала бросаться в глаза. Ирако-кувейтская междоусобица, которая сама коренится в более раннем и серьёзном ирано-иракском конфликте, побудила США и их спутников возродить забытую идею мирового правительства — точнее, Совет безопасности ООН — как единственный для них способ легитимизированно и успешно вмешиваться во внутренние проблемы Юга и решать их в свою пользу. И более того, ни эскалация конфликтов на Юге по поводу присвоения и использования нефтяной ренты, ни использование США и их союзниками Совета безопасности ООН как инструмента жесткого решения конфликтов не были бы возможны без предшествующей частичной дезинтеграции Востока под давлением собственных конфликтов.

Социальные силы, лежащие в основе описанной модели, должны скорее усилиться, чем ослабнуть в течение следующих 10-20 лет. Это будет вызвано, с одной стороны, необратимыми изменениями в социальной структуре мировой экономической системы в период между 1950-и и 1980-и гг., а с другой — абсолютной и относительной депривацией, порождённой этими изменениями на Юге и Востоке в течение 1980-х. Покуда процессы эксплуатации и отчуждения, продолжающие производить олигархическое богатство Запада и угнетение остальных регионов, будут иметь место, южные и восточные конфликты будут оставаться логичными и естественными для этих территорий и будут ставить трудноразрешимые проблемы урегулирования для Запада. До тех пор, пока доминирующая позиция Запада будет выражаться в применении силы и средств для консервации, а не для реформирования (не говоря уже о коренных преобразованиях) существующей иерархии благосостояния, можно с большой долей вероятности предсказать, что через некоторое время каждое разрешение конфликта, спонсированное или навязанное Западом, будет приводить только к дальнейшей эскалации напряжения и новым столкновениям.

Постоянная, хотя и недолгая, эта эскалация конфликтов на Юге и Востоке должна породить, в свою очередь, противоположные тенденции на самом Западе. С одной стороны, правительствам и населению стран Запада придётся изобрести новые средства обоюдной коммуникации в целях управления и сохранения глобальной торговой и накопительной сети, на которой базируется их олигархическое богатство. С другой стороны, постоянный рост числа и многообразия народов на территории Запада приведёт к осознанию того, что стоимость защиты олигархического капитала намного превысит его преимущества и получаемые прибыли. И если первая тенденция приведёт, вероятно, к дальнейшему усилению существующих структур всемирного органа управления и созданию новых, то вторая может вызвать серьёзные столкновения по поводу распределения бремени затрат на защиту олигархического богатства или даже по поводу целесообразности этого богатства как такового, поскольку цена защиты станет равной или превысит прибыли от такого капитала для большинства стран западного общества.

Сочетание этих двух тенденций поставит социалистические силы, существующие на Западе, перед сложной дилеммой. В течение всего XX века эти силы сознательно или бессознательно идентифицировали себя с тем или иным вариантом девелопментализма. Как было отмечено Иммануилом Валлерстайном, эта идентификация создаёт большое расхождение с идеалами человеческого равенства и солидарности, которые составляют суть социалистического учения. А что касается идеологии девелопментализма, то это просто глобальная версия «философии головастика» Р. Тоуни⁸.

«Возможно, что интеллектуалы-головастики примиряются с завистью своего положения, понимая, что, несмотря на то что большинство из них родится и умрет всего лишь головастиками, более удачливые особи в один прекрасный день отбросят хвосты, раздуют рты и животы, проворно выскочат на сушу и проквакают речь своим бывшим друзьям о добродетелях, которыми должен обладать головастик с характером и способностями, чтобы дорасти до лягушки. Эту концепцию общества можно, наверное, назвать «философией головастика», поскольку единственное утешение, которое она может предложить униженным и оскорблённым, — это утверждение, что особо одарённые индивиды могут избежать социальных зол <...> и такой взгляд предлагает вполне определённое отношение к человеческой жизни! Как если бы возможность «вырасти» для талантливых индивидов могла быть равной в обществе, где условия, в которых они оказываются с рождения, неравны как таковые! Как если бы было естественным и правильным, что положение человеческих масс, будь они на это способны, могло бы быть постоянно таким, что они могут достичь цивилизации, только избегая её! И как если бы честнейшим применением выдающихся способностей было карабкаться на берег, особенно не удручаясь мыслью о тонущих компаньонах!»⁹

8. Wallerstein I. The Capitalist World-Economy. — New York, 1979. P. 76.

Прочитав этот отрывок, Валлерстайн говорит о том, что «для тех, кто не хочет «карабкаться на берег», альтернативой будет скорее поиск путей изменения системы в целом, чем получения выгоды в её рамках. Именно это я считаю определяющей особенностью социалистического движения. Критерием легитимности такого движения был бы тот пространственный охват, на который направлена вся полнота его действий, вплоть до максимальной степени возможного, до быстрой трансформации ныне существующей мировой системы, включая возможную замену капиталистической мировой экономики мировым социалистическим правительством»¹⁰.

В 1979 году, когда Валлерстайн опубликовал приведённые рассуждения, его совет усиленно работать над формированием мирового социалистического правительства звучал, мягко говоря, фантастически. Если понятие мирового правительства казалось просто нереальным, то идея всеобщего *социалистического* руководства была абсолютно дискредитирована уже раньше — достаточно обратиться к примерам всяческих Социалистических Интернационалов, которые либо потерпели полное фиаско, либо превратились в инструмент угнетения слабейших. Кроме того, в 1970-е казалось, что большинство вариантов девелопментализма (включая и социалистические) действительно приносят какие-то из обещанных плодов. Поэтому работа над созданием мирового социалистического правительства казалась не только невыполнимой, но и нецелесообразной.

Сегодня понятие всемирного правительства уже не кажется столь фантастическим, как в 1979 году. Большая Семёрка регулярно проводит свои встречи и становится всё более и более похожей на комитет по управлению всеми делами мировой буржуазии. В течение 1980-х годов Международный валютный фонд и Всемирный банк постоянно усиливали своё влияние как всемирное министерство финансов. Не менее важно то, что 1990-е начались с обновления Совета безопасности ООН в качестве мирового министерства полиции. Хотя и по совершенно незапланированной модели, под давлением происходящих событий мировые экономические и политические силы шаг за шагом формируют структуру всемирного правительства.

Можно быть уверенным в том, что весь процесс формирования всемирного правительства спонсируется и контролируется консервативными силами, практически единолично владеющими правом легитимации и принудительного усугубления и так крайне неравномерного мирового распределения богатства, которое возникло в результате крушения всех девелопменталистских усилий Юга и Востока в 1980-е гг. На самом деле, вряд ли начало формирования мирового правительства было случайным, абсолютно точно совпав с коллапсом девелопменталистских усилий. Скорее уж оно явилось вполне прагматичным ответом на образование в международном пространстве политического и идеологического вакуума после падения девелопментализма. Встает вопрос: как превратить процесс, направленный

на легитимизацию и усиление мирового неравенства, в инструмент пропаганды великого мирового равенства и солидарности?

В эпоху свирепствующей алчности и провала всех предшествующих социалистических проектов новые попытки, естественно, кажутся безнадежными. [...] Как уже говорилось, структурные проблемы, которые лежат в основании процесса формирования мирового правительства, склонны скорее к усилению, чем к ослаблению. Но даже если этот процесс продвинется гораздо дальше, чем сейчас, цена пребывания в состоянии системного хаоса для населения Запада окажется тоже гораздо выше. В особенности цена защиты — в широком понимании она включает не только инвестиции в карательные органы и армию, но и взятки и другие выплаты клиентам и дружественным силам на дезинтегрированном Востоке и Юге, а также дорогостоящий или непоправимый ущерб, причинённый человеческой психике. И цена эта будет расти до тех пор, пока погоня за олигархическим богатством не покажется многим именно тем, чем оно было всегда, — в высшей степени деструктивным предприятием, которое перекладывает затраты на процветание и безопасность меньшинства (не более, а, возможно, даже менее одной шестой человечества) на большинство, а также на

ЦЕНА ПРЕБЫВАНИЯ В СОСТОЯНИИ СИСТЕМНОГО ХАОСА ДЛЯ НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДА ОКАЖЕТСЯ ТОЖЕ ГОРАЗДО ВЫШЕ. В ОСОБЕННОСТИ ЦЕНА ЗАЩИТЫ — В ШИРОКОМ ПОНИМАНИИ ОНА ВКЛЮЧАЕТ НЕ ТОЛЬКО ИНВЕСТИЦИИ В КАРАТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ И АРМИЮ, НО И ВЗЯТКИ И ДРУГИЕ ВЫПЛАТЫ КЛИЕНТАМ И ДРУЖЕСТВЕННЫМ СИЛАМ НА ДЕЗИНТЕГРИРОВАННОМ ВОСТОКЕ И ЮГЕ, А ТАКЖЕ ДОРОГОСТОЯЩИЙ ИЛИ НЕПОПРАВИМЫЙ УЩЕРБ, ПРИЧИНЁННЫЙ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ПСИХИКЕ. И ЦЕНА ЭТА БУДЕТ РАСТИ ДО ТЕХ ПОР, ПОКА ПОГОНЯ ЗА ОЛИГАРХИЧЕСКИМ БОГАТСТВОМ НЕ ПОКАЖЕТСЯ МНОГИМ ИМЕННО ТЕМ, ЧЕМ ОНО БЫЛО ВСЕГДА, — В ВЫСШЕЙ СТЕПЕНИ ДЕСТРУКТИВНЫМ ПРЕДПРИЯТИЕМ, КОТОРОЕ ПЕРЕКЛАДЫВАЕТ ЗАТРАТЫ НА ПРОЦВЕТАНИЕ И БЕЗОПАСНОСТЬ МЕНЬШИНСТВА (НЕ БОЛЕЕ, А, ВОЗМОЖНО, ДАЖЕ МЕНЕЕ ОДНОЙ ШЕСТОЙ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА) НА БОЛЬШИНСТВО, А ТАКЖЕ НА БУДУЩИЕ ПОКОЛЕНИЯ САМОГО МЕНЬШИНСТВА.

будущие поколения самого меньшинства. С этой точки зрения, речь, которую проквашают «лягушки» Запада «головоастикам» бывшего Востока и Юга, прозвучит как анахронизм для самих «лягушек» или, по крайней мере, для большинства из них. Для западных социалистов должен тогда наступить свой собственный момент истины. Или они объединят силы со своими соратниками с Востока и Юга и предложат интеллектуальный проект и политическую программу, способную превратить системный хаос в миропорядок, в котором будет больше равноправия и солидарности, или их воззвания к прогрессу человечества и социальной справедливости потеряют последние остатки доверия.

Печатается с незначительными сокращениями

9. Tawney R.H. Inequality. — New York, 1961. P. 108–109.

10. Wallerstein I. The Capitalist World-Economy. P. 101.

ТЕРРОРИЗМ, ВОЙНА И МИР

Итак, морально практический разум произносит в нас своё неотменимое veto: никакой войны не должно быть...

Иммануил Кант «Метафизика нравов»¹

Переработанная версия доклада на Международном коллоквиуме «Война и Мир», проходившем во Флорианополисе (Бразилия) 12–14 сентября 2005 г. Доклад опубл. на <http://www.cfh.ufsc.br/ethic/et51art4.pdf>

СТАТЬЯ ПРОФЕССОРА Ю. ШТОЛЬЦЕНБЕРГА ПОКАЗЫВАЕТ: ПОЛИТИКА США ПРЕДСТАВЛЯЕТСЯ НЕПРИЕМЛЕМОЙ НЕ ТОЛЬКО С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ПРОТИВНИКОВ ЛИБЕРАЛИЗМА, НО И С ПОЗИЦИЙ КЛАССИЧЕСКОЙ КАНТОВСКОЙ ФИЛОСОФИИ ПРАВА.

В наши дни, говоря о *Войне и Мире*, мы вынуждены говорить также и о *Терроризме*. После 11 сентября 2001 года проблемы войны и терроризма приобрели новую остроту. На следующий день после случившегося Джордж Буш заявил, что уничтожение «*башен-близнецов*» было *актом войны*:

«Спланированные смертоносные атаки, осуществлённые вчера против нашей страны, были больше, чем актами террора. Они были *актами войны*».

Вскоре после этого Джордж Буш использовал понятие войны уже в другой связи. Буш заявил, что война против Афганистана и «Талибана» была «*войной против терроризма*». Эта формула была подхвачена ведущими зарубежными политиками и международной прессой. Четыре года спустя, в августе 2005 года, Буш повторил, что Соединённые Штаты находились «в состоянии войны с врагом, который напал на нас 11 сентября»². Так ли это? Поставить этот вопрос проще, чем на него ответить. Ведь на кону не только правильное

использование определённого понятия в нашей повседневной жизни. Этот чрезвычайно сложный вопрос затрагивает широкий круг политических, юридических — особенно из сферы международного права — и этических проблем. Именно поэтому невозможно дать ответ, удовлетворительный во всех отношениях.

Я начну с того, что попробую проанализировать, как понятие войны используется в двух упомянутых выше смыслах. Затем я обращусь к философским аспектам вопроса о терроризме, войне и мире и рассмотрю так называемый «кантианский проект», то есть аргументы Канта в пользу создания «вечного мира» между государствами. Первым шагом, однако, станет анализ самого понятия терроризма. Отсюда мой первый вопрос: «Что такое терроризм?»

1. Понятие терроризма

Если последить за обзорами новейшей научной литературы по терроризму, можно обнаружить в ходу более ста определений понятия «терроризм». Можно счесть это отражением концептуальной диффузии нашего времени, возникающей, по крайней мере, отчасти из полемической природы контекстов, в которых это понятие используется. Среди определений, собранных и опубликованных Центром изучения терроризма в США, одно из самых полных звучит так: «Терроризм — это незаконное использование силы или насилия против лиц или имущества для устрашения или принуждения

1. Кант И. Метафизика нравов // Кант И. Сочинения в 6-и тт. — М.: «Мысль», 1965. — Т. 4. Ч. 2. с. 282.

2. Süddeutsche Zeitung, 8.8.2005, S. 1.

3. Coady C.A.J. Was ist Terrorismus? // Terror & der Krieg gegen ihn. Öffentliche Reflexionen. Ed. G. Meggle. — Paderborn, 2003. S. 72.

правительства, гражданского населения или их составляющих в политических или социальных целях»³.

К этой формулировке, опубликованной ФБР, можно отнести как к полезному опыту определения понятия «терроризм», однако она нуждается в дальнейшем объяснении. Во-первых, она ничего не говорит об акторах. Актором может быть как отдельное лицо, группа или коллектив, так и организация, институты и их сети и даже государство и коалиции государств. Во-вторых, следует подчеркнуть, что непосредственные адресаты или жертвы террористических атак, как правило, невинные люди. Хотя этот аспект и не является необходимым для определения понятия «терроризм», он отражает истину, и нужно отметить, что эффект террористических актов зависит именно от этого момента: они тем более эффективны, чем больше невинных людей пострадало или было убито.

Другой аспект эффективности терроризма — его непредсказуемость, особенно это касается международного терроризма. Каждый из нас должен взглянуть в лицо фактам: он может стать жертвой террористической атаки. Так, в августе прошлого года сеть Аль-Каида угрожала Великобритании новыми атаками «с сотнями тысяч погибших»⁴. Грядущие атаки, как сказал представитель Усамы бен Ладена Айман Аль-Завахири, затмят атаки 11 сентября⁵. Несомненно, это один из наиболее отвратительных аспектов терроризма. Произнося такие слова, я отдаю себе отчет в том, что покидаю почву концептуального анализа терроризма и выношу оценочное суждение, которое, однако, не нуждается в дальнейших разъяснениях. Полученное описание понятия «терроризм» по степени ясности вполне удовлетворяет нашей цели. Теперь я обращаюсь к вопросу, могут ли террористические акты быть названы «актами войны».

2. Являются ли террористические акты актами войны?

Снова я привожу аргумент, который можно найти в научной литературе, но который, кажется, не так хорошо известен, по крайней мере в германских дискуссиях по данному вопросу. Многие юристы считают, что атаки на Нью-Йорк и Лондон были актами убийства и — я цитирую утверждение Христиана Томушата — «кровопролитный акт против гражданского населения страны — это не акт войны, а просто убийство, за которое акторы должны быть привлечены к суду»⁶. В качестве оснований для такого суждения они ссылаются на различия в характеристиках между международными террористическими атаками и традиционными войнами. Войны, согласно классическому пониманию, это широкомасштабные действия страны или общества, направленные на достижение, как правило, заранее известных политических целей путем организованного насилия. Такими были войны между государствами в XVIII — XIX веках. Эти войны, так же как и «тотальные войны» XX века,

регулировались определёнными общепринятыми правилами. Войны демонстрируют мощь государства или альянса государств; террористические акты, напротив, осуществляются индивидуумами или группами. Войны суть вооружённые конфликты, объявляемые и осуществляемые официально, тогда как террористические акты — это подпольные действия. Цель традиционной войны — получение превосходства над врагом либо силой оружия, либо за счёт технологической ведения войны; таким образом, жертвы среди гражданского населения не предполагаются. Они рассматриваются — и принимаются — как «сопутствующий ущерб». Террористические акты намеренно направлены против гражданского населения. И наконец, традиционные войны обычно имеют пространственные и временные рамки, тогда как террористические атаки происходят в неожиданных местах, а их длительность не играет реальной роли. С учётом этой концептуальной картины можно заключить, что террористические акты ни в коем случае не являются актами войны.

Очевидно, на счёт этих доводов можно записать некоторую осмотрительность в использовании понятия войны, замеченную даже за Дональдом Рамсфельдом или председателем Комитета начальников штабов Ричардом Майерсом. Можно процитировать следующее высказывание последнего: «Если вы говорите о войне, вы тем самым предполагаете, что решение — за людьми в военной форме»⁷. Майерс же ратует не за военное, а за дипломатическое и экономическое решение, и сам вызов, по его словам, следует расценивать больше как политический, нежели как военный. До сего момента Джордж Буш неустанно отвергал эти доводы.

Одну из причин использования термина «война» в отношении террористических актов можно описать следующим образом. Это касается изменений в политике национальной безопасности. В свете *конфликта «Восток-Запад»* жестокие конфликты за пределами западного мира приобретают новое значение. Использование слова «война» выражает эту новую ситуацию, где политика безопасности под угрозой, где нарастает угроза западному миру со стороны терроризма. Поэтому можно сказать, что, когда террористические атаки называют «актами войны», в игру вступают тактические или, скорее, психологические основания. Это можно понять как риторический ход, призванный придать ситуации серьёзность, подчеркнуть значительность угрозы как для своей собственной страны, так и для всего западного мира.

Очевидно, именно это имел в виду Колин Пауэлл в своем интервью от 13-го сентября: «Мы говорим о войне, — сказал он, — как о способе сфокусировать энергию Америки и энергию международного сообщества»⁸. Политические последствия, однако, не менее суровы. Говорить о *войне* применительно к террористическим атакам равнозначно оправданию *войны против терроризма*. Но *есть* ли вообще какое-то оправдание?

4. См. сноску 2.

5. Там же.

6. Tomuschat Ch. Der 11. September und seine rechtlichen Konsequenzen // Europäische Grundrechte Zeitschrift, Nr. 28, H. 21—23, S. 536.

7. См. сноску 2.

8. Usinfo.state.gov/topical/pol/terror/01091366.htm — Цит. по: Zanetti V. Paradigmenwechsel im Völkerrecht? // Terror & der Krieg gegen ihn. S. 123.

3. «Справедливая война» против терроризма?

Пытаясь найти ответ на этот вопрос, мы можем интерпретировать саму проблему как вариант классического вопроса о том, справедлива ли та или иная война. А значит, по-видимому, стоит сравнить основные аспекты классической теории справедливой войны с нашей нынешней проблемой. Как хорошо известно, критерий справедливой войны формируется двумя составляющими: первая объясняет *jus ad bellum*⁹, вторая относится к *jus in bello*¹⁰. Что касается этих традиционных тем, то можно показать, что война против терроризма и особенно война против Афганистана и «Талибана» не может быть названа справедливой войной.

Jus ad bellum включает следующие критерии:

1. Война должна быть объявлена, и должно быть основание, оправдывающее насилие.
2. Война должна быть «ultima ratio»¹¹.
3. Успех должен быть вероятным.
4. Выгода должна оправдывать ущерб.

С другой стороны, для *jus in bello* мы можем назвать следующие критерии:

1. Насилие должно быть необходимым для достижения намеченных целей.
2. Насилие не должно быть направлено против невинных людей.
3. Не должен быть причинен огромный сопутствующий ущерб, например увечья и смерть огромного числа невинных людей.
4. Насилие не должно причинить больший ущерб, чем могло причинить или фактически причинило само преступление.

Я не могу оспутать здесь многочисленные проблемы и трудности, связанные с этими темами. Для нашей нынешней цели достаточно констатировать, что убийство тысяч невинных людей можно считать достаточным основанием для оправдания насилия против врага, так как в терминах нанесённого ущерба оно эквивалентно вооружённому нападению. Если принять во внимание, что первая атака на Всемирный торговый центр была организована бен Ладеном в августе 1993 года, а за ней последовали атаки на посольства в Танзании и Кении в 1998 году и на военный корабль в Аденском заливе в октябре 2000 года, то, как представляется, в данном случае налицо достаточное оправдание для самообороны, а также и для превентивной самообороны.

Однако в отношении второго критерия *jus ad bellum* можно задаться вопросом, была ли война в самом деле *ultima ratio*. Многие правительства в других частях мира — и среди них Германия — так не считают. Есть веские основания утверждать, что история о существовании огромного арсенала химического оружия совсем не правда и что она была сфабрикована для обеспечения сильного «ultima ratio» в том смысле, что якобы существовала подлинная опасность применения этого оружия против населения западного мира.

Что же касается третьего критерия - условия *вероятного успеха*, то вряд ли в данном случае успех можно было бы оценить как вероятный, если под «успехом» имеется в виду раз-

рушение основы терроризма. В 2001-м году, как и сейчас, было известно, что террористы действуют группами, рассеянными по всему миру, и что они в довольно неопределённом контакте с центрами Аль-Каиды, если вообще в контакте. Можно сказать, что в наши дни Аль-Каида превратилась в туманную идею - и не более того. Но это не означает, что террористическая угроза уничтожена, наоборот, распространение этой угрозы в мировых масштабах драматично усилило её неотвратимость. И *это* — один из «успехов» войны против терроризма! Так что вместо того, чтобы уничтожить источник терроризма, война разрушила ненавистное правительство талибов (которое США до этого поддерживали) и обеспечила гарантии присутствия армии США в экономически значимой стране. А борьба и убийства невинных людей продолжаются. Наконец, не представляется очевидным, что ожидаемая выгода оправдала причинённый ущерб. Неужели кто-то решится утверждать, что уничтожение правительства талибов - без обнаружения бен Ладена - оправдывает 20 000 убитых, разорение страны и разрушение гражданской жизни?

Если принять во внимание *jus in bello*, картина не будет слишком отличаться. Были убиты тысячи невинных людей, США использовали тысячи кассетных бомб, которые не разорвались и до сих пор представляют серьёзную угрозу для мирного населения; они использовали бомбы из обеднённого урана для разрушения бункеров Аль-Каиды; они не соблюдали законы об обращении с жертвами войны, и, наконец, они атаковали не только базы террористов, но и само правительство талибов. Соответственно, так называемая «война против терроризма» нарушила не только *jus ad bellum*, но и *jus in bello* практически во всех отношениях.

Этот анализ, как бы убедительно он ни выглядел, всё же не может быть признан удовлетворительным на том основании, что в современном международном праве теория «справедливой войны» больше не признаётся. Сегодня вместо обсуждения идеи *справедливой* войны необходимо скорее обсуждать идею *оправданной* войны, то есть вопрос об использовании силы *в соответствии с международным правом*. Следовательно, следует рассмотреть условия, при которых международное право разрешает применение силы, и соотнести их со стоящей перед нами проблемой. Это и будет следующим пунктом в моём докладе.

4. Оправданная война и международное право

Позвольте мне ещё раз начать с цитаты. Вскоре после 11 сентября Совет Безопасности в знаменитой Резолюции 1368 назвал нападение на США, «как и любой акт международного терроризма, угрозой для международного мира и безопасности». Без сомнения, это заявление отсылает к Главе VII Устава ООН, в которой говорится о коллективных ответных действиях под руководством ООН. Однако в той же резолюции содержится и другое заявление:

9. «право на войну» (лат.)

10. «право в ходе войны» (лат.)

11. «последний довод» (лат.)

«Совет Безопасности признаёт неотъемлемое право на индивидуальную или коллективную самооборону в соответствии с Уставом». Очевидно, что это равносильно разрешению на немедленную реакцию со стороны атакованного государства, и как раз такого разрешения добивались США для своих политических и военных действий. Соответственно, 14 сентября 2001 года Конгресс уполномочил Президента использовать любые необходимые и подходящие военные средства¹². Но как раз в этом-то и проблема. Согласно Статье 51 Устава ООН, право на немедленную самооборону гарантируется в том случае, если государство стало жертвой «вооружённого нападения», но «до тех пор, пока Совет Безопасности не примет мер, необходимых для поддержания мира и международной безопасности». Здесь есть, по крайней мере, *три различные проблемы*, нуждающиеся в обсуждении. Однако первая, как представляется, не имеет решающего значения. Она касается использования понятия «*вооружённое нападение*» в отношении террористических актов. Для прояснения этого пункта стоит отметить, что Совет Безопасности после 11 сентября избегал говорить о «вооружённом нападении», предпочитая формулу «террористическая атака». Террористическая атака определяется как вооружённое нападение, осуществляемое *частными лицами* и не являющееся, в соответствии с международным правом, актом войны. Согласно международному праву, *актами войны* являются вооружённые нападения *государств* или *государственных организаций*. Однако если допустить, что два самолета были использованы как оружие и что причинённый вред равен вреду от вооружённого нападения, то тогда можно признать, что террористические атаки могут быть сочтены родом вооружённого нападения. Между прочим, такова же и точка зрения, принятая в научной литературе¹³. Но здесь возникает вторая проблема: террористические акты *не* были осуществлены *государством* или *государственной организацией*. Если имела место такая атака, то это считается достаточным основанием для права государства на самооборону. Однако Аль-Каида не может классифицироваться как государственная организация, подобная, к примеру, «Талибану» в Афганистане. Аль-Каиду, скорее, стоит классифицировать как частную международную террористическую организацию. Следуя мнению ведущих ученых, даже тот факт, что «Талибан» открыто поддерживал Аль-Каиду, не может быть достаточным основанием для приписывания атак «Талибану». Согласно утверждению ФБР, ничто не указывало на то, что государства *прямо и существенно* содействовали атакам 11 сентября¹⁴. Можно добавить, что, так как Афганистан, с точки зрения США, не имеет признанного правительства, он не может быть субъектом политического действия, равно как и нельзя признать его ответственным за нападения. Следовательно, вся проблема в том, можно ли рассматривать террористическую атаку такого рода как *достаточное* основание для контратаки с использованием военной силы.

Вспомним процитированную выше Статью Устава. Не вызывает сомнений, что право самообороны атакованного государства стоит рангом ниже полномочий коллективной системы защиты международного мира и безопасности. И здесь коренится третья проблема. Ведь это означает, и я могу сослаться на одного из ведущих юристов и интерпретаторов Устава ООН, что только «Совет Безопасности решает, можно ли, и при каких условиях, санкционировать применение силы против конкретных государств», которые «защищают, допускают или содействуют» деятельности террористических организаций¹⁵. И следует подчеркнуть, что право на самозащиту ограничено также и правилами традиционных законов и обычаев войны. Одно из этих правил гласит, что самооборона должна осуществляться немедленно после атаки, но только *до тех пор*, пока система коллективной безопасности не приступит к своей работе. Но, как нам известно, к своей работе приступил как раз Джордж Буш, принуждая Совет Безопасности принять его политику в отношении Ирака и угрожая в ином случае подвергнуть Совет Безопасности осмеянию. Так что члены Совета Безопасности приняли как факт взаимодействие США и Великобритании 7 октября 2001 года, равно как и само решение этих стран использовать военную силу против «террористической организации Усамы бен Ладена Аль-Каида и поддерживающего её режима «Талибан»»¹⁶. На своей пресс-конференции Генеральный секретарь ООН заявил относительно этого взаимодействия: «Совет обсуждал этот вопрос и не выказал возражения против переговоров, которые они проводили»¹⁷. Однако фактически Совет Безопасности ни в одной из своих резолюций *не санкционировал* вооружённые контратаки США, и США никогда не обращались за санкциями для своих действий к Совету Безопасности. Какое это имеет значение для стандартов Устава ООН? Большинство интерпретаторов согласны с тем, что следует рассматривать такое развитие принципов Устава как знак смены парадигмы в международном праве. Смена заключается в следующем: во-первых, сама по себе террористическая атака рассматривается как достаточное основание для военных действий; во-вторых, впервые *частные* агенты, осуществившие террористические атаки (а не *государство*, осуществившее *вооружённое нападение*) были сочтены агрессорами, и, наконец, право реактивной самообороны было расширено до права *превентивной* самообороны. 19 сентября 2001 года канцлер Герхард Шрёдер в согласии с представителями других государств в ООН выразил именно эту мысль

ВО-ПЕРВЫХ, ВПЕРВЫЕ САМА ПО СЕБЕ ТЕРРОРИСТИЧЕСКАЯ АТАКА РАССМАТРИВАЕТСЯ КАК ДОСТАТОЧНОЕ ОСНОВАНИЕ ДЛЯ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ; ВО-ВТОРЫХ, ВПЕРВЫЕ ЧАСТНЫЕ АГЕНТЫ, ОСУЩЕСТВИВШИЕ ТЕРРОРИСТИЧЕСКИЕ АТАКИ (А НЕ ГОСУДАРСТВО, ОСУЩЕСТВИВШЕЕ ВООРУЖЁННОЕ НАПАДЕНИЕ) БЫЛИ СОЧТЕНЫ АГРЕССОРАМИ, И, НАКОНЕЦ, ПРАВО РЕАКТИВНОЙ САМООБОРОНЫ БЫЛО РАСШИРЕНО ДО ПРАВА ПРЕВЕНТИВНОЙ САМООБОРОНЫ

12. Talmón S. Grenzen der „Grenzenlosen Gerechtigkeit“. Die völkerrechtlichen Grenzen der Bekämpfung des internationalen Terrorismus nach dem 11. September // An den Grenzen des Rechts. Hrsg. von W. März. — Berlin, 2003. S. 105.

13. Ibid. S. 143.

14. Ibid. S. 152.

15. Zanetti V. Paradigmenwechsel im Völkerrecht? ... S. 129.

16. Talmón S. Grenzen der „Grenzenlosen Gerechtigkeit“... S. 161.

17. Ibid.

18. Цит. по: Talmón S. Grenzen der „Grenzenlosen Gerechtigkeit“... S. 160—161. — Перевод цитаты дается по немецкому источнику. 19. Ibid. S. 167. 20. Пытаясь найти объяснение этой новой ситуации, указывают на изменившуюся роль индивида и те новые возможности для развертывания активности в глобальных масштабах, которые обеспечивает Интернет. Так что международный терроризм предстает как аспект глобализации, осуществляемой индивидами. (См.: Ibid. S. 172). Другое основание видится в несостоятельности правительства некоторых стран и в отсутствии центральной исполнительной власти, что позволило террористам институционализироваться и создать свои сети. 21. «Трудные случаи — плохая основа для законодательства» (англ.). 22. Habermas J. Ein Interview über Krieg und Frieden // Habermas J. Der gespaltene Westen. Kleine Politische Schriften X. — Frankfurt a.M., 2004. S. 101 и след. 23. См., напр.: Friedrich C. J. The Ideology of the United Nations Charter and the Philosophy of Peace of Immanuel Kant 1795-1945 // The Journal of Politics, Vol. 9, No. 1 (Feb., 1947), pp. 10-30; Höffe O. Ausblick: Die Vereinten Nationen im Lichte Kants // Immanuel Kant: Zum ewigen Frieden. Hrsg. von O. Höffe. (Klassiker Auslegen). — Berlin, 1995. S. 245–272; Hackel V.M. Kants Friedensschrift und das Völkerrecht. — Berlin, 2000. — (Tübinger Schriften zum internationalen und europäischen Recht, Bd. 53).

в своём обращении к Парламенту Германии (Бундестагу):

«В резолюции 1368, имеющей фундаментальную важность, Совет Безопасности Организации Объединённых Наций единогласно провозгласил, что террористические атаки в Нью-Йорке и Вашингтоне представляют, в терминах резолюции, “угрозу международному миру и безопасности”. Совет Безопасности ООН, таким образом, произвёл *расширение международного права*. До сих пор вооружённое нападение определялось [...] как вооружённое нападение одного государства на другое. Этой резолюцией — и это безусловно представляет собой нововведение — в сфере международного права созданы предпосылки для решительных действий, включая военные, против терроризма»¹⁸.

Поэтому 11 сентября было названо «Большим Взрывом *нового права на самооборону*»¹⁹ в международном праве²⁰. Теперь нам, стало быть, остаётся вспомнить поговорку: «Hard cases make bad law»²¹? На мой взгляд, трудно отрицать, что существует реальная опасность того, что властные притязания отдельных государств, в частности ведущих держав, получают особый статус рассмотрения. Уже сейчас мы являемся свидетелями того, о чем говорил Ю. Хабермас, критически оценивая политику Буша: как морально-политические стандарты и этические ценности отдельного государства оказывают значительное влияние на принятие решения о том, что следует и чего не следует делать в конкретной ситуации и как это государство принуждает другие государства принять его решение²². А ведь именно стремление избежать подобной ситуации было одной из причин создания ООН после Второй мировой войны! Политика правительства Буша и его давление на Совет Безопасности равносильны таким образом отказу от *идеи главенства международного права над отдельными национальными политическими и правовыми системами*, высказанной и впервые систематически обоснованной в знаменитой работе Иммануила Канта «К вечному миру», написанной им в 1795 году.

5. Кантианский проект

Многие историки философии и права²³ согласны, что «философский очерк» Канта «К вечному миру» следует рассматривать как концептуальную базу создания Организации Объединённых Наций в 1945 году. Этой базой стал кантианский тезис о том, что политические условия создания прочного мира между суверенными государствами требуют создания глобального *мирного соглашения*, которое регулировало бы отношения между народами на правовой основе. Статья 1 Устава ООН выражает основную цель этой организации, а именно создание, сохранение и развитие международного мира. В Статье 2 декларируется, что запрет насилия, то есть

искоренение войны, относится к юрисдикции этой организации. «Никакой войны не должно быть» — это, согласно кантовской теории всемирного гражданства, «неотменимое veto» морального практического разума и цель правовых отношений между народами²⁴. После провала миссии Лиги Наций в период Второй мировой войны Организация Объединённых Наций стала первой попыткой институционализировать кантианское veto в международном масштабе и на правовой основе. И она

более или менее успешно функционировала в годы «холодной войны».

В последующих заключительных размышлениях мне хотелось бы показать, что вопреки исторической пропасти, разделяющей нашу политическую ситуацию и политическую ситуацию Канта, мы можем использовать аргументы, развитые Кантом, для учреждения сферы между-

народного права, касающейся вопросов мира, и найти критерий в философии права для оценки современной глобальной ситуации.

Решающее значение здесь имеет аргумент, используемый Кантом для создания «Второй окончательной статьи договора о вечном мире», центральной части его книги. Статья сформулирована следующим образом: «Международное право должно быть основано на *федерализме* свободных государств»²⁵. Аргумент Канта строится на аналогии между государствами и индивидами. Индивиды в своем *естественном состоянии*, то есть состоянии «независимости от внешних законов», могут в интересах собственной безопасности обоснованно требовать друг от друга вступить в гражданские отношения, которые обеспечат их правовую и личную безопасность. Точно так же государства в интересах собственной безопасности могут перейти из своего естественного состояния, никак не ограниченного внешними законами и потому в высшей степени опасного и всегда чреватого войной, к принятию отношений, основанных на законе. Это Кант называет «союзом народов» в отличие от «государства народов»²⁶.

Это — решающий пункт, но также и проблемное место. Здесь государство народов — это объединение народов на базе принудительного общественного права (и оно, таким образом, соответствует тому гражданскому устройству, на которое соглашаются отдельные граждане ради собственной безопасности); но именно этот путь суверенные государства, согласно Канту, *не могут выбрать и не выберут*; они откажутся так поступить потому, что, будучи суверенными государствами, они уже создали для себя внутреннее правовое устройство, так что они не подчинятся новому правовому устройству, регулирующему государство народов (*civitas gentium*), ссылаясь на *международное право*, при котором они уже живут. Поэтому Кант заключает: «не положительная идея *мировой республики*, а (чтобы не всё было потеряно)

лишь *негативный* суррогат *союза*, отвергающего войны, прочно существующего и постоянно расширяющегося, может сдерживать поток враждебных праву и человеку склонностей, при сохранении, однако, постоянной опасности их проявления (*Furor impius intus — fremit horridus ore cruento. Virgil*)²⁷»²⁸.

Таков аргумент Канта в пользу союза народов, который не может быть государством народов, но только ассоциацией суверенных государств. Союз народов, естественно, озабочен поддержанием и обеспечением свободы в этих государствах. Однако при этом договорные соглашения между государствами не имеют *законной силы* из-за отсутствия «общего внешнего принуждения», иными словами, никто не имеет права использовать силу, никто не обладает властью имплементации²⁹ (как было бы при гражданском правовом устройстве). А значит, подлинная цель соглашений — в данном случае, международный мир — не имеет никаких реальных гарантий, обеспечиваемых законом.

Приняв этот аргумент Канта за основу наших рассуждений, мы сможем эффективно описать ситуацию, возникшую после объявления войны против Афганистана. Так как США проигнорировали правовые условия применения военной силы, предусмотренные Советом Безопасности ООН, они не только выставили в качестве абсолютных свои морально-политические убеждения и этические ценности, как считает Хабермас, но, более того, они фактически регрессировали к гоббсовскому «естественному состоянию» среди народов, — состоянию, которое Кант описал как «состояние беззакония», в котором нет ничего, кроме войны. ООН обязана была преодолеть такое положение дел.

У Канта есть ещё одно соображение, которое кажется не менее убедительным и уместным сегодня. В ситуациях конфликта готовность отказаться от господства закона и прибегнуть к насилию описывается Кантом как коренящаяся в человеческой природе «злонамеренность», которая «во внешних отношениях *государств* между собой бросается в глаза как совершенно явная и неоспоримая»³⁰ по причине отсутствия «общего внешнего принуждения». С очевидной иронией Кант отмечает, что «в человеке» ещё может иметься некоторая доля, «хотя временами и дремлющих, моральных задатков»³¹, о наличии которых нам позволяет заключить тот факт, что государства всегда прилагают большие усилия для того, чтобы оправдать свои военные действия. По крайней мере, ясно, что в этом отношении со времен Канта мало что изменилось.

Но вот насколько убедительна Кантова аналогия между государствами и индивидуумами? Убедителен ли тезис, выводимый Кантом из этой аналогии, а именно: суверенность и самоопределение государств, гарантируемые международным правом, не позволяют им объединиться в законно учреждаемом государстве народов с целью преодоления (естественного) беззаконного состояния, в котором они иначе оказываются? Есть ли в самом деле, как утверждает Кант, «противоречие» в том, чтобы суверенные государства объединились в государство народов?

Конечно, противоречие будет иметь место в том случае, если принципы, на которых основано правовое государство, окажутся действительно несовместимыми с принципами, на которых будет основано государство народов. Однако так не должно быть с необходимостью, ибо союз государств вполне может быть создан при «согласованной и объединённой воле всех»³². Система становящегося государства народов вполне может быть в состоянии гарантировать своим суверенным членам свободу и право на самоопределение при том условии, что базовые права и демократические процедуры признаются и соблюдаются. Таким образом, нормы, составленные в соответствии с конституционным законом, могут иметь такую же обязательную силу в государстве народов, как и в любом отдельном правовом государстве. Так что неубедительно доказывать вместе с Кантом, что «отношение *высшего* (законодателя) к *низшему* (повиняемомуся [...])»³³, присутствующее в любом и каждом правовом государстве, должно противоречить самой идее суверенитета отдельного государства. Так как самим своим существованием «высший» законодательный орган обязан одобрению со стороны отдельных народов, то и в государстве народов с таким устройством обеспечивается и гарантируется в принципе та же самая свобода, не противоречащая закону, то же самое равенство и независимость народов, как и в любом правовом государстве. Необходимый отказ от некоторых полномочий и небольшой доли суверенитета со стороны народов следует рассматривать как *добровольный акт*, осуществляемый при общем согласии, и этот отказ не способствует ничему, кроме сохранения их же собственной безопасности и права на самоопределение.

Стоит иметь в виду, что ООН редко удавалось предотвратить вооружённые конфликты, довольно часто она наблюдала, как нарушается закон, и не вмешивалась. Этому под стать только недостаток уважения к её резолюциям, касающимся в особенности конфликтов на Ближнем и Среднем Востоке и в Южной Африке³⁴. Тому есть много причин. Среди прочего и прежде всего следует указать на неизменно присутствующие эгоистические цели крупных держав, противодействующих и тормозящих искоренение войны. Но, *правильно поняты*, эти собственные интересы суверенных государств, включая крупнейшие державы, должны предполагать безопасность всех государств как гарантию долгосрочного сохранения *их собственной* безопасности. Политические требования этого могут быть удовлетворены законно учреждённым сообществом государств, органы которого будут располагать большими полномочиями, чем ООН в настоящий момент. Это, естественно, предполагает, что государства члены [этого сообщества] примут в качестве своей собственной ту универсальную перспективу, которая, несмотря на развёрнутую здесь критику Канта, лежит в основе кантовского проекта и является частью укоренённой в правовом разуме просветительской концепции современного государства как выражения «объединённой воли людей».

24. Кант И. Метафизика нравов // Кант И. Сочинения в 6-и тт. — М.: «Мысль», 1965. — Т. 4. Ч. 2. с. 282. См. немецкое академическое издание: Kant's Gesammelte Schriften. Hrsg. von der Königlichen Preussischen Akademie der Wissenschaften. — Berlin, 1914. — Bd. VI, S. 354. Далее цит. как AA, VI.

25. Кант И. К вечному миру // Кант И. Сочинения в 4-х томах на немецком и русском языках. Т. 1: Трактаты и статьи (1784 – 1796). — М., 1994. С. 385; Kant's Gesammelte Schriften. Bd. VIII, S. 354. Далее цит. как AA, VIII.

26. Там же. С. 385–386; AA, VIII. S. 354.

27. «Безбожная ярость, на грозном / Сидя оружьи внутри, охваченном сотнею медных / Сзади узлов, закрепит страшную пасть кровавой» (Вергилий) (Пер. В. Я. Брюсова. См.: там же. С. 577).

28. Там же. С. 395; AA, VIII. S. 357.

29. То есть никто не обладает властью заставить то или иное государство реализовать принятые им международные обязательства на внутригосударственном уровне, напр., ратифицировать то или иное соглашение.

30. Там же. С. 445 (сн.); AA, VIII. S. 375.

31. Там же. С. 389; AA, VIII. S. 355.

32. Кант И. Метафизика нравов... § 46. С. 234; AA, VI. S. 313–314.

33. Кант И. К вечному миру... С. 385; AA, VIII. S. 354.

34. Ср.: Immanuel Kant: Zum ewigen Frieden. Hrsg. von O. Höffe. S. 253.

ЛЕВЫЙ ПОВОРОТ НАПРАВО

Критики глобального капитализма могут оказаться по одну сторону с его апологетами

Посвящённые глобализации марксистские труды удивляют только её ярых апологетов, но никак не серьёзных ученых. «Восстание элит» — как К. Лэш определил демонтаж правительствами западных стран «государства благосостояния»¹ — разбило в пух и прах надежды на примирение классов в рамках капитализма. Классовый подход вновь становится актуальным и вместе с тем подвергается очередной проверке на соответствие постоянно меняющимся историческим условиям. Марксистская теория до сих пор применялась для анализа классовых антагонизмов только внутри каждого конкретного государства. Но формирование на основе прежних интернациональных связей глобального общества заставляет задуматься: применим ли к нему классовый подход? Вопрос не праздный — без ответа на него марксизм будет принадлежать исключительно прошлому философии.

Один из возможных вариантов решения проблемы — популярная в западной «антиглобалистской» среде концепция социологов М. Хардта и А. Негри, хорошо известных в России благодаря недавней публикации двух их крупных трудов². Авторы в этих работах обозначают себя как марксисты и даже коммунисты «в том смысле, который вложен в это слово продолжительной традицией пролетарской борьбы и который... не имеет никакого отношения к системе “реального социализма”, существовавшей в годы “холодной войны”»³. Отсюда стремление провести именно классовый ана-

лиз нового глобального общества, названного ими «Империей». Название выбрано в противовес «империализму», который, если верить Хардту и Негри, «ушел в прошлое»⁴. Ситуация изменилась, и для её отображения требуется новая терминология. Империализм, по Хардту и Негри, характеризовался строгими границами и иерархией между метрополиями и подчинёнными им колониями. Но почти сто лет спустя, как нас убеждают авторы, мы видим нечто иное. «В противоположность империализму, — пишут Хардт и Негри, — Империя не создаёт территориальный центр власти и не опирается на жестко закреплённые границы или преграды». Прежнее деление стран на три мира утратило смысл, так как «стало настолько запутанным, что мы непрерывно обнаруживаем третий мир в первом, а первый в третьем...»⁵. В таком «однородном» или «выровненном мире»⁶ исключается господство «держав-гегемонов» в старом понимании. Неравенство между странами существует, но его роль отступает во многом на второй план из-за того, что «все они вынуждены сотрудничать» в рамках нового мирового порядка⁷.

1. Лэш К. Восстание элит и предательство демократии. — М.: Логос, Прогресс, 2002.

2. См. Хардт М., Негри А. Империя. — М.: Праксис, 2004; Хардт М., Негри А. Множество: война и демократия в эпоху империи. — М.: Культурная революция, 2006.

3. Хардт М., Негри А. Множество... С. XLIII.

4. Хардт М., Негри А. Империя. С. 13.

5. Там же. С. 12.

6. Там же. С. 12 — 13, 309.

7. Хардт М., Негри А. Множество... С. 2.

Правы ли Хардт и Негри в характеристике современного мира, мы выясним позже; пока же о том, почему они считают именно так, а не иначе. Несложно заметить, что определяющим в их теоретических построениях является как раз представление о классовой структуре глобального общества. Иных классов кроме существующих в каждом отдельном обществе Хардт и Негри не знают. Проблему наднациональных классов поэтому авторам приходится решать самым напрашивающимся в такой ситуации способом — механическим переносом внутригосударственных классовых отношений на глобальный уровень.

Господствующим наднациональным классом тогда оказывается глобальный капитал. Но как идентифицировать угнетённый класс? В XX веке доля промышленных рабочих (эксплуатируемого класса классического капитализма) в населении западных стран заметно снизилась благодаря как развитию новых отраслей — наукоёмких, сферы услуг и т. д. — так и вызванному потребностями глобализации переносу промышленных производств в страны «третьего мира». Эксплуатируемые — особенно если смотреть в мировом масштабе, а не в рамках отдельных стран — превращаются во всё более разнородную массу, которую трудно объединить в единое целое.

Хардт и Негри здесь предлагают трактовать пролетариат в расширенном смысле: как любой наёмный труд, «широкую категорию, охватывающую всех, кто подвергается эксплуатации и подчинён капиталистическому господству»⁸. В «Империи» авторы этим и ограничиваются, но в более позднем своём труде — во избежание терминологической путаницы — заменяют «пролетариат» на «множество», которое объявляют «классовым понятием» и которое, по их замыслу, «даёт понятию пролетариата максимально полное определение, поскольку включает в него всех, кто трудится и занят в производстве под властью капитала»⁹.

Этим Хардт и Негри сразу перечёркивают традиционное марксистское («экономическое») понимание класса — по месту в системе производства. Топ-менеджер и чернорабочий — все наёмные работники, но, следуя определению Ленина, классово различаются хотя бы по роли в организации труда и тем более по доле получаемого общественного продукта. Взамен Хардт и Негри предлагают иное, «политическое» определение класса. Класс в их трактовке «выступает как политический концепт в силу того, что является и может быть лишь коллективом, ведущим совместную борьбу»¹⁰.

Понимать надо так, что класс, пользуясь Марксовой терминологией, может быть только «для себя», а пока он «в себе» — классом не является. Однако авторы тут же сами себе противоречат. Наёмные работники всех мастей объединены авторами в «множество» «потенциально как класс, отвергающий капиталистическую власть»¹¹. Но слово «потенциально» разве означает что-либо другое, чем отсутствие «реального» неприятия, которое последо-

вательно проявляли бы все составляющие «множество» группы? А раз не проявили, то не составляют единого класса даже в «политическом» смысле. Фактически Хардт и Негри вынуждены, вопреки собственным установкам, исходить из того, что классовая общность необязательно связана с политической борьбой, и, следовательно, класс может быть не только «для себя». Различие лишь в том, что «класс в себе», по Марксу, имеет объективную основу для идентификации, а в случае с «классом в себе» «множеством» эта основа существует исключительно в фантазии Хардта и Негри.

С другой стороны, совместную политическую борьбу ведут не только классы в их традиционном понимании, но и нации, расы, конфессии. Хардт и Негри и их объявляют «классами», делая вполне постмодернистский вывод о существовании «потенциально неограниченного числа классов» в обществе, «в фундаменте которого заложены не только экономические противоречия, но и различия в расе, этничности, географии, сексуальных предпочтениях и других параметрах»¹². Классами, получается, можно назвать всё что угодно, и в этом случае само понятие класса лишено всякого смысла. И наоборот, целые исторические эпохи теряют своё классовое содержание просто потому, что социальные группы, доселе считавшиеся классами, почти не участвовали в политической борьбе.

Можно сделать вывод, что интерпретация Хардта и Негри делает классовый подход как метод исследования совершенно непригодным. Но классовая структура — только отправной пункт рассуждений авторов; им важно связать её с политическим мировым устройством.

И здесь перед ними встает проблема государства. Господство любого класса, согласно марксизму, невозможно без государства как аппарата насилия. Но транснациональная буржуазия — правящий класс «Империи» — глобального правительства не создаёт, — более того, по общепринятым представлениям, преодолевая национальную юрисдикцию, диктует условия правительствам и заставляет согласиться на демонтаж «государства благосостояния». В западной социологии на этом основании возникли многочисленные концепции, объясняющие современность в терминах «реванша кочевников» или «бегства власти от политики», то есть перехода реальной власти от правительств к постоянно перемещающемуся капиталу¹³. Как пишет об этом З. Бауман, из-за способности капитала «быстро сняться с места» «правительству, стремящемуся обеспечить благосостояние своих избирателей, не остается ничего иного, кроме как умолять, либо лестью склонять (но не вынуждать) капитал течь в страну...»¹⁴.

Государства в такой трактовке оказываются на одной стороне с трудовым населением — такими же жертвами глобализации и одновременно его единственной опорой в противостоянии чрезмерным запросам капитала. Классовую характеристику государство, следовательно, в немалой степени

8. Там же. С. 137; Хардт М., Негри А. Империя. с.62.

9. Хардт М., Негри А. Множество... С. 133, 137 – 138.

10. Там же. с.134.

11. Там же. С. 136 – 137.

12. Там же. С. 133.

13. Бауман З. Индивидуализированное общество. — М.: Логос, 2002. — С. 44, 66.

14. Там же. С.32 – 33.

утрачивает, с чем марксисты Хардт и Негри согласиться категорически не могут. Сама возможность «правления без правительства»¹⁵ кажется им неосуществимой. Они силятся доказать, что и в эпоху глобализации «государства сохраняют немалое значение» именно как необходимое условие господства корпораций, что «без государства общественный капитал не имеет средств для выработки и реализации своих коллективных интересов»¹⁶.

Вопрос лишь в том, как совместить классовую трактовку государства и — исходя из авторской концепции глобальных классов — наднациональное господство буржуазии. Выйти из положения Хардт и Негри пытаются с помощью дихотомии М. Фуко «дисциплинарное общество» — «общество контроля». «Дисциплинарная власть», господствовавшая на протяжении большей части капиталистической эпохи, осуществляла управление посредством «структурирования параметров и границ мышления и практики, санкционируя или предписывая нормальное и/или девиантное поведение». Этим целям служили стандартные общественные институты: тюрьмы, фабрики, учебные заведения и т. д. Индивид и власть в таком обществе находятся, по определению Хардта и Негри, в «статичных» отношениях, когда «мера дисциплинарного вмешательства власти соответствует мере сопротивления индивида»¹⁷.

Однако, если верить Хардту и Негри, глобализация подразумевает замену «дисципли-

нарности» обществом, в котором «власть выражает себя как контроль, полностью охватывающий тела и сознание людей и одновременно распространяющийся на всю совокупность социальных отношений»¹⁸, иными словами, не столько управляя людьми, сколько создавая сами условия человеческого бытия. Такое «общество контроля» было бы невозможным, если бы не новые парадигмы производства и власти, определяемые заимствованными опять же у Фуко понятиями «биополитического производства» и «биовласти».

Для концепта «Империи» эти два понятия имеют самое первостепенное значение: именно «биополитическое производство» и «биовласть», по Хардту и Негри, и определяют «имперский» порядок. В свою очередь, исходной предпосылкой нового мирового порядка авторы считают трансформацию в системе труда, переход гегемонии нематериальному труду — не в количественном, но «в качественном плане», в том смысле, что «нематериальный труд навязывает определённую тенденцию прочим видам труда и обществу в целом». «Нематериальный труд, — продолжают Хардт и Негри, — оказался сегодня в положении, которое 150 лет назад занимал промышленный труд, когда на его долю приходилась лишь небольшая часть мирового производства, и он был сосредоточен в ограниченной части мира, но тем не менее довлел над всеми другими производственными формами. Точно так же как в пройденной фазе, все формы труда и само общество должны были подвергнуться индустриализации; теперь же труд и общество вынуждены информатизироваться, становиться интеллектуальными, коммуникативными и аффективными»¹⁹.

Материальный и нематериальный труд, по мысли Хардта и Негри, оказывают принципиально различное воздействие на общество. Если промышленная или сельскохозяйственная продукция при капитализме имеет чисто товарное значение (так считают авторы), то идеи, информация, аффекты и всё остальное, произведённое нематериальным трудом — не только и даже не столько товар, сколько средство манипулирования населением. Нематериальный труд тем самым создаёт «не просто товары в вещественном смысле, а социальные взаимоотношения и жизненные формы как таковые»²⁰. Здесь и проявляется «биополитический» контекст производства, который предполагает «не только создание материальных благ в узко экономическом смысле, но и касается всех граней жизни социума — экономических, культурных, политических, — обеспечивая их последующее воспроизводство»²¹. Производство, в свою очередь, оказывается ещё и механизмом осуществления власти в её особой форме — «биовласти», так же выходящей за рамки своей специфической сферы и нацеленной «на производство и воспроизводство всех сторон общественной жизни»²². Итак, принципиальное новшество «Империи» состоит в значительном совпадении друг с другом производства и власти. Ор-

15. Хардт М., Негри А. Империя. С. 28.

16. Там же. С. 287; Хардт М., Негри А. Множество... С. 201.

17. Хардт М., Негри А. Империя. С. 36 — 37.

18. Там же. С. 37.

19. Хардт М., Негри А. Множество... С. 141.

20. Там же. С. 125.

21. Там же. С. 7.

22. Там же. С. 25.

ганизуя производство, капитал, согласно Хардту и Негри, одновременно осуществляет власть в её новой форме. Этим и должно объясняться отсутствие глобального правительства. Транснациональный капитал в нем не нуждается, поскольку является своего рода правительством для самого себя. Видимое отсутствие у базиса адекватной надстройки на практике оборачивается совпадением их друг с другом²³. В итоге Хардт и Негри совершенно сознательно воспроизводят опять идеи постмодернистов о разрушении «бинарностей» и «дуализмов» перед лицом богатства жизни, не сводимой ни к каким классификациям. О них вообще не может быть и речи, поскольку «сама сила бинарностей растворяется, как только мы позволяем различиям не считаться с границами»²⁴.

Вопрос о роли государства, так или иначе, остаётся открытым. Как совместить провозглашение важности государства для капитала с переходом последнему функций надстройки? Хардт и Негри по данному поводу пишут, что корпорации, находясь над государствами, приспособливают их для новых условий жизнедеятельности, определяемых «имперским» миропорядком. Точнее, государства выполняют старые функции (охраняют порядок и т. п.), но эти функции всё сильнее «видоизменяет наступающая глобальная власть, которой они (государства — С. Е.) служат во всё большей мере»²⁵. В частности, корпорации «стремятся превратить национальные государства *всего лишь* (выделено мной — С. Е.) в инструменты учёта приводимых в движение транснациональными корпорациями потоков, товаров, денег и населения»²⁶.

Обратите внимание на это «всего лишь». Хардт и Негри говорят об ослаблении государства перед могуществом транснационалов, то есть признают несовпадение интересов государства и капитала. Фактически Хардт и Негри мечутся между двух огней: классическим марксистским представлением о классовой сущности буржуазного государства как «комитета, управляющего общими делами капиталистов», с одной стороны, и, с другой стороны, пониманием транснациональной буржуазии как господствующего глобального класса, который мог стать таковым, только избавившись от оков национального государства, то есть порвав с ним и навязав ему свою волю.

Доходит до смешного. Хардт и Негри резко критикуют взгляд, согласно которому государство в ходе глобализации потерпело поражение, а корпорации правят миром. Но буквально на следующей странице авторы пишут, что транснациональные корпорации «подорвали могущество национальных государств», и что «функции государства и различные элементы его устройства фактически перешли на другие уровни и в другие области»²⁷. Вообще-то говоря, «поражение» и «подрыв могущества» — синонимы. Можно сказать, что путаница авторов в теории плавно перешла в область языка. А в общем и целом у Хардта и Негри получился своего рода «теоретический бумеранг»: сами того

не желая и не осознавая, они едва ли не в точности воспроизвели в терминах «Империи» теорию о государствах-жертвах глобализации, с которой изначально не хотели соглашаться, и которая базируется на давно показавшем несостоятельность либеральном представлении о государстве как надклассовом институте.

Скажу больше: ослабление государства трактуется Хардтом и Негри в полном соответствии с неолиберальной идеологией — как шаг к свободе. Как известно, проповедники свободного рынка и глобализации на его основе заклеили любую форму государственного вмешательства в экономику как проявление «тоталитаризирующей» роли государства, определяющей движение по «дороге к рабству». И вот Хардт с Негри едва ли не полностью принимают логику апологетов глобализации и утверждают, что «Империя» «избавляется от жестоких режимов власти... увеличивая потенциал освобождения». Хардт и Негри уверены, что к этому подтолкнуло революционное движение «шестидесятников»: «массы вызвали Империю к жизни»²⁸. Результатом стало то самое «общество контроля», где «механизмы принуждения становятся ещё более «демократическими», ещё более имманентными социальному полю»²⁹.

Честно говоря, странное обращение с фактами. «Шестидесятники», несмотря на яркий след в истории, всё же потерпели неудачу вследствие узости социальной базы. Хорошо известно, что основной силой волнений 1968 года были студенты. Пролетариат (в традиционном смысле) хотя и поддержал их в дни «Красного Мая»³⁰, был менее последовательным. Наиболее высокооплачиваемые рабочие, из чьих сравнительно высоких доходов в том числе субсидировалось «государство благосостояния», очень скоро оказались в одном политическом лагере с капиталистами, став социальной базой неолиберальных контрреформ³¹. Отсутствие серьёзной революционной альтернативы позволило властям беспрепятственно сокращать расходы корпораций на социальную политику, переходя от «государства благосостояния» к «государству — ночному сторожу». Тогда разве можно говорить об «Империи» иначе, как об эпохе реакции? И «общества контроля» никакого не получается: повсеместный протест против неолиберализма заставляет даже правительства общепризнанных стран демократии ограничивать гражданские права и применять силу против своих же избирателей (вспомните хотя бы «Закон об американском патриотизме»³² и практику подавления «антиглобалистов»). Разве что с сопротивлением масс приходится считаться и иногда идти на уступки, не меняя общего политического вектора.

Вместо вождя освобождения «раскрытия потенциала освобождения» и более мягкой парадигмы власти мы видим откат назад к («дисциплинарным») методам управления столетней давности. Это ставит под угрозу основную идею обеих работ Хардта и Негри — проект «демократии множества», то

23. Хардт М., Негри А. Империя. С. 42.

24. Там же. С. 138.

25. Хардт М., Негри А. Множество. С. 201.

26. Там же. С. 43.

27. Хардт М., Негри А. Империя. С. 287 – 288.

28. Там же. С. 54.

29. Там же. С. 36.

30. См.: Тарасов А.Н. Страна Икс. — М.: АСТ: Адаптек, 2006. — С. 284 – 288.

31. См.: Хобсбаум Э. Эпоха крайностей: Короткий двадцатый век (1914 — 1991). — М.: Независимая газета, 2004. — С. 331.

32. См.: Мур М. Где моя страна, чувак?: Америка, которую мы потеряли. — М.: АСТ: Люкс, 2004. — С. 148 – 149.

есть подлинной демократии, в отличие от весьма умеренной буржуазной. Проект целиком построен на возможностях, открывающихся всё той же мнимой гегемонией нематериального труда, а точнее — созданием им сетей производства. Сетевое устройство формирует, по Хардту и Негри, условия для настоящего самовыражения людей, для партнёрства и самоуправления, делая всякую власть излишней.

Снова ничего нового — подобные идеи популярны сегодня среди «леваков»³³, и, как несложно заметить, близки по смыслу к многочисленным (отнюдь не левого толка) теориям постиндустриального общества. Различие лишь в том, что, по мнению «постиндустриалистов» (Д. Бэлла и других), типичные для капитализма антагонизмы преодолены самим выходом за рамки ин-

В ПРЕЖНИЕ ЭПОХИ ЗНАЧЕНИЕ ТРУДА ТОЖЕ НЕ БЫЛО ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ЭКОНОМИЧЕСКИМ. ПРОИЗВОДСТВО НАПРАВЛЕНО НА УДОВЛЕТВОРЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ПОТРЕБНОСТЕЙ, НО ОНО ЖЕ ФОРМИРУЕТ И НОВЫЕ ПОТРЕБНОСТИ. В ЭТОМ СМЫСЛЕ ВО ВСЕ ВРЕМЕНА ТРУД ПРОИЗВОДИЛ НЕ ТОЛЬКО ОБЩЕСТВЕННО ПОЛЕЗНЫЕ ПРОДУКТЫ, НО И ЛИЧНОСТИ ЛЮДЕЙ И ИХ ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ СОБОЙ

дустриального общества, тогда как их «непримиримые» оппоненты (и Хардт с Негри в том числе) настаивают на обязательном упразднении власти капитала. Но так ли это принципиально? Как нам сообщают авторы, «внутренняя сила множества созрела до такого уровня, когда благодаря сетям связи и сотрудничества, а также производству общего множество уже способно само создать альтернативное демократическое общество»³⁴. Иными словами, будущее свободное общество в любом случае уже почти создано самим капитализмом, равно как и субъекты революционного процесса. Дело за малым: за «моментом прорыва», для которого уже всё готово³⁵.

Суммируя приведённые примеры, получаем удивительную картину. Обновление марксизма, представленное в работе Хардтом и Негри, свелось к заимствованиям из противостоящих ему теорий. Возникает вопрос: может быть, единственный путь приспособления марксизма к требованиям сегодняшнего дня как раз и заключается в разрушении собственно марксистского теоретического фундамента? Может быть, существуют более адекватные подходы — их-то и надо брать на вооружение?

На самом деле, всё наоборот: от истины далеки понятия и теории, активно используемые Хардтом и Негри. Возьмём основополагающие для концептов «Империи» и «множества» представления о гегемонии нематериального труда, «биополитическом производстве» и «биовласти». Во-первых, совершенно напрасно авторы ищут «биополитический» контекст только в нынешних условиях производства. В прежние эпохи значение труда тоже не было исключитель-

но экономическим. Производство направлено на удовлетворение человеческих потребностей, но оно же формирует и новые потребности. В этом смысле во все времена труд производил не только общественно полезные продукты, но и личности людей и их отношения между собой. Но раз производство всегда было «биополитическим», то в слово «биополитический» становится тавтологией, в нем нет никакой надобности.

Во-вторых, саму роль нематериального труда в мировом масштабе Хардт и Негри сильно преувеличивают. Они уверяют, что «такова конечная роль гегемонистской формы производства — изменить всё общество по своему образу и подобию»³⁶. Оптимистический вывод, но безосновательный. Корпорации именно благодаря новым технологиям в одних случаях передают ряд производственных операций, прежде выполнявшихся на крупных заводах, маленьким технически отсталым мастерским, а в других — переносят производства в страны с квалифицированной дешёвой рабочей силой. Низкая производительность труда окупается благодаря резкому сокращению затрат на организацию рабочих мест и заработную плату. Об этом часто пишут в современной социологической литературе — странно, что всё прошло мимо Хардта и Негри³⁷. Передовые образцы труда, как становится понятно, нужны лишь для более широкого применения его отсталых форм — какое же тут изменение «по образу и подобию»?

Но если «биополитическое производство», опирающееся на мнимую гегемонию нематериального труда — миф, то и «биовласть», выводимая из них, лишена научного смысла. Сама идея «биовласти» подразумевает, что транснациональная буржуазия формирует мировой («имперский») порядок самостоятельно, минуя государства. Правительствам — всем без исключения — остается лишь постфактум легитимировать его и охранять, то есть выполнять полицейские функции. Но так ли это? Согласно Хардту и Негри, натовские операции против Югославии, Афганистана или Ирака — это те самые «полицейские операции», примеры того, что «всемирная война содержит всё меньше отличий от глобальной акции по поддержанию общественного порядка»³⁸. Странное дело: если там порядок только нарушен, то кем и когда он был установлен? В действительности до сих пор вооружённые силы НАТО применялись именно для учреждения нового порядка — для распространения правил «Вашингтонского консенсуса» на новые территории. Вопреки всем представлениям о «биовласти», не корпорации создают новый мир, а государства, выражающие интересы корпораций. И это совсем не «право полиции», а вполне заурядное вторжение одних государств («первого мира» и их сателлитов) в частные дела других.

В противоположность уверениям о преодолении империализма, мы во всех этих случаях наблюдаем, по выражению Дж. Б. Фостера, «откровенный империализм», почти

33. Обзор подобных концепций см.: Кагарлицкий Б. Ю. Восстание среднего класса. — М.: Ультра.Культура, 2003. — С. 70 – 79.

34. Хардт М., Негри А. Множество... С. 431.

35. Там же.

36. Там же. С. 148.

37. Например: Кляйн Н. No Logo. Люди против брэндов. — М.: Добрая книга, 2003.

38. Хардт М., Негри А. Множество... С. 32.

идентичный империалистической практике столетней давности³⁹. «Третий мир», вместе с примкнувшим к нему бывшим «вторым» (за малыми исключениями вроде Венесуэлы во главе с Чавесом), превратился в экономический и политический придаток (фактически колонию при декоративном суверенитете) «первого мира».

Здесь и кроется основополагающая ошибка Хардта и Негри, логично следовавшая из представления отношений глобальной буржуазии и «множества» как главного антагонизма «Империи». Идея, что «среди различных форм труда нет политически приоритетных форм», и трудящиеся «едины в своей способности к сопротивлению капиталистическому доминированию»⁴⁰, заслонила от авторов иерархию между Севером и Югом. Упомянутый выше совершенно абсурдный «выровненный мир» объясняется именно этим. Правда, в «Множестве...» «выровненного мира» всё же нет. Здесь о пропасти между экономикой западных стран и всеми остальными авторы упоминают, но в тему не углубляются под тем предлогом, что «эти зоны сами по себе уже неоднородны» и «возникающие иерархии и противоречия гораздо сложнее»⁴¹. Абсолютно логично: если те или иные явления объять слишком сложными для осмысления, на них можно не обращать внимания.

При этом Хардт и Негри умудрились обойти стороной целые научные направления, сделавшие проблему «Север — Юг» основой анализа. В соответствии с концепциями зависимого развития и мир-системного подхода, развитие одних регионов («центра») капиталистической системы достигается за счёт эксплуатации других, более обширных («периферии»). Экономическая мощь Севера имела своим следствием «недоразвитость» (“underdevelopment”) «третьего мира», провал надежд на его модернизацию, а дележ между буржуазией и трудящимися западных стран прибыли, выкачиваемой из стран Юга — тот самый феномен «государства благосостояния»⁴². Нынешнее наступление на социальные гарантии в странах «центра» означает изменение пропорций этого дележа в пользу буржуазии, но не полную его отмену.

Напрашивается вывод: нельзя пренебрегать антагонизмами ни между регионами капиталистической системы, ни внутри этих регионов. Уникальность глобализации как раз и состоит в формировании в дополнение к привычным «классам внутри наций» наднациональной классовой структуры, где антагонистами (соответственно, глобальными эксплуататорами и эксплуатируемыми) выступают страны «центра» и «зависимой периферии»⁴³. И что покажется совсем удивительным сторонникам Хардта и Негри, такая классовая ситуация вполне поддаётся классификации в рамках того самого «экономического» определения. Буржуазия и значительную часть населения «первого мира» сближает способ получения общественного продукта (и те, и другие присваивают произведённое на «периферии»), а также участие в организации труда (бур-

жуазия, понятное дело, напрямую, а наёмные работники, граждане своих стран — через ослабленные, но всё ещё имеющие значение институты буржуазной демократии: профсоюзы, органы политической власти и т. п.). Различия же в доле получаемого продукта и в отношении к средствам производства связаны с внутринациональными классовыми перегородками.

Но раз одна часть «множества» живёт за счёт другой, то их отношение к «капиталистическому доминированию» совершенно различно, и «проект множества» остается химерой. Участие западного так называемого «среднего класса» в «антиглобалистских» акциях (принятое Хардтом и Негри за «потенциальное» отвержение капитализма) — это лишь одна сторона медали, следствие ухудшения положения составляющих его групп в результате глобализации. А другая сторона — **активная поддержка всё тем же средним классом крайне правых политиков — Бьюкенена, Ле Пена, Хайдера и им подобных**. Здесь так же действует классовая логика, но только глобально-классовая, заставляющая наиболее многочисленную и уязвимую часть глобальных эксплуататоров искать у власти защиты от посягательств на их привилегированное положение со стороны выходцев из бедных стран.

До всего этого Хардт и Негри не додумались и поэтому не приблизились хоть скольнибудь к истине. Это не помешало их работам стать культовыми в «левацкой» среде. Однако здесь на ум приходит библейская заповедь «не сотвори себе кумира». «Левачки» (не все, но немалая их часть) явно ошибочно выбрали себе предмет поклонения, чем лишним раз продемонстрировали невысокий уровень теоретической грамотности. Им невдомек, что труды их идолов есть лишь простая компиляция теорий, защищающих существующий порядок, и с которыми «левые», казалось бы, (или казалось бы «левые», как правильнее?) должны бороться. А вот апологеты капитализма должны быть довольны. Когда на твою мельницу неожиданно начинают лить воду те, кто представляет себя непримиримыми оппонентами — это ли не повод для радости?

39. См.: Фостер Дж. Б. Откровенный империализм — «бремя белого человека»... — М.: Поколение, 2007.

40. Хардт М., Негри А. Множество... С. 137.

41. Там же. С. 203.

42. См.: Frank A. G. Capitalism and underdevelopment in Latin America. — N.Y. — L.: Monthly review press, 1967.

43. См.: Семёнов Ю. И. Современный мир и основные тенденции его развития // Настоящее издание. С. 6.

СВОБОДА ВЫБОРА: ИДЕОЛОГИЯ, ПОЛНАЯ ПРЕИМУЩЕСТВ

Рецензия на книгу Сюзан Джордж «Доклад Лугано. О сохранении капитализма в XXI веке». — Екатеринбург: Ультра.Культура, 2005. — 304 с.

«Доклад Лугано» стал первой книгой Сюзан Джордж, переведенной на русский язык. Возможность познакомиться с этой работой появилась у российского читателя спустя шесть лет после её первого издания в 1999 году. С тех пор книга успела встать в ряд «культовых» европейских книг по проблемам глобализованного мира и была переведена на 16 языков. В России автора многочисленных книг и публикаций, посвященных экономике стран «третьего мира» и глобализации, знают благодаря её политической деятельности: Сюзан Джордж является вице-президентом АТТАС Франции (одной из ключевых организаций всемирного антиглобалистского движения, борющейся за введение международного налога на финансовые сделки) и принимает участие во Всемирном Социальном Форуме, организованном в противовес ежегодно проводимому неолиберальными силами Всемирному Экономическому Форуму. Весной 2005 года Джордж стала одним из инициаторов и лидеров движения «NON» во Франции, выступавшего против принятия евроконституции и в итоге добившегося своего: более 55% французов не поддержали проект конституции Европейского Союза.

Российская презентация книги в ноябре 2005 года проходила при непосредственном участии самого автора, которая в интервью не только прокомментировала свою политическую и научную деятельность, но и отметила принципиальную верность выводов «Докла-

да», подтвержденную последними мировыми событиями.

Несмотря на то что книги Сюзан Джордж в основном посвящены проблемам глобализированной рыночной экономики в современном мире, сама она настаивает на том, что не имеет научных степеней в экономической науке, не является экономистом, и называет себя «political scientist» или «political economist», что, по её выражению, более всего соответствует месту, занимаемому ею в науке и политике.

Можно ли назвать «Доклад Лугано» системным экономическим исследованием? Безусловно, можно — объект исследования обязывает. Но этого мало. Книга эта — прежде всего документ, памятник эпохи глобализации, и написана она в жанре «factual fiction», предполагающем некую литературную мистификацию? Сюзан Джордж называет свою книгу «factual fiction» не из-за погони за популярным каламбуром или сенсацией, в этом обозначении есть вполне запланированный момент раскрытия логики действия «Доклада»: в современном мире могут найтись (или нашлись?) заинтересованные в благополучии системы рыночной

1. Подробнее об этом см. интервью Сюзан Джордж на <http://demoscope.ru/weekly/2005/0227/gazeta011.php>:

экономики «Стороны-Заказчики» и те, кому будет заказано критическое исследование положения и перспектив рыночной экономики «без прикрас» — «Рабочая Группа». Книга Сьюзан Джордж написана в форме доклада Рабочей Группы (группы специалистов в разных научных областях, состоящей из людей, которых Сьюзан Джордж назвала «policy intellectuals») для совершенно непрозрачной и недостижимой группы Сторон-Заказчиков. Что же, кроме «беспристрастного подхода» и системного изложения фактического материала, могут предложить policy intellectuals своим заказчикам? — Лишь стратегию дальнейшего бескризисного существования системы: это, конечно, не New World Order (хотя бы потому, что методы стары, как сама система), но всё же до боли знакомая картина...

Разумеется, ни для Рабочей Группы, ни тем более для Сторон-Заказчиков вопрос о возможности альтернативы глобализированной рыночной экономике не ставится, цель и так ясна: предусмотрев все возможные сценарии поведения свободного рынка, исключить его альтернативы. Вопрос лишь в средствах достижения этой цели.

Сьюзан Джордж исходит из того, что экономическая система не охватывает природу как подсистему, а, напротив, включена в неё: невозможно полностью поставить природу на службу производству, не ожидая крупномасштабного кризиса как в экономической системе, так и в «неисчерпаемой» системе природы. Но заставить экономическую систему функционировать по намеченному плану, не ожидая кризиса, можно: стоит только преодолеть то, что нельзя полностью контролировать: рост населения стран «третьего мира» вместе с его растущими социальными запросами. Главное — избрать наиболее эффективные стратегии сокращения населения. Здесь речь не идет о геноциде в его «старых» и уже неприемлемых формах: XXI век должен привнести в историю не просто новые технологии урезания демографического роста, но систематическую и непрозрачную политику транснациональных корпораций, направленную на уничтожение населения в масштабах, адекватных увеличению его численности.

«Необходимость не знает законов» — вот что отныне должно стать девизом власти и деятельности ТНК, вот где путь к рациональному поведению системы и избавление от ига индивидуальных и краткосрочных выгод и интересов отдельных участников транснационального процесса, процесса глобализации.

Либеральная идеология имеет в себе зияющую брешь: нельзя полагаться на свободный саморегулирующийся рынок, на его «невидимую руку»: «невидимая рука» даст по морде тем, кто столь слепо ей доверился» (с. 54). Необходимо либо изменить систему, либо ждать её неминуемого обвала, последующего за непредсказуемым поведением, «безумством» рынка.

У системы есть выбор, но она должна подчиниться необходимости. Вот вывод, к которому приходит Рабочая Группа в ходе своего

детального исследования, и мы уж никак не можем усомниться в их пристрастности или попытке подтасовки фактов — ведь за критикой современного состояния рынка стоят интересы его долгосрочного существования. Более того, эмпирический материал, столь тщательно проанализированный членами Рабочей Группы, за прошедшие с момента появления английского издания книги долгие семь лет стал притчей во языцех и уже мало у кого может вызвать удивление — нелиберальные реформы ускоряют свой шаг...

Более того, пускаясь в длительные разъяснения механизмов функционирования рыночной экономики и политики ТНК, мы проявим в отношении возможных читателей «Доклада Лугано» недопустимую жестокость, лишив их удовольствия получить критическое исследование современной капиталистической системы из первых рук — из рук идеологов её «устойчивого развития».

Но критической оценки апологии «саморегулирующегося» рынка недостаточно: Сьюзан Джордж становится перед необходимостью поставить под вопрос и сами выводы, сделанные из очевидных и, как кажется, безальтернативных посылок Доклада.

Большая часть Доклада посвящена статистическим исследованиям демографических процессов в современном обществе, расколотом «свободным» рынком на две неравные части: «треть причастных, две трети непривлекательных», «мир первый» и «мир третий», «цивилизацию» и «варварство», «Север» и «Юг».

Рабочая Группа дает единственный возможный сценарий «сохранения капитализма в XXI веке»: «Нужно будет приложить усилия и к увеличению смертности и к сокращению рождаемости, причём в пропорциях, которые будут меняться в зависимости от времени и обстоятельств» (с. 111). Иного для «саморегулирующегося свободного рынка» не дано: Рабочая Группа прекрасно знает своего «классового» врага в лицо — это страны «третьего мира», в которых темпы роста численности населения обратно пропорциональны национальному богатству и прямо пропорциональны росту внешнего долга: «Характер распределения доходов является ключевым критерием для благосостояния системы в долгосрочной перспективе» (с. 22). «Вслед за либерализацией и дерегуляцией улучшают своё положение верхние 20%. И чем ближе они к вершине, тем больше они приобретают. Тот же самый закон с точностью до наоборот приложим к остающимся 80%: все они что-то теряют; тот, кто был изначально более бедным, пропорционально теряет больше всех» (с. 22 — 23). Причём стоимость ценных бумаг возрастает именно тогда, когда компания объявляет о крупном сокращении штатов.

В книге масса примеров функционирования логики экономической непривлекательности. Но вы не встретите в «Докладе Лугано» понятий «класс», «классовый интерес», «классовая борьба», «социализм», «революция» — и это отнюдь не следствие нелюбви Сьюзан Джордж к старой доброй марксистской терминологии, это просто иная логика пред-

2. Подробнее об этом см. интервью с Джордж «Another World is Possible, If...», Open Democracy, 13 October 2004 на <http://www.tni.org/george>

ставления альтернатив глобализованному свободному рынку, подробное изложение которой дается Сьюзан Джордж в «Приложении» к «Докладу». При этом на страницах самого Доклада вы постоянно будете наталкиваться на однозначный вердикт в отношении рациональности существования общественного класса (именно класса, и никак иначе — как бы мы его ни назвали — «непричастными» или, если угодно, «эксплуатируемым классом»), численность которого растёт столь быстро, что даже сама его эксплуатация становится день ото дня слишком рискованным предприятием. Именно поэтому Рабочая Группа осознаёт реальность существования у «непричастных» общих интересов и предлагает использовать — как идеологически, так и вполне «материально» — политику идентичностей как единственно возможную панацею от интернационализма: «Часть идеологически-этического наступления... должна быть посвящена тому, чтобы оказывать материальную и моральную поддержку наиболее ярким и агрессивным выразителям сексуальной, расовой, религиозной и этнической исключительности» (с. 128). И здесь же: «шумные протесты должны очень скоро превратиться в оглушительную какофонию, так что за гвалтом невозможно будет расслышать никакого другого призыва к оружию. Целью здесь является усиление фрагментации, подчеркивание разногласий одних с другими и учреждения множества гетто».

И вот здесь нам следует серьезно задаться вопросом, который ставит перед своими читателями Сьюзан Джордж в «Приложении»: «Если принять предпосылки, то могут ли выводы быть иными?» (с. 258). Для идеологов рыночной экономики выводы однозначны, и мы уже убедились в их «здравости» и тем более рациональности: они ставят цель, вполне сообразную серьезности и очевидности «угрозы снизу». Очевидно, что не только предлагаемые альтернативы должны соответствовать наличным данным, предпосылкам, но и сама оценка этих предпосылок должна быть адекватной возможностям системы, которую мы анализируем. Оценка работы системы с позиции «мудрецов из Лугано», данная Сьюзан Джордж, — это вполне здравый взгляд на будущие перспективы, и мы знаем, что его «материализация» не заставила себя долго ждать.

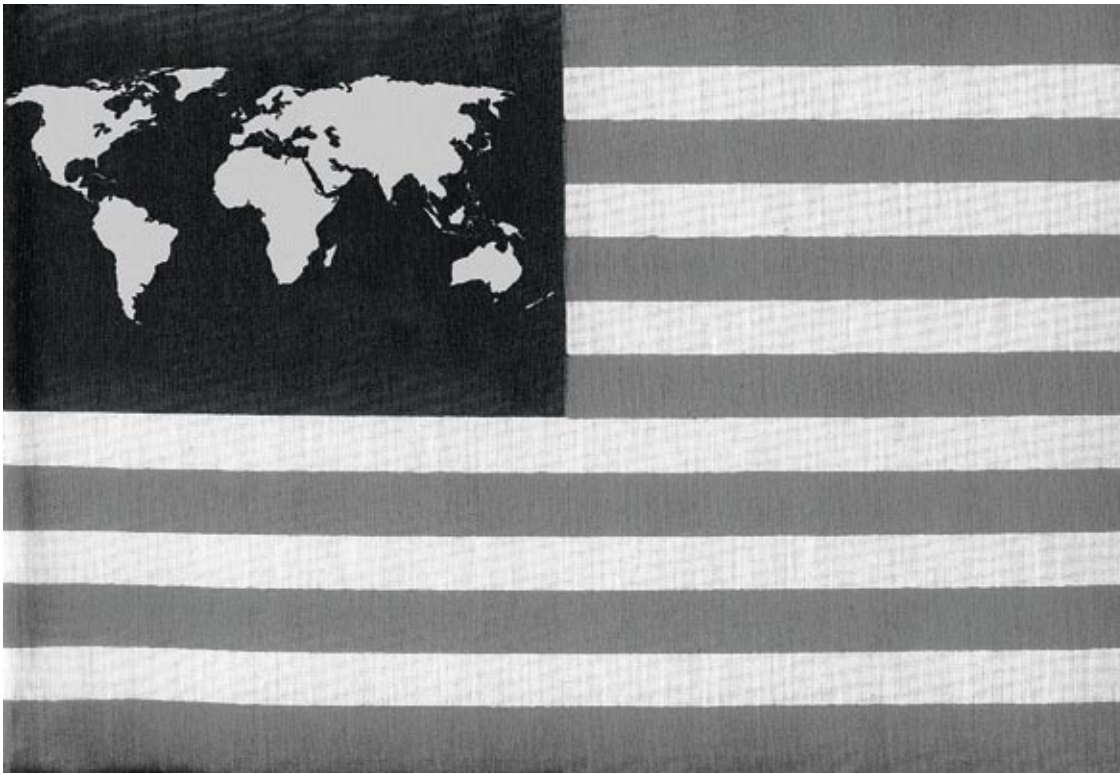
Но что же в таком случае предлагает сама Сьюзан Джордж как альтернативу свободной рыночной экономике, порождающей столь грандиозные социальные «волнения» и грозящей обвалом, если не прибегнуть к политическим стратегиям, описанным Рабочей Группой? «Проблема состоит не в том, чтобы убедить тех, кто стоит на пути к этим целям, что их политика ошибочна, а в том, чтобы обрести власть (с. 275), — пишет Сьюзан Джордж. — Бесплезно просить у ТНК, чтобы они приносили чуть-чуть меньше вреда — нам необходимо выступить против того, чем они являются» (с. 276). Действительно, метод убеждения власти — это труд Рабочей Группы, но каким же образом можно заставить ТНК и свободный рынок стать тем, чем они не являются? Как какие-либо изменения

могут идти снизу? и главное — от кого? Напрашивается ответ о «непричастных» — уж кто-кто, а они-то именно и заинтересованы в разрушении господствующей экономической системы. Но нет, Сьюзан Джордж, говоря об интересах «третьего мира», подобно Рабочей Группе, говорит прежде всего о роли «первого мира» в этом процессе. В «Приложении» Сьюзан Джордж пишет об «изобретении международной демократии». Альтернативой являются тоталитаризм и решение, предлагаемое «мудрецами из Лугано»; выбирать предстоит между их правилами и нашими» (с. 276). И далее: «Я также уверена, что мир будет двигаться именно по направлению, начертанному «мудрецами из Лугано», если только немедленно не будет предпринята радикальная перестройка как внутри отдельных государств, так и в отношениях между ними. Цель этой книги — причинить беспокойство успокоенным, но, увы, не принести существенное утешение обеспокоенным» (с. 292).

Для Рабочей Группы демократия — вопрос, решенный в форме идеологемы: «Свободный рынок есть предпосылка демократии, демократия есть предпосылка стабильности и мира, которые, в свою очередь, являются предпосылками дальнейшей процветания бизнеса» (с. 262). Современные рыночные условия таковы, что «глобализованный рынок, таким образом, должен определять почти все отношения между индивидуумом и обществом. Поскольку государство не может сильно повлиять на общество — и ему не следовало бы этого делать, даже если бы оно могло, — то демократия уже не столь важна, как раньше. Она может создавать декоративный фасад, но демократию необходимо держать под контролем (или постоянно свертывать)» (с. 263). И если для Рабочей Группы демократия может окупаться только в форме работающей на интересы ТНК идеологии, то Сьюзан Джордж видит в ней реальный механизм контроля над глобализованным рынком с помощью создания альтернативы — тоже рыночной: «Чем больше форм экономической деятельности можно забрать себе и вывести из транснациональной орбиты, тем лучше» (с. 278).

Вопрос лишь в том, насколько «третий мир» живет по законам рыночной экономики, то есть насколько он подчиняется той же необходимости, которая «не знает законов», и насколько он вообще знаком со «свободой выбора», ставшей в постмодернистском мире такой же идеологемой, как и демократия, право на труд и другие социальные «права». «Для индивидуума всё сводится к выбору между условиями третьего мира и отсутствием работы» (с. 266), — пишет сама Сьюзан Джордж. Вообще, сама идея «свободы выбора» в отношении экономической модели ближе к идее классовый борьбы, нежели «построению гражданского общества» и тому подобным конструктам по модели Welfare State.

Что же такое «международная демократия», если взглянуть на неё глазами «третьего мира»? Какой «другой» рынок она может предложить обществу потребления, в ко-

торое посредством идеологии потребления включаются и страны «третьего мира» (с. 86)? и здесь ответ неоднозначен — действительно, организации, подобные ВТО, вводят «принудительные транснациональные правила для частного корпоративного инвестирования, заменяющие собой национальные законы» (с. 123), а приватизация социального сектора укрепляет социальные «достижения» на ниве либеральных реформ... В этом мы не можем не согласиться со словами Сьюзан Джордж. Но странным кажется изобретать в XXI веке новый «общественный договор» и эксплицировать из построения «гражданского общества» и «международной демократии» другие рыночные отношения в международных масштабах. Сьюзан Джордж не отождествляет «рынок» с «капитализмом»: «"Рынки" и капитализм не идентичны друг другу: рынки могут существовать и существуют без капитализма (хотя обратное неверно)» (с. 85), — и видит возможность баланса между рынком и обществом на основе формирования «гражданского общества», способного отстаивать свои экономические и социальные интересы, регулируя налогообложение сделок ТНК — также на транснациональном уровне¹. Если не отождествлять рыночную экономику и капиталистические отношения, то каким должен стать этот «новый» рынок? Автор «Доклада Лугано» открыто говорит о том, что так как мы не имеем возможность прекратить существование ВТО и подобных ей организаций, то необходимо нажать на систему там, где мы вообще видим возможность каких-либо изменений². Возможно ли тогда говорить о «новом» рынке в существующей капиталистической системе, не исключаяющей, впрочем, идею всеобщего благосостояния? Более того, эти «новые» рыночные отношения с помощью экономического принуждения и контроля над ТНК, который, как пишет

Сьюзан Джордж, возможен даже с помощью потребления (с. 280), реальны лишь в странах «первого мира» — точно так же, как сама политика потребления и формирования спроса и предложения (и об этой экономической «ущемленности» стран «третьего мира» в отношении политики спроса и предложения пишет сама Сьюзан Джордж). Страны «третьего мира» остаются не у дел? — Автор «Доклада Лугано» не дает нам ответа на этот вопрос.

И если в самом «Докладе» Сьюзан Джордж говорит об идеологии «свободы выбора» для стран «третьего мира» как об одной из методик действия для Сторон-Заказчиков, то в «Приложении» к «Докладу» она отстаивает интересы «третьего мира» под знаменами той же самой идеологемы... Разумеется, отстаивая интересы «непричастных», Сьюзан Джордж говорит не о сложении ответственности с «первого мира», а, напротив, о его самоорганизации и организации процесса, альтернативного глобализации рыночной экономики. Но похоже, что «третий мир» в этом процессе не должен и не сможет сыграть первую роль. Ему вообще не придется выбирать — роль статиста ролью не назовешь...

Доклад о сохранении капитализма в XXI веке заканчивается словами: «И уж конечно, вы не выберете мир, подчиняющийся логике «Доклада Лугано». Выбор есть».

Прочсть книгу Сьюзан Джордж — насущная необходимость для каждого более или менее просвещенного читателя, тем более что это чтение, благодаря систематизированности материала и простоте изложения, по силам каждому. А вот что касается хваленной свободы выбора, то остается только надеяться, что в XXI веке она выйдет из программных документов эпохи глобальной рыночной экономики на улицы и площади больших и малых городов.

Г-Н ФЕРГЮСОН, ПЛАМЕННЫЙ ФАЛЬСИФИКАТОР

Фрагмент книги Н. Фергюсона «Империя. Становление и упадок британского мирового порядка и уроки для глобальной власти» опубликован в № 3 журнала «Космополис» за 2003 год.

Фотографии: Paul A. Kramer
Matt George
Архив BBC

Добрая старая Англия... Да поразит тебя сифилис, старая сука!

Ричард Олдингтон

1. См.: The Cambridge History of British Empire. Camb., 1929. Vv. 1—2; Seely J. The Expansion of England. Leipzig, 1884; Carrington C. The British Overseas. Exploit of a Nation of Shop-Keepers. Camb., 1968.
2. Мне уже приходилось писать об этом. См., в частности: Свободная мысль-XXI, 2002. № 2. С. 64—65; 2003. № 6. С. 100—102; № 10. С. 50—51.
3. В целях экономии места отсылаю читателя к сжато, но качественному описанию темы А. С. Самойло в коллективном труде: Английская буржуазная революция XVII века. Т. I. М., 1954. С. 427—247.
4. Цит по: Jackson T. A. Ireland Her Own. An Outline History of the Irish Struggle. L., 1971. P. 38—39.

Специалисты знают, что в британской исторической науке в XIX в. возникла так называемая *имперская школа*, перед которой правящие слои и классы метрополии поставили четкую и ясную задачу: внушить всему миру представление о «полезности» Британской империи для колоний (и всего человечества). Эта школа прославилась предельной джингоистской идеологизованностью, расистским мифологизированием, старательным игнорированием «неудобных» фактов, сепарацией «удобных», подтасовками и фальсификациями, любовью к жонглированию цифрами с целью сокрытия истины. «Имперская школа» весьма преуспела в *навязывании* такого взгляда на Британскую империю, который был выгоден правящей верхушке этой империи. Достаточно сказать, что усилиями «имперской школы» Великое индийское народное восстание 1857 – 1859 гг. стало известно всему миру как «восстание сипаев» и долго выдавалось британскими историками за «военный мятеж», хотя число сипаев в лучшем случае составляло 1/15 от общего числа повстанцев. Школа развалилась в 60 – 70-е гг. XX в. В результате распада самой империи и под тяжестью горы разоблачающих британский колониализм фактов.

Найл Фергюсон пытается эту школу *реанимировать*. В основных постулатах он повторяет «классические труды» «имперской школы»: «Кембриджскую историю Британской империи», предшествующие ей работы Д. Сили и последующую известную книгу

К. Каррингтона¹. Очевидно, это *симптом*. Симптом глобального наступления ультраправых, попытки создания планетарной *Racis Americanae*, экономической и политической империи, враждебной, как все империи, интересам колонизируемых народов. Эта империя насаждается под флагом неолиберализма, на деньги ТНК, МВФ и Мирового банка — и с помощью вооружённых сил США и Великобритании. В авангарде — Буш-младший и Тони Блэр. Кому же, как не британскому интеллектуалу-джингоисту, попытаться «подтолкнуть» этот процесс — посредством «критики справа». Что Фергюсон и пытается сделать.

Н. Фергюсон постоянно употребляет слово «либерализм». Но то, за что он высказывается — за *сверхсильное государство* (Империю), способное *manu militari* навязать угодный верхушке метрополии «порядок» всей планете, безжалостно разрушая и уродуя её ради роста *сверхдоходов* ТНК, — это никак не классический либерализм. Это *неолиберализм*. А неолиберализм *принципиально* отличается от либерализма, являясь типичным вариантом «новой правой» идеологии, то есть вариантом *неофашизма*².

Для Фергюсона — подобно чилийским пиночетовским или нашим (времен Гайдара) «чикагским мальчикам» — «либеральные капиталистические структуры», «свободная торговля, свободное перемещение капиталов» являются благом *a priori*, якобы не требующим доказательств. Это не так. Благом они являются для владельцев крупного

капитала в странах метрополии. Да ещё для тех, кто им прислуживает. Для остальных они — горе, нищета, разорение, голод, физическая и духовная деградация. «Свобода торговли» в Британской империи, восхваляемая Фергюсоном, была *односторонней*: для британских товаров — в колониях. А вот для *обратного потока* — никакой свободы. Колонии были *рынком сбыта* для британских товаров и *источником сырья* для британской промышленности. Империя делала всё, чтобы не дать колониям развить *собственную* промышленность.

Для Фергюсона протекционизм — зло. Это точка зрения крупного капитала метрополии и ТНК, наживающихся на *неэквивалентном* обмене со странами периферии и полупериферии. А вот для *народов* этих стран протекционизм — *благо*. Для Фергюсона экспорт капитала — благо. Он пытается убедить читателя в том, что капиталисты метрополии вывозят капитал в страны периферии из альтруистических побуждений, чтобы содействовать прогрессу этих стран, — и «стыдливо» умалчивает о сверхприбылях, извлекаемых затем из этих стран (причём по таким схемам, которые доводят эти страны до разорения — примеров много: скажем, Мексика накануне революции 1910—1917 гг., Куба накануне революции 1958 г., Аргентина буквально на наших глазах и т. д.).

Как преданный последователь «имперской школы», Фергюсон постоянно занимается *жонглированием цифрами* — в частности, когда он говорит о «конвергенции доходов», о «меньшем разрыве в доходах между метрополией и колониями» в колониальном периоде, чем в постколониальный. Между тем есть разница между «диккенсовским» капитализмом и современным: в XIX в. нищета в *самой* метрополии была столь чудовищной, что среднестатистический разрыв в доходах с колониями *естественным образом* был ниже, чем сейчас. Чтобы создать современную относительно сытую Великобританию, нужно было столетиями *грабить и грабить* колонии, *вывозя* из них материальные ценности в огромных размерах. *Всё* благосостояние «первого мира» основано на перетекании в «первый мир» из «третьего» невообразимого, не поддающегося даже точным подсчётам объёма товаров и ценностей. К тому же во времена Британской империи не существовало ТНК и современных сверхэффективных форм «неэквивалентного обмена». Современный неокOLONIALИЗМ *эффективнее* классического, в том числе и потому, что раньше эксплуатируемые народы могли *прямо восстать* против колонизаторов — и расправиться с ними, а сегодня народы лишены такой возможности. Экономический неокOLONIALИЗМ *безопаснее* и *выгоднее* для колонизаторов.

Фергюсон поражает утверждением, что «экономический и политический либерализм является наиболее привлекательной мировой идеологией». На сегодняшний день политический либерализм давно умер, а экономический не только абсолютно не привлекателен, но и ненавидим во всем мире — о чём

свидетельствует хотя бы массовый успех движения «антиглобалистов». Экономический либерализм привлекателен лишь для студентов экономических вузов и для продажных интеллектуалов, которые живут на гранты неолиберальных фондов. Другое дело, что неолиберализм *навязывается* всему миру, *насаждается* искусственно (в том числе и военной силой), а пропагандисты неолиберализма *содержатся* на средства ТНК, МВФ, Мирового банка и многочисленных фондов.

Особенно потряс меня Фергюсон заявлением о том, что-де Британская империя не разоряла колонизированные страны, и, в частности, панегириком британскому правлению в Индии.

Ограниченный размерами статьи, остановлюсь только на двух примерах: на Ирландии и Индии.

Включение Ирландии в Британскую империю проводилось, как известно, путем военной экспансии, сопровождавшейся поголовным истреблением населения целых городов и районов, тотальным разрушением построек и средств производства, тотальной *конфискацией* земельной собственности ирландцев (очень либерально!), массовыми казнями, массовой высылкой ирландцев в Вест-Индию в качестве плантационных рабов, «террористическими законами против ирландцев», принудительной пауперизацией, геттоизацией коренного населения в областях Коннот (Коннаут) и Клэр. Все эти «благие действия», совершенно *нацистские* по идеологии и практике, вызвали *деградацию* сельского хозяйства Ирландии (вот вам и «эффективное правление в Империи!»)³.

Но помимо военного грабежа и геноцида британские «благодетели» *систематически* устраивали в Ирландии *массовый голод*.

Причём первый массовый искусственный голод был организован в Ирландии англичанами ещё в XVI в. Он явился следствием тактики вытеснения коренного населения с принадлежащих ему земель, которое проводилось в форме военных действий: англичане уничтожали посеы, угоняли скот, грабили имущество, сжигали постройки, физически истребляли тех, кто не догадался (или не мог) бежать в леса и горы. Земли ирландцев отчуждались в пользу захватчиков. Выдающийся английский поэт елизаветинской эпохи Эдмунд Спенсер в своем трактате «О современном состоянии Ирландии» так описал результат действий англичан: «За полтора года ирландцы были доведены до такого отчаянного положения, что даже и каменное сердце сжалось бы. Со всех сторон, из лесов и из долин они выползали, опираясь на руки, так как ноги уже отказывались служить им; это были живые скелеты; говорили они так, словно это мертвецы дают о себе знать стонами из могил, ... за короткое время почти никто из них не выжил; густонаселенная, обильная страна внезапно опустела, лишилась людей и скота»⁴.

Жертвы этого геноцида никем, конечно, не подсчитывались. Истребление ирландцев голодом длилось два десятилетия, и было остановлено, естественно, только органи-

5. Цит. по: Мортон А. Л. История Англии. М., 1950. С. 220 – 221.

6. Там же. С. 222.

7. Там же.

8. Только в 1848 – 1849 гг. с земли было согнано св. 1 млн крестьян (см.: Review of Politics, 1953. October. P. 415).

9. СИЭ. Т. 6. М., 1965. Стб. 296. По подсчётам Н. А. Ерофеева, число жертв голода 1945 – 1949 гг. превышало 1,5 млн чел. (Новая и новейшая история, 1974. № 1. с. 61). Официальные британские источники, как максимум, называли цифру в 500 тыс. чел. (The Great Famine. Studies in Irish History 1845 – 1852. N.Y., 1976. P. 312), а современные голоду ирландские авторы довели число жертв до 2 млн чел. (Mitchel J. The History of Ireland from the Treaty of Limerick to the Present Time: Being a Continuation of the History of the Abbé MacGeoghegan. V. 2. L., 1869. P. 218).

10. Fitzgerald G. Towards a New Ireland. Dublin, 1973. P. 67.

11. Mitchel J. Op. cit. P. 244 – 247. См. также: Новая и новейшая история, 1974. № 1. С. 61.

12. Fitzgerald G. Op. cit. P. 67.

13. Журнал Министерства внутренних дел, 1847. Ч. 18. С. 458.

14. Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т. 16. М., 1960. С. 503.

15. Там же. С. 477.

16. Fitzgerald G. Op. cit. P. 67. Видимо, эта цифра уменьшена: только через Нью-Йорский порт и только в 1847 – 1855 гг. в США легально въехало 892 тыс. ирландцев (рассчитано по: Coleman T. Passage to America. A History of Emigrants from Great Britain and Ireland to

America in the Mid-Nineteenth Century. L., 1972. P. 298). По данным Н. А. Ерофеева, из Ирландии в Великобританию, на континент и за океан только с 1841 по 1851 г. эмигрировало ок. 1,5 млн чел. (Новая и новейшая история, 1974. № 1. с. 61), по данным Ф. Энгельса, с 1841 и по 1869 г. — св. 3 млн чел. (Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 16. С. 256), по данным О. Мак-Донаха, с 1841 по 1865 г. из Ирландии эмигрировало 2 млн 88 тыс. чел., причём в это число не включены эмигранты в метрополию (The Great Famine. P. 388).

17. См.:

Majumdar R. C. Corporate Life in Ancient India. Poona, 1922. С. 94.

18. Бернье Ф. История последних политических переворотов в государстве Великого Могола. М.—Л., 1936. С. 22. Фергюсону вообще соврать — недорого взять. Даже по мелочам. Вот брошенная между делом фраза о «вторжении Вудро Вильсона в Мексику в 1913 г. с целью реставрации избранного правительства». На самом деле интервенция США в Мексику состоялась в 1914 г. И объяснялась отнюдь не соображениями «защиты демократии» (собственно, «реставрировать избранное правительство» было невозможно: Мадеро и Пино Суарес уже были застрелены по приказу мятежного генерала В. Уэрты). Посол США в Мексике Г. Лейн Вильсон заранее знал о перевороте, поддерживал его и находился в постоянном тесном контакте с В. Уэртой (см.: Márquez Stérling M. Los últimos días del Presidente Madero. La Habana, 1960. P. 170–197). Американская интервенция была

званным сопротивлением — восстанием северных кланов под руководством Шана О'Нейла (1559 – 1567).

А как «рачительно» хозяйствовали британцы в покоренной Ирландии, рассказал в знаменитой «Истории английского народа» Джон Ричард Грин: «Колонизаторы получали колоссальные прибыли, которые здесь, в Ирландии, вследствие хищнической эксплуатации естественных богатств острова и использования дешевого труда беглых и ссыльных более чем в три раза превышали всё, что можно было бы получить с такого же поместья в Англии. Ради скорейшего получения прибыли с крайней поспешностью вырубались дубовые рощи; лес пережигали на уголь, необходимый для выплавки железа ... если обработка и транспорт обходились в 10 ф. ст., то продукт продавался в Лондоне за 17 фунтов. Последнюю плавильную печь в Керри загасили лишь после того, как были уничтожены все леса. Везде, где бы ни ступала нога английского предпринимателя, за ним оставалась опустошенная, как после лесного пожара, земля»⁵.

После разгрома Кромвелем общенационального Ирландского восстания 1641–1652 гг. страна подверглась тотальному разграблению, ирландцы — истреблению. В 1641 г. в Ирландии проживало свыше 1 млн 500 тыс. чел., в 1652 г. осталось лишь 850 тыс., из которых 150 тыс. были английскими и шотландскими новопоселенцами⁶. Экономическая политика тоже была образцом либерализма: «Ирландия ... превратилась в источник дешёвых продуктов и сырья для Англии, чем она вынуждена оставаться и по сей день. Сначала здесь стали развивать скотоводство, к 1600 г. в Англию ежегодно экспортировалось до 500 тыс. голов скота. Когда же выяснилось, что этот экспорт влечёт за собой падение цен на сельскохозяйственные продукты и уменьшение ренты, в 1666 г. был принят специальный акт, запрещающий вывоз из Ирландии скота, мяса и молочных продуктов. Этот акт нанёс жестокий удар по ирландскому скотоводству. Когда же была сделана попытка перейти от мясомолочного скотоводства к овцеводству, последовал ещё один акт, который запрещал вывоз шерсти за границу, а в Англию допускал лишь ввоз необработанной шерсти. Впоследствии ирландская текстильная промышленность была намеренно разрушена, ибо она стала опасным конкурентом английской»⁷.

В середине XIX в. история повторилась. После подавления ирландского восстания 1798 г. и введения англо-ирландской унии в 1801 г. британские власти методически свели на нет все экономические достижения Ирландии. Автономный ирландский парламент был упразднён, протекционистские пошлины, установленные им для защиты слабой ирландской промышленности, были отменены. Взамен их британские власти ввели (в 1798 г.) высокие пошлины на вывоз ирландских шерстяных изделий в Англию и за границу — и таким образом практически уничтожили наиболее динамично развивающуюся отрасль ирландской промышленности. С огромным тру-

дом в Ирландии выжило только льняное производство, винокурение, пищевое и (в незначительной степени) хлопчатобумажное производство. Рабочие с разорившихся фабрик превратились в супердешёвую рабочую силу для предприятий метрополии. В области сельскохозяйственных отношений действовал так называемый карательный кодекс, закрепивший полупфеодальную систему хозяйствования, ограничивший в правах коренное население (формально — по религиозному признаку) и вызвавший деградацию сельского хозяйства.

В середине XIX в. британская экономика перестала нуждаться в Ирландии как в житнице, а промышленность, напротив, требовала новых дешёвых рабочих рук. В 1845 г. болезнь картофеля (основного продукта питания ирландцев) вызвала в стране голод. Британское правительство при желании могло бы помочь голодающим, но вместо этого в 1846 г. в Англии были отменены «хлебные законы», что вызвало резкое падение цен на хлеб и побудило — не могло не побудить — лендлордов в Ирландии к сгону крестьян с земли⁸ и переориентации сельского хозяйства страны с земледелия на пастбищное животноводство. Голод принял характер национальной трагедии. В течение нескольких лет от голода в Ирландии умерло свыше 1 млн чел.⁹ Кроме того, с 1845 по 1848 г. с острова эмигрировало 254 тыс. чел.¹⁰ С 1841 по 1851 г. население Ирландии сократилось на 30%¹¹. Остров стремительно безлюдел (в 1841 г. население Ирландии составляло 8 млн 178 тыс. чел., в 1901 г. — всего 4 млн 459 тыс.)¹². Российский журнал рассказывал в 1847 г. своим читателям: «В Ирландии народ тысячами валится и умирает на улицах»¹³. Энгельс констатировал, что как только Англии вместо ирландской пшеницы вновь понадобился скот, 5 миллионов ирландцев стали «лишними»¹⁴. Маркс мрачно подсчитывал: «В течение 1855 – 1866 гг. 1 032 694 ирландца были вытеснены 996 877 головами скота...»¹⁵

В результате столь «эффективного» управления экономика Ирландии была окончательно разрушена. Чтобы не умереть от голода, ирландцы массово эмигрировали с острова: считается, что с 1841 по 1901 г. Из Ирландии только в США эмигрировало свыше 3 млн чел.¹⁶

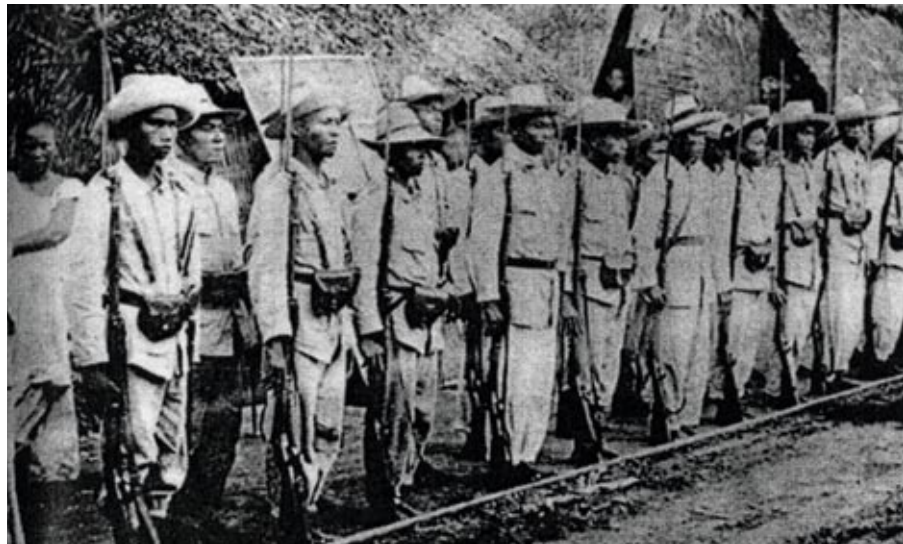
Стоит ли удивляться, что «неблагодарные» ирландцы устроили против своих британских «благодетелей» 13 крупных восстаний (не считая тысяч мелких), 4 раза вели тяжёлые партизанские войны (в 60 – 80-х гг. XVII в., в 60 – 70-х гг. XVIII в., в 30-е гг. XIX в. И на стыке XIX и XX вв.) — и конце концов освободили большую часть острова (в Ольстере борьба продолжается).

Другой пример: Индия. Своими словами о том, сколь многим Индия обязана Британии, о «неподкупной» британской администрации и особенно о том, что «хорошие» англичане сменили «плохих» Великих Моголов, которые «облагали местное население более высокими налогами, чем англичане»,

Фергюсон способен кого угодно довести до белого каления. Это — типичный пример *демагогии и подтасовки фактов*. Во-первых, вовсе не англичане сменили Моголов. Империя Великих Моголов пала — и это известно всем, кто мало-мальски интересуется темой, — *до англичан*, в результате победоносных восстаний сикхов, джатов и маратхов и под ударами Надир-шаха. Когда Британия занялась активным покорением Индии, Великие Моголы уже были падишахами без падишахства, владели *только* Дели и окрестностями — и то в качестве ставленников то Ахмад-шаха Дуррани, то аудского наваб-вазира, то маратхских правителей.

А уж заявление, что при Моголах налоги были выше, чем при англичанах — это просто *наглая ложь!* Налоги при Моголах резко (в частности, с 1/3 урожая до 1/2) выросли при Аурангзебе — в результате бесконечных войн с сикхами и маратхами, с деканскими государствами, отказывавшимися (как Голконда) платить Моголам дань. До этого налоговая политика Моголов (что нередко для мусульманских правителей, если те не были фанатиками) была достаточно гибкой и отчасти даже патриархальной. Сама сложность социальной системы Индии (из-за богатства кастовых, варновых, религиозных, общинных и т. п. переплетений) зачастую выступала смягчающим гнёт и произвол фактором. Скажем, на Юге Индии при Моголах ремесленники (валангай и идангай) умудрялись долгими годами не платить налоги, которые они считали «несправедливыми», — и это не влекло репрессий, а побуждало сборщиков налогов к затыжному переговору и доказательству «справедливости» налогов¹⁷.

А вот англичане насадили такую налоговую систему, которая вела к тотальному разорению и полной пауперизации индийцев: «Первый же год господства Ост-Индской компании в Бенгалии дал резкий скачок в росте земельных налогов: размер ежегодного земельного налога при туземном правительстве за предыдущие три года, кончая 1764/65 г., составлял в среднем 7 483 тыс. рупий, или 742 тыс. ф. ст., в первый же год английского господства размер налога возрос до 14 705 тыс. рупий, или 1 470 тыс. ф. ст., то есть был увеличен почти вдвое. Непрерывный рост дают налоги и по другим провинциям; например, в Агре в первый же год английского господства земельный налог был повышен на 15%, на третий же год — на 25% по сравнению с общим размером налога туземного правительства. Земельный налог в 1817 г. — последнем году государства Mahratta — составлял 80 лакх рупий. В 1818 г. — первом году британского управления — земельный налог возрос до 115 лакх рупий, а в 1823 г. уже составлял 150 лакх рупий, то есть в течение 6 лет земельный налог возрос почти вдвое. За 11 лет (1879/80 – 1889/90) в Мадрасском президентстве было продано с аукциона в уплату земельного налога 1 900 тыс. акров земли, принадлежавшей 850 тыс. крестьянских хозяйств. Это означает, что

1/8 всего сельскохозяйственного населения президентства была лишена земельной собственности. Однако у крестьянства отбиралась не только земля, но и жилища, рабочий скот, нищенское имущество домашнего обихода, включая кровати, одежду, кухонные принадлежности»¹⁸.

После введения британским генерал-губернатором Чарльзом Корнуоллисом в 1793 г. Закона о постоянном [земле]управлении (Permanent Settlement) положение ещё ухудшилось. Все владельцы земель были лишены своих имущественных прав (вот вам и либерализм, вот вам и «священное право частной собственности!»)¹⁹, земли были закреплены за бывшими откупщиками (заминдарами), которые должны были выплачивать налог в 9/10 от фиксированной (на уровне 1790 г.) земельной платы, собранной с бывших владельцев земель (ставших, таким образом, арендаторами). Это стимулировало заминдара повышать ренту (так как налог, взимаемый с заминдара, оставался фиксированным) — и лишало крестьян заинтересованности в усовершенствовании (чем выше урожай — тем выше будет рента). Участки стали предметом безудержных спекуляций (земля заминдаров, которые не смогли заплатить налог, шла с молотка); распространилась практика субаренды, между крестьянином и заминдаром выстраивалась паразитическая цепочка посредников длиной до 50 человек²⁰.

Лживость Фергюсона видна из таких общеизвестных фактов: одной из основных причин Великого восстания 1857 – 1859 гг. было непосильное налоговое бремя, установленное «хорошими» английскими колонизаторами; повстанцы провозгласили восстановление власти «плохих» Великих Моголов, назначили вождём восстания последнего Могола Бахадур-шаха II и уничтожали заминдаров с последовательностью даже большей, чем англичан.

«Эффективное производство» при британцах в Индии — с этой самой расхваленной Фергюсоном «свободой торговли» и т. п. — выглядело так: со времен Акбара, первого из Великих Моголов (то есть с 1570 г.), средний урожай пшеницы с поливных земель *не*

вызвана тем, что в Уэрта, купленный английскими и немецкими банками, решил предоставить им исключительные права в Мексике в ущерб интересам капитала США. Посол США тайно предложил режиму Уэрты переориентироваться на Вашингтон, обещая, что банки США «покроют все текущие расходы нынешнего правительства Мексики», но получил отказ — и Уэрта опубликовал эту переписку в официальной газете «Диарио офисьяль». В ответ США начали интервенцию (подробнее см.: Documentos históricos de la Revolución Mexicana. T. II. México, 1962).

19. К. Маркс справедливо назвал это «искусственной экспроприацией бенгальских землевладельцев» (Маркс К. Хронологические выписки по истории Индии. М., 1947. С. 98).

20. Гхош Ч. К. Голод в Бенгалии. М., 1951. С. 6–7.

21. Bhattaharyya B. V. A History of Bangla Desh. Dacca, 1973. P. XVI.

22. Подробнее см.: Всемирная история. Т. V. М., 1958. С. 286–293.

23. Впрочем, и из прямых конфискации тоже:

в 1760 – 1780 гг., по подсчётам европейских авторов, Британская Ост-Индская компания ввезла в метрополию бесплатных (то есть по сути награбленных) товаров на 12 млн фунтов стерлингов (БСЭ. Т. 18. М., 1953. С. 60). После завоевания Индией независимости индийские экономисты вновь изучили этот вопрос и обнаружили, что безвозмездных вывоз товаров и монеты в 1757 – 1780 гг. достигал 38 млн фунтов стерлингов (Антонова К. А., Бонгард-Левин Г. М., Котовский Г. Г. История Индии. М., 1979. С. 258).
 24. См.: Орестов О. Л. Ворота Индии. М., 1976. С. 209–211.
 25. Крашенинников В. Л. Падение Серингапатама. М., 1981. С. 301.
 26. Антонова К. А., Бонгард-Левин Г. М., Котовский Г. Г. Указ. соч. С. 283.

вырос, а с неполивных даже *упал* — с 1550 английских фунтов с акра до 900²¹. Индия как раз — яркий пример того, как британский империализм «не разорял» колонии. Индию присоединяли к Империи военным путем. Каждая успешная кампания, помимо обычных для войны разрушений, завершалась чудовищным грабежом. «Разграбление Бенгалии» после битвы при Плесси стало *официальным термином* исторической науки. В одном только Муршидабаде английские солдаты награбили на 3 млн ф. ст. Только расхищение государственной казны Бенгалии принесло англичанам 5 млн 260 тыс. ф. ст. Отбирая товары или скупая их по произвольно установленным ценам, а также навязывая местному населению ненужные залежалые товары по баснословно высоким ценам, служащие Ост-Индской компании только с 1757 по 1780 г. нажили в Бенгалии 5 млн ф. ст. Чистый доход компании в Бенгалии вырос с 14 млн 946 тыс. рупий в 1765 г. до 30 млн рупий в год в 1776 – 1777 гг. И т. д., и т. д.²² Так Ост-Индская компания извлекала колоссальные доходы из неравноправной торговли и спекуляций²³.

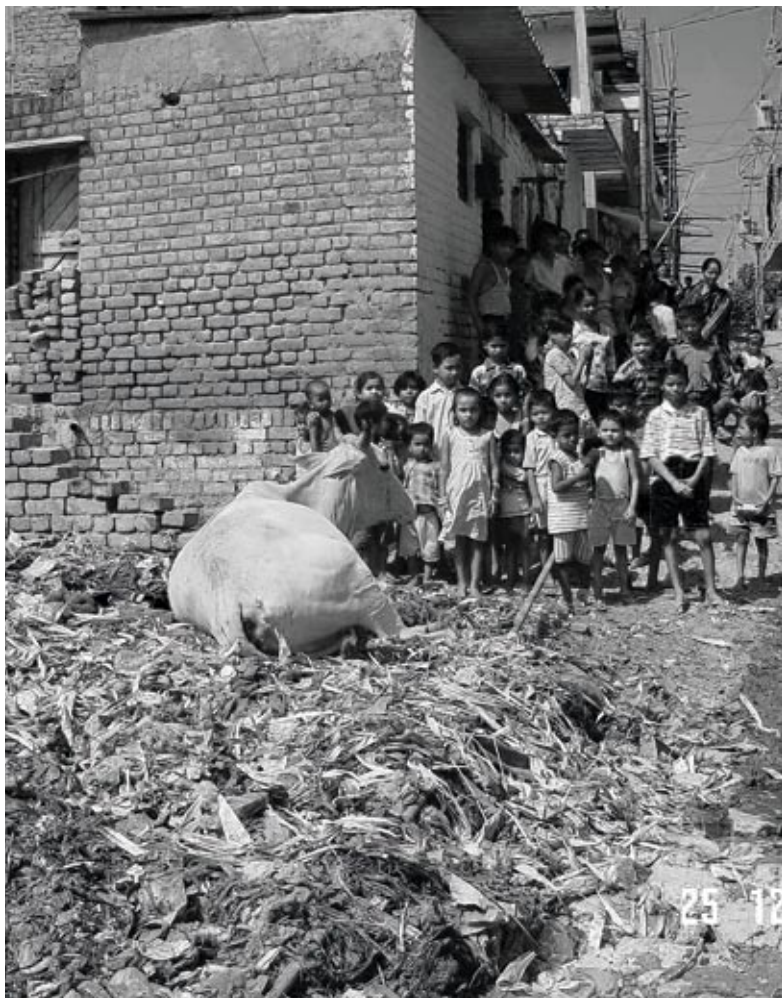
Скандално знаменитый генерал-губернатор Бенгалии Роберт Клайв, сколотивший миллионное состояние и признанный виновным в присвоении 234 тыс. ф. ст., но *оправданный* парламентом за «огромные... услуги родине», в речи в свою защиту проговорился, что при нем Ост-Индская компания стала получать 4 млн ф. ст. в год²⁴. После падения в 1799 г. столицы Майсура — Серингапатама (Шриран-

гапаттинама) — резня и грабеж города продолжались 3 дня, награблено было столько, что солдаты отдавали за бутылку вина слитки золота, за 1,5 тыс. рупий продавали усыпанные бриллиантами браслеты стоимостью в десятки и сотни тысяч фунтов стерлингов²⁵. Даже у рядовых ранцы оказывались набиты драгоценными камнями²⁶, а командующий английскими войсками генерал Харрис награбил драгоценностей на 1,5 млн рупий²⁷.

Объём награбленных ценностей и доходов, вывезенных из Индии в Англию, видимо, невозможно даже подсчитать, но он грандиозен. Одних только драгоценностей и денег за первые 100 лет британского владычества из Индии вывезено на 12 млрд золотых рублей²⁸. По подсчётам известного в конце XIX — начале XX в. американского философа и историка Брукса Адамса, в первые 15 лет после присоединения Индии англичане вывезли из Бенгалии драгоценностей на сумму в 1 млрд ф. ст.²⁹ Англичане первоначально сами не скрывали грабительского характера своей экономической политики в Индии и сами придумали для неё термин «economic drain» (экономическое выкачивание). Так, только с 1749 по 1858 г. англичане вывезли из Индии: опиума — на 74 млн 390 тыс. ф. ст.; зерна — на 23 млн 190 тыс. ф. ст.; хлопка-сырца — на 19 млн 380 тыс. ф. ст.; шерсти — на 2 млн 210 тыс. ф. ст.³⁰ А только в 1757 – 1812 гг. только прямые доходы британских колонизаторов в Индии составили свыше 100 млн ф. ст.³¹ И т. д. Без награбленного в колониях и, в частности, в Индии не смогла бы начаться «промышленная революция» в самой Британии — просто не хватило бы первоначального капитала для «технического перевооружения». Это очень доходчиво показал, например, Эрик Хобсбаум³².

Впечатляет наглость, с которой Фергюсон рассказывает о Британской империи как о силе, насаждавшей «свободу торговли». По отношению к Индии эта «свобода» выглядела так. Британская текстильная промышленность в XVI–XVII вв. была совершенно *неконкурентоспособна* по сравнению с индийской. Индийские ткани (и хлопчатобумажные, и шерстяные, и шёлковые) были *выше качеством* и зачастую стоили на европейских рынках *меньше*, чем английские. Чтобы искусственно оградить свой недостаточно качественный товар от конкуренции, британские «фритредеры» прибегли к 80-процентной покровительственной пошлине³³. Э. Хобсбаум указывает, что английская текстильная промышленность — с создания которой и началась «промышленная революция» — вообще возникла как «побочный продукт заморской торговли, она производила сырьевой материал... индийский хлопок или миткаль ... завоевал рынки, и английские текстильщики «вынуждены были пробиваться на рынок со своими грубыми поделками» — разумеется, безуспешно. Проблема была решена очень «либерально»: путем запрета на ввоз индийского миткаля³⁴.

Сами жители Британии не проявляли «патриотизма» и не горели желанием переходить с

превосходных индийских тканей на некачественные отечественные. Британские источники конца XVII в. констатировали: «После революции 1688 г. увлечение ост-индскими ситцами распространилось во всех классах общества»³⁵. А. Мортон констатирует: «Прекрасные хлопчатобумажные ткани ввозились из Индии и были очень популярны до тех пор, пока в 1700 г. постановлением парламента не был запрещён их ввоз на том основании, что он «неизбежно наносит большой ущерб ... королевству тем, что выкачивает из него средства»...»³⁶.

Эти действия устранили конкурента с внутреннего британского рынка, но не решили проблему конкуренции на рынках Европы. Там по-прежнему предпочитали индийские ткани, лучшие по качеству. Из Индии в Европу, Азию и обе Америки вывозилось более 30 видов тканей и сырой шёлк³⁷. В последней четверти XVII в. индийский шёлк практически вытеснил британский на европейских рынках. Это больно ударило по английской шёлковой промышленности, которую активно поддерживали лендлорды³⁸. Качество индийских тканей, в частности, муслина, европейцев потрясло. То, что индийские ткани — самые лучшие, в Европе помнили и в 60-е гг. XIX в.: когда Теофилю Готье в «Капитане Фракассе» потребовалось подчеркнуть богатство, изысканность и тонкий вкус маркизы де Брюйер, он специально указал, что её покои были украшены именно индийскими тканями³⁹.

Англичане решили эту проблему строго «либерально» и в духе «свободы торговли»: захватили главный центр индийского текстильного производства — Бенгалию, разрушили её, разграбили и сознательно разорили бенгальских текстильщиков. Причём «пионеры либерализма и свободного рынка» сочли нужным уничтожить конкурентов физически. Метод был тот же, что и в Ирландии: искусственно организованный голод. В 1769 – 1770 гг. в разграбленной англичанами Бенгалии разразился голод, который унёс треть населения — 7 млн чел.⁴⁰, а по другим подсчётам — все 10 миллионов⁴¹. В 80-х – 90-х гг. XVIII в. трагедия в Бенгалии повторилась — и теперь от голода вымерла уже половина населения — 10 млн чел.⁴²

С начала XIX века, по мере распространения власти англичан практически на всю Индию, массовый голод стал обыденным явлением в стране. По английским официальным данным, в Британской Индии от голода

умерло в 1800 – 1825 гг. — 1 млн чел., в 1825 – 1850 гг. — 400 тыс. чел., в 1850 – 1875 гг. — 5 млн чел., в 1875 – 1900 гг. — 26 млн чел., в том числе во время Большого голода в 1876 – 1878 гг. — свыше 2,5 млн чел.⁴³ С начала XX в. британская колониальная администрация «в целях недопущения дискредитации политики Империи в колониях» стала тщательно скрывать данные о жертвах голода в Индии⁴⁴. Единственное, что удавалось почерпнуть из официальной статистики, это данные об общей численности населения районов, пораженных голодом. Так, в 1905 – 1906 гг. голод свирепствовал в районах с населением 3,3 млн чел., в 1906 – 1907 гг. — с населением 13 млн, в 1907 – 1908 гг. — 49,6 млн чел.⁴⁵ Другим способом сокрытия истины являлось списывание всех смертей на эпидемии холеры и чумы, вспыхивавшие в пораженных голодом районах. В частности, по официальным данным, в голодающих районах от чумы в 1896 – 1908 гг. умерло 6 млн чел.⁴⁶ В 1933 г. директор Медицинской службы Индии генерал-майор Джон Мигоу сквозь зубы признал, что «по крайней мере 80 млн человек в Индии постоянно голодают»⁴⁷.

В 1943 г. британская администрация сознательно организовала чудовищный голод в Бенгалии. В результате погибло самое меньшее 3,5 млн чел.⁴⁸ Всего же на Севере и Востоке Индии в 1943 – 1944 гг. погибло от голода свыше 5 млн чел. Организация массового голода была местью британской администрации населению этих районов за «Августовскую революцию» 1942 г. и поддержку (особенно массовую в Бенгалии) «Индийской национальной армии» Субхаса Чандры Боса.

27. Крашениников В. Л. Указ. соч. С. 304.

28. Всемирная история. Т. V. С. 340.

29. Adams B. The Laws of Civilizations and Decay. An essays on history. N.Y., 1898. P. 305.

30. Рассчитано по: Bhattaharyya B.V. Op. cit. P. 398–412.

31. СИЭ. Т. 5. М., 1964. Стб. 861.

32. См.: Хобсбаум Э. Д. Век Революции. Европа 1789–1848. Ростов н/Д, 1999. С. 53–79.

33. Неру Д. Взгляд на всемирную историю. Письма к дочери из тюрьмы, содержащее свободное изложение истории для юношества. Т. 2. М., 1981. С. 206.

34. Хобсбаум Э. Д. Указ. соч. С. 52.

35. Цит. по: Sinha G.C. Economic Annals & Bengal. Dacca, 1927. P. 25.

36. Мортон А. Л. Указ. соч. С. 282.

37. Проблемы новой и новейшей истории Востока. Материалы межвузовской научной конференции. М. – Рязань, 1993. С. 6.

38. Там же.

39. Готье Т. Капитан Фракассе. М., 1992. С. 84–85.

40. БСЭ. Т. 18. М., 1953. С. 60.

41. Антонова К. А., Бонгард-Левин Г. М., Котовский Г. Г. Указ. соч. С. 283; Гхош К. Ч. Указ. соч. С. 20; Бошам Д. Английский

империализм в Индии. М., 1935. С. 17; Dutt R. The Economic History of India under Early British Rule. From the Rise of the British Power in 1757 to the Accession of Queen Victoria in 1857. L., s.a. P. 52.

42. Губер А. А., Хейфец А. Н. Новая история стран зарубежного Востока. М., 1961. С. 55.

43. Антонова К. А., Бонгард-Левин Г. М., Котовский Г. Г. Указ. соч. С. 331; Fox R. The Colonial Policy of British Imperialism. N.Y., s.a. P. 27–29; de Schweinitz Jr., K. The Rise and Fall of British India. Imperialism as Inequality. L.&N.Y., 1983. P. 188–189;

Губер А. А., Хейфец А. Н. Указ. соч. С. 243; СИЭ. Т. 5. Стб. 867. Британская статистика, естественно, занижала размеры социального бедствия. Даже французские источники свидетельствуют, что только в 1877 г. от голода умерло 5,25 млн индийцев (История XIX века. Т. 7. М., 1939. С. 155), а по данным самих индийцев, в 1876–1878 гг. от голода погибло 10 млн чел. (см.: Неру Д. Указ. соч. Т. 2. С. 219).

44. Bhattaharyya B.V. Op. cit. P. 522.

45. Антонова К. А., Бонгард-Левин Г. М., Котовский Г. Г. Указ. соч. С. 363–364.

46. Там же. С. 264.

47. Гхош К. Ч. Указ. соч. С. 65, прим. 1.
 48. Там же. С. 119–120. Почти вся книга К. Ч. Гхоша посвящена тщательно — на основе документов — доказательству того факта, что голод 1943 г. был организован британскими империалистами намеренно.
 49. Антонова К. А., Бонгард-Левин Г. М., Котовский Г. Г. Указ. соч. С. 463.
 50. Цит. по: Bhattaharyya B. V. *Op. cit.* P. 361.
 51. Mukherjee R. *The Rise and Fall of the East India Company. A Sociological Appraisal.* N.Y.—L., 1974. P. 361.
 52. *Ibid.* P. 338.
 53. Маркс К. И Энгельс Ф. Соч. Т. 9. М., 1957. С. 133.
 54. Ротчев А. Г. Воспоминания русского путешественника. М., 1991. С. 33.
 55. Цит. по: Неру Д. Указ. соч. Т. 2. С. 208.
 56. См.: Гхош К. Ч. Указ. соч. С. 17–37.

В начале британского владычества Бенгалия была густонаселенной страной — одним из наиболее развитых экономически регионов Индии — с богатыми огромными городами. Губернатор Бенгалии Р. Клайв накануне завоевания страны Ост-Индской компанией (в 1757 г.) писал, что города Дакка и Муршидабад «огромны, многолюдны, а богаты, как лондонское Сити»⁵⁰. Но уже в 1789 г. британский генерал-губернатор Индии Ч. Корнуоллис вынужден был констатировать, что вследствие гибели населения от голода треть владений Ост-Индской компании «превратилась в джунгли, заселенные только дикими зверями»⁵¹. Маркс указывал, что население Дакки («индийского Манчестера»⁵², как назвала этот город британская парламентская комиссия) с 1824 по 1837 г. сократился со 150 тыс. до 20 тыс. человек⁵³. Русский путешественник А. Ротчев, посетивший Индию в начале 40-х гг. XIX в., так описывал увиденное: «Что осталось от Уджейна [Уджайна], Бхопала, Джейпура [Джайпура], Гвалиора, Индора [Индурра], Гайдерабада [Хайдерабада], Ахмедабада [Ахмадабада], Фуркабада [Фурхабада], Дели и Агры, городов столичных, некогда цветущих? На несколько миль вокруг них видны раздробленные колонны, разорённые храмы и полуразвалившиеся, одинокие памятники. Дикие звери и пресмыкающиеся гады заменили народонаселение, всё глухо и пусто вокруг...»⁵⁴. В 1834 г. английский генерал-губернатор мог гордо, с чувством выполненного долга

докладывать в Лондон: «Равнины Индии беллеют костями ткачей»⁵⁵.

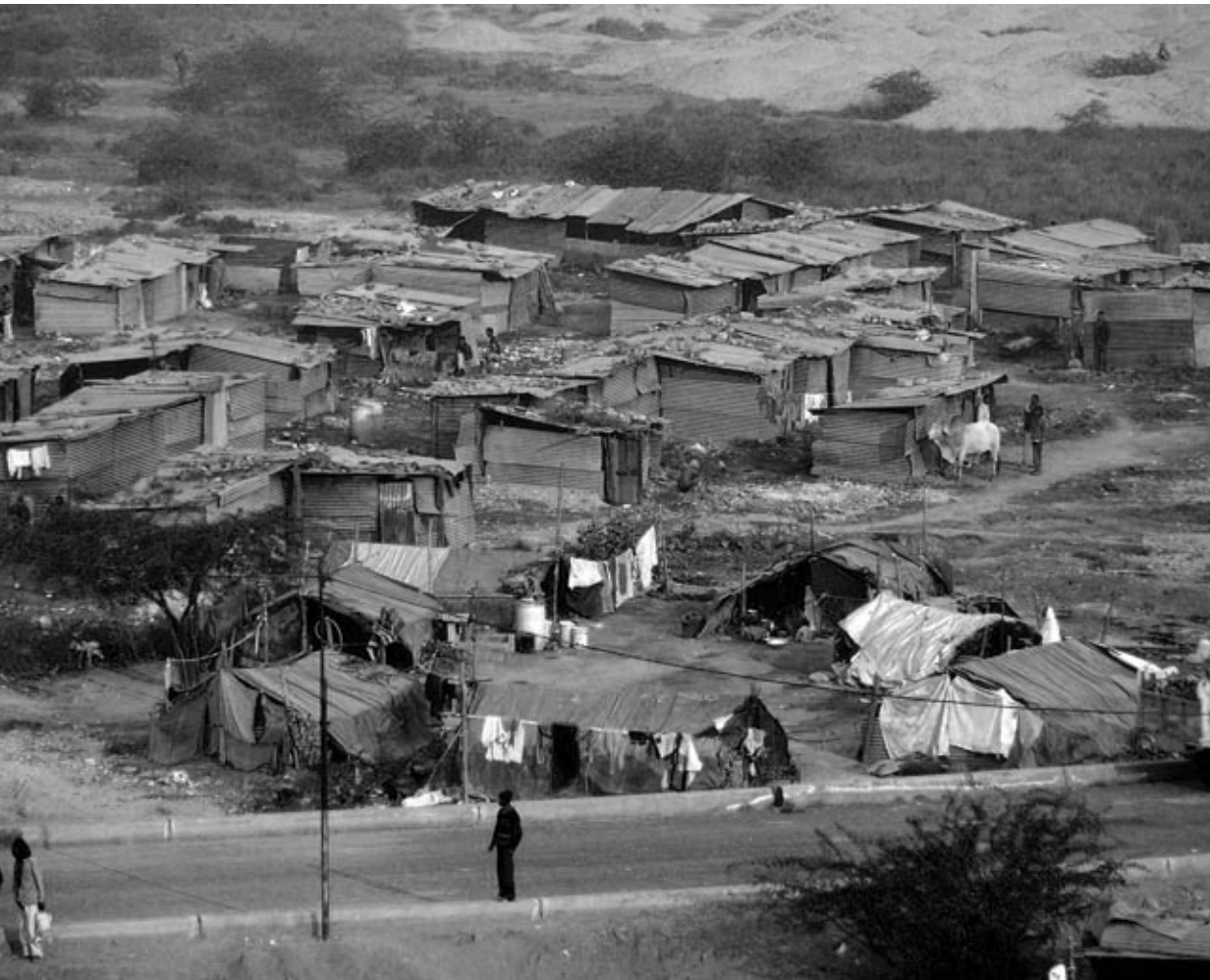
Самым отвратительным было то, что британцы организовывали голод в Индии *сознательно* и *искусственно*. Большое количество доказательств этого собрал Кали Чаран Гхош⁵⁶.

Голод в Индии случался и раньше, например при Моголах — но всегда в результате совпадений неурожая с войнами. Так, 2 года без дождей и долгие войны в Декане привели в 1629 – 1630 гг. к голоду в Гуджарате, Декане и отчасти в Голконде. Во время этого голода погибло 3 млн человек⁵⁷. Но тогда сам Великий Могол Шах Джахан сделал что мог для спасения голодавших: раздавал деньги и продовольствие, в массовом порядке открывал богадельни, на 2 года отсрочил все налоги⁵⁸. В 1661 г. во время нового голода Аурангзеб щедро раздавал продовольствие и деньги, отсрочил выплату арендной платы и отменил ряд налогов, организовал общественные работы для голодавших, чтобы дать им источник дохода⁵⁹. Искусственный голод в Индии устраивали *только британские колонизаторы*.

Английские расистские историки любят рассказывать, что-де текстильное производство в Индии было отсталым, примитивным, сами текстильщики — нищими, а типичная мастерская индийского ткача была «жалкой хижиной со станком снаружи»⁶⁰. На самом деле технологически индийское текстильное производство было для своего времени безусловно развитым. Скажем, в конце XVIII в. в районе Дакки в семье ткача использовали до 120 различных специализированных орудий труда⁶¹. В техническом отношении индийское ткачество по меньшей мере в трёх позициях уверенно опережало европейское: в крупноузорчатом ткачестве, в крашении и в набойке⁶². Индийский ткацкий станок, изобретённый независимо от европейского, был ничем не хуже, но куда более прост по устройству⁶³.

И уж совсем невозможно было сравнить уровень жизни индийских текстильщиков с уровнем жизни английских, которые, по свидетельству современников, «не могут прокормить ни себя, ни, тем более, своих жён, родных и детей»⁶⁴ и «являют собой печальную галерею слепых, хромых, преждевременно одряхлевших астматических и увечных инвалидов или полуинвалидов, в которых едва теплится жизнь»⁶⁵. А прядильщик в Бенгалии зарабатывал в месяц от 3 до 5,5 рупий⁶⁶, а по некоторым источникам, даже до 8 рупий⁶⁷. В то же время полное содержание одного взрослого человека обходилось в 1 рупию в месяц⁶⁸. Зарботки ткачей в Бенгалии составляли 5–6 рупий в месяц⁶⁹. Кстати сказать, цена одного ткацкого станка в Бенгалии в начале XIX в. была всего лишь 5 рупий⁷⁰. То есть станки были вполне доступны рядовому ткачу, он не должен был залезать в долги, чтобы приобрести средства производства. Зарботки белильщиков тканей вообще колебались от 7,5 до 9 рупий в месяц⁷¹.

«Добрая» британская администрация и позже всеми силами сдерживала экономическое развитие Индии — даже тогда, когда это наносило ущерб интересам тех англий-

ских промышленников, кто владел предприятиями на территории Индии: «Правительство вело разговоры о политике *laissez faire*: о свободе коммерческой деятельности и невмешательстве в частные инициативы. В восемнадцатом веке и начале девятнадцатого, когда индийская торговля соперничала в Англии с английской, английское правительство вмешалось и задушило её с помощью пошлин и запретов. После того, как англичане одержали верх, они могли позволить себе разглагольствовать о *laissez faire*... Они фактически всеми силами противились развитию некоторых отраслей индийской промышленности, в частности, росту хлопчатобумажных предприятий в Бомбее и Ахмадабаде. Изделия этих индийских фабрик были обложены особым налоговым сбором или пошлиной на хлопок. Пошлина была введена с целью облегчить конкуренцию для английских хлопчатобумажных товаров из Ланкашира с индийскими текстильными изделиями. Почти каждая страна облагает пошлиной некоторые иностранные товары либо для защиты своей собственной промышленности, либо для получения доходов. Но англичане в Индии предприняли необычные и удивительные меры. Они обложили пошлиной собственные изделия индийской промышленности!»⁷²

Если в Индии и развилась промышленность, то только из-за I Мировой войны, когда Ланкашир оказался не в состоянии уже наводнять Индию текстилем, мощностей сталелитейных и металлообрабатывающих заводов

в метрополии не хватало даже для военных нужд, и в Индии просто произошла катастрофа с железнодорожными рельсами⁷³.

Не менее показательна ситуация с сельским хозяйством. До британского владычества до 80% всех обрабатываемых земель в Индии были оборудованы ирригационными сооружениями. Англичане эту систему разрушили. Но уже в 1810 г. британская администрация вынуждена была принять решение о восстановлении ирригационной системы в Индии, однако это решение не было выполнено («эффективное управление»), так что в 1865 г., когда ситуация стала невыносимой, британцы вновь вынуждены были заняться *восстановлением того, что сами разрушили*⁷⁴. Таким вот «благодетелем» была Британская империя.

Вполне естественно, что сами индийцы так «любили» этого «благодетеля», что 65 (!) раз поднимали против британцев крупные восстания (не считая тысяч мелких), трижды вели в разных районах Индостана затяжные партизанские войны (в 60 – 90-е гг. XVIII в., в 1818 – 1831 гг. и в 1815 – 1832 гг.) — и в конце концов освободились от власти столь «благодетельной» Британской империи.

Я мог бы ещё много написать о нагло-лживой, подлой, джингоистской, расистской, по сути глубоко фашистской книге Фергюсона — настолько она меня возмутила. Но я ограничен размерами статьи. Надеюсь, впрочем, что не все гуманитарии в России превратились в идеологических проституток — и эта книга ещё получит достойный ответ в нашей прессе.

57. Антонова К. А., Бонгард-Левин Г. М., Котовский Г. Г. Указ. соч. С. 230.
58. Гхош К. Ч. Указ. соч. С. 15.
59. Там же. С. 15–17.

60. См., например, «классическое» колониалистское пособие Мюррея–Вильсона: Historical and Descriptive Account of British India. Edinburgh, 1840. V. II. P. 442.

61. Bhattaharaya S. The East India Company and the Economy of Bengal from 1704–1740. L., 1954. P. 184; Taylor J. A. A Sketch of the Topography and Statistics of Dacca. Calcutta, 1840. P. 174.

62. Вестник МГУ. Серия 13. Востоковедение. 1984. № 1. С. 20.

63. Это вынужден был констатировать англичанин — в. Уорд: Ward W. A View of the History, Literature and Religion of the Hindoos. L., 1817. V. I. P. 93.

64. Цит. по: Мортон А. Л. Указ. соч. С. 135.

65. Цит. по: Пулсен Ч. Английские бунтары. М., 1984. С. 160.

66. Bhattaharaya S. Op. cit. P. 184; Taylor J. A. Op. cit. P. 72.

67. Ward W. Op. cit. V. I. P. 93; v. II. P. 126.

68. Sinha N.K. The Economic History of Bengal from Plassey to the Permanent Settlement. Calcutta, 1956. V. I. P. 173–175.

69. Ibid. P. 165, 175.

70. Taylor J. A. Op. cit. P. 78.

71. Bhattaharyya B.V. Op. cit. P. 358.

72. Неру Д. Указ. соч. С. 225.

73. Бошам Д. Указ. соч. С. 33–35.

74. Мухерджи А. Англия и Индия. М.—Л., 1929. С. 106.

КОРИЧНЕВЫЙ СЛЮНЯВЧИК ДЛЯ МАЛЬЧИКА-МАЖОРА

**Содержание предыдущих серий,
от фараона Нармера до президента**

Ельцина

Всем известно, что в течение семидесяти (или скольких-то там) лет нашу духовность заедал «тоталитарный режим». Детям эту историческую истину внушают школьные учебники, а если кто из взрослых запамятовал, достаточно включить ТВ-ящик, и очень скоро какой-нибудь деятель культуры напомним. Концепция «тоталитаризма»¹ исходит из того, что идеологически враждебным режимам — нацистской Германии и фашистской Италии, с одной стороны, и сталинскому СССР, с другой — были присущи некоторые общие черты. Отсюда определение: «одна из форм государства..., характеризующаяся его полным (тотальным) контролем над всеми сферами жизни общества, фактической ликвидацией конституционных прав и свобод, репрессиями в отношении оппозиции и инакомыслящих» (БЭС). В самой формулировке нет ничего антинаучного. И вообще споры о словах — малопродуктивное занятие. Однако не случайно «тоталитаризм» быстро превратился из термина в политический ярлык, причём его взяли на вооружение ультраправые — те, кто лиру посвятил реабилитации гитлеровцев. Установка памятников эсэсовцам, бандеровцам и полициям неизменно сопровождается болтовнёй о том, что они, дескать, боролись с «обоими тоталитарными режимами». Какой

же внутренний порок скрывался в познавательной модели, что она оказалась удобна для провокаторов и неудобна для исследователей? Логических червоточин несколько. Укажу главную. Тотальный идеологический контроль с опорой на организованное насилие характерен для великого множества государств самой разнообразной идеологической расцветки. Можно смело утверждать, что большая часть истории цивилизованного человечества прошла именно при таком общественном устройстве. Но этот всемирно-исторический контекст авторы новых учебников игнорируют, представляя диктатуры XX столетия как «доселе невиданное» и по сути своей иррациональное зло, которому противостоит столь же иррациональное добро в виде «свободного рынка» и «прав человека»².

Альтернативный подход мы находим в работах крупнейшего отечественного историка и антрополога Ю. И. Семёнова. В основе его классификации — объективно сложившиеся отношения власти и собственности. Он выделяет такие общества (социальные организмы), в которых правящий класс совпадает «если не со всем составом государственного аппарата, то, во всяком случае, с его ядром. Описанный способ производства известен под названием азиатского. Точнее было бы назвать его политарным (от греч. полития, политея — государство)... Политарный способ производства предполагал собственность не только на средства производства, прежде всего землю, но и на личности

1. О её происхождении см.: Кургинян С. Е. Точка сборки // Россия 21, 2005, №3

2. См., например: Скобов А. В. История России (1917–1940). Учебное пособие по политической истории России. — СПб.: Иван Федоров, 2001.

производителей. А это означает... право на жизнь и смерть...»³.

Без репрессий такой порядок просто не мог быть установлен, а тотальный государственный контроль — неизбежное следствие права собственности на личность. Политархия — явление глубоко архаичное (таковы были древнейшие цивилизованные общества Востока), однако по ходу исторического развития она время от времени возрождается: в ней нет ничего демонического. Жить под властью чиновников, конечно же, не слишком комфортно. Бюрократия легко (и справедливо) ассоциируется с такими явлениями, как реакция, застой, произвол. Однако бывало и по-другому. Любой нормальный человек предпочёл бы бюрократическую империю Марка Аврелия «свободе» варварских нашествий. Абсолютную монархию XVI — XVII вв. Ю. И. Семёнов рассматривает как своеобразную политархию⁴, однако для большинства населения она являлась несомненным благом по сравнению с феодальной раздробленностью и сыграла, в общем, прогрессивную роль, подготовив условия для капитализма. Хотя самодержавие самодержавию рознь.

Абсолютизм английских Тюдоров был достаточно жестоким, но он принципиально отличается от опричнины Ивана Грозного, который, как полагают некоторые современные исследователи, всерьёз пытался реализовать программу «последнего царства» из греческих эсхатологических сочинений, и ради этих бредовых идей совершенно разорил собственную страну⁵.

Свободный рынок тоже ведь не всегда и не везде приносит вкусные плоды. Кое-где, в здравоохранении, например, или в театральном искусстве он оборачивается стихийным бедствием...

Новейшая (надо полагать, не последняя) модификация политархии возникла в 20-е — 30-е гг. XX столетия. Ю. И. Семёнов называет её «индустриальной». Не углубляясь в детали, отметим то, что важно для дальнейшего разговора. Судьбы новых политархий сложились по-разному. Агрессивные националисты сгорели в пожаре мировой войны, который сами же и разожгли. Советский Союз не просто вышел из войны победителем. После смерти Сталина он медленно, но неуклонно эволюционировал в направлении «прав и свобод» (тех самых, которые по определению несовместимы с «тоталитарным режимом»). Либерализация вдохновлялась идеями возвращения к собственным корням, восстановления демократических и гуманистических традиций «настоящего» марксизма.

Слава тебе, Господи, Юрию Любимову, Ивану Ефремову и Симону Соловейчику было, что восстанавливать...

Нюрнбергский трибунал от имени всего человечества осудил именно нацизм, никакого подобного процесса над коммунизмом не состоялось и, надо полагать, уже не состоится. И это не случайное стечение обстоятельств и не конъюнктура. Юридически зафиксирован тот факт, что между советской

и немецкой политархиями, при несомненных чертах сходства, существуют и принципиальные различия. К ним мы ещё вернёмся в конце статьи.

В середине 80-х гг. В СССР отмечены последние пароксизмы «тотального контроля»: андроповские облавы в парикмахерских, аресты рок-музыкантов, «борьба с нетрудовыми доходами». Сталинизм второй свежести не состоялся (не мог состояться) — и началась перестройка. Её движущей силой стал противоестественный альянс не просто разных, но антагонистических сил, которые, тем не менее, выступали на митингах и выборах под общей вывеской «демократического движения». С одной стороны, самые широкие слои наёмных работников, от учёных до колхозников (советский аналог французского третьего сословия) были недовольны привилегиями номенклатуры. Они требовали равноправия. С другой стороны, внутри самой номенклатуры крепло осознание того, что её корпоративную собственность пора преобразовать в частную, передаваемую по наследству. Так выгоднее.

Оказалось, и впрямь выгоднее.

Знакомьтесь: ваш новый хозяин

Не будем спорить о том, насколько плох был вариант развития, реализованный на развалинах нашей «бывшей» Родины. Наверное, всё могло обернуться намного хуже (совершенству нет предела как в ту, так и в другую сторону). Однако согласитесь: цена, которую стране пришлось заплатить за то, чтобы незначительная часть (около полутора процентов) её населения могла конвертировать свои властные полномочия в твёрдую валюту, оказалась весьма высокой. Распад государства, повсеместный криминальный террор, падение практически всех показателей, по которым принято судить об уровне цивилизации, включая среднюю продолжительность жизни. Она за 10 лет «Духовного Возрождения» снизилась для российских женщин примерно с 74,3 до 72,3 лет, для мужчин с 63,5 до 58,9⁶. С 1992 г. на графиках демографов отмечается т. н. «русский крест» — кривая смертности пересекает кривую рождаемости и уходит вверх. Наверное, стоило бы прислушаться к академику Д. С. Львову, когда он объясняет «эпидемию смертности» среди наиболее трудоспособной части нашего населения не только экономическими причинами (как подбало бы экономисту), но также «утратой смысла жизни..., возможностей нормально существовать для себя и своих детей, когда вопрос “Как жить?” трансформируется в “Зачем жить?”»⁷.

Подробное описание того, как (и для кого) корпоративная собственность превращалась в частную, можно найти, например, в двухтомнике бывшего зам. председателя Счётной палаты РФ Ю. Ю. Болдырева⁸. Наибольший и не всегда переводимый в цифры ущерб наносился, как правило, тем высоко-развитым отраслям, в которых СССР не уступал западным конкурентам, порою даже превосходил их. Как показывает нынешний повседневный опыт, для успешной торгов-

3. Семёнов Ю. И. Введение во всемирную историю. История цивилизованного общества. М.: МФТИ, 2002, с. 23 -24.

4. Семёнов Ю. И. Философия истории. М.: Старый сад, 1999, с. 267.

5. Юрганов А. Л. Категории русской средневековой культуры. М.: МИРОС — «Открытое общество», 1998.

6. См. Демоскоп Weekly. Электронная версия бюллетеня «Население и общество», Центр демографии и экологии человека Института народнохозяйственного прогнозирования РАН. Россияне умирают слишком рано. Для сравнения — что происходило в «тоталитарном» и по-прежнему очень небогатом Китае: Четыре тенденции в состоянии здоровья 1,3 млрд. китайцев. Жэньминь Жибао онлайн.

7. Львов Д. С. Перспективы долгосрочного социально-экономического развития России. Доклад, прочитанный в Президиуме РАН. // Вестник Российской Академии Наук, том 73, №8 (2003)

8. Болдырев Ю. Ю. О бочках мёда и ложках дёгтя. М.: Крымский мост — 9Д, 2003. Его же. Похищение Евразии. М.: Крымский мост — 9Д, 2003.

ли на оптовом рынке не нужно заканчивать школу. Не обязательно даже свободное владение языком, на котором говорят покупатели. Другое дело — построить АЭС, поднять с морского дна затонувшее судно, поставить спектакль на уровне Г. А. Товстоногова. За каждым из этих умений — традиция, которую поддерживали и развивали поколения высококлассных специалистов. Создаётся мучительно долго, разрушается одним движением.

Бедняга скульптор жизнь прожил,

В статую мрамор превратил.

Мужик — у! — как живой.

В моих руках тяжёлый лом,

Я не жалею ни о чём.

Башка — с плеч долой!

(Сергей Селюнин, группа «Выход»)

Конечно, не вся номенклатура готова была «модернизировать» страну в ритме этой весёленькой песенки. Вообще не стоило бы в духе вульгарного социологизма мазать одной краской целые классы и сословия. Номенклатурный работник (так же, как феодал или капиталист) мог быть строителем, просветителем, защитником отечества. Мог любить вверенное ему дело и получать удовлетворение от собственного профессионализма. Эти естественные человеческие чувства искажались и деформировались, но не были вовсе искоренены. Поэтому и теперь не всякий директор радовался возможности закрыть производство, чтобы сдать освободившиеся помещения под склад спирта «Рояль». Не всякий начальник милиции соглашался годами «не замечать» известный целому городу наркопритон. Не всякий руководитель здравоохранения, вооружившись печатью и ст. 57 нового закона «Об охране здоровья граждан», открывал в своём кабинете лавочку по выдаче официальных лицензий «экстрасенсорному» жулью. Превращение советской номенклатуры в финансово — бюрократическую олигархию ельцинского призыва сопровождалось многократными, слой за слоем, чистками. Правящий класс освобождался не только от идейно чуждого элемента, но и от «консерваторов» в области этики. Кого-то отправляли на пенсию, кого-то — прямо на кладбище с пулей в затылке от «неустановленного следствием» заказчика. Происходил своего рода отбор, причём направление его было прямо противоположным тому, которое указал замечательный советский генетик В. П. Эфроимсон в своей знаменитой статье⁹.

Оговорим сразу: речь не о том, что в результате обратной эволюции к власти пришли тупые обезьяны из анекдотов про «нового русского». Немногим ближе к действительности рассуждения об «ошибках реформаторов», которыми наполнена наша как бы серьёзная историческая литература. Мол, хотели как в Швейцарии — а получилось как всегда. Конечно, многие из тех невзгод, которые обрушились на податное население в 90-е годы, мало зависели от чьей бы то ни было доброй или злой воли. Повышение цен произошло бы при любом правительстве, даже при воскресшем Ленине, соответственно, падал бы рубль и обесценивались вклады. Но взять

и в этот самый момент (не корысти ради, а токмо для оздоровления финансов) освободить от таможенных платежей импорт алкогольных суррогатов — это уже не стихия, это ноу — хау. Рассуждаем дальше. При тяжёлых житейских обстоятельствах в народе неизбежно возбуждается интерес к оккультизму, к гришкам распутиным и грабовым. Но официально поддержать шарлатанов целым рядом нормативных актов, отредактированных в их пользу (см. выше) и лицензиями Минздрава — извините, но такое делается только с прямым умыслом. Делается вдумчиво, планомерно и в каком-то смысле даже талантливо. Та же правка законодательства, призванная обеспечить то в одной, то в другой отрасли «равноправную конкуренцию между сорняками и огурцами» (замечательный образ Сергея Кургина) — на первый взгляд, вроде бы, хаотичная. Оуда и вечная песня: «ах, как несовершенны наши законы, ой, как они противоречат друг другу...». При более внимательном рассмотрении несовершенство оказывается на удивление целеустремлённым.

Беспрепятственная экспроприация советского «среднего класса» была обеспечена не только т. н. «бандитами» (= неофициальные боевые отряды на службе у приватизаторов), но и умелой культурно-воспитательной работой. Вспомним: в последние советские десятилетия цензурные ограничения, как правило, касались сюжетов, небезопасных с точки зрения политики. В остальном государство только стимулировало любознательность граждан. Результат известен. Молодой человек, воспитанный аполитичным журналом «Квант», уже не мог принимать всерьёз политические передовицы газеты «Комсомольская правда». Он вышел из-под контроля. Новая власть не повторила старой ошибки, и с первых же месяцев развернула общую — тотальную! — игру на понижение интеллектуального и нравственного уровня. Ведь «на дурака не нужен нож...» а человек, поверивший, что скотство — «разновидность нормы», вряд ли способен к организованной борьбе за права и свободы. Напомню ещё один исторический факт: люмпены с древнеримских времён почитались надёжной опорой паразитической знати. Поэтому криминализация подрастающего поколения средствами кинематографа и ТВ — не только (и не столько) дань уважения тем, кто пришёл в элиту через тюремный коридор (таких, кстати, немало). Это политика. Очень серьёзная, с дальним прицелом.

Тем временем на Западе...

Тамошние правящие круги, избавившись от смертельно опасного геополитического конкурента, были уже намного меньше заинтересованы в симпатиях Третьего мира, тем паче его пополнения — счастливец, которые свободно копошились на развалинах мира Второго. Политика стала эгоистичнее. Дальше от благостных схем из учебника «Экономикс», ближе к Средним векам. Даже социальные завоевания в странах «золотого миллиарда» сегодня уже не кажутся неприкосновенными. Идеологическим обо-

9. Эфроимсон В.П. Родословная альтруизма. // Новый мир, 1961, №10.

снованием (и прикрытием) регрессанса стал т. н. «постмодернизм», философия мусорной кучи. Мы, дескать, не отнимаем у ваших детей право на образование, мы, наоборот, расширяем их свободу, предоставляем право выбора: учиться или пальцем в заднице ковырять¹⁰. Для российских перспектив важно то, что наша финансово-бюрократическая олигархия включилась в международную на правах младшего, несамостоятельного партнёра, как русские князья XIII в. В политическую систему Орды.

Впрочем, ещё не вечер. Стратегия глобальной помойки входит в слишком уж явное противоречие с природой homo sapiens, и её апологетам не удаётся подавить сопротивление нормальных людей. И на Западе, и в России, как среди простолюдинов, так и в высоких кабинетах по-прежнему хватает упрямцев, которые не желают мириться с тем, что добро и зло, невежество и просвещение, огурцы и сорняки — всё равноправно и равноценно. Но нынешнее противостояние довольно сложно устроено. Намного сложнее привычной дихотомии: свобода — тирания. Здесь левое может оказаться справа, а нечто, с виду очень революционное, в действительности представляет собой лакейское обслуживание.

«Предельное обличение оборачивается здесь своей противоположностью: пассивным согласием с существующим порядком вещей. Таким образом, искусство молодого уральского драматурга из рабочей (как он сам о себе говорит) семьи, хочет он этого или нет, льет воду на мельницу того самого порядка, при котором учителя вынуждены вымогать себе абонементы в бассейн у родителей учеников, а мальчики из бедных семей обречены на наркоманию и зону.

А ведь это очень важно: убедить низы, что выхода у них всё равно нет» (Мария Кондратова¹¹).

Ставка на коричневое

Сейчас (весна 2006) почти каждый день поступают сообщения о терроре неонацистов. Начиналось с избиений и грабежей, теперь это всё чаще спланированные убийства людей «неправильной» национальности — тех, кого коричневая нелюдь именует «чёрными». Нелюдь не щадит даже малолетних детей. Кем нужно быть, чтобы нанести 11 ударов ножом девятилетней девочке? Предположим, маньяком, вроде Чикатило. Следующий вопрос: кем нужно быть, чтобы квалифицировать садистское убийство ребёнка как «хулиганство»¹²? Тоже ненормальным? Многовато душевнобольных.

На самом деле происходящее — конечно, патологический (психопатологический), но от того не менее закономерный результат упорной и целенаправленной обработки общественного сознания, которая проводится уже много лет. Странно, что отравка подействовала так поздно. Несколько лет тому назад автора этих строк занесло в компанию очень благополучных и образцово либеральных деятелей культуры, включая пару знаменитостей, постоянно мелькающих на телеэкране. Имен не называю, пото-

му что разговора на плёнку не записывал, так что доказать ничего не смогу. Речь шла о кинорежиссёре по фамилии Балабанов. Его «стрелялками» как раз в это время обрабатывали подростковую аудиторию, бесконечно транслировали по ЦТ, устраивали в их честь специальные шоу с участием известных рок-музыкантов. К своему крайнему удивлению, я обнаружил, что интеллигентные либералы реагируют на происходящее едва ли не с умилением.

— Как же так? — удивился я. — Разве вы не видите, какая идеология заложена в «Брата-2»? Разве не понимаете, к чему приведёт в нашей стране массированная пропаганда подобных взглядов?

Мне снисходительно объяснили, что идеологии Балабанова никто из присутствующих не разделяет. Просто его фильмы — «талантливые» и «свежие». Уточняющие вопросы: является ли достоинством «свежесть» сами понимаете чего и какие особые «таланты» требуются для воспроизведения штампов среднего голливудского боевика — остались вообще без ответа.

Между тем, от наших интеллектуалов никто и не требовал, чтобы они соглашались с Балабановым в идеологии. Соглашаться должны другие. Бритоголовая молодежь, для которой «Мы правы, потому что это Мы...»¹³. Задача интеллектуалов — обеспечить признание за подобным агитпропом статуса высокого («талантливый» и «свежий») искусства. И тем самым обеспечить ему неограниченный легальный доступ к той самой молодежи, которая ещё не определила, «делать жизнь с кого».

С этой задачей «творческая интеллигенция» справилась. Проявила почти такую же управляемость и организованность, как скинхэды во время погрома на рынке.

Но ведь и не с «Брата-2» всё началось. С начала 90-х «раскручивают» Резуна по кличке «Суворов», чьё главное открытие — что в 1941 г. агрессором являлась не гитлеровская Германия, а совсем наоборот. В рекламной кампании отметились: интеллигентный журнал, где я когда-то работал¹⁴ и ведущий гуманитарный вуз столицы¹⁵. Владимир Богомолов вспоминал: «Ещё в начале 1993 года мне стало известно, что издание в России книг перебежчика В. Б. Резуна («Суворова») также иницируется и частично спонсируется (выделение бумаги по низким ценам) «сверху»¹⁶.

Достойную пару «историку» Резуну составил «философ» Д. Галковский. «Гражданская война была развязана различными группировками евреев, боровшихся за власть». Или: «Какой год был самым счастливым за последние сто лет русской истории? Страшно вымолвить, но 1937... Свиньи упали в пропасть...»¹⁷. Общественная реакция. Статья в одной столичной газете называлась «Виват Галковскому!». В другой того же персонажа назвали «гениальным»¹⁸. Вопрос к читателю: как вы думаете, какая из этих газет — «Завтра», а какая — «Московские новости», на тот момент образцово либеральные? Не заглянув в примечания, определить невозможно. Галковский стал любимым автором... нет,

10. Смирнов И. Либерастия. Гл. 1 — 3; 12. Его же. Добро пожаловать, путешественники в Третье тысячелетие! // Континент, 2003, №116

11. Кондратова М. Детская литература // Театр, 2003, №4.

12. Резунков В. Убийство таджикской девочки квалифицировали как хулиганство. // <http://www.svobodanews.ru/article.asp?exactdate=20060330154437123>

13. Круглый стол «Герой нашего времени» // Фома, православный журнал для сомневающийся. 2001, №11, с. 53.

14. Общение: Виктор Суворов. Вопросы и просьбы к моим российским читателям

15. Советская историография. М.: РГГУ, 1996. Рецензию см.: Авесхан Македонский. Новости историографической мелиорации или Сам себя не польешь — завянешь. // Первое сентября, 25.09.1997.

16. Богомолов В. Срам имут и мертвые, и живые, и Россия... // Свободная мысль — XXI, 1995, №7, стр. 79-103

17. <http://www.nefedor.com/vc/samisdat/3/311-082.htm>

18. Бондаренко В. Виват Галковскому! // Завтра. 27.01.1998; Золотоносов М. «Правда» и «ложь» как сорт пива // Московские новости, 2002, №37.

не РНЕ, а журнала «Новый мир» (видимо, в продолжение традиций А. Т. Твардовского). «Независимая газета» отметила его черносотенный трактат премией «Антибукер»... как художественную прозу.

Такие истории можно рассказывать десятками. Они свидетельствуют о прогрессирующей деградации. Значительная часть т. н. «творческой интеллигенции» в 90-е гг. теряла не только совесть — элементарные представления о профессии. Филолог может придерживаться каких угодно взглядов, но не может не понимать, что политическая публицистика и роман — немножко разные жанры.

Казалось бы, празднование 60-летия Победы позволяло надеяться: сползание страны в коричневую помойку будет остановлено. Действительно, с официальных трибун прозвучали правильные слова, проводились массовые мероприятия, делалось ещё много полезного. Но в это же самое время Москву продолжал украшать памятник группенфюреру фон Паннвицу и его подчинённым — гитлеровским карателям¹⁹. Подчёркиваю: проблема не в том, что группа граждан решила увековечить нечто экстравагантное. Проявив ещё немного фантазии, могли бы воздвигнуть монумент аскаридам. Проблема в том, что после скандала, после коллективных писем протеста и выступлений СМИ, не только российских, но и прибалтийских: мол, на себя-то посмотрите! — после всего этого власти так и не приняли решения о сносе кощунственного сооружения. 9 мая 2006: памятник СС стоит, как ни в чём не бывало. Это уже не психиатрия (и не филология с кинокритикой). Это политическая позиция.

Кстати, протестовали против неё в основном рядовые граждане. Что до интеллектуального бомонда, то его эзэсовский уголок у метро «Сокол» не слишком заинтересовал. Видимо, все запасы общественной активности были уже израсходованы на борьбу с памятником Ф. Э. Дзержинскому, а также на кампанию за права бездомных собак.

В юбилейный год крупнейшие издательства только что не самосвалами вываливали на прилавки книжных магазинов «историческую» литературу, авторы которой с большей или меньшей откровенностью оправдывали гитлеровцев и оскорбляли память тех, кто в 1941 – 45 гг. честно выполнил свой долг перед страной и человечеством. Откровенность порою зашкаливала. Из книг, напечатанных в России к 60-летию Победы над фашизмом, наши юные соотечественники узнали, что «в советской армии и шага не удавалось ступить без еврея и политкомиссара», что поступление на службу в полицию «мотивировалось исключительно патриотическими чувствами», наконец — что «в Освенциме, куда немцы предвительно свозили евреев для отправки их в Палестину, они обрабатывали одежду заключённых инсектицидом «Циклон Б», убивая тифозную вошь (потом сионисты извратят дело так, что «Циклоном Б» убивали евреев)»²⁰.

К 60-летию Победы на бюджетные деньги был снят фильм «Полумгла», в котором

наши солдаты представлены «жестокими ублюдками»²¹, и другой, столь же «исторически достоверный» — называется «Сволочи», и название говорит само за себя.

«На визуализацию своего индивидуального взгляда на образ Великой Отечественной войны... постановщик Александр Атанесян получил от щедрот государства (в лице Федерального агентства по культуре и кинематографии), согласно просочившимся в печать сведениям, 700 тысяч долларов» (Александр Вислов²²).

Науч.doc

Театр долгое время оставался от этого в стороне. Во время перестройки один театровед пытался выступить с заявлением в духе тогдашнего общества «Память» (по нынешним временам, просто невинными), но коллеги подвергли его бойкоту²³. С точки зрения черносотенцев, это было проявление «руссофобии»²⁴. По-моему, скорее экологии и общественной гигиены. Впрочем, стойкости театрального сообщества я уже посвятил большую статью²⁵. И, наверное, «сглазил» — кажется, так это называют гг. «экстрасенсы». Примерно с 2002 г. служители Мельпомены начали стахановскими темпами осваивать завоевания 90-х гг.: мат-перемат, шоу спущенных штанов, половые извращения и пр., включая, естественно, национальную озабоченность и старательную «демифологизацию» всего того, к чему нормальный человек привык относиться с уважением. Ведущие режиссёры России и ближнего зарубежья вступили в соревнование за право на инсценировку В. Сорокина. Вехи, по которым исследователь может оценить скорость и глубину перерождения, установил <http://www.smotr.ru>. Если стриптиз по мотивам «Одного дня Ивана Денисовича» (осень 2002) профессиональное сообщество одобрило большинством голосов, то «Голую пионерку» (дар признательности ветеранам войны от театра «Современник» в год 60-летия Победы) уже практически единогласно. Единственный рецензент, которому юбилейная акция «Современника» не понравилась, всё равно оговаривает, что «спектакль стоит смотреть» и отмечает художественные достижения. Например, барабан как «символ общедоступного влагалища»²⁶.

«Голые пионеры»²⁷ потянулись шаловливыми ручонками к «Золотой маске». И в 2006 г. получили, что хотели. Приличная часть жюри может говорить в своё оправдание, что Серебренникова всё-таки не признали режиссёром лучше П. Н. Фоменко. Но специальные премии этому самому Серебренникову и «Детям Розенталя» выдали. Да и можно ли было не выдать? Ведь тогда жюри заподозрили бы в принципиальной оппозиции той политической линии, которую в нашей стране олицетворяют создатели «Голой пионерки» и «Месяца в Дахау».

А вот ещё картиночка, достойная пера — «Путин.doc», сборник т. н. «новой драмы»²⁸. Обычно этот жанр ассоциируется с чернухой-порнухой, исполненной на высочайшем художественном уровне 13-летнего подростка, которому захотелось шокировать знакомых

19. В Москве стоит памятник нацистам http://scepsis.ru/library/id_1400.html

20. См. обзоры литературы: Смирнов И. Интернационал // Россия – 21, 2004, №6; Смирнов И. Коричневые пятна истории; репортаж из книжного магазина для радиопрограммы «Поверх барьеров»

21. Болгарин И. Режиссер резал нашу правду // Новая газета, 8.09.2005,

22. Вислов А. «Сволочи» в «Полумгле» истории // Литературная газета, 2006, №11

23. <http://www.absolrael.net/temerkanov.html>

24. <http://www.rusinst.ru/articletext.asp?rzd=1&id=4643&abc=1>

25. Смирнов И. Коллективное сознательное. // Театр, 2003, №1–2.

26. http://www.smotr.ru/2004/2004_sovr_pionerka.htm

27. Авторское право на термин: Казмина Н. Голый пионер // Театр, 2005, №2.

28. Путин.doc. Девять революционных пьес. — М.: Kolonna publications. Митин журнал. 2005. «Составителями выступили критик, театровед, один из идеологов и артдиректор «Новой драмы» Павел Руднев (он же автор предисловия) и писатель, журналист, в прошлом — главный редактор журнала «Столица» Андрей Мальгин...» (Вознесенский А. Никогда и ни в одном театре. // Независимая газета, 29.09.2005 <http://exlibris.ng.ru/2005-09-29/>)

девочек. Но в 2005 г. в меню возникло нечто новенькое, а именно текст под названием «Мы, вы, они...», подписано: «Дмитрий Истранин»²⁹.

Сюжет. Современную российскую школу терроризируют «чёрные» ученики: девочек насилуют, а мальчиков режут ножами.

«Чёрные» — это лица неславянской национальности. Именно так их именуют в «пьесе», и не только персонажи, но и сам автор: «Черные разом издают рёв. Лечи и Барух вскакивают. Ярослав оказывается в окружении...» Антирусский террор идейно окормляет и поддерживает сверху директор школы по имени Валентин Ааронович Сорензон. В его уста вкладываются попеременно характерные антифашистские формулировки («у вас деды воевали... Россия победила фашизм...») и злобные выпады против русского народа. Таким образом «новый драматург» демонстрирует нам коварную сущность антифашизма. Оказывается, память о Победе 1945 г. — только прикрытия для подлого еврея, который пытается уничтожить «белую» Россию руками кавказцев.

А символом славянского сопротивления становится — что? Надпись на стене школы: «Чёрные, убирайтесь вон» и свастика³⁰.

Вот такая «новая драма». Её представили на соискание Всероссийской драматургической премии «Действующие лица». Видимо, при ознакомлении с разложившей по ролям скинхэдовской листовкой некоторые члены жюри не могли сдержать тошноты. Поэтому на борьбу с «очевидной попыткой ввести цензуру» сразу поднялись два крупнейших специалиста по сраматургии, П. Руднев и Г. Заславский. Общий пафос их выступлений — то, что в коричневом агитпропе присутствует некая «современность» и «жизнь», от которой безразличные коллеги хотели бы «отгородиться забором»³¹.

С ужасом представляю себе современную жизнь наших театральных журналистов: как злобные азиаты караулят их с ножами у бухгалтерии, чтобы отнять любимый гонорар.

Ещё хотелось бы уточнить: где, в какой такой «жизни» видели они еврея-директора, выступающего перед собственными учениками с речью: «Нет у русских в России больше! Забей это себе в глотку!» Логичнее предположить, что в «пьесе» этот персонаж попал всё-таки не из современной жизни, а из «Протоколов сионских мудрецов», с которыми П. Руднев, как специалист по В. Розанову, должен быть хорошо знаком.

Лирическое отступление на полях. Испытываешь некоторую неловкость, объясняя человеку с дипломом (и где-то даже с учёной степенью) азы его собственной профессии: например, что тема произведения и авторская позиция — не одно и то же. Сравните: «А зори здесь тихие» с «Голой пионеркой». Тема примерно та же (женщины на войне), но результаты не просто разные — взаимои-

сключающие. Как правило, претензии к сраматургии связаны не с предметом описания (не с патологией как таковой), а с качеством текстов и мировоззрением. А гг. специалисты притворяются дурачками. Спорят сами с собой, защищая от несуществующей «цензуры» святое право художника отображать острые социальные проблемы.

Специалист заслуживает уважения ровно до тех пор, пока сам уважает свою профессию. Казалось бы, что может быть благороднее и почтеннее медицины. Но если вы придёте в поликлинику и прямо в регистратуре уткнётесь в описание приёма по снятию порчи и сглаза, а в кабинете терапевта вас вместо «здрасьте» обложат матом и вместо рецепта всучат нацистскую листовку — простите, такая медицина не будет заслуживать ни малейшего уважения.

А театр?

Человеку с дипломом театроведа нравится «Мы, вы, они...». Нравится «Голая пионерка»³². Это не вкус, о котором «не спорят», и не профессиональная оценка, о которой как раз можно поговорить в академической манере: «коллега, на мой взгляд, недопонял...» «Коллеги» всё поняли правильно. Накануне присуждения «Масок»-2006 один из них (Р. Должанский) предупреждал, что «консервативные» актёры и режиссёры, движимые «иррациональным чувством» любви к П. Н. Фоменко, могут, не ровен час, проголосовать именно за Фоменко, а не за Серебренникова³³. Должанский прав. В его системе отсчёта любовь к «Мастерской Фоменко», действительно, иррациональна. А любовь к Серебренникову рациональна как партийное собрание.

Пусть расцветают сто сорняков

Казалось бы, люди, с энтузиазмом распространяющие по Руси Великой агитпроп про «чёрных», сами себя определили однозначным образом. Но их не назовёшь нацистами в том смысле, в каком нацистом являлся группенфюрер фон Паннвиц, искренне веривший в «высшие расы» и готовый отдать

29. В рецензиях: «сочинение Антона Северского и Анны Кармановой "Мы, вы, они..."»

30. Путин.doc. Стр. 130, 134, 142, 157, 159.

31. Заславский Г. Про то, что пишут, про то, что ставят. // Октябрь, 2005, №12 <http://magazines.russ.ru/october/2005/12/za14-pr.html>; Руднев П. О мате и вегетарианских опасениях. Деловая газета «Взгляд» <http://www.vz.ru/columns/2005/10/11/9461.html>

32. Крылова М., Заславский Г. «Маска» под «Геликоном» // Независимая газета, 19.04.2006.

33. Должанский Р. Кочевой Шекспир. // Коммерсант, 15.04.2006.

34. <http://kolonna.mitin.com/about.php>
35. <http://www.svoboda.org/ll/terror/0904/ll.090404-1.asp>
36. Пьер Луис. Дамский остров. // Митин журнал, № 57, СПб, 1999, с. 318.
37. <http://www.ad-marginem.ru/izdatelstvo/?page=autors>
38. «Экстази» — жаргонно-рекламное наименование для наркотических стимуляторов (производных амфетамина) в виде таблеток, см.: Пятницкая И. Н. Наркомании. — М.: Медицина, 1994, гл. 8. То, что от этой отравы якобы происходит какая-то особая «культура» — большое открытие в области культурологии.
39. Ультра. Культура 2004. Книга как оружие. Рекламный проспект.
40. <http://www.ultracultura.ru/chr-pic-time/>
41. Шумский А. В плену абсурда. http://zhurnal.lib.ru/s/shumskij_a_w/absurd.shtml
42. Сагарёва О. Это «Родина» моя. — М.: Крафт+, 2004, с. 23. См. также: «К счастью, бизнес ещё инвестирует в политику». // Ведомости, 26.07.2005; «Родина» поменяла лицо. // Московские новости, 2006, №11.
43. Новиков С. Лики дедовщины. // Московские новости, 2006, №13.
44. Дольник В. Р. Homo militaris // Знание — сипа. 1994. № 1. http://www.znanie-sila.ru/projects/issue_11.html
45. Конторер Д. Враг у ворот: юбилейные размышления. // Россия — 21, 2005, №4, с. 100.
46. Кургинян С. Е. Бдительность. // Россия — 21, 2006, №1, с. 42.

за эти бредни собственную жизнь. Вряд ли Заславского с Рудневым можно заподозрить в такой наивности. Они больше похожи на тех телевизионных боссов, которые сами слушают Баха с Окуджавой, а «населению» скармливают Бориса Моисеева.

Присмотримся внимательнее к тем, кто осчастливил нас книжкой «Путин.doc.» Издательство «Kolonna publications. Митин журнал».

«Митин журнал» основан в 1985 году, издательство Kolonna Publications — в 1997. В 2002 году состоялось их объединение. Главный редактор: Дмитрий Волчек³⁴.

Каких взглядов должен придерживаться этот главный редактор? Понятно, каких, скажите вы. См. В книжке: «Чтоб вы сдохли все, уроды чёрные...» Ан нет. Политические радиопередачи, которые готовит Волчек, рисуют несколько иной образ. Зеркально отражённый³⁵. Раздвоение личности? Нет, личность одна. И правильно её понять поможет как раз «Митин журнал» Дмитрия Волчека. Открываем и читаем: под видом художественной прозы («перевод с французского»), в этом милейшем издании опубликовано методическое пособие по занятию самыми дикими половыми извращениями с малолетними детьми, вплоть до ясельного возраста. «Хорошенькая девочка, 10 с половиной лет, позволяющая трахать себя в зад и испражняться себе в рот...»³⁶ и т. д., и т. п., десятки страниц подобного рода прозы и кое-как срифмованных матерных виршей, которые психически нормальному человеку трудно цитировать даже с научной целью.

Напомню читателю, что А. Проханова и В. Сорокина с «Баяном Ширяновым» тиражировало одно и то же издательство «Ад Маргинем»³⁷. Подобного рода совместительством

- занималась ещё одна контора, которую положено было защищать от «цензуры». Называлась «Ультраккультура». В меню значилось:
1. апологетическое жизнеописание генерала Дудаева;
 2. прозаический вариант уже знакомого нам сюжета под названием «Скины, Русь пробуждается»;
 3. «Изменённое состояние» (согласно аннотации, это «история экстази-культуры» в которой «человеческое восприятие реальности достигло наивысшей точки»³⁸);
 4. того же разлива «Подлинная история ЛСД»;
 5. Гейдар Джемаль как олицетворение «современного мусульманского мировоззрения»³⁹.

Ну, и на десерт, понятное дело, Александр Проханов — «наивысшая точка» оригинальности и радикальности⁴⁰. «Нет, пожалуй, ни одного более или менее популярного токшоу, где не красовалось бы большое, полное тело главного редактора газеты «Завтра». По этому показателю он, вероятно, скоро опередит, если уже не опередил Майка Тайсона российского парламентаризма, В. В. Жириновского» (дьякон Александр Шумский⁴¹).

Кто организовал блок «Родина», прославившийся на весь мир своими изысканиями в национальном вопросе? Чем занимается этот человек в свободное от политики время? От-

крываем мемуары бывшего пресс-секретаря Дмитрия Рогозина. «Простого ответа у меня не было — поскольку было велено как можно меньше болтать про связь Гельмана с проектом, ответ «Я от Марата» казался не очень удачным...» (Ольга Сагарева⁴²).

Это не случайные совпадения, а система. Она давно уже самовоспроизводится в самых разных отраслях.

Беру наугад одну из свежих газет. «Московские новости», статья об армейской дедовщине. Вначале журналист обращается за позитивным воспитательным примером к биографии... обергруппенфюрера Й. Дитриха. В конце статьи — пример негативный. Проституция и потребление наркотиков. И не сами по себе, а борьба с ними. По мнению автора, несознательные люди занимаются этой бессмысленной борьбой «вместо изучения печальных явлений и попытки смягчения вреда от них»⁴³. Вроде бы, к теме статьи пассаж про наркотики не имеет прямого отношения. И читатели привыкли, что люди, которым симпатичны группенфюреры, стремятся к установлению в обществе строжайшего порядка. Причём же здесь проституция и наркотики?

Как русский национализм сочетается с антирусским? Вопли про разлагающее влияние Запада — с выставками голых задниц и порубленных топорами православных икон? Фундаментализм — с сатанизмом?

Отлично сочетаются.

Дети Гельминтала

Коричневые карты (русские, антирусские, всё равно) — одна из многочисленных мастей в шулерской колоде игроков на понижение. Если из конкретного молодого человека мозги быстрее и эффективнее выбиваются попсой — что ж, пусть слушает попсу. Если наш юный друг, несмотря на все «образовательные реформы», ещё умеет читать, мы обеспечим его по дешёвке широким ассортиментом книжек про масонские заговоры. Если заинтересовался наркотиками — к его услугам «культура ЛСД». Первитаина, героина, нужно подчеркнуть. И не смейте оскорблять нашего питомца неполиткорректными комментариями: он не «обдолбанный идиот», который пускает слюни, пытаясь натянуть себе на голову вместо шапки женский сапог. Он просто представитель иной «культуры»...

Ксенофобия в ХХ, тем более в ХХI веке — проблема уже не идеологии, а гигиены. «Сбой поведенческой программы, рассчитанной на другой случай — на видовые и подвидовые различия... звериный инстинкт, к тому же не туда направленный» (В. Р. Дольник⁴⁴ и распространяющийся как своего рода инфекция. Инфекцию можно использовать в качестве бактериологического оружия. И её используют. Ведь как только восставшие рабы принялись выяснять, кто из них фракиец, кто самнит, и какое из племён благороднее, рабовладельцы могут спать спокойно. Этническое «псевдовидообразование» — братская могила для социальных движений.

Коричневая карта очень сильная, козырная.

Но её эффективному применению в нашей стране мешает историческая память об общей Победе в 1945 году. Победе, одержанной объединёнными народами как раз над теми, кто пытался их «разъединить и лишиться воли», утопив всё человеческое в «зверинном инстинкте».

Израильский исследователь Дов Конторер справедливо отмечает, что «осознание нацизма как абсолютного, внеконкурентного зла является ключевым элементом атакующей ныне исторической памяти о Второй Мировой войне»⁴⁵.

Здесь-то и пригождается теория «тоталитаризма». Если наша страна и гитлеровская Германия — просто два «тоталитарных режима», тогда

«советские войска победили не абсолютное зло, а некую альтернативную силу. И ещё неизвестно, может быть, вполне хорошую. А раз эта сила хорошая, то сами советские войска — плохие. А Знамя над Рейхстагом — не величайший подвиг мировой истории. В этом случае святое знамя будет низведено до тряпки, которую русский дикарь вывесил над великим зданием по указке мирового сионизма»

(Сергей Кургинян⁴⁶)

Вот почва, на которой вырастают «Сволочи», «Полумгла» и книжонки про «патриотов» из РОА.

Речи не идёт о том, чтобы оправдывать Сталина, оставим эти игры Резуну-«Суворову» с Д. Галковским. А мы ещё раз подчеркнём, что политархия — явление, в мировой истории широко распространённое. Соответственно, и идеологические обоснования для неё могут быть самые разные. Примеры из XX столетия. Япония 30-х гг. — языческая религия синто (к сожалению, переосмысленная в нацистском духе). Саудовская Аравия — ханбалитский ислам в редакции Ибн Абд ал-Ваххаба. Ирак при Саддаме — «арабское социалистическое возрождение». Взгляды диктаторов Ф. Дювалье (Гаити) или Пол Пота (Камбоджа) — такие экзотические, что для их определения придётся сочинять отдельные статьи. Полагаю, что человечеством не изобретено ещё такой религии или философской системы, которую при желании не удалось бы использовать в качестве идейной подпорки для бюрократической иерархии с вождём-отцом наверху и массовыми репрессиями в повестке дня. Если старушкам — «зоозащитницам» дать власть, лет через 20 мы можем получить храмы новой государственной религии, в которых собак будут откармливать из золотых мисок человеческим мясом. А политологи напишут, что в этом зверстве виноват Жак Ив Кусто: он же учил человечество не отделять себя от природы.

Вот почему, как заметил тот же Дов Конторер, «сопоставление коммунизма с нацизмом по признаку тоталитарности похоже на сравнение крокодила с ёлкой по признаку зелёности». Преступления Сталина происходят из глубокого извращения идей, которые являлись (или представлялись, здесь возможна дискуссия) разумными и справедливыми. В нацизме же с самого начала

портить и извращать было нечего. В нём не содержалось ничего такого, чем культурный человек середины XX столетия мог искренне обмануться.

Но в России 90-х годов коммунизм оказался не просто равноценен нацизму. Официальные идеологи пришли к выводу, что коммунизм хуже. Крайняя демонизация советской эпохи была необходима им для самооправдания. Чем чудовищнее «красная шваль» (терминология А. Архангельского⁴⁷, тем больше грехов прощается её героическим победителям.

Писатель-фронтовик Владимир Богомолов писал:

«Очернение с целью “изничтожения проклятого тоталитарного прошлого” Отечественной войны и десятков миллионов её живых и мертвых участников как явление отчетливо обозначилось ещё в 1992 году. Люди, пришедшие перед тем к власти, убежденные в необходимости вместе с семью десятилетиями истории Советского Союза опрокинуть в выгребную яму и величайшую в многовековой жизни России трагедию — Отечественную войну, стали открыто инициировать, спонсировать и финансировать фальсификацию событий и очернение не только сталинского режима, системы и её руководящих функционеров, но и рядовых участников войны — солдат, сержантов и офицеров»⁴⁸.

Написано десять лет назад.

Изменилось ли с тех пор что-нибудь в лучшую сторону?

Столичный «сынок» — прямо из песни Ю. Шевчука «Мальчики-мажоры» — приезжает в деревню, напаивает тамошних старух и снимает их голыми, чтобы потом «впарить» это кино заграничной фестивальной тусовке в качестве образа матушки-России.

Нужен ли диплом ВГИКа, специальные статьи, новейшие изыскания учёных для правильной оценки этого поступка? По-моему, он давно уже оценён по достоинству. Бытие, гл. 9 — история про Хама.

Любому нормальному человеку, будь он либерал или социалист, православный или агностик, должно быть понятно, что нельзя привлекать к себе внимание, упражняясь в остроумии на тему концлагеря Дахау. Нельзя оскорблять женщину (любую женщину) такими словами, которыми «писатель — постмодернист» оскорблял Анну Ахматову. Нельзя сотрудничать с теми, кто позволяет себе подобное, поддерживая их претензии на звание «писателей», «историков», «режиссеров» и пр. Если не понятно — мама в детстве не объясняла или объясняла, но предпочёл забыть, потому что очень хотелось получить грант — тогда никакие статьи уже не помогут. И не удержат от постановки очередного «свежего» и «талантливого» спектакля про Валентина Аароновича Сорензона, плетущего заговоры против русского народа. Или про «хорошенькую девочку, 10-ти с половиной лет, позволяющую...»

«Голая октябрёнка» — слабо?

А потом тому, кто это сделает, дадут «Золотую маску».

47. Архангельский А. Входит некто православный // Известия, 10.09.2004 <http://www.portalcredo.ru/site/?act=monitor&id=4739>

48. Богомолов В. Цит. соч.

АВТОРЫ

Джованни АРРИГИ — экономист и социолог, профессор социологии Университета Джона Хопкинса, США

Фрей БЕТТО — бразильский политико-религиозный активист, сторонник «теологии освобождения»

Майя БРЕЗНИК — культуролог и социолог, сотрудник гуманитарного факультета Люблянского университета и Института мира (Института современных социальных и политических исследований)

Анетта ГРОТ — социолог, активист АТТАК-Германия, член феминистской рабочей группы Европейских Левых
Теотониу ДУС САНТУС — бразильский экономист, один из разработчиков «теории зависимости», профессор Федерального университета Флуминенсе
Сергей ЕРМОЛАЕВ — научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН, кандидат филос. наук

Хулио КАРРАНСА ВАЛЬДЕС — экономист, специалист по экономике Кубы, сотрудник Гаванского университета

Владислав КЛОЧКОВ — доцент кафедры экономики Московского физико-технического института, кандидат тех. наук

Кива МАЙДАНИК — историк и политолог, выдающийся советский ученый-латиноамериканист

Андрей ПЯТАКОВ — сотрудник Института Латинской Америки РАН, специалист по общественным движениям в Латинской Америке, кандидат ист. наук

Юрий СЕМЁНОВ — историк и философ, профессор кафедры философии Московского физико-технического института

Илья СМИРНОВ — историк, обозреватель радио «Свобода».

Александр ТАРАСОВ — социолог и политолог, содиректор Центра новой социологии и изучения практической политики «Феникс»

Ольга ФЕДОТОВА — аспирантка Государственного университета гуманитарных наук

Юрген ШТОЛЬЦЕНБЕРГ — профессор философии Университета им.

Мартина Лютера Галле-Виттенберг, член президиума Кантовского общества Германии

КТО НУЖЕН
«СКЕПСИСУ»?
journal@scepsis.ru

- **Распространители** — если в вашем городе, ближайшей к вам библиотеке или магазине нет «Скепсиса» — помогите нам исправить это положение;
- **Люди со сканерами** — мы знаем много хороших книг, которых пока нет в сети — пусть будут на scepsis.ru;
- **html-верстальщики** — для подготовки материалов к публикации на сайте;
- **Переводчики** — есть много нужных текстов, почему-то до сих пор на русский не переведённых;
- **Сочувствующие** — мы выпускаем журнал на собственные деньги и будем признательны за любую помощь

ПЕРЕВОДЧИКИ

Ольга ВЫШЕГОРОДЦЕВА — доцент кафедры философии Московского педагогического государственного университета, кандидат филос. наук

Нина ДМИТРИЕВА — доцент кафедры философии Московского педагогического государственного университета, доктор филос. наук
Вера КОРНЕЕВА — студентка Московского педагогического государственного университета

Анастасия КРИВОШАНОВА — сотрудник Института глобализации и социальных движений, студентка Московского городского психолого-педагогического университета

Анастасия КУЗИНА — историк, специалист по истории Швеции

Анна ЛЕОНТЬЕВА — аспирантка Новосибирского государственного педагогического университета

Вадим ПЛОТНИКОВ — учитель истории, аспирант Московского педагогического государственного университета

Александр ХАРЛАМЕНКО — кандидат филос. наук, сотрудник Института Латинской Америки РАН

ISSN 1683-5573

Научно-просветительский журнал «Скепсис»

Тираж 1000 экземпляров

Журнал зарегистрирован в Министерстве Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовой коммуникации

Свидетельство о регистрации №77-12373 от 12 апреля 2002 г.

Издание осуществляется редакцией журнала

© Все материалы номера, кроме особо оговорённых случаев, подготовлены специально для журнала «Скепсис». Использование статей без ведома авторов и редакции невозможно. При цитировании и перепечатке ссылка на журнал обязательна.

научно-просветительский журнал

СКЕПСИС

свобода начинается с сомнения